Ф 1-75
18059
Д 8
339.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ *РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.*

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСѢ

И

ПАДЕНІЕ ХИВЫ.

СОЧИНЕНІЕ МАКЪ-ГАХАНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(Съ рисунками)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ Бульварѣ.
1875.

Д 8
339.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСѢ.

И

ПАДЕНІЕ ХИВЫ.

СОЧИНЕНІЕ МАКЪ-ГАХАНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО. *

Цѣль этого сочиненія весьма скромная, это скорѣе замѣтки путешественника о личныхъ приключеніяхъ, чѣмъ регулярная исторія военной кампаніи. По большей части я просто описываю что̀ самъ видѣлъ и слышалъ. Я однако надѣюсь что вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ удалось изобразить довольно вѣрную картину жизни и веденія войны въ Центральной Азіи. Я старался также придать какъ можно болѣе полноты самому разказу, описывая не одни только военныя дѣйствія противъ Хивы, а также и физическія черты этой страны, соціальный строй въ жизни и ея политическое положеніе.

Мнѣ могутъ поставить въ укоръ то что я слишкомъ долго останавливался — особенно въ первыхъ главахъ — на своихъ личныхъ приключеніяхъ. Хотя я и не могу не сознаться въ справедливости этого замѣчанія, я приведу два довода смягчающіе мою вину. Вопервыхъ, надо принять во вниманіе что путешествовалъ я по совершенно чуждой странѣ при весьма странныхъ обстоятельствахъ. А вовторыхъ, замѣтки о моихъ личныхъ приключеніяхъ могутъ дать читателю нѣкоторую идею о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ тѣхъ почти-что неизвѣстныхъ народовъ въ средѣ которыхъ я вращался.

Книга эта раздѣлена на три части. Въ первой заключается повѣсть о моей жизни въ пустынѣ Кизилъ-Кумы въ періодъ моихъ поисковъ арміи генерала фонъ-Кауфмана. Во второй части я описываю походъ къ Хивѣ и взятіе этого города, посвятивъ нѣкоторыя ея главы на общее описаніе ханства. Въ третьей части заключается разказъ о войнѣ съ Туркменами, послѣдовавшей за паденіемъ Хивы.

* *Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva.* By J. A. Mac Gahan. London, 1874.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ ВЪ КИЗИЛЪ-КУМѢ.

I. Отъ Волги до Сыръ-Дарьи.

Ясный солнечный день. Широко раскинулась во всѣ стороны гладкая равнина, вся испещренная группами лѣсныхъ зарослей. Мѣстами она перерѣзана каналами, когда-то служившими для орошенія, но теперь давно запущенными; къ югу до самаго горизонта простирается тинистое, заросшее тростниками болото, съ котораго повременамъ поднимаются такія многочисленныя стаи болотной дичи что̀ какъ тучи затмѣваютъ собою солнце; на западѣ медленно, точно громадная улитка, движется караванъ со своимъ длиннымъ рядомъ верблюдовъ, на востокѣ же виднѣются глиняныя городскія стѣны, за которыми, какъ копья направленныя въ небо, стоятъ высокія и стройныя мачты кораблей.

Равнина эта уже принадлежитъ къ области Центральной Азіи и лежитъ верстахъ въ семидесяти на востокъ отъ сѣверныхъ окраинъ Аральскаго моря, по близости рѣки Сыръ-Дарьи. Какъ ни пустынна эта мѣстность, но въ настоящее время, а именно 7го (19го) апрѣля 1873 года, она представляетъ видъ довольно оживленный. Посреди ея стоитъ длинная повозка извѣстная въ Россіи подъ названіемъ тарантаса, съ колесами погруженными въ быстрый потокъ воды; отъ шести до восьми лошадей впряженныхъ въ тарантасъ вязнутъ и брызгаются самымъ отчаяннымъ образомъ въ грязи, систематически отказываясь тянуть его впередъ; человѣкъ пять ямщиковъ-Киргизовъ, кто на лошадяхъ, кто по пояс̀ъ въ водѣ, толкаютъ колеса, кряхтятъ, воютъ и кричатъ не хуже самой нечистой силы, которую они безпрестанно поминаютъ; а колеса, своимъ чередомъ, тонутъ только все глубже да глубже при каждомъ движеніи взбѣшенныхъ лошадей. Въ самомъ тарантасѣ сидятъ двое злополучныхъ путешественниковъ укутанные одѣялами и овчинами, съ какою-то хладнокровною покорностію наблюдая за погруженіемъ колесъ, и

исчисляя, черезъ сколько, примѣрно, времени зальется вода въ самый тарантасъ и промочитъ имъ ноги, одѣяла, оружіе и провизію.

Эти двое унылыхъ путешественниковъ—г. Скайлеръ, „chargé d'affaires" при посольствѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, предпринявшій путешествіе по Центральной Азіи, и авторъ этой книги, на пути въ Хиву.

Было время когда не знали они ни унынія, ни покорности, ни грусти, когда ѣхали они полные надеждъ и радужныхъ мечтаній, съ легкимъ сердцемъ, сгорая лишь желаніемъ новизны и приключеній,—время когда они щедро расточали свои совѣты ямщикамъ-Киргизамъ, сердились, видя что имъ не слѣдуютъ, когда они выходили изъ себя, бѣсились и ругались, били какъ лошадей, такъ и возницъ, полагая такой избытокъ энергіи на это стремленіе къ скорѣйшему передвиженію что погружали въ полнѣйшее недоумѣніе мирныхъ туземцовъ, но результатовъ не достигали почти никакихъ.

Съ тѣхъ поръ, впрочемъ, много воды утекло. Въ ихъ онѣмѣлой памяти все это представлялось дѣлами давно минувшихъ лѣтъ. Теперь эти самые герои-бойцы покорно возсѣдали въ своемъ тарантасѣ, положившись во всемъ на волю Божію, наблюдая за бьющимися лошадьми, гиканьемъ ямщиковъ и погруженіемъ въ грязь колесъ, уже не думая предлагать ни помощи, ни совѣтовъ. Четырехнедѣльное путешествіе по почтовому тракту днемъ и ночью, по ровнымъ морознымъ степямъ Россіи и широкимъ снѣжнымъ равнинамъ Азіи, при двадцати и болѣе градусахъ мороза, война съ отчаяннымъ упрямствомъ русскихъ ямщиковъ и невыносимой тупостью джигитовъ и собственниковъ лошадей, безсиліе изнуренныхъ и оголодалыхъ клячъ, которыя едва были въ состояніи передвигать свои собственныя ноги, не говоря уже объ нашемъ тяжеломъ тарантасѣ и багажѣ, упорство строптивыхъ верблюдовъ, томившихъ насъ по цѣлымъ часамъ своими получеловѣческими криками—все это въ совокупности довело насъ наконецъ до состоянія идіотской покорности.

Путешествіе по этой мѣстности и въ то время года когда мы его предприняли представляетъ нескончаемую, безпрерывную борьбу съ препятствіями самаго непріятнаго, а подчасъ и неожиданнаго свойства. Разстояніе отъ Самары или Саратова

до Ташкента, главнаго города Туркестанской области, около двухъ съ половиною тысячъ верстъ. Хотя въ Европѣ и Америкѣ подобный переѣздъ кажется совершенными пустяками, въ Азіи это дѣло совсѣмъ не легкое, требующее цѣлыхъ недѣль, а при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, цѣлыхъ мѣсяцевъ на приведеніе его въ исполненіе. Русскіе устроили почтовое сообщеніе по всему пространству этой линіи и, въ тѣхъ случаяхъ когда лошади не оголодали еще послѣ лѣтнихъ пастбищъ и дороги хороши, или же въ началѣ зимы по первому пути, весь переѣздъ можетъ-быть совершенъ въ 3 недѣли, если ѣхать днемъ и ночью. Весною же, въ ту пору о которой идетъ рѣчь, когда лошади изморены зимнимъ голодомъ, дороги изрыты и затоплены, можно почитать себя счастливымъ если удастся совершить этотъ переѣздъ и въ три мѣсяца. Первой заботой каждаго путешественника въ этихъ мѣстахъ должно быть пріобрѣтеніе тарантаса, такъ какъ почтовыя телѣги и сани мѣняются съ каждой перемѣной лошадей, что̀ поставляетъ пассажировъ въ необходимость перегружать такъ же часто и весь свой багажъ, который не можетъ-быть незначительнаго вѣса и объема при такого рода переѣздѣ. Тарантасъ — исключительно русская повозка, кромѣ рѣдкой прочности имѣющая то удобство что снятая съ колесъ, можетъ-быть поставлена на полозья и съ такимъ же успѣхомъ исполнять должность зимняго экипажа, что̀ и пришлось намъ, напримѣръ, примѣнить на дѣлѣ при самомъ нашемъ выѣздѣ.

Мнѣ кажется что переѣздъ отъ Саратова до Казалинска, гдѣ насъ застаетъ начало этой главы, можетъ показаться не безынтереснымъ читателю, и потому я постараюсь, въ возможно краткихъ словахъ, дать бѣглый очеркъ этого мучительнаго для насъ времени.

Первый день путь нашъ лежалъ по лѣвому берегу Волги, черезъ поселенія нѣмецкихъ колонистовъ, основавшихся здѣсь въ царствованіе Екатерины II, въ 1769 году. Довольно пріятенъ еще былъ нашъ переѣздъ по этимъ маленькимъ старомоднымъ селеніямъ съ ихъ привѣтливыми, уютными домиками, полузанесенными снѣгомъ, ихъ приземистыми кирками съ высокими колокольнями, какъ бы для того поставленными чтобъ указывать мѣсто гдѣ стоитъ деревня, на тотъ случай если она окончательно будетъ занесена степными мятелями. Почтовыя станціи вездѣ чисты и опрятны,

ТАРАНТАСЪ. *Съ рисунка Верещагина.*

всегда можно добыть хорошій кофе, хлѣбъ и масло, народъ проворенъ и услужливъ, лошади въ хорошемъ состояніи, и мчимся мы полнымъ галопомъ по блестящей снѣжной степи. Рѣзкій зимній воздухъ весь сверкаетъ отъ летающихъ въ немъ морозныхъ частицъ, которыя, точно иглы, колютъ вамъ лицо; сильные порывы вѣтра заставляютъ его горѣть подъ морозомъ, но все это казалось намъ тогда только пикантною приправой къ нашей длинной санной прогулкѣ. Изъ деревни въ деревню, отъ станціи къ станціи, переносимся мы со скоростью почти желѣзнодорожнаго поѣзда. Подъѣхавъ къ станціи, поспѣшно выскакиваемъ мы изъ своей повозки, выворачиваемся изъ овчинъ и входимъ въ теплую комнату станціоннаго дома; тѣмъ временемъ какъ мы согрѣваемся и наскоро выпиваемъ по стакану чаю или кофе, лошади уже готовы, и вотъ мы опять въ дорогѣ, весело мчась по снѣгу подъ звуки колокольчика. Днемъ и ночью ѣдемъ мы такимъ образомъ, устроиваясь спать какъ можемъ въ экипажѣ и только изрѣдка останавливаясь перекусить на скорую руку, пока не доѣзжаемъ до Николаевска. Здѣсь приходится намъ распрощаться съ нѣмецкими колонистами, а вмѣстѣ съ ними и со всѣмъ нашимъ дорожнымъ комфортомъ и спокойствіемъ Изъ Николаевска мы прямо проѣзжаемъ на Уральскъ, минуя почтовую дорогу, и тутъ уже начинаемъ испытывать перемѣну.

Мы находимся на вольной почтовой дорогѣ, то-есть на почтовой линіи основанной не правительствомъ, а частною предпріимчивостью. Тутъ нѣтъ почтовыхъ лошадей и останавливаемся мы уже не на почтовой станціи, а у крестьянскихъ избъ, ища мужика, которому приходилось поставлять для насъ лошадей. Лошади эти по большей части костлявыя, лохматыя, полуизмореннныя голодомъ животныя, совсѣмъ не похожія на тѣхъ лоснящихся, сытыхъ лошадокъ что мчалъ насъ по странѣ нѣмецкихъ колонистовъ; онѣ едва въ состояніи плестись шагомъ, да и самые переѣзды гораздо длиннѣе, а въ избахъ уже не можемъ мы допроситься ни молока, ни масла.

Вотъ подъѣзжаемъ мы, бывало, къ одной изъ этихъ избъ, исполняющихъ должность станціонныхъ домовъ. Выскакиваемъ изъ тарантаса, расправляемъ онѣмѣлые, полузамершіе члены и вступаемъ въ сѣни, холодныя и темныя, исполняющія роль кладовой и чулана, а также прикрывающія входи

въ настоящую избу отъ пронзительнаго зимняго вѣтра; пробравшись тутъ ощупью, подходимъ къ тяжелой обитой войлокомъ двери, которая откидывается къ сѣнямъ, а за ней наталкиваемся на другую, подобную ей, дверь, но уже отворяющуюся въ сторону избы—и вотъ мы въ самой избѣ, натопленной до такой степени что въ первый моментъ представляется что какою-то сверхестественною силой насъ втолкнуло въ то самое мѣсто что̀ обыкновенно считается самымъ раскаленнымъ во всей вселенной. Внутренняя атмосфера налегаетъ на насъ какъ горячая подушка, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы почти задыхаемся, тогда какъ глаза наши, привыкшіе къ яркости зимняго солнца, ничего не могутъ различить въ этомъ полумракѣ. По протествіи нѣкотораго времени, впрочемъ, къ намъ возвращается понемногу способность дышать и видѣть. Мы находимся въ тѣсной избѣ, футовъ въ 12 шириною при 14ти длины; около четверти этого пространства занимаетъ собою раскаленная печь, изъ которой и выходитъ этотъ ошеломляющій жаръ; одно или два маленькихъ окошка съ двойными рамами и стеклами, покрытыми снаружи толстымъ слоемъ льда, лавки вокругъ всей стѣны, столъ, сколоченный изъ неотесанныхъ досокъ, двѣ-три скамьи изъ того же матеріала; въ одномъ изъ угловъ у потолка образъ Николая Чудотворца а иногда и образъ Богородицы; немного въ сторонѣ, на веревкѣ прибитой къ потолку, виситъ глиняный сосудъ, напоминающій формою чайникъ, и наполненный водою: стоитъ только его нагнуть, и вы можете тутъ же умыться надъ стоящей подъ нимъ деревянной лоханью; вотъ и все незатѣйливое убранство избы. Нѣтъ никакихъ полокъ, да онѣ бы и были здѣсь излишнею затѣей, когда изо всей посуды имѣется развѣ лара ножей, нѣсколько деревянныхъ чашекъ и съ полдюжины такихъ же ложекъ; нѣтъ постели, такъ какъ вся семья спитъ на этой самой чудовищной печи, прикрываясь старымъ тряпьемъ и тулупами; нѣтъ здѣсь шкаповъ, потому что платья свои они сберигаютъ въ болѣе подходящемъ мѣстѣ, а именно на собственныхъ спинахъ, почти никогда не снимая, даже во время сна. Въ избахъ этихъ въ рѣдкихъ случаяхъ найдете вы даже самоваръ, необходимую принадлежность каждаго станціоннаго дома: здѣшній мужикъ слишкомъ бѣденъ чтобы позволить себѣ эту роскошь,—два, много три самовара приходятся на всю деревню и правятъ всю службу.

Сговорившись относительно лошадей, мы садимся за столъ, и намъ вносятъ нашу чайную посуду и занятый у сосѣда калѣку-самоваръ. Скоро вода закипаетъ, чай заваренъ, и мы погружаемся въ процессъ чаепитія, стараясь запастись теплотой для предстоящей борьбы съ вѣтрами и морозомъ. Затѣмъ мы опять въ дорогѣ, опять начинается возня съ изможденными животными, которыя едва-едва тянутъ насъ по нескончаемой снѣжной равнинѣ.

Впрочемъ, всей вины нельзя и сваливать на лошадей; возницы также не мало намъ перепортили крови. Помнится, какъ-то ночью, чуть ли не одной изъ самыхъ морозныхъ которымъ намъ приходилось подвергаться, застигнуты мы были въ полѣ страшной мятелью, и едва-едва на разсвѣтѣ добрались до деревни. Каково же было наше удивленіе, когда мы тутъ увидали что нашъ чудовищный возница, косой сажени въ плечахъ, до носа укутанный полушубками и овчинами, спрыгиваетъ съ козелъ и мало-по-малу обращается въ груду овчинъ и быстроглазую дѣвочку двѣнадцати лѣтъ! Къ удовольствію своему, мы, впрочемъ, узнали что не одной ей были ввѣрены, а что отецъ ея ѣхалъ впереди съ нашимъ багажемъ.

Отъ русскихъ деревень переѣхали мы въ поселенія Башкиръ, гдѣ чуть не принуждены были зимовать, вслѣдствіе упрямства этихъ разбойниковъ, которые отказывались ставить лошадей иначе какъ за баснословныя цѣны, да и то не всегда ихъ можно было добиться. Послѣ неимовѣрныхъ усилій и такого количества дипломатическихъ уловокъ которое удивило бы самихъ Бисмарка и Тьера, намъ, впрочемъ, удается вырваться отъ нихъ; мы перерѣзываемъ южную отрасль Уральскихъ горъ и въѣзжаемъ въ землю Уральскихъ казаковъ.

Отъ Уральска, по берегу Урала, до самаго Оренбурга наше путешествіе много напоминаетъ собою переѣздъ по землѣ нѣмецкихъ колонистовъ. Лошади исправны, станціонные дома чисты и опрятны, и еслибы не изрытыя канавами и ложбинами дороги, этотъ переѣздъ былъ бы пріятенъ, несмотря на трескучій морозъ.

Въ Оренбургѣ останавливаемся мы всего на нѣсколько часовъ, переправляемся чрезъ Уралъ по льду, оставляемъ Европу за собою и скоро обрѣтаемся далеко въ широкихъ, необозримыхъ равнинахъ Азіи.

Здѣсь почтовыя лошади поставляются Киргизами, у которыхъ ихъ цѣлыя тысячи бѣгаютъ на волѣ по степи. Но ра-

нею весною, изнуренныя долгимъ зимнимъ голодомъ, онѣ едва передвигаютъ ноги. Иногда приходилось впрягать въ наши двѣ повозки отъ пятнадцати до двадцати лошадей, по три, по четыре въ рядъ; спотыкаясь плелись онѣ предъ нами какъ стадо овецъ, но никогда не были въ состояніи подняться въ рысь. Верблюды, которыхъ намъ иногда поставляли вмѣсто лошадей, оказались ничѣмъ не лучше этихъ послѣднихъ, съ тою развѣ разницей что который-нибудь изъ этихъ „кораблей пустыни“ поднималъ вой, точно протестуя противъ всей этой процедуры, и уже не замолкалъ ни на минуту въ продолженіе всего переѣзда, верстъ на 30—35.

Много часовъ приходилось намъ проводить на морозѣ въ вознѣ съ нашими клячами, а затѣмъ вмѣсто станціи подъѣзжали мы къ землянкамъ, крытымъ хворостомъ и землею, куда пробираться приходилось подземнымъ ходомъ. Не будь тутъ почтовыхъ столбовъ врытыхъ въ землю, легко можно бы проѣхать подобную станцію не подозрѣвая даже ея существованія, — такъ сравниваются крыши этихъ комфортабельныхъ жилищъ съ уровнемъ снѣжной равнины. Лошади вѣчно оказывались угнанными въ отдаленный аулъ, надо было посылать ихъ искать и приводить, на что употреблялось по нѣсколько часовъ, такъ что нерѣдко мы дѣлали по одному только переѣзду въ день. Въ одномъ даже мѣстѣ намъ наотрѣзъ отказались ставить лошадей, объявляя безъ обиняковъ что ихъ нѣтъ и не будетъ. На вопросъ нашъ у Киргиза, которому приходилось поставлять лошадей, не думаетъ ли ужь онъ что мы за тѣмъ и ѣхали чтобы простоять здѣсь на мѣстѣ всю зиму, онъ преспокойно отвѣчалъ что не знаетъ, да и дѣло это не его. Терлѣнью нашему, впрочемъ, насталъ конецъ, а Акъ-Маматовъ, нашъ слуга-Татаринъ, человѣкъ къ дѣлу привычный, немедленно пустилъ въ ходъ для убѣжденія невозмутимаго Киргиза крайніе доводы, приправляя ихъ вѣскими ударами старой, ржавой шлаги, которая при немъ случилась. Эта дипломатическая уловка оказалась дѣйствительнѣе всѣхъ переговоровъ, потому что немедленнымъ ея слѣдствіемъ было то что намъ вывели множество клячъ, почти съ ногъ валившихся отъ голода, и чрезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали, несмотря на всеобщее убѣжденіе что несчастныя животныя эти полягутъ на половинѣ переѣзда.

Съ подобными развлеченіями тянутся для насъ дни за днями; нѣкоторые проходятъ въ свирѣлыхъ снѣговыхъ вихряхъ, которые воютъ, кружась вокругъ насъ, точно всѣ степные демоны на насъ ополчились; другіе — въ ослѣпительномъ солнечномъ сіяніи и трескучихъ морозахъ, которые заставляютъ нарывать наши лица. Отъ времени до времени подъѣзжаемъ мы къ темнымъ землянкамъ, душнымъ и дымнымъ, подсаживаемся къ кипящему самовару и поглощаемъ цѣлые океаны горячаго чая; затѣмъ опять пускаемся въ дорогу, въ ту же утомительную борьбу со степью. Даже ночью когда случалось просыпаться, насъ неотступно преслѣдовало сознаніе что мы все въ тѣхъ же таинственныхъ странахъ Средней Азіи, окружены все тѣмъ же безмолвіемъ при мертвенномъ свѣтѣ той же луны, гдѣ на цѣлые десятки верстъ кругомъ не найдешь людскаго жилища, развѣ только попадется гдѣ землянка, болѣе похожая на кротовую нору, чѣмъ на жилище человѣка, — такъ сглаживается ея поверхность и подводится къ уровню всей окружающей степи, какъ бы подавляемая ея обширностью. Жутко бывало подумать о странномъ образѣ жизни выпавшемъ на долю бѣднаго станціоннаго смотрителя, прозябающаго въ этой подземной берлогѣ занесенной снѣгомъ и отрѣзанной отъ обитаемаго міра.

Есть что-то непонятно гнетущее и ужасное въ неизмѣнномъ однообразіи этихъ безконечныхъ снѣговыхъ равнинъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ вы не видите ничего кромѣ необозримыхъ снѣговъ и неба, гдѣ вы изображаете собой какъ бы двигающійся центръ этого бѣлаго покрова обрамленнаго со всѣхъ сторонъ прямою линіей горизонта; да и самый горизонтъ какъ будто передвигается вмѣстѣ съ вами, налегаетъ на васъ и подавляетъ васъ какъ чудовищный жерновъ. Здѣсь найдете вы весь просторъ и уединеніе Океана, но безъ движенія; холодную, ледяную тишину арктическихъ странъ, безъ сіянія арктическихъ ночей и безъ величія арктическихъ горъ. Вездѣ кругомъ безмолвіе и пустота необитаемаго міра.

Единственная жизнь проявляющаяся въ этихъ снѣговыхъ равнинахъ заключается въ свирѣломъ бушеваніи вѣтра, который вырывается изъ холодныхъ окраинъ сѣверной Сибири и на пространствѣ цѣлыхъ тысячъ верстъ не встрѣчаетъ ни малѣйшей преграды; онъ рѣжетъ вамъ лицо какъ лезвеемъ ножа, если вы не позаботитесь укрыться отъ его свирѣпости;

поднимаетъ снѣгъ клубами и носитъ ихъ по всей степи. Короткіе солнечные дни, когда сверканіе снѣговъ ослѣпляло насъ, длинныя холодныя ночи проведенныя въ полусонномъ, въ полузамерзломъ состояніи, ходячіе лошадиные скелеты, едва передвигающіе ноги подъ градомъ ударовъ, — и теперь не могу я вспомнить обо всемъ этомъ безъ содраганія.

День за днемъ, ночь за ночью, недѣля за недѣлей застаютъ насъ въ дорогѣ, въ медленномъ движеніи впередъ по однообразной снѣговой степи, гдѣ мы мѣняемъ лошадей на станціяхъ до того похожихъ одна на другую что намъ все кажется что мы возвращаемся къ одному и тому же мѣсту, что мы вовсе не подвигаемся впередъ, а вѣчно окружены все той же полосой горизонта, отступающей отъ насъ по мѣрѣ того какъ мы къ ней подвигаемся. Наконецъ, вся эта степь начинаетъ представляться нашему онѣмѣлому воображенію чѣмъ-то въ родѣ чудовищнаго колеса, въ которомъ мы, какъ бѣлки, сколько изъ силъ ни выбиваемся, все толчемся на томъ же мѣстѣ.

Но вотъ, по мѣрѣ приближенія къ Сыръ-Дарьѣ, погода дѣлается теплѣе, снѣгъ понемногу исчезаетъ, и намъ приходится переправляться черезъ большія наводненныя пространства и ежеминутно вязнуть въ грязи и промоинахъ. Мало-по-малу снѣговой покровъ равнины уступаетъ мѣсто зеленому, воздухъ дѣлается мягокъ, все кругомъ дышетъ весною и начинаетъ наполняться благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы повсюду встрѣчаемъ Киргизовъ съ ихъ кибитками и верблюдами: они трогаются уже съ зимнихъ своихъ стояноkъ и предпринимаютъ свой ежегодный лѣтній переходъ по направленію къ сѣверу, и вся равнина испещрена стадами ихъ скота. Такимъ образомъ, зима для насъ миновала, хотя въ широкой степи, которую мы оставили за собою, снѣгъ еще долженъ быть по колѣна. Затѣмъ въѣзжаемъ мы въ лески Кара-Кумы, по которымъ движемся съ трудомъ, и наконецъ, яснымъ солнечнымъ вечеромъ, взбираемся на маленькій песчаный холмъ, миновавъ у подошвы его послѣднюю станцію, и съ восторгомъ привѣтствуемъ синія воды Аральскаго моря, разстилающіяся посреди желтыхъ песковъ и сверкающія какъ бирюза, обдѣланная въ золото.

Въ мрачномъ спокойствіи и тишинѣ лежитъ оно посреди песчаной пустыни его окружающей. Съ нашей стороны его берега образуютъ пологіе холмы покрытые кустарникомъ,

но далеко впереди можно различить высокій, обрывистый западный берегъ, покрытый скалистыми горами съ сіяющими на вечернемъ солнцѣ вершинами. Это картина странной, дикой, пустынной красоты, хорошо гармонирующей съ мрачнымъ за опустѣніемъ, царящимъ вездѣ кругомъ.

Еще одинъ день, и мы въ виду города Казалинска или Форта № 1, на Сыръ-Дарьѣ, гдѣ начало этой главы и застаетъ насъ.

Здѣсь приходится намъ стоять въ смиренномъ ожиданіи въ виду самаго города, который былъ цѣлью всѣхъ нашихъ стремленій, предметомъ всѣхъ нашихъ надеждъ за такое долгое время. Мы хорошо знаемъ по опыту что малѣйшее замѣчаніе съ нашей стороны относительно посылки въ городъ за подставочными лошадьми должно вызвать результатъ прямо противоположный нашему желанію, и вотъ, проводимъ мы время въ наблюденіи за тщетными усиліями ямщиковъ вытянуть насъ изъ грязи, чувствуя что наше вмѣшательство дѣлу не поможетъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій вытянуть тарантасъ изъ грязи, всякаго рода уловокъ и хитростей со стороны ямщиковъ, переговоровъ, приправляемыхъ криками, бранью, а подчасъ и пинками, они рѣшаются послать въ городъ за лошадьми, которыя и появляются часа два спустя, вытаскиваютъ насъ изъ нашей засады и, не болѣе какъ черезъ полчаса, доставляютъ насъ въ самый городъ Казалинскъ, къ берегамъ древняго Яксарта.

II. Казалинскъ.

Казалинскъ или Фортъ № 1 есть пунктъ съ котораго началo распространяться русское владычество въ Центральной Азіи.

Фортъ этотъ былъ въ 1847 году основанъ Перовскимъ при самомъ устьѣ Сыръ-Дарьи, въ шестидесяти верстахъ ниже его настоящаго положенія, и названъ фортомъ Аральскимъ; но потомъ это мѣсто признано было до такой степени неудобнымъ вслѣдствіе окружающихъ болотъ что фортъ былъ перенесенъ вверхъ по рѣкѣ, къ его къ настоящему мѣсту. Это былъ первый стратегическій пунктъ занятый на востокъ отъ Орска; но вскорѣ послѣдовало и сооруженіе форта № 2.

Занятіемъ въ 1853 году Акъ-Мечети, извѣстной теперь подъ названіемъ форта Перовскаго, верстахъ въ 350 вверхъ по теченію Сыръ-Дарьи, Русскіе окончательно закрѣпили свое положеніе на этой рѣкѣ.

Казалинскій фортъ — небольшое земляное сооруженіе, на протяженіи около сорока квадратныхъ сажень, окруженное рвомъ и защищенное маленькими крѣпостными орудіями, имѣетъ около тысячи человѣкъ гарнизона, и представляетъ собою вѣрный обращикъ всѣхъ русскихъ крѣпостей въ этой странѣ свѣта. Одна батарея новѣйшей полевой артиллеріи покончила бы съ нею въ полчаса времени, но въ Центральной Азіи Русскіе посредствомъ такихъ-то крѣпостей содержатъ всѣ свои владѣнія въ покорности. За фортомъ къ рѣкѣ расположена корабельная верфь, а на сторонѣ суши возникъ процвѣтающій теперь городокъ Казалинскъ, насчитывающій около 5.000 жителей.

За исключеніемъ военныхъ, въ Казалинскѣ весьма мало Русскихъ, бо́льшая же часть населенія состоитъ изъ Сартовъ или Таджиковъ, Бухарцевъ, Киргизовъ и Кара-Калпаковъ, племенъ родственныхъ Татарамъ, въ которыхъ впрочемъ монгольскій типъ болѣе или менѣе смягчился смѣшеніемъ съ кровью арійской.

Одного взгляда на Казалу достаточно чтобы напомнить вамъ что, несмотря на широкія улицы, вы уже находитесь въ Средней Азіи. Низкіе дома, съ плоскими крышами, безъ оконъ и почти безъ дверей, базаръ съ его рядомъ лѣпящихся другъ къ другу маленькихъ стойлъ, изображающихъ лавки, гдѣ длиннобородые торговцы, въ яркихъ халатахъ, величественно возсѣдаютъ посреди своихъ товаровъ, пробавляясь чаепитіемъ; ряды навьюченныхъ верблюдовъ, выступающихъ среди толпы людей съ дикими лицами, груды страннаго вида товаровъ, — все напоминаетъ вамъ что вы уже вступили въ сказочныя страны Востока.

Удовольствіе, которое мы испытывали подъѣзжая къ казалинской гостиницѣ можетъ вполнѣ понять и оцѣнить только тотъ кому самому случалось проѣхать тысячи двѣ верстъ по почтовой дорогѣ. Устройство и меблировка этой гостиницы, однако, далеко не оказались роскошными. По моимъ понятіямъ, по крайней мѣрѣ, большая комната со столомъ, нѣсколькими стульями, деревяннымъ диваномъ и кроватью, на которой недостаетъ простынь, одѣяла, подушекъ

и матраца, еще не представляетъ всего чего могъ бы пожелать для своего комфорта человѣкъ требовательный. Но мы не принадлежали къ числу этихъ людей. У насъ были свои кожаныя подушки, матрацы, овчины, и послѣ русской бани, которую намъ приготовили въ сосѣдней избѣ, мы расположились для перваго настоящаго отдыха послѣ многихъ дней утомительнаго переѣзда почтовымъ трактомъ. Проснувшись, приступили мы къ великолѣпному обѣду, главное украшеніе котораго составляли сочныя дикія утки, зажаренныя въ самую пору нашимъ слугою-Татариномъ Акъ-Маматовымъ, а затѣмъ вышли полюбоваться видомъ на Сыръ, знаменитый Яксартъ древней исторіи. Выйдя за городъ и крѣпость, мы скоро стояли на его берегахъ.

Здѣсь онъ около двухсотъ саженъ шириною, воды его темныя и мутныя, съ коварнымъ ропотомъ мчатся между низкими, рѣзко обрисованными берегами; мѣстами эти берега до самой воды покрыты роскошною муравой, мѣстами же они поросли густыми чащами кустарниковъ, перемѣшанными съ высокимъ тростникомъ, вѣрное убѣжище для сыръ-дарьинскихъ тигровъ; а вдалекѣ, на югѣ по направленію къ Оксусу, тянутся желтые лески Кизилъ - Кума, сливающіеся съ туманнымъ небомъ на горизонтѣ.

На рѣкѣ вниманіе наше было привлечено Аральскою флотиліей. Здѣсь стояли три большихъ колесныхъ парохода—*Самаркандъ*, *Перовскій* и *Ташкентъ*; два винтовые — *Аралъ* и *Сыръ-Дарья*, паровой катеръ *Обручевъ* и многочисленныя баржи, изъ которыхъ три были оснащены какъ шкуны. Тутъ же, кромѣ того, застали мы двѣ новыя баржи, одну только-что спущенную, а другую еще на верфи. Два или три изъ этихъ желѣзныхъ параходовъ были построены въ Швеціи, остальные же всѣ въ Ливерпулѣ или въ Лондонѣ, привезены по частямъ и собраны уже здѣсь, на мѣстѣ. Перевозка производилась тою самою степью что я уже описывалъ, на верблюдахъ, не поднимающихъ каждый болѣе 600 фунтовъ: можно вообразить съ какими неимовѣрными трудами было сопряжено это предпріятіе. *Самаркандъ*, который кажется былъ построенъ въ 1870 году, очень красивъ, удобенъ и много лучше остальныхъ судовъ флотиліи. Въ сущности однако, ни одинъ изъ нихъ не годится для плаванія по мелководной Сыръ-Дарьѣ иначе какъ въ половодье и въ началѣ лѣта, когда стаиваетъ и стекаетъ въ нее снѣгъ съ горныхъ хребтовъ. У Казалинска

Сыръ-Дарья еще довольно глубока и широка; но около форта № 2й много мелей, которыя постоянно измѣняются. Не далѣе какъ прошлою весною, спускаясь по Джаманъ-Дарьѣ отъ форта Перовскаго, *Самаркандъ* бросилъ на ночь якорь въ глубокихъ водахъ, а на другое утро очутился на сушѣ и только послѣ семидневной работы пятисотъ человѣкъ, удалось прорыть каналъ и освободить его. Образцами русскихъ пароходовъ для Сыръ-Дарьи слѣдовало бы взять не темзенскіе, а американскіе рѣчные пароходы, которые сидятъ въ водѣ всего на шесть дюймовъ.

Хотя это было Свѣтлое Воскресенье, самый большой праздникъ русскаго календаря, берегъ рѣки представлялъ видъ самый оживленный. Баржи и пароходы со всевозможною поспѣшностію нагружались провизіей и аммуниціей, такъ какъ капитанъ Ситниковъ готовился отплыть къ устьямъ Аму-Дарьи черезъ три или четыре дня, намѣреваясь подняться по этой рѣкѣ и встрѣтить экспедицію генерала Кауфмана какъ можно ближе къ Хивѣ.

Намъ чрезвычайно было любопытно узнать что-нибудь о Хивинской экспедиціи, такъ какъ объ ней мы не слыхали ничего съ самаго отъѣзда изъ Оренбурга, а легко могло статься что Хива уже этимъ временемъ была занята. Я выѣхалъ изъ Петербурга въ надеждѣ застать еще въ Казалѣ отрядъ подъ начальствомъ Великаго Князя Николая Константиновича, который, я зналъ, долженъ былъ выступить съ этого пункта. Эту надежду, впрочемъ, я уже оставилъ, зная что отряду полагалось уже давно быть на пути въ Хиву. Весь вопросъ теперь для меня заключался въ томъ далеко ли онъ отошелъ, и есть ли еще какая-нибудь возможность его нагнать. Съ цѣлью собрать всѣ надлежащія по этому предмету свѣдѣнія, мы въ теченіе перваго же дня явились къ коменданту крѣпости, полковнику Козыреву, которымъ были приняты очень радушно. Это былъ человѣкъ уже пожилой, чрезвычайно добродушный и гостепріимный, и его приглашеніе къ обѣду принято было нами съ истиннымъ удовольствіемъ.

У него мы узнали что Хивинская экспедиція далеко подвинулась впередъ. Казалинскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Голова и съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ во главѣ авангарда, выступилъ съ мѣста 9го (21го) марта, прибылъ 25го марта (9го апрѣля) на Яны-Дарью,

гдѣ была имъ основана Благовѣщенская крѣпость, а по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ дней десять назадъ, отрядъ этотъ уже находился у колодцевъ, въ горахъ Буканъ-Тау, не болѣе какъ въ 120 верстахъ отъ Аму-Дарьи, гдѣ ему и положено было дожидаться прибытія главнокомандующаго, лично ведущаго отрядъ Туркестанскій. Въ Казалинскъ не приходило никакихъ извѣстій о генералѣ Кауфманѣ со времени выступленія его колонны изъ Ташкента, и ничего не было извѣстно вѣрнаго насчетъ его настоящаго мѣстопребыванія; предполагали, однако, что этимъ временемъ уже должно было совершиться соединеніе его отряда съ Казалинскимъ, и даже могло статься что соединенныя войска достигли самаго Оксуса.

Во всѣхъ этихъ вѣстяхъ не было ничего утѣшительнаго для меня. Я надѣялся нагнать армію здѣсь, а теперь оказывалось что меня отъ нея отдѣляетъ еще цѣлые Кизилъ-Кумы, и бо́льшая часть предстоящаго мнѣ пути лежитъ въ непріятельской территоріи.

Только-что прибывшій курьеръ съ делешами отъ Оренбургскаго отряда къ генералу Кауфману объявилъ что войска подъ начальствомъ генерала Веревкина уже переправились черезъ Эмбу и подвигались къ югу. 1го (13го) мая отрядъ долженъ былъ достигнуть южныхъ береговъ Аральскаго моря, гдѣ къ нему имѣлъ присоединиться отрядъ полковника Ломакина идущій отъ Киндерлинской бухты, у сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Объ этомъ послѣднемъ отрядѣ экспедиціи мы тутъ слышали еще въ первый разъ.

Самой же интересной въ то время новостью было то что въ Казалинскъ прибылъ три недѣли тому назадъ посолъ хана Хивинскаго Бей-Муртаза-Ходжа-Абасходжинъ, съ письмомъ отъ хана къ генералу Кауфману и съ русскими плѣнными. При послѣ состояла свита изъ 25 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ диванъ-бегъ и одинъ ишанъ. Говорили что ханъ предписалъ этому посольству соглашаться на всѣ условія какія бы Кауфманъ ни предложилъ, надѣясь отвратить грозящій погромъ, такъ какъ во время выступленія посольства изъ ханства, т.-е. за мѣсяцъ до прибытія его въ Казалинскъ, въ Хивѣ еще ничего не было извѣстно о движеніи русскихъ силъ. Недостатка въ водѣ дорогой это посольство не терпѣло, находя вездѣ еще снѣгъ въ изобиліи; идя же у самыхъ береговъ Аральскаго моря, оно не встрѣ-

тило ни одного изъ экслединіонныхъ отрядовъ. Отъ генерала фонъ-Кауфмана пришло приказаніе доставить къ нему посла, а также и тѣхъ изъ русскихъ плѣнныхъ которые способны были вынести переходъ. Освобожденныхъ Русскихъ было 21 человѣкъ, изъ которыхъ 11 казаковъ. Захвачены они были Киргизами въ 1869—1870 годахъ и проданы Хивинцамъ. Кромѣ этихъ не было у Хивинцевъ больше русскихъ рабовъ, за исключеніемъ еще одного, захваченнаго во время несчастной экслединіи Перовскаго, старика, который перешелъ въ мусульманство, женился въ Хивѣ, а теперь предпочелъ тамъ и остаться.

На слѣдующій день мы сдѣлали визитъ лейтенанту Ситникову, который также принялъ насъ очень любезно, радушно угощалъ насъ и доставилъ возможность ближе осмотрѣть флотилію.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я рѣшился попытаться одному пробраться чрезъ Кизилъ-Кумы по слѣдамъ Казалинскаго отряда. Съ быстрыми лошадьми и хорошимъ проводникомъ, думалъ я, можно добраться до Оксуса въ семь или восемь дней, прежде нежели генералъ Кауфманъ совершитъ чрезъ него переправу. Этотъ переѣздъ былъ очень рискованъ и здѣсь считался не только опаснымъ, но почти невозможнымъ, въ виду того что Киргизы кочующіе въ Кизилъ-Кумахъ и враждебные Русскимъ, издавна славились какъ разбойники и грабители первой руки, и ужь конечно такую маленькую партію какъ моя почтутъ по праву имъ принадлежащею добычей въ военное время. А между тѣмъ переѣздъ этою пустыней казался мнѣ единственнымъ возможнымъ исходомъ изъ моего положенія. Оставаться въ Казалинскѣ или ѣхать въ Ташкентъ было бы равносильно пребыванію въ Петербургѣ, а я уже столько потратилъ денегъ *New-York Herald* что чувствовалъ себя нравственно обязаннымъ что-нибудь да предпринять, и сознавалъ что одно мое достиженіе города Хивы можетъ еще имѣть какую-нибудь цѣну въ этомъ отношеніи.

Положеніе корреспондента иногда бываетъ очень затруднительно. Ему подчасъ приходится вступать въ какое-нибудь предпріятіе и на половину не оцѣняя и не предвидя всѣхъ препятствій къ достиженію цѣли; а потомъ онъ уже считаетъ себя обязаннымъ довести дѣло до конца, рискуя иногда самою жизнью, и въ то же время сознавая что будь на то

одна его воля—ему никогда въ голову не пришла бы и мысль о подобномъ предпріятіи. Такимъ-то путемъ выпадаетъ на долю корреспондента репутація безумной отваги, храбрости, настойчивости и даже мѣднаго лба, репутація которой онъ иногда, право, не заслуживаетъ.

Вскорѣ и я нашелъ что отъ рѣшенія еще далеко до исполненія. Я уже помышлялъ о лошадяхъ и проводникѣ, съ которыми бы предпринять переходъ, когда капитанъ Верещагинъ, заступавшій мѣсто начальника города, полковника Голова, явился къ намъ и объявилъ мнѣ что безъ разрѣшенія генералъ-губернатора онъ не можетъ взять на свою отвѣтственность дозволить мнѣ предпринять опасный переѣздъ Кизилъ-Кумами. Ничто не могло поколебать его въ этомъ рѣшеніи; всѣ наши аргументы не повели ни къ чему, а такъ какъ генералъ Кауфманъ былъ въ пустынѣ, никто даже не зналъ навѣрное гдѣ, и на письменное съ нимъ сообщеніе потребовались бы цѣлыя недѣли, то это рѣшеніе капитана Верещагина оказалось непреодолимымъ препятствіемъ моему плану. Минутнаго размышленія достаточно было для меня чтобъ убѣдиться что на половину возникшій въ моей головѣ планъ ночнаго бѣгства чрезъ Сыръ-Дарью былъ также неисполнимъ. Уже не говоря о трудности переправы, мнѣ еще предстояла покупка лошадей, отысканіе проводника и другія необходимыя приготовленія которыя я никогда не могъ бы довести до конца въ маленькомъ городкѣ, подъ бдительнымъ окомъ капитана Верещагина, безъ того чтобъ это до него не дошло. Волей-неволей приходилось оставить эту попытку на настоящее время и отложить ея исполненіе до прибытія нашего въ фортъ № 2 или фортъ Перовскій, такъ какъ капитанъ Верещагинъ не противился нашему проѣзду въ Ташкентъ, а я не терялъ надежды напасть наконецъ на начальника который не имѣлъ бы такого преувеличеннаго страха за мою личную безопасность. Несмотря на все это, впрочемъ, капитанъ Верещагинъ былъ очень вѣжливъ и съ послѣдностію вызвался переправить съ нарочнымъ письма которыя мы пожелаемъ написать Кауфману, что̀ мы и сдѣлали, испрашивая позволенія главнокомандующаго ѣхать въ Хиву и прибавляя что отвѣта ожидать будемъ въ Ташкентѣ.

Здѣсь я могу позволить себѣ забѣжать нѣсколько впередъ и сказать что генералъ фонъ-Кауфманъ, стоявшій тогда на Катты-Курганѣ, какъ только получилъ наши письма, немед-

ленно съ курьеромъ выслалъ намъ приглашеніе ѣхать въ Хиву, прилагая для насъ также карту и подробныя наставленія касательно пути. Еслибъ я, впрочемъ, вздумалъ ждать этого позволенія, то былъ бы въ Хивѣ не ранѣе какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ ея паденія.

III. Фортъ Перовскій.

Такъ какъ г. Скайлеру, ѣдущему въ Ташкентъ, не было никакого дѣла въ Казалинскѣ, а самъ я только о томъ и мечталъ какъ бы поскорѣе добраться до форта Перовскаго чтобы попытать тамъ счастья, то мы поторопились отъѣздомъ, и послѣ трехдневной остановки опять уложили свой багажъ въ телѣгу, заняли свои старыя мѣста въ тарантасѣ и скоро были опять на скучной почтовой дорогѣ.

Путь нашъ лежалъ теперь по берегу прихотливой Сыръ-Дарьи, что̀ и доставило намъ возможность ближе познакомиться съ ея причудами и вполнѣ ихъ изучить.

Сыръ-Дарья одна изъ самыхъ эксцентрическихъ и предательскихъ рѣкъ; она также измѣнчива какъ луна, не обладая впрочемъ регулярностію этой планеты. Случись хотя малѣйшая преграда въ ея теченіи — она тотчасъ же измѣняетъ свое русло, какъ будто не терпя никакого вмѣшательства въ свои дѣла. Вообще, это рѣка-бродяга, которой ничего не стоитъ перемѣнить свое теченіе, проложить новое русло и прогуляться на 10—15 верстъ въ сторону, не хуже любаго кочевника-Киргиза живущаго на ея берегахъ. Русскимъ никогда не удавалось сладить съ нею; мнѣ даже и не вѣрится чтобы когда-нибудь могли изъ нея сдѣлать настоящую судоходную рѣку. Конечно, еслибы страна по которой она протекаетъ была густо населена, то нашлись бы къ тому средства. Но до тѣхъ поръ пока это можетъ осуществиться, бо́льшая часть ея водъ пойдетъ на орошеніе знойныхъ лесковъ Кизилъ-Кума, и это еще будетъ самымъ полезнымъ для нихъ употребленіемъ.

Четыре дня мы ѣхали до форта Петровскаго, и эти дни прошли для меня въ невыносимомъ безпокойствѣ. Если генералъ Кауфманъ дѣйствительно зашелъ уже такъ далеко, то придется употребить величайшую поспѣшность чтобы нагнать его до вступленія войскъ въ Хиву, а я тутъ тащился

черепашьимъ шагомъ по почтовой дорогѣ и даже не зналъ навѣрно допустятъ ли меня ѣхать дальше Перовскаго. Наконецъ ночью въѣхали мы въ фортъ Перовскій, и подъѣхавъ къ единственной въ городѣ гостиницѣ застали ее цѣликомъ занятую семействомъ одного русскаго офицера. Намъ, впрочемъ, отвели комнату въ пять футовъ ширины при восьми длины, безо всякой мебели, пыльную и грязную, въ которой намъ волей-неволей пришлось расположить свои матрацы и провести ночь.

Рано слѣдующимъ утромъ я послалъ Акъ-Маматова на поиски за проводникомъ и лошадьми, такъ какъ уже рѣшился проѣхать Кизилъ-Кумами до Аму-Дарьи во всякомъ случаѣ, станетъ ли меня задерживать начальникъ города или нѣтъ; самъ провелъ я весь день въ нибиваніи ружейныхъ патроновъ и въ довершеніи остальныхъ необходимыхъ приготовленій. Вечеромъ возвратился Акъ-Маматовъ, говоря что проводника онъ не нашелъ, а лошадей нельзя и достать въ Перовскомъ.

Заявленіе это сильно меня сразило. Въ первую минуту я бы, кажется, готовъ былъ пуститься въ дорогу безъ проводника, но безъ лошадей это конечно было немыслимо. На вопросъ мой можно ли достать верблюдовъ, Акъ-Маматовъ отвѣчалъ что этихъ послѣднихъ легко будетъ купить. Такъ какъ смерклось, то нечего уже было дѣлать этимъ днемъ, но рано слѣдующимъ утромъ онъ вышелъ на поиски за верблюдами и проводникомъ, обѣщая скоро вернуться.

Мы этотъ день провели съ г. Скайлеромъ въ осмотрѣ города. Видомъ онъ очень походилъ на Казалинскъ: тѣ же глиняные домики, тѣ же маленькія, лѣпящіяся другъ къ другу лавки и базаръ, тѣ же яркіе костюмы при темныхъ, загорѣлыхъ лицахъ, тѣ же грубые товары, такая же миніатюрная крѣпость съ выглядывающими изъ-за стѣнъ орудіями и та же протекающая широкая рѣка.

На этомъ пунктѣ встрѣтили Русскіе первое серіозное сопротивленіе въ Центральной Азіи. Мѣсто это было подъ начальствомъ состоявшаго тогда на службѣ у Бухарскаго эмира Якубъ-бека, съ которымъ рѣдко кто могъ сравняться отвагой, искусствомъ въ войнѣ и храбростью. Послѣ нѣсколько-дневной осады, впрочемъ, крѣпость была взята Русскими штурмомъ, при большой потерѣ людей съ обѣихъ сторонъ. Якубъ-бекъ бѣжалъ, и въ послѣдствіи сдѣлался эмиромъ Кашгара, самой цвѣтущей и богатой страны въ Центральной Азіи.

Въ тѣ времена лунктъ этотъ еще назывался Акъ-Мечетью, но въ послѣдствіи былъ переименованъ въ фортъ Перовскій.

Акъ-Маматовъ мой опять вернулся только къ ночи, и все съ тою же старою пѣсней: нѣтъ ни проводника, ни лошадей, ни верблюдовъ. Это начало мнѣ казаться весьма страннымъ. Что нельзя было найти верблюдовъ и лошадей на мѣстѣ гдѣ три четверти всей собственности жителей составляютъ именно эти животныя, было болѣе чѣмъ нелѣпо. Акъ-Маматовъ ловидимому лгалъ, имѣя на то свои личныя побужденія, и минутнаго размышленія съ моей стороны достаточно было чтобы заподозрить дѣйствительную тому причину. Когда, предъ самымъ въѣздомъ въ Казалинскъ, мы объявили ему о моемъ намѣреніи ѣхать въ Хиву и спрашивали поѣдетъ ли онъ со мною, онъ не только съ восторгомъ привѣтствовалъ мой планъ, но даже изъявлялъ нетерпѣніе поскорѣе привести его въ исполненіе. Съ той поры, впрочемъ, восторженность эта значительно охладѣла; онъ сталъ говорить уже о предстоящемъ переѣздѣ не иначе какъ съ унынiемъ, должно-быть услыхавъ въ Казалинскѣ что-нибудь относительно трудности этого предпріятія. Теперь же онъ, ловидимому, принялъ остроумную тактику не находить мнѣ ни лошадей, ни верблюдовъ, съ цѣлью внушить мнѣ какъ невыполнимы были самыя приготовленія къ такому предпріятію. Быть-можетъ онъ также думалъ что умножая такимъ образомъ препятствія къ моему отъѣзду, ему удастся вынудить отъ меня за свои хлопоты хорошенькій кушъ денегъ если придется все-таки въ концѣ концовъ сдѣлать по-моему.

Дойдя до этихъ выводовъ, и вспомнивъ что онъ задержалъ уже меня цѣлыхъ два дня, я почувствовалъ сильнѣйшее желаніе немедленно переправить его въ объятія ожидающей его небесной гуріи. Прибѣгнувъ, впрочемъ, къ нѣкоторымъ весьма вѣскимъ и всегда дѣйствительнымъ убѣжденіямъ, я заставилъ его наконецъ понять что дальнѣйшіе обманы касательно лошадей поведутъ только къ весьма печальному результату для него самого; и на другой день онъ вновь пустился на поиски уже съ клятвенными завѣреніями что сдѣлаетъ все что отъ него зависитъ.

Акъ-Маматовъ этотъ былъ Татаринъ изъ Оренбурга, рекомендованный намъ Бектуринымъ, однимъ изъ цивилизованныхъ Татаръ, состоящихъ въ государственной службѣ. Акъ-

Маматовъ былъ лѣтъ пятидесяти пяти, говорилъ по-русски и на всѣхъ средне-азіятскихъ нарѣчіяхъ, и вдобавокъ оказался самымъ лѣнивымъ и упрямымъ старымъ негодяемъ и воромъ, какого только можно себѣ представить. Хотя и магометанинъ, онъ напивался пьянъ при первой возможности и вѣчно находилъ предлогъ противиться моимъ желаніямъ и не исполнять моихъ приказаній, какъ и въ настоящемъ случаѣ.

Возвратился онъ тѣмъ же утромъ съ какимъ-то бродягой-Жидомъ, предлагая его въ проводники; самъ Жидъ увѣрялъ что не разъ бывалъ въ горахъ Буканъ-Тау, гдѣ я думалъ застать генерала Кауфмана, и зналъ туда дорогу какъ свои пять пальцевъ.

Подрядившись въ проводники и переговоривъ съ нами о количествѣ необходимыхъ для переѣзда лошадей, Жидъ этотъ внезапно куда-то исчезъ и никогда послѣ не попадался намъ на глаза, что̀ вышло нѣсколько неожиданнымъ и весьма плачевнымъ результатомъ всѣхъ нашихъ долгихъ и, какъ казалось, удачныхъ переговоровъ.

Такимъ образомъ, потерянъ былъ еще день, что̀ и дано было почувствовать Акъ-Маматову въ такой степени что онъ поднялся съ зарей на слѣдующее утро и отправился на поиски, уже окончательно убѣжденный въ прямой выгодѣ послушанія. На этотъ разъ онъ привелъ съ собой Каракалпака Мустрова, который только-что вернулся изъ Иркибая, куда ѣздилъ въ качествѣ джигита-проводника при маленькомъ отрядѣ, высланномъ изъ Перовскаго на соединеніе съ Казалинскою колонной. Этотъ, повидимому, пришелъ за̀ дѣломъ, да и говорилъ какъ человѣкъ знакомый съ мѣстностью; я уговорился взять его проводникомъ по цѣнѣ которую онъ самъ запросилъ, оказавшейся потомъ цѣною баснословною, за что̀ опять-таки можно было мнѣ поблагодарить Акъ-Маматова. Оставалось только добыть отъ полковника Родіонова, городскаго начальника, разрѣшеніе нашему проводнику сопровождать насъ, безъ чего онъ никакъ не соглашался ѣхать, хотя самъ я гораздо бы охотнѣе уклонился отъ этой формальности. Скрѣпя сердце отправился я къ полковнику Родіонову. Оказалось, однако, что онъ не только не противился моему выѣзду, какъ Верещагинъ, но немедленно выдалъ проводнику паспортъ, самому мнѣ далъ разрѣшеніе на выѣздъ, и вообще оказалъ мнѣ всякую помощь и услугу которая была въ его власти.

Какъ только разошелся по городу слухъ что мнѣ требуются лошади, ихъ привели мнѣ болѣе сотни. Скоро самая улица у нашихъ дверей была ими запружена, — живѣйшій укоръ Акъ-Маматову въ его ланьѣ; но онъ посмотрѣлъ на это чрезвычайно спокойно, вовсе, повидимому, не обезкураженный этою явною уликой въ мошенничествѣ. Я купилъ шесть лошадей, заплативъ отъ 45 до 75 руб. за каждую; четыре верховыхъ для себя, Акъ-Маматова, проводника Мустрова и для молодаго Киргиза котораго я нанялъ по внушенію Мустрова для ухода за лошадьми и багажемъ, и двѣ лошади для перевозки багажа, фуража и воды которую намъ предстояло перевозить съ собою во многихъ мѣстахъ.

Верблюды, конечно, были бы много полезнѣе въ переноскѣ тяжестей: съ ними я бы могъ взять палатку, ковры, походныя стулъ, столъ, запасъ платья и провизіи, при которыхъ переѣздъ пустыней не имѣлъ бы относительно ничего особенно непріятнаго. Я зналъ самъ что безъ верблюдовъ я не могу себѣ доставить даже того комфорта которымъ пользуются номады, но на лошадяхъ разчитывалъ я проѣзжать вдвое болѣе того пространства что̀ проходятъ верблюды, а сбереженіе времени было для меня вопросомъ громадной важности. Знай я тогда какъ долго суждено мнѣ скитаться по пустынѣ, я бы никогда не рѣшился пуститься въ путь съ однѣми лошадьми.

IV. Среди разбойниковъ.

Въ три часа пополудни 30го (18го) апрѣля распрощался я съ г. Скайлеромъ и взошелъ на паромъ, который долженъ былъ перевезти меня черезъ Сыръ-Дарью. Три изъ моихъ маленькихъ киргизскихъ лошадокъ уже были на немъ, вмѣстѣ съ проводникомъ Мустровымъ, тогда какъ Акъ-Маматовъ готовился вступить на другой паромъ съ остальными лошадьми и багажемъ. Пятеро Киргизовъ схватили длинный канатъ и повлекли насъ вверхъ по теченію, чтобъ отчалить съ такого мѣста откуда бы мы не были пронесены быстрымъ теченіемъ ниже мѣста выгрузки; привычные къ дѣлу, они беззаботно вошли по поясъ въ воду, перешли къ песчаной мели неподалеку отъ берега, и наконецъ, отошедъ на полверсты отъ того мѣста гдѣ мы взошли на паромъ, вскочили на него

сами и оттолкнулись отъ леска. Скоро мы были уже далеко отъ берега, быстро скользя внизъ по теченію, тогда какъ двое Киргизовъ гребли не переставая. Сыръ-Дарья здѣсь была около полуторы версты шириною; берегъ съ крѣпостью и выглядывающими изъ-за ея стѣнъ пушками, маленькій городокъ и обыватели, собравшіеся на берегу смотрѣть на мое отплытіе, все это быстро отступало, подергиваясь туманомъ. Вскорѣ я принужденъ уже былъ взять зрительную трубу чтобы различить въ толпѣ г. Скайлера: онъ отдавалъ послѣднія приказанія Акъ-Маматову предъ окончательнымъ отправленіемъ его съ лошадьми и багажемъ.

На другой сторонѣ мы причалили къ маленькой киргизской деревенькѣ, состоящей изъ пяти или шести кибитокъ. Обыватели всѣ высыпали на берегъ и очень добродушно помогли намъ выгрузить наши пожитки. Скоро и Акъ-Маматовъ приплылъ на другомъ паромѣ съ вьючными лошадьми, на одну изъ которыхъ нагрузили ячмень для лошадей, а на другую около двухъ съ половиною пудовъ багажа: тутъ были сухари, чай, чайникъ, *турсуки* или кожанные мѣшки для перевозки воды, кожаныя ведра съ привязанными къ нимъ длинными веревками для вытаскиванія воды изъ колодцевъ, и наконецъ мой собственный скудный гардеробъ, тогда какъ по сотнѣ патроновъ для каждаго изъ моихъ четырехъ ружей и револьверовъ было поровну нагружено вмѣстѣ со многими другими бездѣлицами на остальныхъ четырехъ верховыхъ лошадей.

Присмотрѣвъ за увязкой багажа и всѣми необходимыми приготовленіями, я перекинулъ черезъ плечо свою винчестерскую винтовку, влѣзъ на маленькую киргизскую лошадь, помахалъ на прощанье платкомъ г. Скайлеру, котораго еще могъ разсмотрѣть вдали, на другомъ берегу, также слѣдящаго въ зрительную трубу за нашими дѣйствіями, повернулъ лошадь къ югу и въѣхалъ въ пустыню.

Вся моя маленькая партія людей состояла изъ Акъ-Маматова, въ качествѣ слуги и переводчика, Мустрова, нанятаго въ проводники, и наконецъ мальчика Киргиза, изъ Перовскаго, для ухода за шестью лошадьми и для присмотра за багажемъ.

Принадлежа къ числу людей миролюбивыхъ, я былъ только слегка вооруженъ. Тяжелая англійская двуствольная винтовка, двуствольное охотничье ружье, винчестерская винтовка о восемнадцати зарядахъ, три тяжелые револьвера, одно обык-

новенное ружье заряжающееся съ дула да еще нѣсколько охотничьихъ ножей и сабель — вотъ и вся моя аммуниція. Я вовсе не желалъ вступать съ кѣмъ-нибудь въ бой, а везъ съ собою все это оружіе лишь для того чтобъ имѣть возможность съ достоинствомъ вести переговоры о правѣ пути и правѣ собственности могущіе возникнуть съ кочевниками пустыни, понятія которыхъ объ этихъ предметахъ подчасъ бываютъ нѣсколько своеобразны.

Моимъ единственнымъ стремленіемъ теперь было какъ можно скорѣе выбраться изъ окрестностей Перовскаго: мнѣ все еще мерещилось что полковникъ Родіоновъ передумаетъ и пошлетъ за мной погоню. Только въ открытой степи могъ я почитать себя въ безопасности на этотъ счетъ; потому и отъѣздъ нашъ сильно походилъ на послѣшное бѣгство. Я предполагалъ слѣдовать берегомъ Яны-Дарьи—маленькой рѣчки вытекающей изъ Сыръ-Дарьи и извивающейся по пескамъ въ юго-западномъ направленіи—до ключей Иркибая, у которыхъ, какъ и было уже мною замѣчено, Великимъ Княземъ была заложена крѣпость. Оттуда я уже намѣревался идти по слѣдамъ отряда пока не настигну его.

Впередъ выѣхалъ проводникъ Мустровъ, а за нимъ я самъ и Акъ-Маматовъ съ молодымъ Киргизомъ; оба послѣдніе вели по лошади. Путь нашъ лежалъ на юго-западъ, и мы почти немедленно потеряли Сыръ-Дарью изъ виду. Долина здѣсь была очень песчана, а мѣстами покрыта жесткою, высокою травой. Было также много тростника, перемѣшаннаго съ массами кустообразнаго терновника, который иногда достигалъ до двадцати футовъ въ вышину, образуя частый, непроницаемый лѣсъ — вѣрный притонъ для сыръ-дарьинскихъ тигровъ. Временами попадались мѣстечки поросшія хорошею зеленою травой и маленькія чащи захирѣвшихъ колючихъ деревцовъ, похожихъ на американское сливное дерево. Кустарники и деревья еще не одѣвались, но щебетанье птицъ и запахъ раннихъ цвѣтовъ свидѣтельствовали уже о наступленіи весны.

Иногда встрѣчались намъ конные Киргизы съ ихъ старыми фитильными ружьями перекинутыми черезъ плечо; проѣздомъ, они съ любопытствомъ осматривали меня и неизмѣнно привѣтствовали насъ своимъ „саламомъ“. Конечно, люди мои не упускали ни одного изъ этихъ случаевъ чтобъ остановиться поболтать и дать каждому проѣзжему полный

обо мнѣ отчетъ: откуда я пріѣхалъ, кто я самъ, куда направляюсь и за какимъ дѣломъ; словомъ, повторялось все то что̀ обо мнѣ зналъ Акъ-Маматовъ, съ должнымъ разумѣется прибавленіемъ того о чемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Такимъ порядкомъ продолжали мы свое шествіе почти до захода солнечнаго, когда въѣхали въ густую чащу терновника. Проложенная здѣсь тропинка вывела насъ на чудесную лужайку, покрытую густымъ ковромъ зеленой травы. Она была съ трехъ сторонъ окружена зеленою чащей, которую мы проѣхали, а на четвертой сторонѣ спускалась къ берегу широкой рѣки, оказавшейся, къ величайшему моему удивленію, той же Сыръ-Дарьей. Въ послѣдствіи я узналъ, впрочемъ, что эта рѣка дѣлаетъ въ своемъ теченіи широкій загибъ на югъ, и наша тропинка въ этомъ пунктѣ опять шла по его берегамъ. По срединѣ лужайки стоялъ киргизскій аулъ, состоящій изъ четырехъ или ляти кибитокъ или палатокъ. Надо замѣтить что ауломъ называютъ Киргизы деревню, но не осѣдлую, а кочующую съ мѣста на мѣсто, такъ какъ въ средѣ ихъ осѣдлости не существуетъ.

Мустровъ подъѣхалъ къ одной изъ кибитокъ, изъ которой выбѣжало нѣсколько женщинъ и дѣтей, и спросилъ что-то по-киргизски. Ему указали на большую кибитку, стоявшую поодаль, а Акъ-Маматовъ сталъ поговаривать объ остановкѣ здѣсь на ночлегъ. Такъ какъ теперь мы отъѣхали довольно далеко, да и время клонилось къ вечеру, то я согласился что Акъ-Маматовъ говоритъ дѣло, и мы подъѣхали къ большой кибиткѣ, хозяинъ которой уже вышелъ къ намъ на встрѣчу. Съ Мустровымъ они дружески поздоровались, поглаживая свои бороды, и обмѣнялись привѣтствіями, будучи, какъ оказалось потомъ, уже старыми друзьями. Поразспросивъ немного Мустрова, насколько я могъ замѣтить, обо мнѣ, Киргизъ сдѣлалъ мнѣ знакъ сойти съ лошади, что̀ я немедленно и привелъ въ исполненіе. Онъ потрясъ меня за руку, все поглаживая свою бороду, проговорилъ свой „саламъ“, ввелъ меня въ кибитку и съ самою степенною вѣжливостью пригласилъ меня садиться на кипѣ разныхъ яркихъ одѣялъ и ковровъ, которые были разостланы у одной стороны кибитки.

Тутъ я впервые очутился одинъ посреди кизилъ-кумскихъ Киргизовъ, внѣ охраны и покровительства Русскихъ.

Народъ этотъ имѣлъ репутацію разбойниковъ и грабителей, а при мнѣ было достаточно денегъ и вещей чтобы составить богатую добычу даже для самыхъ богатыхъ изъ нихъ. Въѣзжая въ пустыню, я зналъ что съ этимъ народомъ возможны только двѣ системы чтобы пройти ихъ страной: или съ боя пробивать себѣ путь, или же вполнѣ положиться на ихъ великодушіе и гостепріимство. Я выбралъ послѣднее.

Итакъ теперь, войдя въ палатку, я снялъ свою винтовку и вручилъ ее хозяину вмѣстѣ съ поясомъ и револьверомъ, а самъ разлегся на полу, вполнѣ оцѣняя послѣ треволненій послѣднихъ дней настоящій покой со всею прелестью и комфортомъ мягкихъ ковровъ, при яркомъ свѣтѣ костра, пылающаго по срединѣ кибитки, тогда какъ дымъ синими клубами выходилъ въ отверстіе вверху. Хозяинъ повѣсилъ мое оружіа въ кибиткѣ, и вышелъ посмотрѣть какъ управились мои люди съ лошадьми, оставя меня на попеченіи двухъ оборванныхъ, широкоскулыхъ женщинъ, которыя, расхаживая по хозяйству, бросали на меня по временамъ любопытные, хотя и скромные, взгляды.

Сцена меня окружающая была очень привлекательна. Черезъ открытую сторону кибитки виднѣлись уже разсѣдланныя и спутанныя лошади, которыя спокойно пощипывали зеленую траву, дѣти играли тутъ же на зелени, дымъ извивался надъ кибитками, придавая имъ чрезвычайно уютный видъ, а издали доносилось мягкое журчаніе протекающей рѣки. Дѣти этихъ разбойниковъ не только не были застѣнчивы, какъ дѣти всѣхъ дикихъ вообще, но оказались очень общительными и, какъ видно, ни мало меня не боялись: одинъ едва прикрытый мальчуганъ даже прибѣжалъ спрятаться у меня, нисколько не труся, съ полнѣйшею дѣтскою довѣрчивостью.

Вошедшій Акъ-Маматовъ внушилъ мнѣ мысль отправиться на ближній прудъ, куда спустилась стая дикихъ утокъ. Послѣшно схвативъ ружье, я выбѣжалъ за нимъ на прудъ и дѣйствительно засталъ такое множество дичи что одну за другою положилъ ихъ пять штукъ.

Отправивъ Акъ-Маматова съ утками обратно, самъ я прошелъ немного дальше. Уже почти совсѣмъ смерклось, и темныя воды Сыръ-Дарьи катились съ ровнымъ, но какимъ-то зловѣщимъ рокотомъ, лишь изрѣдка нарушаемымъ внезапнымъ всплескомъ, когда обваливались ея берега. Противоположная сторона погружена была въ темноту, въ которой еще

неясно обрисовывались вершины деревьевъ на болѣе свѣтломъ небосклонѣ. Судя по времени употребленному нами на переѣздъ отъ Перовскаго, мы должны были уже отъѣхать верстъ на двадцать.

Я возвратился въ аулъ и увидалъ что мои утки произвели большое впечатлѣніе. У Киргизовъ такое плохое оружіе что рѣдко когда и одну удается имъ убить, пристрѣлить же пять въ одинъ разъ казалось имъ почти богатырскимъ подвигомъ. Войдя въ кибитку, я засталъ утокъ уже зажаренными и пригласилъ самого хозяина со всѣми присутствующими принять участіе въ моемъ пиру. Мы всѣ усѣлись по срединѣ кибитки и плотно поужинали дикими утками, оренбургскими сухарями и холоднымъ мясомъ, захваченнымъ мною изъ Перовскаго. Болѣе всего понравились хозяину сухари; это, быть-можетъ, даже было первымъ случаемъ когда ему приходилось отвѣдать бѣлаго хлѣба, такъ какъ даже черный хлѣбъ считается лакомствомъ между Киргизами, которые питаются однимъ молокомъ и бараниной. Здѣсь замѣтилъ я въ первый разъ что при послѣшномъ моемъ отъѣздѣ изъ Перовскаго я забылъ захватить съ собою ножъ, вилку, жестяную тарелку и ложку, которые я нарочно для дороги приготовилъ; а теперь принужденъ былъ ѣсть большимъ складнымъ ножомъ, какъ Киргизы, а чай мѣшать сучкомъ, наскоро срѣзаннымъ въ терновникѣ. Киргизы, также какъ и нанятые мною люди, приготовляли себѣ чай самымъ простымъ и первобытнымъ способомъ, кипятя его, какъ сулъ, въ большомъ чугунномъ котлѣ, расливали же они его потомъ изъ фаянсовыхъ чашекъ русскаго издѣлія, погрызывая все время куски сахара. Класть сахаръ въ чай кажется имъ безумнымъ мотовствомъ.

Надъ догорѣвшимъ этимъ временемъ костромъ задернули отверстіе кускомъ войлока. Все кругомъ приняло домовитый и уютный видъ, всѣ мало-по-малу погрузились въ крѣпкій сонъ; наконецъ и самъ я, увернувшись одѣялами, разлегся на коврѣ и послѣдовалъ общему примѣру, очень довольный результатомъ перваго дня въ Кизилъ-Кумахъ.

V. На пути.

Слѣдующимъ утромъ восходъ солнца засталъ насъ уже на лошадяхъ. Радушно распрощались мы съ хозяиномъ, и выѣхали тѣмъ же порядкомъ какъ и наканунѣ. Путь нашъ лежалъ все по тому же юго-западному направленію, въ мѣстности гдѣ не было ни дороги, ни тропинки: приходилось идти прямо впередъ то высокими тростниками, въ которыхъ мы совершенно терялись, то пологими песчаными холмами, поросшими терновникомъ; а затѣмъ опять голою степью, гдѣ изрѣдка лишь попадалась жесткая, колючая трава.

Вскорѣ мое вниманіе было привлечено безпрестанно повторявшимся крикомъ какихъ-то птицъ; ихъ, повидимому, было множество въ этомъ тростникѣ и кустарникѣ, такъ какъ мы ежеминутно слышали тѣ же крики справа, слѣва, впереди и позади себя. Это былъ рѣзкій, непріятный звукъ похожій на крикъ павлина, и всегда немедленно сопровождался шорохомъ, какъ бы отъ взмахиванія крыльевъ вспорхнувшей птицы. Услыхавъ, къ величайшему моему удивленію, что это и есть столь прославленный золотой туркестанскій фазанъ, я возгорѣлъ желаніемъ пристрѣлить хотя бы одного. Но это оказалось дѣломъ далеко не легкимъ въ высокихъ тростникахъ; да къ тому же птицы эти надѣлены совершенно особымъ талантомъ прятаться, несмотря на ихъ яркія перья: часто приходилось мнѣ слышать ихъ крики всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя, но все-таки, сколько я ни обыскивалъ кустарники, ни разу мнѣ не удалось ни высмотрѣть, ни вспугнуть ни одного изъ нихъ. Это было тѣмъ болѣе досадно что лишь только отходилъ я отъ какого куста, крикъ раздавался повидимому на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ я предъ тѣмъ стоялъ.

Тѣмъ временемъ выѣхали мы на тропинку, проходящую по долинѣ, что̀ много облегчило нашъ переѣздъ этими колючими кустарниками и терновникомъ. Часто проѣзжали мы мимо стадъ лошадей и скота, которыя спокойно паслись на поросшихъ травою лужайкахъ. Стерегъ ихъ всегда конный Киргизъ, который обыкновенно подъѣзжалъ къ намъ: результатомъ, конечно, являлась короткая остановка моихъ людей и взаимное перебрасываніе вопросами съ пастухомъ. Воору-

жены были эти кочевники кривою саблей, а иногда и фитильнымъ ружьемъ, и всегда почти сопровождали насъ на нѣкоторое разстояніе. Сыръ-Дарьинская долина густо населена этими номадами, и многія тысячи овецъ и лошадей ежегодно разводятся на этихъ берегахъ.

Около десяти часовъ подъѣхали мы къ аулу, состоящему изъ четырехъ кибитокъ, гдѣ и остановились для легкаго завтрака, такъ какъ съ утра еще ничего не ѣли. Аулъ стоялъ въ маленькой терновой чащѣ, огораживающей его со всѣхъ сторонъ, и мы легко бы его миновали, еслибы Мустровъ не былъ насторожѣ, зная что именно здѣсь онъ долженъ намъ попасться. Путь къ нему лежалъ извилистою тропинкой, прорубленною въ терновникѣ. Я радъ былъ укрыться подъ тѣнью кибитки отъ солнца, которое начинало уже сильно припекать. Аулъ этотъ оказался очень бѣднымъ. Войлокъ, покрывавшій кибитку былъ старый и весь изодранный, не видать было ни яркихъ ковровъ, ни мягкихъ одѣялъ, какъ тамъ гдѣ мы провели ночь. Остальныя кибитки, какъ я послѣ увидалъ, были не богаче той въ которую мы попали.

Пока шли приготовленія къ завтраку, я схватилъ ружье и вышелъ на поиски за фазаномъ, крикъ котораго я замѣтилъ при въѣздѣ въ аулъ. Долина здѣсь была покрыта коротким дикимъ терномъ и рѣдкимъ, низкимъ кустарникомъ; лишь мѣстами попадались маленькія чащи терновника какъ та что окружала аулъ, и я заключилъ что будетъ больше шансовъ для охоты въ этой мѣстности нежели между высокими тростниками. Я не ошибся. Вскорѣ показался изъ чащи красавецъ фазанъ съ золотыми крыльями, зеленою шеей и длиннымъ хвостомъ, почти не уступавшимъ въ яркости радужнымъ цвѣтамъ павлина. Онъ гордо выступалъ изъ одной чащи терновника и неспѣшно направлялся къ другой, по временамъ останавливаясь клюнуть червяка или букашку, и не обращая на меня, повидимому, ни малѣйшаго вниманія. Медленно приподнявъ свою винтовку, чтобы не слугнуть его, я прицѣлился настолько аккуратно насколько это допускало свѣтящее мнѣ прямо въ глаза солнце, и перешибъ ему крылья. Онъ бросился въ чащу, но я тутъ же его догналъ и торжественно внесъ въ аулъ, гдѣ онъ немедленно былъ ощипанъ и зажаренъ къ завтраку.

Замѣтивъ тутъ что я потерялъ луговицу отъ картуза, я спросилъ Акъ-Маматова, не сумѣетъ ли онъ мнѣ пришить

другую. Онъ сильно оскорбился даже самымъ предложеніемъ что онъ способенъ взяться за женское дѣло, вышелъ, не говоря ни слова, и вернулся съ хорошенькою молодою Киргизкой, заявляя, съ явною еще досадой, что она вотъ можетъ сдѣлать что̀ мнѣ нужно, если я найду луговицу и иголку съ ниткой. Необходимые матеріалы были доставлены; Киргизка усѣлась на полу и принялась за дѣло при хихиканьѣ трехъ или четырехъ своихъ товарокъ, собравшихся у двери посмотрѣть на иностранца. Киргизка эта была премиленькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, но очень бѣдно одѣтая; недостатокъ костюма, впрочемъ, скрашивался нѣсколькими тяжелыми, черными какъ смоль косами, лежащими на ея плечахъ, и блестящими черными глазами. Вся эта процедура казалась чрезвычайно смѣшною ея пріятельницамъ: онѣ продолжали пересмѣиваться и дѣлать мнѣ знаки чтобъ я ее поцѣловалъ; я, конечно, не замедлилъ привести это въ исполненіе, а Киргизка покорилась этому съ той же простою, спокойною граціей. Подаривъ ей кое-какія бездѣлки и надѣливъ иголками и нитками, я отпустилъ ее, и узналъ только послѣ что она приходилась сестрою моему молодому Киргизу, принадлежавшему къ этому аулу.

Послѣ часоваго отдыха и чая, заваренаго мутною, почти грязною водой, мы опять сѣли на коней. Было около часа пополудни, и солнце пекло ужаснымъ образомъ. Впрочемъ, мы были на очень хорошей тропинкѣ, и лошади бѣжали своимъ ровнымъ и быстрымъ ходомъ. Лошади мои были киргизскія, мелкой, но очень выносливой породы. Всѣ онѣ отъ природы или отъ выѣздки ходятъ иноходью, что̀, какъ всѣмъ извѣстно, чрезвычайно легко и покойно какъ для коня, такъ и для всадника; иноходью этой способны онѣ бѣжать съ утра до поздней ночи, проѣзжая въ день почти невѣроятное количество верстъ. Выносливость ихъ такъ велика что онѣ могутъ дѣлать по 70 верстъ день за день въ продолженіе мѣсяца, безо всякаго другаго корма кромѣ того что̀ имъ самимъ удастся подобрать въ пустынѣ, да еще какой-нибудь горсти ячменя отъ времени до времени.

Какъ было уже сказано, со мною было шесть лошадей. Только четыре изъ нихъ, впрочемъ, были чистокровныя киргизскія, другія двѣ были помѣсью съ казацкою и мингрельскою породами. Одна изъ этихъ послѣднихъ должна была прежде принадлежать Мустрову, судя по тому какъ неотступно уго-

варивалъ онъ меня дать за нее хорошую цѣну, увѣряя что это превосходная лошадь и, что было для меня важнѣе всего, отлично выдержитъ переходъ. Хотя эта лошадь и самого меня прельщала своею красотой, тяжелою черною гривой и хвостомъ, купилъ я ее совершенно вопреки собственному убѣжденію, которое сильно противилось тому чтобы брать такую худощавую лошадь для длиннаго переѣзда. Для трехъ-четырехъ-дневнаго переѣзда худощавая лошадь очень хороша, но для мѣсячнаго тяжелаго перехода необходимо болѣе жирное животное; скоро пришлось мнѣ раскаяться въ томъ что у меня не хватило твердости отстоять свое мнѣніе: лошадь эта досталась шакаламъ еще задолго до прибытія на Оксусъ.

Киргизы, въ противоположность Туркменамъ, вовсе не заботятся о своихъ лошадяхъ. Они никогда не чистятъ ихъ и не укрываютъ, исключая поры самыхъ сильнѣйшихъ морозовъ, и почти никогда не засыпаютъ имъ корма. Зимой еще даютъ они имъ немного сѣна, если оно есть, а если нѣтъ, то просто расчищаютъ снѣгъ и предоставляютъ животнымъ лодбирать то что попадется изъ прошлогодней травы. Лѣтомъ же ихъ оставляютъ совсѣмъ на произволъ судьбы, и онѣ, какъ верблюды, только тѣмъ и питаются что находятъ сами; въ Сыръ-Дарьинской долинѣ имъ еще довольно сытно сравнительно съ выжженными солнцемъ Кизилъ-Кумскими степями.

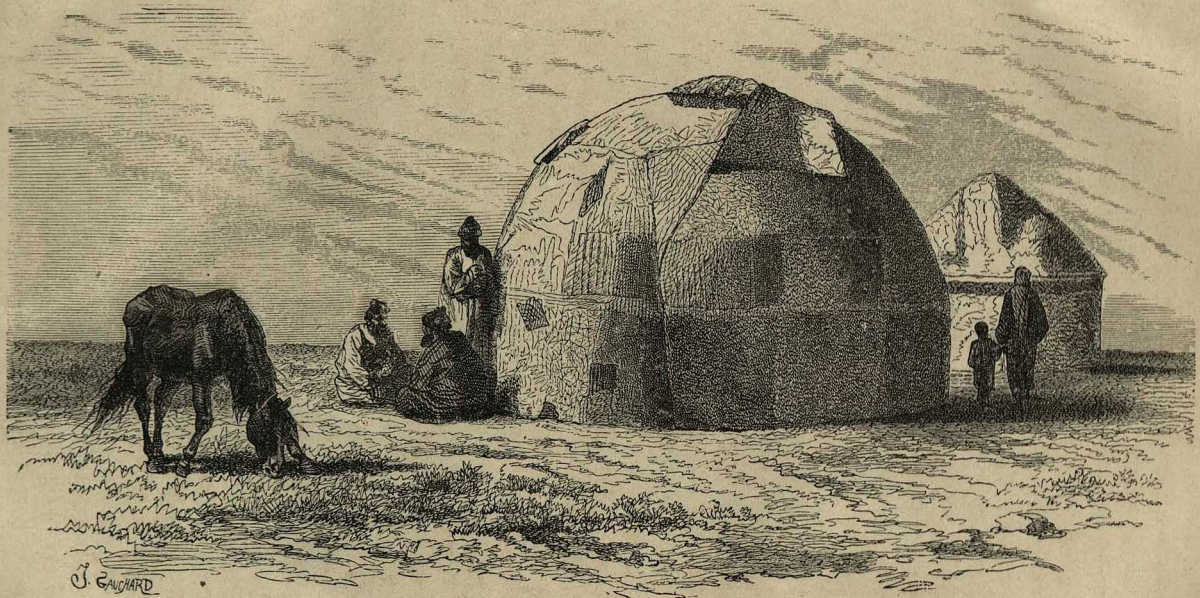
Результатомъ всего этого является то что порода этихъ лошадей стала самою выносливою въ цѣломъ свѣтѣ; жить онѣ могутъ вездѣ гдѣ можетъ существовать верблюдъ, и также далеко пройдутъ безъ питья, но не могутъ только выносить жажды такъ много дней какъ верблюдъ. Впрочемъ ростомъ и быстротой бѣга онѣ не могутъ и сравниваться съ туркменскими лошадьми.

Чрезъ полчаса по выѣздѣ изъ этого аула, мы подъѣхали къ Яны-Дарьѣ и переправились чрезъ нее, такъ какъ путь нашъ лежалъ по противоположному берегу. Рѣка была узка, извилиста и почти суха. Мы не стали слѣдовать за ея капризными изворотами, а все продолжали ѣхать наперерѣзъ къ юго-западу, переправляясь чрезъ нее много разъ предъ нашимъ прибытіемъ въ Иркибай. Мы находились теперь въ мѣстности перерѣзанной, въ видахъ орошенія, каналами, которые были теперь по большей части сухи, такъ какъ Сыръ-Дарья не выходила изъ береговъ въ этомъ году. Почва

казалась довольно хорошею, но была выжжена до такой степени что по всѣмъ направленіямъ была покрыта разсѣлинами, что̀ можетъ дать нѣкоторое понятіе о жарѣ здѣсь царящей, такъ какъ это было всего 19го апрѣля (1го мая). Растительности при этой засухѣ конечно не могло существовать никакой; ненасытная почва поглощала снѣгъ чуть ли не съ большею скоростью чѣмъ онъ таялъ; только мѣстами, ради разнообразія, попадались сухіе стволы прошлогоднихъ растеній.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы оставили за собой всѣ эти признаки искусственнаго орошенія и выѣхали на неровную песчаную мѣстность, гдѣ попадалось много маленькихъ озеръ, окруженныхъ песчаными холмами и почти скрытыхъ изъ виду высокимъ тростникомъ. Нѣкоторыя изъ озеръ были покрыты дикими утками, и я скоро настрѣлялъ ихъ достаточно для обѣда на всѣхъ насъ. Солнце сильно пекло послѣ полудня; я никогда бы не повѣрилъ, еслибы не испыталъ самъ, что разница нѣсколькихъ дней разстоянія могла быть такъ велика. Мы даже начали томиться жаждой, такъ какъ воды годной для питья не попадалось съ самаго утра.

Теперь мы уже вступили въ пустыню или, вѣрнѣе говоря, проходили песчаною мѣстностью, испещренною маленькими, незадолго до того воздѣланными полосами земли, которыя представляли разительную противоположность съ окружающими ихъ песками. Все преимущество было на сторонѣ послѣднихъ. Мѣста орошенныя лишь въ прошломъ году, всѣ потрескались отъ засухи, на нихъ не попадалось ни малѣйшаго намека на растительность, тогда какъ сама пустыня была почти зелена отъ распускающагося хворостника и рѣденькой травки, которая всегда пробивается немедленно по стаяніи снѣга и даже цвѣтетъ до тѣхъ поръ пока ее солнцемъ не выжжетъ. Болѣе всего тутъ было дикихъ тюльпановъ въ цвѣту, но также попадалось множество другихъ цвѣтовъ, которые я собиралъ на пути; тюльпаны же были особенно красивы: чашечки ихъ были величиною въ маленькую рюмку, лепестки блѣдно-желтаго цвѣта, а основанія ярко-пурпуровыя. Они имѣютъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, смертельнаго врага въ маленькомъ буромъ животномъ, величиною съ крысу, и извѣстномъ у Русскихъ подъ именемъ суслика; сусликъ этотъ подкапывается къ луковицамъ и окончательно ихъ выѣдаетъ, оставляя одну тонкую кожицу.

КИРГИЗСКАЯ КИБИТКА. *Съ рисунка Верещагина.*

Къ вечеру подъѣхали мы къ киргизскому кладбищу, состоящему изъ нѣсколькихъ глиняныхъ гробницъ и высокой пустой башни съ лѣстницею внутри. Подлѣ башни былъ колодецъ, вода котораго была до такой степени тепла и такъ отзывалась гнилою соломой что ее почти не было возможности пить. Впрочемъ дѣлать было нечего, мы утолили здѣсь жажду насколько могли, напоили лошадей и осмотрѣвъ кладбище отправились дальше.

Плоскость по которой мы до тѣхъ поръ ѣхали незамѣтно возвышалась, и теперь видъ предъ нами открывался на нѣсколько верстъ по всѣмъ направленіямъ, но никакого признака жизни не попадалось намъ на глаза: мы оставили населенные берега Сыръ-Дарьи за собою. Еще черезъ часъ мы подъѣхали къ другому колодцу, вода котораго была чрезвычайно холодна и вкусна, и прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшій путь, мы наполнили этою водой наши кожаныя бутыли, уже не довѣряя больше долинѣ послѣ опыта настоящаго дня.

Подъ вечеръ Мустровъ началъ высматривать аулъ, который, по его соображеніямъ, долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь по сосѣдству. Однако намъ до ночи ничего не попадалось, и мы уже стали выбирать мѣсто гдѣ бы расположиться на ночлегъ подъ открытымъ небомъ, когда вдругъ широкая полоса свѣта постепенно поднялась къ небу верстахъ въ трехъ вправо отъ нашей тропинки. Мустровъ и я пустили своихъ лошадей въ галопъ, и черезъ нѣсколько минутъ подскакали къ аулу, состоящему изъ дюжины кибитокъ, установленныхъ на густой зеленой муравѣ, представлявшей богатое пастбище для нашихъ лошадей. Мы подъѣхали къ полоскѣ земли составляющей нѣчто въ родѣ оазиса, гдѣ была трава и вода въ изобиліи, что я приписалъ опять-таки тому что мы снова приблизились къ Яны-Дарьѣ.

Это было первымъ моимъ безостановочнымъ дневнымъ переѣздомъ; я былъ на лошади въ продолженіе одиннадцати часовъ и такъ усталъ что какъ только подъѣхали мы съ Мустровымъ къ кибиткѣ Киргиза который насъ пригласилъ къ себѣ, я сошелъ съ коня и подложивъ подъ голову сѣдельную покрышку, растянулся на землѣ. Хозяинъ было пытался зазвать меня въ кибитку, но видя что я предпочитаю лежать на открытомъ воздухѣ, немедленно вынесъ коверъ, разстелилъ его на землѣ и пригласилъ меня расположиться на

немъ, тогда какъ самъ усѣлся съ явнымъ намѣреніемъ завязать со мною разговоръ, но такъ какъ мое знакомство съ татарскимъ языкомъ ограничивалось всего немногими словами, а Мустровъ по-русски не говорилъ, то хозяину пришлось отложить всѣ разговоры со мной до пріѣзда Акъ-Маматова, но онъ тѣмъ не менѣе важно и вѣжливо меня привѣтствовалъ, поглаживая свою бороду и низко кланяясь.

Онъ былъ высокій, хорошо сложенный человѣкъ, съ длинною бородой—обстоятельство очень странное въ Киргизѣ. Да потомъ, съ пріѣздомъ Акъ-Маматова, и оказалось что онъ совсѣмъ не Киргизъ, а братъ Мустрова, родомъ Каракалпакъ, что и объясняло длину его бороды. Хотя такіе же кочевники, въ силу своихъ обычаевъ, какъ и Киргизы, живя бокъ-о-бокъ и часто вступая въ браки съ этими послѣдними, Каракалпаки, повидимому, принадлежатъ къ совершенно другой расѣ. Они обыкновенно хорошо сложены, много выше Киргизовъ, и вмѣсто маленькихъ, узкихъ глазъ, широкихъ скулъ, приплюснутыхъ носовъ, толстыхъ губъ и круглыхъ, безбородыхъ киргизскихъ лицъ, имѣютъ обыкновенно большіе открытые глаза, продолговатыя лица, выдающіеся носы и густыя черныя бороды; даже кожа ихъ, когда не обожжена солнцемъ, можетъ почти сравняться съ бѣлизной Европейца. Кто они такіе, какъ сюда попали, откуда пришли—все это предстоитъ объяснить историкамъ и этнологамъ, да и они едва ли скоро рѣшатъ эти вопросы. Что Каракалпаки не принадлежатъ къ расѣ монгольской, это очевидно, но кто они дѣйствительно, еще трудно сказать.

Скоро ужинъ и чай были готовы, мои утки зажарены, всѣ мы подсѣли къ яркому костру разложенному въ кибиткѣ, и принялись за ѣду. Послѣ ужина я опять вышелъ подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ и полюбоваться на окружающую меня обстановку.

Молодой мѣсяцъ уже готовъ былъ зайти за горизонтъ; огни мелькали въ степи по всѣмъ направленіямъ, доказывая что нашъ аулъ не одинъ стоитъ въ этой мѣстности; по тихому вечернему воздуху доносилось до меня мычанье скота и блеяніе овецъ, перемѣшанное съ рѣзвымъ лаемъ собакъ и смѣющимися дѣтскими голосами, и все это сливалось въ какой-то мягкій, даже нѣсколько музыкальный гулъ. Мѣстами зажжена была сухая прошлогодняя трава и терновникъ для очищенія почвы подъ новую растительность, и широкія по-

лосы пламени, замѣченныя нами издалека, медленно ползли по долинѣ, тогда какъ густые клубы дыма, застилая яркіе костры, поднимались къ самому небу въ странныхъ, фантастическихъ формахъ, точно огненныя облака.

VI. Киргизскій старшина.

На слѣдующій день стало мнѣ попадаться растеніе издававшее сильный ароматичный запахъ подъ лошадиными копытами, и оказавшееся, по ближайшемъ разсмотрѣніи, особаго рода полынью. Долина была мѣстами сплошь ею покрыта, и лошади ее ѣли съ удовольствіемъ. Здѣсь же сталъ иногда попадаться намъ родъ низкаго, шероховатаго исковерканнаго хворостника, отъ одного до шести футовъ вышиной; кустарникъ этотъ очень жестокъ и хрупокъ, такъ что гораздо легче ломается нижели рубится, и до того не прихотливъ что отлично разростается на самыхъ сухихъ и песчаныхъ мѣстахъ. У Киргизовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ саксаула; названіе это они, впрочемъ, примѣняютъ ко всякому лѣсу идущему на топливо.

Этимъ же утромъ видѣли мы пять или шесть „сайгаковъ", этихъ антилопъ Кизилъ-Кума, составляющихъ собственно нѣчто среднее между этими животными и козлами. Я собирался уже дать по нимъ выстрѣлъ, но люди мои, не имѣвшіе никакой охотничьей выдержки, до того гикали и кричали что слугнули сайгаковъ: они бросились въ сторону съ быстротою вихря. Я скакалъ въ догоню за ними до мѣста окаймленнаго высокимъ хворостникомъ, переходившимъ даже въ маленькія деревца футовъ десяти-пятнадцати вышиной; но все напрасно. Никто не въ состояніи нагнать этихъ животныхъ кромѣ быстроногихъ туркестанскихъ борзыхъ собакъ.

Возвращаясь къ тропинкѣ по которой мы до тѣхъ поръ слѣдовали, я замѣтилъ что саксаулы здѣсь, хотя и довольно высокіе, благодаря большой сырости почвы, не измѣнили нисколько своихъ рѣзкихъ особенностей; они были все такіе же сухіе, шероховатые и изогнутые въ оленьи рога. Болѣе половины ихъ казались вымершими, да и весь этотъ не одѣвшійся еще лѣсъ представлялъ мрачное, печальное, зрѣлище, будто онъ былъ исковерканъ и вымеръ подъ вліяніемъ какого-то сверхъестественнаго проклятія.

Переѣздъ этого утра былъ восхитителенъ; съ наслажденіемъ вдыхали мы свѣжій, прохладный воздухъ, весь пропитанный ароматомъ дикой полыни, раздавленной подъ копытами нашихъ лошадей.

Къ полудню однако солнце начало сильно припекать и, примѣтивъ въ верстѣ или двухъ на сѣверъ отъ насъ верховаго, Мустровъ галопомъ направился въ его сторону, разчитывая найти подлѣ него колодецъ. Перебросившись нѣсколькими словами съ этимъ человѣкомъ, онъ далъ намъ знакъ подъѣзжать, что̀ мы немедленно же привели въ исполненіе, и застали на томъ мѣстѣ не одного уже, а цѣлыхъ четверыхъ всадниковъ. Приняли они насъ весьма радушно, взявъ на себя уборку нашихъ лошадей и предложивъ намъ самимъ только-что заваренный ими для себя чай. Это мѣсто, какъ я тутъ узналъ, было выбрано ими для полуденнаго привала ихъ аула, шедшаго за ними слѣдомъ.

Всѣ работы при уходѣ съ кочевья, какъ-то: разборка кибитокъ, нагрузка ихъ со всею домашней утварью на верблюдовъ, гонка скота и тому подобное, всегда возлагаются на однѣхъ женщинъ и дѣтей, тогда какъ мущины садятся на коней и скачутъ впередъ, на поиски за мѣстомъ для новаго привала. Настоящее мѣсто было ими выбрано ради лежащаго невдалекѣ маленькаго озера, или, вѣрнѣе говоря, большой лужи, наполненной мутною водой, а отчасти и изъ-за травы, весьма хорошей для пустыни.

Скоро показался и весь аулъ: длинною нитью потянулись верблюды съ женщинами и дѣтьми, а за ними подошли стада овецъ и скота, которыя немедленно же разсыпались по долинѣ въ поискахъ за кормомъ. Верблюдовъ заставили стать на колѣна, потянувъ веревки, обвязанныя вокругъ ихъ мордъ, или пропущенныя въ ноздри въ видѣ узды; женщины сошли на землю и немедленно принялись за установку кибитокъ и разборку домашней утвари; зажгли костры, все оживилось, пришло въ движеніе и наполнилось шумомъ.

Я сталъ наблюдать за установкой кибитки женщинами; меня особенно удивила поспѣшность съ которою онѣ съ этимъ дѣломъ справлялись.

Самый остовъ кибитки, или палатки употребляемой въ Центральной Азіи, состоитъ изъ множества тонкихъ деревянныхъ полосокъ, скрѣпленныхъ крестъ-на-крестъ въ видѣ рѣшотки, но не на крѣпко, а такимъ образомъ что могутъ раздвигать-

ся въ квадратъ и сдвигаться въ одну полосу, по произволу. Оставъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ такихъ рѣшетокъ, выгнутыхъ внутри, такъ что каждая часть имѣетъ форму сегмента круга, а четыре части, вмѣстѣ связанныя веревками, составляютъ кругообразный срубъ. Вверху его ставится отъ двадцати пяти до тридцати изогнутыхъ же стропилъ, верхнія оконечности которыхъ прикрѣпляются къ обручу трехъ-четырехъ футовъ въ діаметрѣ, и образуютъ крышу кибитки.

Какъ только верблюдъ нагруженный кибиткой сталъ на колѣни, двѣ женщины сняли срубъ и раздвинули его въ кругъ; одна изъ нихъ держала отдѣльныя части, въ то время какъ другая крѣпко ихъ связывала вмѣстѣ; вставили дверные косяки и все вмѣстѣ обвязали крѣпко-на-крѣпко веревкой изъ верблюжьяго волоса. Затѣмъ одна изъ женщинъ взяла обручъ, служащій центромъ и основаніемъ потолка, подняла его изнутри кибитки посредствомъ палки, вставленной въ одно изъ множества отверстій, которыя въ немъ просверлены, тогда какъ другая немедленно приступила ко вставленію верхнихъ концовъ всѣхъ стропилъ въ эти отверстія для нихъ приготовленные; основаніе же стропилъ прикрѣплялось къ стоящему подъ ними срубу посредствомъ петлей. Наконецъ обвертывали этотъ скелетъ кибитки тяжелымъ войлокомъ, и кибитка была готова. Обыкновенно она имѣетъ около пятнадцати футовъ въ діаметрѣ при восьми футахъ въ вышину, а формою походитъ на старомодный улей. На всю установку кибитки требуется не болѣе десяти минутъ, а между тѣмъ она очень устойчива и развѣ только при сильнѣйшемъ ураганѣ способна сдвинуться съ мѣста.

Возвратившись къ аулу послѣ неудачныхъ поисковъ за дичью, я былъ удивленъ и порадованъ видя что и мой комфортъ не былъ забытъ во всеобщемъ движеніи и суматохѣ. Старшина аула приказалъ поставить маленькую кибитку исключительно для меня одного, и къ ней теперь подвелъ онъ меня со своей степенною вѣжливостью. Я нашелъ кибитку устланною коврами и снабженною нѣсколькими мягкими, яркими покрывалами и подушками, которыя, при усталости моей, были неоцѣнимы.

Радушнаго хозяина пригласилъ я придти попробовать фазана, что̀ я застрѣлилъ утромъ, и напиться потомъ чаю, на что̀ онъ охотно согласился. Я очень удивился когда, спустя

нѣсколько времени, явился онъ съ настоящимъ русскимъ самоваромъ, который кипѣлъ и пыхтѣлъ самымъ аппетитнымъ образомъ; мнѣ оставалось только заварить чай. Замѣтивъ что у меня не было ложки, а мѣшаю я свой чай сучкомъ, онъ послалъ къ себѣ за чайною ложкой и подарилъ мнѣ ее въ вѣчное владѣніе. Все это, вмѣстѣ съ отведенною мнѣ прекрасно-убранною кибиткой, пріютомъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца — все это, говорю я, было проявленіемъ такого искренняго гостепріимства и доброты которыя трудно и встрѣтить гдѣ бы то ни было кромѣ пустыни.

Съ своей стороны, я выставилъ предъ нимъ все что имѣлось при мнѣ съѣстнаго. У меня былъ мясной экстрактъ Либиха — отвратительнѣйшій составъ, скажу мимоходомъ, который мнѣ когда-либо приходилось отвѣдывать, но изъ котораго я тѣмъ не менѣе варилъ супъ, кроша туда сухіе коренья; стразбургскій пирогъ, который чрезвычайно понравился моему хозяину, и множество сухихъ фруктовъ — персиковъ, абрикосовъ и изюма, извѣстнаго въ Средней Азіи подъ названіемъ кишмиша, и, кромѣ того, шоколатъ, который заслужилъ одобреніе Киргиза въ такой степени что онъ послалъ по куску своей женѣ и дочерямъ. Въ заключеніе я вскипятилъ молока и накрошилъ туда множество сухарей, что понравилось ему болѣе всего остальнаго, и этимъ закончили мы свой пиръ. Чай пили мы изъ большихъ чашекъ, единственной посуды которую я захватилъ съ собой. Такія чашки, вставленныя въ кожаный футляръ, привязываются къ сѣдлу и составляютъ часть необходимой экипировки всякаго путешественника въ пустынѣ.

Во время чая я предложилъ Киргизу сигаръ. Онъ отъ нихъ сперва отказался, но лишь только увидѣлъ что я закурилъ одну изъ нихъ, онъ передумалъ и послѣдовалъ моему примѣру съ большимъ наслажденіемъ, не понявъ, какъ видно, сперва что такое сигара. Онъ при этомъ показалъ мнѣ свои папиросы и трубку, курить которыя научился отъ Русскихъ. Сигары, впрочемъ, какъ онъ меня увѣрялъ, нравились ему несравненно больше.

Во время куренья, наконецъ, завязалъ я съ нимъ чрезъ Акъ-Маматова общій разговоръ, тогда какъ до сихъ поръ перебрасывались мы съ нимъ немногими вопросами безъ всякой связи, да и тѣ относились только до нашего обѣда. Теперь же узналъ я что онъ киргизскій старшина, имя его До-

платъ, а управляетъ онъ подъ властію Русскихъ двумя тысячами кибитокъ. Каждая изъ этихъ кибитокъ обязана платить Русскимъ налогу по три рубля ежегодно. На вопросъ мой довольны ли они русскимъ управленіемъ, онъ отвѣчалъ что довольны; но затѣмъ покачалъ головою, говоря что очень часто приходится имъ платить также подати и хану Хивинскому, который считаетъ себѣ подвластными всѣхъ Киргизовъ кочующихъ между Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей. Я утѣшалъ его, говоря что когда Русскіе покорятъ хана, то положатъ конецъ настоящему положенію дѣлъ, но онъ на это опять только покачалъ головою, точно вовсе не особенно радуясь. Вѣроятно ему не могла быть пріятна та перспектива что послѣдняя твердыня его религіи будетъ покорена христіанскою властью.

Киргизы, надо замѣтить, ведутъ очень оригинальный образъ жизни. Три зимніе мѣсяца они проводятъ въ глиняныхъ жилищахъ на берегу какой-нибудь небольшой рѣки, когда же снѣгъ начинаетъ стаивать, они поднимаются съ мѣста чтобы совершить свой ежегодный переходъ. Странствуютъ они цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, никогда не останавливаясь болѣе трехъ дней на одномъ мѣстѣ и живя все время въ кибиткахъ. Иногда подвигаются они верстъ на четыреста и болѣе впередъ, а потомъ пускаются въ обратный путь той же самою дорогой, возвращаясь на зимнія стоянки къ тому времени когда снѣгъ опять начинаетъ выпадать. Трудно было бы сказать на чемъ основывается ихъ выборъ мѣстъ для стоянокъ въ этихъ переходахъ. Каждый аулъ охотно остановится на томъ мѣстѣ съ котораго только-что ушелъ другой аулъ: часто даже Киргизы оставляютъ за собой хорошія пастбища и переходятъ за цѣлыя сотни верстъ на дурныя.

Такъ напримѣръ Киргизы зимующіе на Аму-Дарьѣ перекочевываютъ весною на Сыръ и даже дальше къ сѣверу, тогда какъ многіе изъ сыръ-дарьинскихъ Киргизовъ переходятъ на югъ къ Аму-Дарьѣ или направляются на сѣверъ къ Иргизу. Многіе съ Иргиза идутъ еще дальше на сѣверъ или же кочуютъ на югъ къ Сыру, постоянно пересѣкая дороги другъ друга по всѣмъ направленіямъ. Человѣкъ незнакомый съ ихъ обычаями не найдетъ ни малѣйшей системы въ этихъ переходахъ. Но система эта тѣмъ не менѣе существуетъ. Каждый родъ или аулъ слѣдуетъ годъ за годомъ именно по тому направленію, идя по тѣмъ же тропинкамъ,

останавливаясь у тѣхъ же ключей, по которымъ шли и у которыхъ останавливались ихъ предки тысячу лѣтъ тому назадъ, а многіе аулы, зимующіе всегда по сосѣдству, каждымъ лѣтомъ удаляются другъ отъ друга на цѣлыя сотни верстъ. Эти переходы до того регулярны и точны что можно бы заранѣе предсказать гдѣ можно будетъ найти какой изъ этихъ кочевыхъ ауловъ въ любой день въ году. Еслибы можно было составить карту пустыни указывающую пути всѣхъ ауловъ, то она представила бы самую переплетенную сѣть тропинокъ, которыя будутъ встрѣчаться и пересѣкать другъ друга во всевозможныхъ направленіяхъ, представляя страшную запутанность и безпорядокъ невообразимый.

А между тѣмъ ни одинъ аулъ никогда не сбивается со своего пути и не дозволяетъ другому вступить на него. Каждый аулъ имѣетъ право пересѣчь дорогу другаго аула, но пройти хотя небольшое разстояніе тѣмъ же путемъ его никогда не допустятъ. Малѣйшее уклоненіе какого бы то ни было аула или племени отъ пути по которому переходили его предки уже считается достаточнымъ предлогомъ для войны; да на дѣлѣ и оказывается что основаніемъ почти всѣхъ распрей и побоищъ между Киргизами служитъ то что одинъ какой-нибудь родъ завладѣлъ — не пастбищемъ, какъ можно еще было бы предположить, но — дорогой другаго рода или аула.

Обитатели одного аула почти всегда приходятся другъ другу родственниками. Во многихъ случаяхъ даже сами аулы бывали основаны двумя-тремя братьями, которые, со своими женами, дѣтьми и внуками образуютъ маленькую общину, занимая отъ пяти до десяти кибитокъ.

Русскіе, при первомъ покореніи Киргизовъ, нашли эту систему чрезвычайно запутанною, и думая что не будетъ возможности установить какой бы то ни было надъ ними контроль при этихъ вѣчныхъ перекочевкахъ, пытались въ началѣ заставить ихъ измѣнить этотъ образъ жизни, произвели между ними поземельный надѣлъ и старались утвердить каждый родъ на отведенной ему полосѣ. Какъ и легко было предвидѣть, мѣра эта не удалась. Кромѣ невозможности поколебать вѣками вкоренившійся обычай, увидали что это нововведеніе только вело къ вѣчнымъ побоищамъ между самими Киргизами, которые никакъ не могли взять въ толкъ въ чемъ собственно заключались ихъ права.

КИРГИЗСКАЯ ЗИМНЯЯ КОЧЕВКА. *Съ рисунка Верещагина.*

Они скоро возвратились къ старому порядку вещей, а начальники Оренбургскаго и Туркестанскаго округовъ согласились считать пункты ихъ зимовокъ настоящимъ ихъ мѣстожительствомъ, не взирая на ихъ лѣтнія странствованія, и такимъ же порядкомъ рѣшать какой мѣстности чинить надъ ними судъ и расправу.

Настоящимъ случаемъ я воспользовался чтобы спросить прудводителя аула, отчего не остаются они на мѣстѣ, вмѣсто этого вѣчнаго скитанья по степи. Онъ отвѣчалъ что не достало бы корма скоту ихъ, еслибъ они оставались на мѣстѣ.

— Но отчего же тѣ что̀ живутъ на Сыръ-Дарьѣ не остаются на лѣто тамъ же, гдѣ пастбища такъ хороши, вмѣсто того чтобъ уходить кочевать въ пустынѣ, .гдѣ трава плоха и въ маломъ количествѣ? спрашиваю я.

— А потому что другіе аулы приходятъ, а оставайся они тамъ всѣ, то скоро и при рѣкѣ никакого корма бы не осталось.

— Но отчего же другіе аулы не остаются на своихъ мѣстахъ у Иргиза и Аму-Дарьи вмѣсто того чтобъ идти на Сыръ?

— Да оттого же что другіе аулы туда приходятъ.

— Такъ отчего бы имъ всѣмъ не оставаться на мѣстахъ?

— Да что̀ объ этомъ говорить, отцы и прадѣды наши такъ жили, отчего же намъ не дѣлать того что̀ они всегда дѣлали? отвѣчалъ онъ. И, какъ я думаю, это одно изъ самыхъ вѣрныхъ объясненій которыя они могутъ дать. Впрочемъ, какъ кажется, этотъ кочевой образъ жизни болѣе примѣнимъ къ этой пустынѣ нежели къ какой бы то ни было другой.

Старшина аула говорилъ мнѣ, между прочимъ, что питаются Киргизы преимущественно молокомъ, иногда употребляютъ немного муки, а по временамъ убиваютъ и барана. Но самъ онъ имѣетъ ежедневно баранину, хлѣбъ, чай и сахаръ. Послѣ бесѣды, продолжавшейся около часа, старшина удалился, а я остальное время остановки провелъ во снѣ. Проснувшись, я нашелъ лошадей уже осѣдланными и все готовымъ къ отъѣзду. Наскоро выпивъ стаканъ чаю, я вскочилъ на лошадь и уѣхалъ, крѣпко пожалъ на прощанье руку гостепріимнаго хозяина и оставивъ ему съ полдюжины сигаръ.

Подъ вечеръ стало казаться что мы опять приближаемся къ Яны-Дарьѣ. Мы набрели на маленькій лѣсокъ, состоящій изъ деревъ напоминающихъ одинъ изъ американскихъ дубовъ, многія даже достигаютъ до 25 — 30 футовъ въ вышину. Посреди этого лѣса былъ маленькій пригорокъ, частію окопанный глубокою канавой и очень смахивающій на остатки какого-нибудь стариннаго землянаго укрѣпленія. Я спросилъ у Мустрова объ этомъ, но тогда не добился никакого удовлетворительнаго отвѣта. Въ послѣдствіи я узналъ что на этомъ мѣстѣ былъ въ старинныя времена городъ, покинутый обитателями когда воды протекавшей въ этихъ мѣстахъ Яны-Дарьи стали высыхать.

Хотя по сосѣдству и можно было найти много воды, Мустровъ воспротивился остановкѣ здѣсь на ночлегъ, а уговаривалъ ѣхать дальше и поискать какого-нибудь аула. Итакъ мы продолжали ѣхать впередъ долгое время послѣ наступленія темноты. Оставивъ Янъ-Дарью позади себя, мы въѣхали на нѣсколько возвышенную открытую и сухую плоскость, гдѣ почти не было никакой растительности. Лошади наши все подвигались легонькой иноходью впередъ, ступая копытами едва слышно по мягкой, пыльной почвѣ. Послѣ долгаго переѣзда, когда я уже начиналъ думать что придется провести ночь подъ открытымъ небомъ, до меня внезапно донесся звукъ дѣтскаго голоса. Послѣшно повернувъ лошадей по направленію голоса, мы проѣхали еще съ полверсты и разсмотрѣли полосу свѣта исходящую изъ жилья и блескъ воды при блѣдномъ мѣсячномъ отсвѣтѣ.

Чуя близость отдыха и корма, лошади наши пустились легкимъ галопомъ и черезъ нѣсколько минутъ мы уже выѣзжали къ маленькому аулу.

VII. Киргизскій романъ.

Войдя въ кибитку я засталъ тамъ большой костеръ, красноватый свѣтъ котораго падалъ на яркіе ковры, одѣяла и подушки; надъ головами и вездѣ кругомъ виднѣлся рѣшетчатый деревянный остовъ кибитки, обитый толстымъ бѣлымъ войлокомъ; по стѣнамъ на этой рѣшеткѣ развѣшана была кухонная посуда, всякаго рода домашнія принадлежности, сабля

ВНУТРЕННОСТЬ КИБИТКИ.

и ружье, сѣдла и уздечки, въ сторонѣ была брошена трехструнная татарская гитара.

Сама кибитка оказалась цѣлыхъ двадцати футовъ въ діаметрѣ больше всѣхъ мною видѣнныхъ до тѣхъ поръ, а наружный войлокъ, чистый и новый, былъ почти снѣжной бѣлизны. По всему было видно что Киргизъ приглашавшій меня къ себѣ принадлежалъ къ богатому классу кочевниковъ.

Введя меня въ кибитку, онъ сказалъ что-то двумъ молоденькимъ дѣвушкамъ, своимъ сестрамъ и чуть ли не двойникамъ; онѣ тутъ же подошли ко мнѣ съ потупленными глазами и привѣтствовали меня, каждая по очереди, взявъ мою руку въ обѣ свои и прикладывая ее къ своему сердцу съ тихою скромностію, которая была положительно очаровательна.

Какъ мнѣ послѣ случалось замѣчать, женщины киргизскія такимъ образомъ привѣтствуютъ своихъ мужей, братьевъ, отцовъ, возлюбленныхъ, а также и гостей, судя по настоящему случаю со мною. Сдѣлано это тутъ было съ такою простою, натуральною граціей, сопровождалось такимъ застѣнчивымъ взглядомъ темныхъ глазъ что мнѣ показалось въ эту минуту что лицъ красивѣе и интереснѣе этихъ двухъ я еще не встрѣчалъ. Да и въ дѣйствительности это были лица очень миловидныя, круглыя и свѣжія, безъ малѣйшаго слѣда монгольскаго типа. Смуглая кожа ихъ была чрезвычайно прозрачна, черные какъ смоль волосы свѣшивались двумя тяжелыми косами чуть ли не до колѣнъ, а глаза, темные и мягкіе, были окаймлены такими длинными рѣсницами какія рѣдко встрѣчаются иначе какъ въ расѣ кавказской. Одѣты онѣ были въ красные шелковые халаты съ особеннаго рода пестрымъ шитьемъ по швамъ и на рукавахъ и со множествомъ большихъ серебряныхъ пуговицъ, тонкихъ какъ пластинки. Изъ подъ халата, застегнутаго одною коралловою запонкой у шеи, виднѣлась бѣлая шелковая рубашка доходящая до колѣнъ и распахивающаяся очень пикантно на груди. Бѣлые шаровары изъ такого же шелка и красные сапожки дополняли ихъ несложный, но для пустыни весьма нарядный костюмъ.

На братѣ была надѣта короткая узкая куртка изъ какой-то красной полубумажной, полушелковой матеріи, также изукрашенная серебряными пуговицами; при этомъ широкіе

шаровары изъ ярко-желтой кожи, почти сплошь покрытые вышивкой самыхъ разнообразныхъ узоровъ, желтый шелковый поясъ за который былъ заткнутъ ножъ и старый пистолетъ съ кремневымъ замкомъ, маленькая нарядная мѣховая шапка и широкіе сапоги изъ нечерненой кожи.

Вручивъ ему мою винтовку и револьверъ, я бросился на разостланныя предъ костромъ одѣяла, тогда какъ Акъ-Маматовъ сталъ съ меня стаскивать тяжелые верховые сапоги чтобы замѣнить ихъ туфлями, доставленными предусмотрительнымъ хозяиномъ. Затѣмъ я приступилъ къ дальнѣйшему своему туалету. Въ кибиткѣ всегда есть небольшое пространство незастланное ковромъ. Чтобъ умыться, надо стать на колѣни на краю ковра у этого мѣста и вамъ поливаютъ воду на руки и на голову изъ чайника, кожанаго ведра или бутылки, а иногда изъ мѣднаго кувшина очень изящной формы, часто встрѣчаемаго у Киргизовъ, словомъ, изъ той посудины которая первая подъ руку попадется. Вода тутъ же втягивается сухимъ пескомъ и всякій слѣдъ сглаживается.

Тѣмъ временемъ поставили надъ костромъ чугунный котелъ на большомъ кругѣ, къ которому прикрѣплены были ножки. Скоро вошли мои люди съ нѣсколькими сосѣдями-Киргизами, размѣстились въ скорченныхъ позахъ вокругъ огня и завели оживленную болтовню. Киргизы не складываютъ ноги крестообразно какъ Турки, но становятся на колѣни и опрокидываютъ всю тяжесть своего тѣла на поджатыя такимъ образомъ ноги, съ пятками вывернутыми наружу. Какъ бы ни казалась эта поза натуральна и удобна въ Киргизѣ, я не совѣтую ни одному Европейцу пробовать такъ садиться, если онъ желаетъ опять послѣ того встать на ноги! По взглядамъ которые они на меня иногда бросали, я понялъ что разговоръ у нихъ шелъ обо мнѣ, а изъ частныхъ возгласовъ и другихъ знаковъ изумленія, я легко могъ вывести что Акъ-Маматовъ опять далъ волю своему воображенію и разказываетъ имъ обо мнѣ какія-нибудь небылицы. Непохожіе въ этомъ отношеніи на другихъ восточныхъ народовъ, Турокъ и Арабовъ, Киргизы болтливы, чрезвычайно любятъ поговорить. Весь вечеръ прошелъ въ разговорахъ, прерываемыхъ только взрывами хохота.

Послѣ получасовой варки кушанье было вывалено въ большую деревянную чашку; мнѣ также дали деревянную

ложку и пригласили подсѣсть къ ѣдѣ вмѣстѣ съ другими. Кушанье это, весьма вкусное, оказалось чѣмъ-то въ родѣ сула изъ баранины, заправленнаго пшеничною мукой. Мы всѣ ѣли изъ одной чашки самымъ пріятельскимъ образомъ, но къ несчастію сула не достало, а мнѣ какъ нарочно въ этотъ день не попадалось ни утокъ, ни фазановъ. Молока за то оказалось вдоволь; я приказалъ его накипятить и накрошилъ туда сухарей. Друзья мои Киргизы вѣроятно никогда еще до тѣхъ поръ не отвѣдывали подобнаго блюда, потому что оно ихъ привело въ положительный восторгъ, а къ концу ужина, заключеннаго шоколатомъ и кишмишемъ, всѣ мы были въ самомъ веселомъ и общительномъ расположеніи духа, вполнѣ забывая объ окружающей насъ пустынѣ. Дѣвушки все время держались въ сторонѣ, и мнѣ стоило большихъ трудовъ добиться чтобъ онѣ подсѣли ѣсть съ нами.

Послѣ ужина я попросилъ молодаго хозяина кибитки сыграть что-нибудь, указывая на гитару. Не заставляя себя долго просить, онъ спѣлъ нѣсколько пѣсенъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Двѣ изъ этихъ пѣсенъ были встрѣчены остальными Киргизами богатырскими взрывами хохота. Затѣмъ онъ еще спѣлъ, какъ мнѣ объяснили, нѣсколько боевыхъ пѣсенъ, славя подвиги какого-то киргизскаго богатыря противъ Туркменъ, и эти также были встрѣчены одобрительно.

Гитара татарская очень маленькій инструментъ, напоминающій своею формою вдоль перерѣзанную грушу, не болѣе фута величиною, тогда какъ рукоятка доходитъ футовъ до трехъ. Эта гитара была изъ темнаго дерева, похожаго на орѣхъ, и на ней натянуты были двѣ простыя и одна мѣдная струна. Своеобразные татарскіе мотивы были бы довольно пріятны еслибы не пѣлись такимъ рѣзкимъ тонкимъ голосомъ съ какимъ-то непріятнымъ гнусавымъ визгомъ. Эта манера въ пѣніи распространена по всей Центральной Азіи; я слышалъ ее и въ Хивѣ, и между Бухарцами сопровождавшими русскую экспедицію. Это, впрочемъ, не мѣшало пѣнію Киргиза быть забавнымъ и совершенно гармонирующимъ съ окружающею обстановкой. Эта кибитка посреди песчаной степи, освѣщенная яркимъ костромъ, красноватое пламя котораго бросало оригинальные колориты на дикія лица присутствующихъ и на ихъ странные костюмы; развѣшанное оружіе, сѣдла, уздечки, эти двѣ дѣвушки съ ихъ оригиналь-

ною красотой — все это сливалось въ совершенно своеобразную, но очень красивую сцену.

Я пробовалъ заставить пѣть и дѣвушекъ, но онѣ наотрѣзъ отказались и не поддались ни на какія увѣщанія. Шутки ради, я заставилъ Акъ-Маматова предложить одной изъ нихъ выдти за меня замужъ; слушая это предложеніе онѣ очень краснѣли и смѣялись. Акъ-Маматовъ впрочемъ отвѣтилъ мнѣ что я долженъ обратиться къ брату ихъ, который одинъ имѣетъ право ихъ выдать замужъ если желаетъ, а что мнѣ придется заключить договоръ этотъ подаркомъ брату и ассигновкой приданаго дѣвушкѣ. Тогда я предложилъ дать хозяину одну изъ своихъ винтовокъ, а дѣвушкѣ — лошадь, верблюда, устроенную кибитку и двадцать овецъ. Это послѣднее предложеніе уже выслушано было дѣвушками совершенно серіозно, и онѣ не предполагали здѣсь никакой шутки. Онѣ заявили Акъ-Маматову что мнѣ придется жениться на нихъ обѣихъ, такъ какъ онѣ другъ съ другомъ не разстанутся. Условіе это не представляло для меня ничего непріятнаго, и потому я съ готовностію согласился, да и въ дѣйствительности было бы жаль ихъ разлучать. При отъѣздѣ же нашемъ на другое утро и хозяинъ поручилъ Акъ-Маматову мнѣ сказать что онъ переговорилъ съ сестрой и что окончательный отвѣтъ мнѣ дадутъ когда я къ нимъ заѣду на возвратномъ пути.

Киргизы могутъ, какъ и всѣ магометане, имѣть по нѣсколько женъ, но они рѣдко пользуются этою привилегіей. Браку они не придаютъ никакого религіознаго значенія, а смотрятъ на него какъ на простую торговую сдѣлку. Мущина платитъ за дѣвушку отцу ея подарками сообразно съ состояніемъ обѣихъ сторонъ. Обыкновенно подарки эти возвращаются молодымъ, образуя такимъ образомъ женнино приданое. Иногда, впрочемъ, эти подарки отецъ держитъ у себя на тотъ случай если его дочь будетъ ему возвращена ея мужемъ, такъ какъ Киргизъ имѣетъ право прогнать свою жену во всякое время; на дѣлѣ, однако, право это рѣдко прилагается. Если же подарокъ былъ возвращенъ, то жена можетъ, уходя отъ мужа, захватывать съ собою все что было имъ прежде за нее дано.

Въ случаѣ смерти мужа, по здѣшнимъ порядкамъ, напоминающимъ древній еврейскій законъ, вдова достается его брату

если таковой имѣется, — обычай возникшій вѣроятно изъ желанія сохранить собственность въ семействѣ.

Выспрашиваніемъ всѣхъ этихъ подробностей я вызвалъ моего молодаго Киргиза на разказъ, изъ котораго ясно что природа человѣческая вездѣ одинакова, и что любовь также самовластно царитъ въ Кизилъ-Кумѣ какъ въ мірѣ цивилизованомъ.

Молодой Киргизъ Полатъ былъ сговоренъ съ самою красивою дѣвушкой Туглукскаго аула. Калымъ, или свадебный подарокъ, уже былъ врученъ отцу дѣвушки, Ишъ Джану, и срокъ брака былъ назначенъ. Но за нѣсколько дней до свадьбы Полатъ ломеръ, и Муна Аимъ стала опять свободна. Тогда является Сулукъ, братъ покойнаго, и требуетъ Муну Аимъ себѣ въ жены. Онъ желалъ этимъ способомъ также получить обратно братнину собственность, которая была дана дѣвушкѣ въ приданое, и ея отецъ рѣшилъ что ей надо за него выйти. Но сама она, считая себя теперь обезпеченною вдовой и полною хозяйкой своихъ дѣйствій, наотрѣзъ отказалась выходить замужъ. Отецъ сталъ ее тогда гнать отъ себя. Она же взяла своего верблюда, овецъ и козъ, свои платья и ковры, и ушла изъ отцовской кибитки. Она купила себѣ маленькую кибитку и поселилась въ ней одна, доила своихъ овецъ и козъ, выгоняла ихъ пастись и сама имъ вытаскивала пойло изъ колодцевъ. Когда аулъ тронулся съ мѣста, она пошла со всѣми и становила свою кибитку неподалеку отъ другихъ. Тогда всѣ старухи на нее озлились: „Что это дѣлается съ Муна Аимъ?“ говорили онѣ. „Она не хочетъ идти къ своему мужу, и живетъ одна, какъ бродяга. Пойдемте, уговоримъ ее“. И онѣ отправились къ ней, исцарапали ей лицо, драли ее за волосы; но Муна Аимъ только плакала, ломала себѣ руки, а къ мужу не шла. Съ тѣхъ поръ стали старухи сходиться къ ея палаткѣ каждый день, ругали ее и мучали до такой степени что она чуть всѣ глаза себѣ не выплакала. Но все тщетно: ничто не могло ее сломить. Тогда Сулукъ взялся самъ покончить съ этимъ дѣломъ по-своему. Онъ ночью ворвался съ тремя товарищами въ кибитку Муны Аимъ съ тѣмъ чтобъ увлечь ее къ себѣ и силой взять ее въ жены. Но она защищалась какъ дикая кошка, и мущины всѣ вмѣстѣ не могли съ нею сладить. Притянутая къ выходу, она схватилась за дверной косякъ и держалась такъ крѣпко что они были принуждены порубить ей пальцы чтобы

сдвинуть ее съ мѣста. Когда они выволокли ее наконецъ изъ кибитки, на ней не осталось ни клочка одежды и все тѣло было окровавлено, но она все еще боролась. Тогда Сулукъ вскочилъ на лошадь, схватилъ ее за волосы и волочилъ за собою лока не повыдергалъ волосы съ корнями, тогда онъ ускакалъ, а ее оставилъ на землѣ, нагую и полумертвую.

— Да отчего же не хотѣла она за него выйти? спросилъ я.

— Потому что любила Азима.

— А гдѣ онъ былъ?

— Онъ принадлежалъ къ другому аулу, который зимовалъ рядомъ съ ея ауломъ, а лѣтомъ перекочевывалъ въ другую сторону. Она, видите ли, никогда не любила своего нареченнаго жениха, а выходила за него единственно по приказанію отца.

— Какъ же все это кончилось?

— А услыхалъ объ этомъ Ярымъ Падишахъ, прислалъ казаковъ, которые и захватили Сулука.

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Не знаю. Говорятъ, угнали такъ далеко что ему никогда назадъ не вернуться.

— А дѣвушка померла?

— Нѣтъ, выздровѣла; а какъ вернулась на зимнюю стоянку, то свидѣлась со старымъ своимъ возлюбленнымъ и вышла за него замужъ.

— А старухи уже не вмѣшивались?

— Нѣтъ, боялись Ярымъ Падишаха.

Ярымъ Падишахъ есть названіе лодъ которымъ генералъ Кауфманъ извѣстенъ во всей Центральной Азіи. Это значитъ полу-императоръ.

Я потомъ спрашивалъ у генерала Кауфмана много ли правды въ этомъ разказѣ. Онъ подтвердилъ всѣ слышанныя мною подробности, прибавивъ что Сулукъ, братъ перваго нареченнаго жениха, былъ сосланъ въ Сибирь.

Около десяти часовъ дѣвушки оставили насъ однихъ и отошли спать къ другой сторонѣ кибитки, задернувъ ее красною занавѣсью, которую я прежде не замѣтилъ. Взглянувъ на лошадей, я вернулся въ кибитку, также разлегся на полу и слѣдя за слабымъ мерцаніемъ догоравшаго костра скоро заснулъ.

VIII. Печальная ночь.

Я не могу здѣсь не замѣтить что все время моего пребыванія съ Киргизами оставило по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Они всѣ, безъ исключенія, были добры ко мнѣ, гостепріимны и честны. Я провелъ среди ихъ цѣлый мѣсяцъ, путешествовалъ съ ними, ѣлъ съ ними и спалъ въ ихъ кибиткахъ; со мной все это время были деньги, лошади, оружіе и вещи, которыя могли прельщать ихъ какъ богатая добыча. А между тѣмъ, я отъ нихъ ничего кромѣ хорошаго не видалъ; не только не пропало у меня во все время ни малѣйшей бездѣлицы, но не разъ случалось что за мной скакалъ Киргизъ пять-шесть верстъ въ догоню чтобы возвратить что-нибудь мною забытое. Къ чему же всѣ эти толки о необходимости цивилизовать подобный народъ? Къ чему ведутъ всѣ разсужденія Вамбери о сравнительныхъ преимуществахъ англійской и русской цивилизаціи для нихъ? Киргизы замѣчательно честны, добродѣтельны и гостепріимны, качества которыя немедленно сглаживаются цивилизаціей во всѣхъ первобытныхъ народахъ. На мой взглядъ даже жаль прививать къ такому счастливому народу нашу цивилизацію со всѣми сопровождающими ее пороками.

На слѣдующее утро не безъ сожалѣнія распрощался я съ хозяиномъ и его хорошенькими сестрами. Каждому при отъѣздѣ далъ я по подарку: брату карманный ножъ, а сестрамъ по парѣ серегъ и другихъ недорогихъ украшеній.

Въ этотъ день случилось намъ проѣзжать мимо многихъ киргизскихъ могилъ. Онѣ всѣ очень велики, состоятъ изъ центральнаго купола футовъ въ 30—40 вышиною и окружены высокою стѣной футовъ до пятидесяти въ квадратѣ; каждая изъ такихъ могилъ могла бы служить крѣпостью для маленькаго отряда.

Проѣхавъ небольшую чащу саксаула, отъ восьми до десяти футовъ вышины, мы прибыли въ бѣдный аулъ, состоящій всего изъ трехъ кибитокъ, представлявшихъ самый печальный видъ: войлокъ на нихъ былъ весь въ лохмотьяхъ, а внутри не было ни нарядныхъ одѣялъ, ни яркихъ ковровъ. Здѣсь мнѣ впервые пришлось отвѣдать киргизскаго *урана*. Онъ дѣлается изъ смѣшаннаго вмѣстѣ молока верблюдовъ,

овецъ и козъ; смѣсь эту, еще парную, ставятъ на легкій огонь лока она не свернется и не получитъ остраго, ѣдкаго вкуса. Напитокъ этотъ кажется очень вкусенъ когда къ нему привыкнешь, а въ жаркіе лѣтніе дни онъ просто неоцѣнимъ, такъ какъ имѣетъ свойство казаться всегда холоднымъ. Имъто преимущественно и питаются Киргизы лѣтомъ. Но у нихъ есть еще другой напитокъ приготовляемый изъ перебродившаго кобыльяго молока, называется кумысомъ; онъ шипитъ, пѣнится, очень освѣжаетъ въ жары и на вкусъ нѣсколько напоминаетъ шампанское.

Съ наступленіемъ вечера вѣтеръ усилился и перешелъ въ совершенный ураганъ. Воздухъ наполнился пылью, застилавшей заходящее солнце, отчего и смерклось часомъ ранѣе обыкновеннаго. Мы стали поглядывать, не попадется ли гдѣ аулъ, но ничего не могли различить поблизости. Наконецъ послали Киргиза объѣхать окрестность, такъ какъ Мустровъ продолжалъ утверждать что вблизи долженъ былъ гдѣ-нибудь находиться аулъ. Вѣтеръ, усиливавшійся съ каждымъ мгновеніемъ, положительно насъ оглушалъ, пыль поднималась высокими клубами, которые кружились по пустынѣ при слабомъ свѣтѣ луны какъ степныя привидѣнія, по временамъ нельзя было ничего разсмотрѣть въ десяти шагахъ предъ собою.

Наконецъ услыхали мы что Киргизъ зоветъ насъ. Не безъ затрудненія распознали мы направленіе откуда доносился его голосъ, казавшійся, по вѣтру, какимъ-то неземнымъ звукомъ, и направились къ нему, вполнѣ увѣренные что поладемъ наконецъ въ аулъ, который такъ давно искали. Но ожиданьямъ этимъ не суждено было оправдаться. Не было слышно ни криковъ, ни мычанья скота, ни веселыхъ дѣтскихъ голосовъ, ни одного изъ пріятныхъ для путешественника звуковъ раздающихся вокругъ аула. Все тѣ же порывы вѣтра, крутящіяся облака пыли, черезъ которыя едва пробивались блѣдные лучи мѣсяца, наполняя всю пустыню какими-то неясными, движущимися тѣнями. Киргиза своего мы нашли у большой лужи мутной воды, футовъ десяти въ діаметрѣ, окруженной нѣсколькими кустарниками саксаула. Что было дѣлать? Подвигаться впередъ при такомъ вѣтрѣ было невозможно; также немыслима была надежда попасть на аулъ въ этой темнотѣ. Ничего больше не оставалось

КИРГИЗСКАЯ ГРОБНИЦА.

какъ расположиться на ночь въ открытой пустынѣ и улечься на пескѣ, безъ всякой защиты отъ холода, вѣтра и пыли.

Мы сошли съ лошадей, которыхъ Мустровъ съ Киргизомъ разсѣдлали и стали поить, тогда какъ Акъ-Маматовъ отправился сбирать топливо. Черезъ нѣсколько минутъ запылалъ большой костеръ, бросая красноватый отблескъ на пустыню; мы связали вмѣстѣ вершины нѣсколькихъ невысокихъ кустарниковъ, укрыли ихъ полонами и чепраками, устроивъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ палатокъ, представлявшихъ, впрочемъ, весьма ненадежное убѣжище отъ вѣтра.

Къ счастію, у насъ былъ съ собою запасъ воды; мы приготовили чай, поужинали холодною бараниной, увернулись въ свои тулупы и расположились спать подъ импровизованными палатками. Подложивъ подъ головы сѣдла, а ноги протянувъ къ костру, мы скоро заснули глубокимъ сномъ несмотря на завываніе вѣтра.

Послѣ тяжелаго дневнаго переѣзда по пустынѣ, заснуть было не мудрено, но горько было просыпаться. Въ это время года ночи такъ же холодны, какъ жарки бываютъ дни, а предъ разсвѣтомъ даже морозитъ. Просыпаясь, вы не можете пошевелиться, всѣ члены окоченѣли; малѣйшее движеніе причиняетъ боль, а песчаное ложе кажется чуть не каменнымъ. Вы не можете стряхнуть съ себя какого-то сонливаго оцѣпенѣнія, а утомительный переѣздъ, который вамъ опять предстоитъ, кажется какою-то пыткой.

Весь день продолжали мы ѣхать песчаными холмами, на которыхъ не попадалось почти никакой растительности, ни малѣйшаго слѣда людей или животныхъ. Послѣ полудня я убилъ сайгаку и потомъ встрѣтили мы недавно выколанный колодезь, возлѣ сухаго дерева въ совершенно пустынной мѣстности. Ничего не было видно вокругъ кромѣ желтыхъ песчаныхъ холмовъ и равнины покрытой гравіемъ которую солнце обливало горячими лучами. Воронъ, свившій себѣ гнѣздо на самой вершинѣ оголеннаго дерева, былъ единственнымъ представителемъ живыхъ существъ въ этихъ мѣстахъ, да и онъ встрѣтилъ насъ какимъ-то непріязненнымъ, хриплымъ карканьемъ, и даже нѣсколько разъ пытался на насъ налѣтать. Песокъ кругомъ дерева былъ усыпанъ щитами маленькихъ черепахъ, бывшихъ жертвою алчности молодыхъ воронятъ.

Разъ случилось намъ въ этотъ день сбиться съ пути. Посмотрѣвъ на компасъ, я увидалъ что мы идемъ къ Казалѣ, то-есть по направленію совершенно противоположному нашей цѣли, и заподозрилъ Мустрова въ обманѣ. Онъ же увѣрялъ что нарочно свернулъ въ сторону, чтобы наласть на караванную дорогу отъ Казалы на Иркибай.

Нѣсколько часовъ послѣдовавшихъ за этимъ открытіемъ были для меня самыми тяжелыми со времени вступленія моего въ пустыню. Мы блуждали, сами не зная гдѣ искать дороги, и повидимому имѣли весьма мало шансовъ наласть на нее; къ довершенію нашего несчастія, намъ пришлось страдать отъ жажды. Благодаря безпечности Мустрова воды съ собой не захватили; съ прошлаго вечера я ничего еще не пилъ кромѣ чашки мутнаго чая, а длинный дневной переѣздъ при сильнѣйшей жарѣ довелъ меня почти до изнеможенія. Въ этомъ ничего не было и удивительнаго, такъ какъ я только-что выѣхалъ изъ снѣговыхъ стелей Сибири; въ пустынѣ я, правда, былъ всего четыре дня, но въ каждый изъ этихъ дней приходилось проѣзжать верхомъ около 70ти верстъ. Горло мнѣ жгло какъ огнемъ, голова горѣла, воспаленные глаза блуждали по сторонамъ. Я серіозно сталъ бояться чтобъ у меня не сдѣлалось воспаленіе въ мозгу. На цѣлыя мили кругомъ пустыня была покрыта сухимъ лескомъ. Если не найдемъ дороги, то неизвѣстно когда придется наласть на колодезь, а перспектива пробыть еще сутки или даже хоть одну ночь безъ воды сводила меня съ ума.

Цѣлые часы прошли въ этихъ невообразимыхъ мученіяхъ... Наконецъ, при самомъ солнечномъ заходѣ мы выѣхали на дорогу отъ Казалы на Иркибай, по которой проходилъ Великій Князь. Послѣ долгихъ поисковъ мы нашли наконецъ мелкое, тинистое озеро, болѣе похожее на мутную лужу. Вода оказалась почти густой отъ примѣси грязи; когда же я все-таки проглотилъ ее сколько могъ, то мнѣ весь ротъ, горло и желудокъ залепило иломъ, вкусъ котораго я чувствовалъ даже въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней. Наскоро перекусивъ, мы всѣ бросились на песокъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи.

Когда я проснулся въ три часа утра, звѣзды еще мерцали на темномъ небѣ. Люди мои сѣдлали лошадей, чтобы пораньше выступить, и мы пустились въ путь когда еще не занялась утренняя заря; подвигаясь по слѣдамъ арміи, мы

надѣялись добраться въ Иркибай до наступленія полуденной жары.

Въ девять часовъ мы подъѣхали къ мѣсту гдѣ почва спускалась пологою террасой, образуя долину, открывшуюся предъ нами на нѣсколько миль. Она была почти сплошь покрыта саксаулами съ распускающимися листьями. Хотя деревца эти были не выше четырехъ-пяти футовъ, но съ возвышенія на которомъ мы стояли они казались чуть ли не дубовымъ лѣсомъ. Посреди виднѣлось укрѣпленіе, которое я принялъ сперва за Иркибай. Когда же послѣ часовой ѣзды мы приблизились къ нему, то увидали то это были однѣ развалины. Чтобы подъѣхать къ самому укрѣпленію надо было переѣхать по высохшему руслу широкаго канала и подняться на пригорокъ. Тутъ предъ нами предстали остатки внѣшней стѣны; переѣхавъ за нихъ, мы очутились посреди развалинъ древняго города.

IX. Древній городъ.

Развалины почти сплошь были покрыты кустарникомъ; кругомъ виднѣлись остатки разрушенныхъ стѣнъ, а на вершинѣ холма были двѣ большія башни. Построенныя изъ необожженаго кирпича, онѣ быстро разрушались подъ вліяніемъ атмосферы, и ихъ можно было принять за земляные валы, еслибы не сохранилась довольно хорошо одна ихъ сторона. Можно было еще различить положеніе воротъ, которыя бы не трудно еще расчистить отъ завалившаго ихъ мусора. Поднявшись на вершину одной изъ этихъ башень, около тридцати футовъ вышины, я увидалъ что она мѣстами провалилась внутрь и подъ ногами слышалась пустота, что̀ доказывало что внизу было большое углубленіе.

Городъ былъ около мили въ діаметрѣ и окаймленъ съ трехъ сторонъ широкимъ, глубокимъ каналомъ, теперь высохшимъ, а съ четвертой, сѣверо-западной стороны, ограниченъ Яны-Дарьей, которою замыкался этотъ водяной кругъ. На разстояніи пятидесяти футовъ отъ наружнаго канала находились остатки стѣны, футовъ въ 15, а мѣстами и въ 20 вышиною, окружавшей когда-то весь городъ; тутъ же попадались и сторожевыя башни, немного повыше стѣны и лучше ея сохранившіяся. Всѣ постройки были изъ того же необожженаго

кирпича. Часть наружной стѣны выходившая къ рѣкѣ такъ хорошо еще сохранилась что на нее нельзя было взобраться безъ лѣстницы. Судя по старому руслу, Яны-Дарья была здѣсь саженъ въ сорокъ шириною.

Мустровъ мнѣ говорилъ что городъ этотъ построенъ былъ Каракалпаками, вытѣсненными сюда съ береговъ Сыръ-Дарьи около 1760 года. Они нетолько построили городъ, но провели сюда и воду изъ Сыра на разстояніи 200 миль, углубивъ русло Яны-Дарьи и создавъ такимъ образомъ новую рѣку. Самое названіе Яны-Дарья, означающее „новая рѣка", придаетъ нѣкоторую достовѣрность этому разказу.

Однакоже изъ другихъ источниковъ я узналъ что русло Яны-Дарьи гораздо древнѣе. По послѣднимъ изслѣдованіямъ оказывается что это была когда-то очень большая рѣка, чуть ли это даже не прежнее русло Сыръ-Дарьи. Чрезвычайно странно что относительно Сыръ-Дарьи, какъ и относительно Аму-Дарьи, найдены указанія на то что она прежде протекала другимъ русломъ, чуть ли не параллельно Аму-Дарьѣ, и также какъ и эта послѣдняя впадала въ Каспійское море. Что произвело это странное между ними сходство? Было ли это могущественное вулканическое сотрясеніе, поднявшее почву и внезапно измѣнившее теченіе обѣихъ большихъ рѣкъ, или же это произошло отъ болѣе простыхъ причинъ, оказавшихъ съ теченіемъ времени вліяніе и на всю окружающую страну.

Какая бы ни была тому причина, но ясно что берега Яны-Дарьи были еще незадолго до нашихъ дней заняты многочисленными поселеніями, кипѣвшими жизнью, вмѣсто этихъ кочевниковъ, которые теперь одни попадаются на ея берегахъ. Этимъ объясняется происхожденіе высохшихъ оросительныхъ каналовъ, которые такъ возбуждали мое любопытство съ самаго форта Перовскаго. Что за причины произвели это внезапное опустошеніе когда-то цвѣтущаго оазиса, достовѣрно неизвѣстно; но высохшее русло Яны-Дарьи могло быть прямою тому причиной. Мустровъ увѣрялъ что все это пришло въ упадокъ только со времени прибытія сюда Русскихъ, которые отсюда отвели воду, чтобы сдѣлать Сыръ-Дарью судоходною. Я впрочемъ не вѣрю этому, такъ какъ развалины все-таки относятся къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ за 15 лѣтъ тому назадъ, когда Русскіе впервые заняли эту часть Сыръ-Дарьи; хотя справедливо и то что глиняныя стѣ-

ны, изъ которыхъ состоитъ бо́льшая часть развалинъ, не будучи никѣмъ поддерживаемы, весьма скоро распадаются при разоупительномъ дѣйствіи лѣтнихъ жаровъ и зимняго снѣга.

Въ прежнее время Яны-Дарья текла еще миль на 15 дальше, а тамъ обмелѣвъ, образовала нѣчто въ родѣ болота, въ которомъ и терялись ея воды. Теперь и рѣка и болото это высохли, но одно уже то что рѣка эта была устроена руками человѣческими, есть фактъ громадной важности, указывающій на то какъ легко могутъ Кизилъ-Кумы быть орошены и воздѣланы. Въ Сыръ-Дарьѣ, конечно, найдется достаточно воды чтобъ орошать пустыню отъ этой рѣки до самаго Оксуса, а такъ какъ Кизилъ-Кумы понижаются по направленію къ Оксусу отъ ста до двухсотъ футовъ, то эта ирригація и не представитъ большихъ затрудненій. Правда, что въ такомъ случаѣ не осталось бы достаточно воды въ Сыръ-Дарьѣ для навигаціи; но на что и нужна навигація въ странѣ заселенной одними кочующими номадами?

Я убѣжденъ что по мѣрѣ распространенія русскаго владычества въ Центральной Азіи, вся страна между Сыромъ и Аму-Дарьей приметъ самый цвѣтущій видъ. Генералъ фонъ-Кауфманъ уже началъ у Самарканда обширныя ирригаціонныя работы, которыя хотя и были прерваны Хивинскою экспедиціей, но должны были опять продолжаться въ этомъ году. Онъ предполагаетъ собрать пятьдесятъ тысячъ Киргизовъ на линіи проектированнаго канала, снабдить ихъ всѣми орудіями и провизіей и такимъ образомъ закончить работы въ одинъ сезонъ. Киргизы, съ своей стороны, вполнѣ оцѣниваютъ важность предпріятія, которое можетъ сдѣлать ихъ собственниками богатой, орошеной страны; они съ восторгомъ привѣтствуютъ работы. Разъ практичность этого плана будетъ доказана на дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія что многія части Центральной Азіи, представляющія теперь безплодную пустыню, сдѣлаются странами съ такою же богатою почвою и произведеніями какъ Хива и Бухара.

Сѣвъ опять на лошадей послѣ двухчасовой остановки, и слѣдуя все тою же рѣчною долиной, мы черезъ полчаса встрѣтили двухъ русскихъ солдатъ. Фортъ былъ неподалеку. Мы пришпорили коней и выѣхавъ изъ маленькой чащи саксауловъ увидали, въ близкомъ отъ себя разстояніи, на сухой, безплодной плоскости, земляные валы, предъ которыми собрались группой русскіе солдаты и офицеры, слѣдя за нашимъ приближеніемъ.

X. Иркибай.

— Что васъ такъ долго задержало? былъ первый вопросъ которымъ меня встрѣтили, когда я подъѣхалъ къ группѣ офицеровъ.

— Да я, кажется, недолго ѣхалъ, отвѣчалъ я, недоумѣвая: всего четыре съ половиною дня.

— Четыре съ половиною дня? воскликнулъ офицеръ.—Да вы выѣхали изъ Казалинска цѣлыхъ тринадцать дней тому назадъ.

Это замѣчаніе меня очень встревожило, такъ какъ черезъ Казалу меня не пропустили, и я никакъ не думалъ что и сюда дойдетъ слухъ о моемъ проѣздѣ. Я уже начиналъ бояться что меня опять задержатъ, и потому не безъ трепета отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, но вѣдь я былъ задержанъ четыре дня въ фортѣ Перовскомъ.

— Въ Перовскомъ? переспросилъ офицеръ въ удивленіи.

— Да, отвѣчаю я уже тономъ нѣсколько извиняющимся:— я выѣхалъ оттуда только четыре дня тому назадъ.

— Да развѣ вы шли не съ хивинскимъ посланникомъ и это не вашъ караванъ? спросилъ онъ, указывая на что-то по тому направленію откуда я пріѣхалъ.

Я оглянулся. Слѣдомъ за Акъ-Маматовымъ и моими лошадьми медленно подходила длинная вереница верблюдовъ своимъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ. Это былъ караванъ хивинскаго посланника.

Теперь насталъ мой чередъ удивляться, такъ какъ посольство, выѣхавшее изъ Казалы въ одно время со мною, могло идти прямою дорогой, и ужь конечно не подвергалось, подобно мнѣ, такимъ многочисленнымъ остановкамъ по пути. Я даже когда-то мечталъ пристать самъ къ этому посольству, прежде еще чѣмъ всѣ планы мои были разбиты однимъ рѣшеніемъ добрѣйшаго капитана Верещагина, въ Казалѣ.

— Да кто же вы такой, наконецъ? спросилъ меня офицеръ, услыхавъ что я не принадлежу къ хивинскому посольству.

Я отвѣчалъ что я Американецъ, и нагоняю теперь армію генерала Кауфмана.

— Страннѣе этого я ничего въ жизнь мою не слыхивалъ; ушамъ не вѣрится. Ну, да надѣюсь что бумаги ваши въ порядкѣ; а пока слѣзайте-ка съ лошади: вы, должно-быть, очень устали.

Черезъ нѣсколько минутъ по приказанію того же офицера была разбита для меня кибитка, куда онъ меня и ввелъ самымъ любезнымъ образомъ. Это былъ капитанъ Гизингъ, комендантъ крѣпости. Во все короткое время моего съ нимъ знакомства относился онъ ко мнѣ съ такою добротой и радушіемъ которыя трудно было бы когда-нибудь забыть.

Приглашеніе его приходить обѣдать принялъ я, послѣ долгаго моего поста, съ величайшемъ удовольствіемъ, и затѣмъ мы пошли осматривать маленькую крѣпость. Это было совершенно простое земляное сооруженіе съ двумя угловыми бастіонами, окруженное мелкою пересохшею канавой и защищенное двумя пушками. Скромные размѣры этого укрѣпленія, однако, перестали удивлять меня когда я узналъ что оно все было сооружено въ 24 часа, при проходѣ здѣсь Великаго Князя Николая Константиновича. Крѣпостной гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и небольшаго числа казаковъ. Для солдатъ, также какъ и для офицеровъ, имѣлись кибитки, и на мѣстѣ былъ большой запасъ ячменю. Вода была очень вкусна и въ большомъ изобиліи, но мѣстность была чрезвычайно непріятная. Сухая, жесткая почва скоро разбита была солдатами въ пыль, которая носилась по вѣтру цѣлыми облаками, способными, кажется, удушить человѣка; въ добавокъ, въ эти дни наступила такая страшная жара, что несмотря на всю доброту съ которою относились ко мнѣ русскіе офицеры, непродолжительное мое пребываніе въ Иркибаѣ было почти невыносимо.

Оказалось что здѣсь никто не зналъ ничего ни о Кауфманѣ, ни о Казалинской колоннѣ, которая вышла отсюда двѣ недѣли тому назадъ. Впрочемъ, изъ того факта что хивинскій посланникъ былъ высланъ изъ Казалы къ Кауфману, въ Иркибаѣ заключали что этотъ послѣдній ожидалъ посольство гдѣ-нибудь въ пустынѣ. Этому предположенію я, впрочемъ, придалъ и тогда весьма мало вѣры: едва ли было возможно цѣлой арміи стоять такъ долго въ открытой пустынѣ, поджидая тянувшихся черепашьимъ шагомъ Хивинцевъ. Я увѣренъ былъ что Кауфманъ слѣшилъ добраться

до Аму-Дарьи, и потому рѣшился выѣхать на другое же утро и идти по слѣду Великаго Князя.

Комендантъ не препятствовалъ моему выѣзду. Онъ только говорилъ что путь этотъ становится очень опаснымъ, и уговаривалъ меня ѣхать за хивинскимъ посланникомъ, при которомъ, кромѣ его собственной свиты, состоялъ еще конвой изъ 25ти казаковъ. Я однакоже отклонилъ это предложеніе.

Въ тотъ же день отправился я знакомиться съ хивинскимъ посланникомъ, котораго не допустили войти крѣпость. Онъ расположился не подалеку за фортомъ. При немъ было около тридцати верблюдовъ для перевозки провизіи и багажа, и вообще онъ считался весьма великимъ посломъ по среднеазіятскимъ понятіямъ.

Величіе, однако, здѣсь какъ и вездѣ, имѣетъ свои невыгоды. Посолъ этотъ былъ такою важною особой что не рѣшался компрометтировать себя большою послѣшностію въ переходахъ. Выѣхавъ изъ Хивы съ тѣмъ чтобы застать Кауфмана въ Казалѣ, онъ подвигался впередъ такимъ неслѣшнымъ шагомъ что доѣхалъ до назначеннаго мѣста только два дня послѣ проѣзда Кауфмана. Остановившись здѣсь достаточно долгое время чтобы показать русскому генералу что представитель Хивы вовсе не торолится заводить переговоры, онъ направился обратно, разчитывая встрѣтить Кауфмана въ пустынѣ. Но величіе его до того стѣсняло и замедляло его движенія что онъ нагналъ Кауфмана лишь черезъ нѣсколько дней послѣ паденія Хивы. Къ этому времени, конечно, важность его миссіи нѣсколько поубавилась.

Хивинскій посланникъ выѣхалъ изъ Иркибая рано утромъ на слѣдующій день, 7го мая (25 апрѣля), но мнѣ не удалось выбраться раньше полудня. Гостепріимный калитанъ Гизингъ настоялъ чтобъ я завтракалъ у него, а затѣмъ удержалъ меня еще пить кофе, послѣ того какъ часть моихъ людей уже выѣхала. Онъ мнѣ далъ десять четвериковъ ячменя для моихъ лошадей, отказываясь взять за него деньги и говоря что донесетъ объ этомъ въ главную квартиру, а Кауфманъ уже съ меня взыщетъ деньги, если найдетъ это нужнымъ. Также далъ онъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ знакомымъ офицерамъ; словомъ, я былъ принятъ имъ не хуже блуднаго сына, возвратившагося въ отчій домъ.

Наконецъ, пожавъ еще разъ руки всѣмъ офицерамъ, я вскочилъ на лошадь и ускакалъ изъ форта вмѣстѣ съ Мустровымъ, который почти потерялъ терпѣнье, поджидая меня цѣлыхъ два часа.

XI. Безводная степь.

Дорога по которой пришлось ѣхать была широка и хорошо убита. Это былъ обычный караванный путь, сохранившій на себѣ еще всѣ признаки недавно проходившей арміи, между прочимъ начали попадаться и верблюды павшіе на дорогѣ отъ изнеможенія. Часоваго галопа оказалось достаточно чтобы нагнать моихъ людей, выѣхавшихъ прежде. Партія моя теперь увеличилась еще двумя лошадьми и Киргизомъ, который везъ почту, довѣренную мнѣ капитаномъ Гизингомъ.

Тутъ мы выѣхали въ первый разъ въ ту часть пустыни которая представляетъ для путешественника наибольшія опасности, окружаетъ его невообразимыми ужасами.

Благодѣтельныя рѣки, также какъ частые колодцы и маленькія озера, остались уже далеко за нами, но видъ мѣстности тѣмъ не менѣе очень привлекателенъ. По всѣмъ направленіямъ раскинулись маленькія возвышенности, покрытыя роскошною темнозеленою муравой, которая могла бы соперничать по красотѣ съ роскошными покровами американскихъ долинъ, тогда какъ небольшія песчаныя мѣста, попадавшіяся кое-гдѣ, блестѣли какъ золото при яркомъ свѣтѣ солнца съ безоблачнаго неба.

Но вся красота эта—одинъ обманъ. Маленькія возвышенности эти состоятъ изъ однаго сылучаго леска, одѣтаго зеленью, которая скрываетъ подъ собою ужасы. Цвѣты зацвѣтаютъ и засыхаютъ въ нѣсколько дней. Зелень состоитъ изъ горькой негодной травы, высокой и мягкой, покрывающейся особаго рода цвѣтами, которые сладаютъ при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи и издаютъ отвратительный запахъ. Подъ листьями скрываются скорпіоны, тарантулы, громадныя ящерицы, часто до шести футовъ длины, черепахи и змѣи; тутъ же валяются во множествѣ зловонные трупы верблюдовъ. Заблудившись въ этомъ песчаномъ океанѣ, безъ проводника и безъ воды, вы можете пробродить цѣлые дни,

лока не свалитесь въ изнеможеніи вмѣстѣ съ вашею лошадью, умирая отъ голода и жажды на этой зловонной, негодной травѣ, которая послужитъ вамъ и ложемъ, и саваномъ, и могилой.

Въ эту безотрадную долину въѣзжаемъ мы съ какимъ-то болѣзненнымъ, подавляющимъ чувствомъ. Отсюда до первыхъ колодцовъ Кизилъ-Какъ еще цѣлыхъ 60 миль степи, и на весь этотъ переѣздъ при насъ имѣется только два турсука воды, которой придется пробавляться пятерымъ людямъ и восьми лошадямъ. Погоняемъ лошадей чтобы только скорѣе отсюда выбраться. Красное солнце медленно, точно нехотя, подвигается къ закату и затѣмъ вдругъ исчезаетъ за горизонтомъ. Вечернія тѣни сгущаются, окружающая пустыня скрывается въ ночномъ мракѣ и затѣмъ опять освѣщается блѣднымъ, невѣрнымъ свѣтомъ восходящаго мѣсяца. Проходятъ цѣлые часы. Мы проѣзжаемъ мимо погруженныхъ въ тишину кибитокъ, тлѣвшихъ костровъ и поуснувшихъ верблюдовъ хивинскаго посланника, который повидимому остановился на ночлегъ уже съ давнихъ поръ; наконецъ и мѣсяцъ поднялся надъ нашими головами, а мы все продолжаемъ ѣхать впередъ.

Соснувъ часа три мы опять садимся на лошадей. Солнце бросаетъ какой-то зловѣщій отблескъ на голую мѣстность, кругомъ не видать почти никакой растительности, даже не попадается больше негодной травы, какъ въ прошлый переѣздъ. По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся, солнце палитъ все жарче, достигаетъ зенита и безжалостно жжетъ насъ съ высоты безоблачнаго неба. Песокъ блеститъ и жжетъ какъ горячій пепелъ; атмосфера проникнута какимъ-то красноватотуманнымъ блескомъ, который ослѣпляетъ глаза и жжетъ мозгъ какъ жаръ исходящій изъ какого-нибудь адскаго горнила; внизу, у самаго горизонта, миражъ представляетъ намъ призрачныя деревья при водѣ — быть-можетъ призраки далекихъ хивинскихъ садовъ по берегамъ Оксуса; лошади наши плетутся по сыпучему леску понуривъ головы и ловѣсивъ уши; къ вечеру подъѣзжаемъ мы къ колодцамъ Кизилъ-Какъ, и я бросаюсь на песокъ внѣ себя отъ изнеможенія.

Нѣсколько Киргизовъ съ верблюдами и лошадьми только что напоили своихъ животныхъ и уже собирались уходить; но увидя что мы подъѣзжаемъ усталые и измученные, они

остановились и стали самымъ добродушнымъ образомъ вытаскивать воду для насъ и для нашихъ лошадей. Колодезь былъ футовъ около 60ти глубины, и огороженъ твердыми, причудливо изогнутыми стволами саксауловъ. У отверстія, которое было очень узко, устроено было въ землѣ, также изъ древесныхъ стволовъ, что-то въ родѣ бассейна отъ восьми до десяти футовъ въ діаметрѣ. Сюда-то вливали воду для пойла животныхъ. Вытягивать воду изъ этихъ глубокихъ колодцевъ для животныхъ составляетъ такую тяжелую работу, что Киргизы на нее всегда употребляютъ еще и лошадиную силу.

Колодцы эти очень любопытны. Никто не знаетъ кѣмъ они были вырыты и когда, а они находятся теперь все въ томъ же положеніи какъ и нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда войска Тамерлана утоляли изъ нихъ нихъ свою жажду. Прошли вѣка, смѣнилось много поколѣній, исчезли даже цѣлыя расы людей, міръ успѣлъ состарѣться, а прозрачныя воды этихъ колодцевъ все также свѣжи и неистощимы.

Остановившись ненадолго чтобы покормить лошадей и закусить самимъ сухарями и „ираномъ“ доставленнымъ Киргизами, мы опять пускаемся въ путь незадолго до захода солнечнаго. Едва выѣхали мы на дорогу, какъ намъ попадается караванъ. Подходитъ караванъ-баши, ведущій караванъ; мы останавливаемся, и происходитъ обычный въ такихъ случаяхъ обмѣнъ новостей.

Послѣ обычныхъ привѣтствій мы спрашиваемъ не попадалась ли имъ гдѣ русская армія.

— О, да, было отвѣтомъ, — мы встрѣтились съ нею въ Тамды.

— А гдѣ Тамды? спрашиваю я, соскакивая съ лошади и развертывая свою карту.

— Въ десяти дняхъ пути отсюда, отвѣчали мнѣ.

— Десять дней! Быть не можетъ. По картѣ однакоже оказалось также что мѣсто это отстоитъ отъ колодцевъ Кизилъ-Какъ на 240 верстъ по прямой линіи, что по дорогѣ составляло бы добрыхъ триста. И на переходъ этотъ обыкновеннымъ шагомъ каравана потребовалось бы не менѣе десяти дней.

Надо вспомнить что выѣхалъ я изъ Казалы въ полной увѣренности что фонъ-Кауфманъ изъ Ташкента сначала прямо направится на сѣверо-западъ отъ Джизака, къ

горамъ Буканъ-Тау, здѣсь произойдетъ встрѣча съ Казалинскою колонной и соединенный отрядъ направится къ рѣкѣ. Теперь я былъ на разстояніи всего одного дня пути отъ горъ Буканъ-Тау; понятно что я надѣялся весьма скоро настичь армію. Итакъ, можно вообразить себѣ какъ пораженъ я былъ извѣстіемъ что послѣ семидневнаго переѣзда пустыней я нахожусь чуть ли еще не на такомъ же разстояніи отъ Кауфмана какое я предполагалъ при выѣздѣ моемъ изъ Перовскаго.

Но надежда никогда не покидаетъ человѣка, и я сталъ думать что быть-можетъ Кауфманъ и не дошелъ еще до горъ Буканъ-Тау и не началъ еще своего движенія къ Оксусу. Если же онъ направился къ этимъ горамъ съ юга, а я ѣхалъ туда же съ сѣвера, то мы несомнѣнно должны встрѣтиться. Не тамъ ли онъ теперь, такъ какъ караванъ встрѣтилъ его еще десять дней тому назадъ?

— Въ какую сторону шли Русскіе? спрашиваю я.

— Къ югу.

— Какъ къ югу? Да вѣдь Кауфманъ шелъ на сѣверо-западъ. Я уже начиналъ думать что они совсѣмъ и не видали Русскихъ.

— Нѣтъ. Оттуда онъ пошелъ на Аристанъ-бель-Кудукъ.

Это дѣйствительно было на югѣ; къ тому же я слышалъ и отъ капитана Гизинга объ этомъ мѣстѣ: извѣстіе было правдоподобно.

— Гдѣ же Аристанъ-бель-Кудукъ?

— Въ двухъ дняхъ пути отъ Тамды, къ югу.

Я начиналъ безпокоиться. Аристанъ-бель-Кудука на картахъ не было; но я все предполагалъ до тѣхъ поръ что это мѣсто находится гдѣ-нибудь въ горахъ Буканъ-Тау. Если же оно было въ двухдневномъ переходѣ отъ Тамды на югъ, а не на западъ, то Кауфманъ, очевидно, шелъ совершенно по другой дорогѣ чѣмъ я предполагалъ. Онъ долженъ былъ еще десять дней тому назадъ пройти къ югу, на Аму-Дарью, и я теперь совершенно былъ сбитъ съ толку. Вмѣсто того чтобы нагнать его черезъ день, какъ я надѣялся, на это могли теперь потребоваться нѣсколько недѣль. Успѣхъ моего предпріятія начиналъ казаться безнадежнымъ.

Идти назадъ, однако, было почти такъ же трудно какъ идти впередъ, и я рѣшился, скрѣпя сердце, на послѣднее, и мы двинулись дальше. Ѣхали всю ночь; на слѣдующее утро

въ половинѣ шестаго, тотчасъ по восходѣ солнца, показались горы Буканъ-Тау, отстоящія еще верстъ на тридцать. Мѣстность здѣсь уже не была холмиста, а постепенно спускалась переходя въ гладкую равнину, горы же представлялись темными, голыми и безжизненными, безъ малѣйшаго признака растительности.

Мы немного остановились чтобы полюбоваться непривычнымъ видомъ, и были нагнаны ауломъ, состоящимъ изъ 15ти—20ти верблюдовъ и столькихъ же кибитокъ, направлявшихся къ Буканъ-Тау. Верблюды были тяжело навьючены; любопытно было видѣть какъ цѣлыя семейства со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ передвигались на спинѣ этихъ терпѣливыхъ, кроткихъ животныхъ. Случается что одинъ верблюдъ несетъ на себѣ не только кибитку со всѣми ея принадлежностями, но еще двухъ женщинъ и нѣсколько дѣтей, такъ же удобно возсѣдающихъ на его спинѣ какъ въ экипажѣ.

Около девяти часовъ мы подъѣхали къ подошвѣ горъ. Здѣсь стояло два аула у источника превосходной ключевой воды. Мы остановились; гостепріимные Киргизы тутъ же разбили для меня кибитку, гдѣ я разлегся чувствуя такую усталость какой, кажется, никогда еще до тѣхъ поръ въ жизнь свою не испытывалъ. Хотя время еще было раннее, солнце уже пекло невыносимо, и тѣнь кибитки представлялась совершеннымъ раемъ. Кромѣ того, за исключеніемъ чая, сухарей и урана, я ничего не ѣлъ съ самаго Иркибая, т.-е. въ продолженіе 50ти часовъ, переѣхавъ въ это время около полутораста верстъ. Проглотивъ чашку чая, наскоро приготовленнаго Акъ-Маматовымъ, я велѣлъ ему узнать не продастъ ли кто намъ барана, а самъ бросился на одѣяла которыя оказались въ кибиткѣ, и въ ту же минуту уснулъ мертвымъ сномъ.

XII. Буканъ-Тау.

Горы Буканъ-Тау невыше одной тысячи футовъ и лишены всякой растительности — ни кустарника, ни былинка не оживляютъ ихъ пустыннаго вида. Онѣ состоятъ изъ песчанника, который постоянно обсыпается. Хотя и очень небольшія, горы эти представляютъ всѣ особенности высокихъ горныхъ хребтовъ, есть тутъ и миніатюрные пики, конусообразныя вершины, глубокія долины и страшныя пропасти.

Мы отдыхали здѣсь цѣлый день; на слѣдующее утро начали огибать Буканъ-Тау съ сѣвера. Здѣсь горы образовали легкій спускъ, постеленно переходившій въ равнину. Одна встрѣча здѣсь напомнила намъ объ опасности которой мы ежеминутно подвергались. Я выѣхалъ въ сопровожденіи Мустрова немного впередъ, и мы стали подниматься на маленькую возвышенность, чтобы тамъ дождаться остальныхъ. Здѣсь мы увидали около дюжины всадниковъ, которые подъѣзжали по дорогѣ лежащей предъ нами. При нихъ не было верблюдовъ, стало-быть они не могли принадлежать къ аулу; къ тому же всѣ они были вооружены ружьями, закинутыми за плечи. Мустровъ казался очень испуганнымъ, такъ какъ Туркмены часто дѣлаютъ набѣги на Киргизовъ до самаго Буканъ-Тау, и это легко могла быть партія этихъ хищниковъ. Въ послѣдствіи я узналъ что въ это время дѣйствительно въ горахъ разъѣзжали Туркмены.

Мы приготовили свое оружіе и съ безпокойствомъ посматривали въ сторону гдѣ остался Акъ-Мамаковъ. Подвинувшись, однако, еще немного впередъ, мы распознали что всадники эти были Киргизы, и черезъ нѣсколько минутъ Мустровъ уже пожималъ имъ руки. Остановились поговорить. Они намъ сообщили еще новости объ отрядѣ Великаго Князя Николая Константиновича, при которомъ они ѣхали изъ Казалы въ качествѣ джигитовъ.

По ихъ словамъ, Великій Князь сошелся съ Кауфманомъ еще десять дней тому назадъ на Аристанъ-бель-Кудукѣ, и соединенный отрядъ двинулся на Каракати. Это были опять-таки дурныя для меня вѣсти. На картѣ я увидалъ что Каракати лежитъ въ 60 верстахъ на югъ отъ Тамды, и заключилъ что если Кауфманъ вышелъ десять дней тому назадъ изъ Аристанъ-бель-Кудука, то онъ уже долженъ былъ пройти Каракати, направляясь къ рѣкѣ. Я увидалъ также что мѣсто это (Каракати) было отъ насъ не дальше чѣмъ Тамды, и что въ нѣсколькихъ верстахъ впереди, у колодца, караванный путь, развѣтвляясь къ югу, велъ къ этому мѣсту. Я рѣшился свернуть на эту дорогу.

Въ полдень мы совершенно неожиданно спустились въ маленькую долину, которая разстилалась у подножія горъ. Это была долина Юзъ-Кудукъ или „сто колодцевъ“. Растительности въ этой долинѣ не было никакой, кромѣ рѣденькой травки, но за то по ней протекалъ небольшой ручей, который

чрезвычайно насъ порадовалъ. Онъ извивался узкою лентой между двумя голыми песчаными холмами. Слѣдуя вверхъ по его теченію, мы скоро доѣхали до источниковъ. По долинѣ было разсѣяно отъ 25 до 30 колодцевъ: нѣкоторые были совершенно полны, въ другихъ вода была на глубинѣ отъ пяти до десяти футовъ отъ краевъ. Въ этихъ послѣднихъ вода была чрезвычайно холодна и вкусна. Соскочивъ съ лошадей, мы поспѣшно спустили на веревкахъ въ колодцы наши чайники. Какъ освѣжила эта живительная холодная влага наши засохшія гортани, запекшіяся губы и обожженныя солнцемъ запыленныя лица!

Отсюда до слѣдующаго колодца, на разстояніи 35 верстъ, мѣстность хотя все еще песчаная, переходила въ возвышенность, перерѣзанную многочисленными ямами и оврагами, а слѣва я замѣтилъ низкій горный хребетъ, тянувшійся къ западу, параллельно нашему пути. Хребта этого я не нашелъ ни на одной изъ существующихъ картъ, но мнѣ онъ кажется продолженіемъ горъ Урта-Тау, означенныхъ на послѣдней картѣ Хивы, изданной русскимъ штабомъ. Я нашелъ ихъ на цѣлыхъ полтораста верстъ далѣе на западъ чѣмъ онѣ обозначены на этой картѣ; возвышались онѣ къ сѣверо-западу рядомъ длинныхъ холмовъ, изъ которыхъ каждый былъ рѣзко срѣзанъ и представлялъ крутой склонъ къ западу. Такихъ возвышенностей попалось мнѣ три между Юзъ-Кудукомъ и Танджарыкомъ, на пространствѣ около семидесяти верстъ.

Не сходя съ лошадей почти всю слѣдующую ночь, мы подъѣхали около полудня къ колодцу Танджарыкъ. Онъ отстоитъ болѣе версты отъ дороги, и мы нашли его только благодаря тому что замѣтили въ той сторонѣ нѣсколько Киргизовъ, ловившихъ своихъ лошадей и овецъ. Подъѣхавъ ближе, мы увидали что Киргизы всѣ собрались вокругъ низкой глиняной стѣны, окружавшей колодезь. Они тотчасъ же дали намъ мѣсто, и помогли намъ напоить лошадей. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, одѣтый богаче чѣмъ обыкновенно одѣваются Киргизы, пригласилъ насъ въ свой аулъ и предложилъ мнѣ остановиться въ его собственной кибиткѣ. Солнце стояло высоко, крова у насъ не было никакого, и потому я съ радостью принялъ это предложеніе; напоивъ лошадей, мы сѣли на нихъ опять и послѣдовали за гостепріимнымъ Киргизомъ. Аулъ его отстоялъ на цѣлыхъ пять верстъ и былъ совер-

шенно скрытъ изъ вида въ маленькой лесчаной котловинѣ. Послѣ долгаго переѣзда нескончаемыми лесчаными холмами и саксаулами, мы вдругъ выѣхали къ двѣнадцати кибиткамъ, расположеннымъ безо всякой системы и порядка.

Пригласившій насъ Киргизъ ввелъ меня въ свою кибитку и представилъ, какъ я потомъ понялъ, своей женѣ, старой и дурной, и своей молоденькой красивой невѣсткѣ. Онѣ поочередно подошли ко мнѣ, брали мою руку въ обѣ свои, ложимали ее и клали ее затѣмъ на свои головы въ знакъ привѣтствія. Я расположился на циновкахъ которыя женщины разстелили для меня и принялся счищать и смывать пыль и грязь, облѣпившія мое лицо, руки и одежду въ теченіе этого трехдневнаго переѣзда. Приведя себя въ болѣе человѣческій видъ, я уже располагался спать, когда вбѣжала въ кибитку еще старая Киргизка и стала предо мной, рыдая, ломая свои руки и обращаясь ко мнѣ съ цѣлымъ потокомъ рѣчей, изъ которыхъ я могъ понять всего одно слово Туркменъ. Я было обратился къ хозяину за объясненіемъ, но и съ нимъ не могли мы объясняться безъ помощи Акъ-Маматова, занятаго еще уборкой лошадей; онъ только ложалъ плечами, точно давая понять что это старая пѣсня. Старуха же, покончивъ свой разказъ, сѣла у двери и такъ уставилась на меня своими безпокойными глазами что мнѣ наконецъ стало нѣсколько неловко подъ этимъ пристальнымъ взглядомъ. Когда вошелъ Акъ-Маматовъ, старуха повторила опять все съ начала, а Акъ-Маматовъ передалъ мнѣ отрывки изъ ея длиннаго разказа.

Недѣль за шесть предъ тѣмъ аулъ этотъ пасъ свои стада въ горахъ Буканъ-Тау, близъ Юзъ-Кудука. Старуха говорила что у нея былъ всего одинъ сынъ, который ее прокармливалъ на старости лѣтъ. У нихъ была кибитка, верблюдъ, тридцать овецъ, и они жили счастливо. Разъ какъ-то сынъ ея, парень красивый и крѣпкій, выѣхалъ со стадомъ своимъ въ горы; партія Туркменъ, разъѣзжавшихъ тѣмъ временемъ въ этихъ мѣстахъ, напала на него и угнала его съ лошадью и овцами въ Хиву. Теперь у нея, говорила она, ничего не остается кромѣ одной кибитки; но главное горе въ томъ что сына навѣрное продадутъ въ рабство, и она никогда его больше не увидитъ. Тутъ она опять разразилась рыданіями до того отчаянными что я былъ тронутъ. На вопросъ Акъ-Маматова, чего она отъ меня хочетъ, она отвѣчала что мо-

КИРГИЗЪ.

жетъ-быть я могу ей помочь отыскать и освободить ея сына. Я сталъ увѣрять ее черезъ Акъ-Маматова что со вступленіемъ Русскихъ въ Хиву всѣ рабы будутъ освобождены, а что я самъ и мои люди не только постараемся разыскать ея сына, но позаботимся также чтобъ ему возвращена была его лошадь или дана другая еще лучше, и столько же овецъ, сколько у него было отнято, или ихъ стоимость. Такъ что не дальше какъ черезъ два мѣсяца она опять увидитъ своего сына веселымъ и на хорошей лошади. Когда ей передали эти обѣщанія, она выказала самую безумную радость и ушла совершенно осчастливленная.

Я обратился затѣмъ къ хозяину, спрашивая правдивъ ли разсказъ старухи. Онъ отвѣчалъ мнѣ что женщина эта говорила правду; такіе случаи повторяются чуть ли не каждый годъ, и изъ-за нихъ-то возникла такая смертельная вражда между Киргизами и Туркменами. На вопросъ мой, неужели Туркмены дѣйствительно такъ страшны, онъ отвѣчалъ что совсѣмъ нѣтъ, но нападаютъ они только тогда когда значительно превышаютъ численностію своего непріятеля, или же въ такихъ случаяхъ какъ настоящій, гдѣ не было никакого риска. Въ равномъ же бою Киргизы всегда Туркменъ одолѣютъ.

Хозяинъ кибитки оказался не русскимъ Киргизомъ, а бухарскимъ, имя его было Бей-Табукъ и онъ былъ главою цѣлаго киргизскаго рода. Первый мой вопросъ въ разговорѣ съ нимъ былъ, конечно, о Кауфманѣ. По его словамъ, Кауфманъ дѣйствительно былъ на Каракати, но теперь уже онъ на Хала-Ата. Онъ самъ только-что оттуда пріѣхалъ, видѣлъ всю армію, потому и говоритъ вѣрно, а не по слухамъ.

Послѣ множества разныхъ разспросовъ относительно разстояній до Бухары, я заключилъ что мѣсто Хала-Ата, не помѣченное ни на одной картѣ, должно находиться около полутораста верстъ къ югу отъ Каракати, въ полутораста верстахъ отъ Аму-Дарьи и въ такомъ же разстояніи отъ Бухары, такимъ образомъ вмѣсто того чтобъ идти на Каракати, ближе всего мнѣ теперь будетъ идти на перерѣзъ пустыни, къ рѣкѣ, немного къ юго-западу. Эти предположенія мои вполнѣ подтверждены были Бей-Табукомъ: такимъ образомъ, говорилъ онъ, я прямо дойду до Хала-Ата, но по этому направленію не существуетъ не только караваннаго пути, но даже и тропинки тамъ не проложено.

Я однако рѣшился идти по этому пути, хотя и предвидѣлъ что Мустровъ тутъ уже не можетъ служить мнѣ проводникомъ. Опять обратился я къ Бей-Табуку, спрашивая, не найдетъ ли онъ мнѣ проводника; онъ отвѣчалъ что охотно бы и самъ со мною пошелъ, да подрядился привести въ Хала-Ату барановъ, и не хочетъ вернуться туда безъ нихъ.

— Такъ покупайте барановъ, ихъ приведутъ послѣ, а мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Да денегъ мнѣ на покупку не дали.

— Неужели же вы не вѣрите что Русскіе послѣ заплатятъ?

— Я-то имъ вѣрю, но Киргизы барановъ все-таки не выпустятъ безъ денегъ.

— Сколько же надо купить барановъ?

— Штукъ около пятидесяти.

— Хорошо, я заплачу за барановъ, если вы со мной пойдете проводникомъ.

На послѣднее онъ немедленно согласился; поговорили еще и рѣшили что самъ онъ пойдетъ со мной, и найдетъ кого-нибудь другаго для доставки барановъ въ Хала-Ату.

Подъ вечеръ сѣли мы на лошадей и поѣхали искать барановъ. Въ пустынѣ мы безпрестанно наѣзжали самымъ неожиданнымъ образомъ на аулы, почти совершенно скрытые въ маленькихъ песчаныхъ ложбинахъ. Какимъ образомъ мы ихъ находили, я и теперь понять не могу. Барановъ нашлось много и всѣ оказывались въ очень хорошемъ состояніи. Мы объѣхали съ полдюжины ауловъ и вездѣ были приняты самымъ радушнымъ образомъ. Въ одномъ, впрочемъ, мѣстѣ какая-то старуха рѣшительно протестовала противъ моего присутствія; хотя я и не слѣзалъ съ лошади, она все-таки громко ругала меня, насколько я могъ понять изъ ея сердитаго голоса и угрожающихъ жестовъ. Пара блестящихъ лукавыхъ глазъ, выглядывавшихъ изъ кибитки, предъ которой стояла эта старая вѣдьма, разомъ пояснили мнѣ причину ея злобы и опасеній.

XIII. Домашній бытъ Киргизовъ.

Замѣтивъ въ теченіи вечера что Акъ-Маматовъ очень заинтересованъ какимъ-то разказомъ Бей-Табука, я спросилъ у него что̀ тотъ говоритъ, и мнѣ передали слѣдующій слу-

чай, который можетъ дать нѣкоторое понятіе о магометанскихъ законамъ относительно убійства.

У Киргизовъ, также какъ и у многихъ другихъ магометанскихъ народовъ, убійство не наказывается смертною казнью, но убійцу приговариваютъ къ уплатѣ родственникамъ убитаго пени, сообразной съ состояніемъ этого послѣдняго. Въ случаѣ же если убійца не въ состояніи уплатить назначенную сумму, онъ обязанъ идти въ семью убитаго и выслужить тамъ, въ качествѣ раба, такой срокъ который бы выкупилъ назначенную сумму. За убійство старика, старухи или ребенка, въ особенности дѣвочки, штрафъ полагается меньшій, чѣмъ за молодыхъ мущинъ и женщинъ.

Двое братьевъ Киргизовъ часто ссорились и наконецъ возненавидѣли другъ друга. Одинъ изъ нихъ, чтобы досадить другому, убилъ маленькую свою племянницу, сироту-уродца, оставленную на его попеченіи умирающею сестрою, и ночью никѣмъ незамѣченный, положилъ мертвое тѣло у входа въ братнину кибитку. Улика эта найдена была вполнѣ достаточной, и ни въ чемъ неповинный братъ присужденъ былъ выплатить значительный штрафъ убійцѣ, какъ единственному родственнику убитой дѣвочки. Онъ, однако, рѣшился отплатить брату тою же монетой: нашелъ въ отдаленномъ аулѣ какую-то свою двоюродную тетку, старуху лѣтъ восьмидесяти, убилъ ее и положилъ тѣло у дверей брата убившаго дѣвочку. Тогда первый убійца, въ свою очередь, былъ приговоренъ къ штрафу; а такъ какъ старуха и уродецъ ребенокъ стояли въ одной цѣнѣ, то счеты братьевъ и были уравнены.

Киргизамъ дозволено разбирать ссоры свои по своимъ законамъ, но для Киргизовъ русскихъ подданныхъ Кауфманъ учредилъ апелляціонные суды, составленные изъ русскихъ чиновниковъ. Эти суды, однако, не вмѣшиваются въ дѣло пока одна изъ сторонъ не обратится къ нимъ за разбирательствомъ или съ просьбой о наказаніи какого-нибудь волію щаго преступленія; да еще судъ употребляетъ иногда свой авторитетъ для защиты женщинъ, какъ въ томъ случаѣ о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ.

На слѣдующее утро я далъ Бей-Табуку денегъ на покупку полсотни барановъ, и онъ рано выѣхалъ съ Акъ-Маматовымъ, обѣщая ихъ всѣхъ пригнать къ полудню. Я же остался въ кибиткѣ, разлегся опять отдыхать на коврѣ, слѣдя за

занятіями женщинъ, ихъ хлопотами по хозяйству, и изучая будничный складъ домашней жизни киргизскаго семейства.

Дневныя работы начались съ того что подоили овецъ, козъ, верблюдовъ и выгнали ихъ на пастбище; стали выбивать войлокъ, ковры, чистить всѣ хозяйственныя принадлежности и опять все устанавливать по мѣстамъ; напоили двухъ полунагихъ ребятъ *ираномъ* и выслали ихъ играть на пескѣ; тѣмъ же питательнымъ *ираномъ* напоили и маленькаго верблюда, который былъ привязанъ снаружи кибитки и не переставалъ жалобно выть. Затѣмъ послѣдовало лѣченье больной овцы и жеребенка, при всеобщей болтовнѣ и оглушительномъ шумѣ; наносили также топлива на цѣлый день. Наконецъ старуха вскочила верхомъ по-мужски на лошадь, взяла турсукъ, и поскакала за водой къ дальнему колодцу, оставляя меня одного съ молодой своей снохой. Эта послѣдняя скоро вошла въ кибитку, усѣлась, даже и не взглянувъ въ мою сторону, взяла лукъ шерсти и деревянное веретено, на которомъ навито уже было множество нитокъ, и начала прясть съ такимъ скромнымъ, женственнымъ видомъ, который меня положительно очаровалъ.

У нея были большіе черные глаза, осѣненные длинными рѣсницами; рѣзкій монгольскій типъ ея круглаго лица не портилъ ее, придавая какой-то странный, нѣсколько дикій характеръ ея красотѣ. На головѣ носила она высокій тюрбанъ всѣхъ замужнихъ Киргизокъ, и одѣта была въ короткую куртку изъ красной шелковой матеріи съ вышивкой, открытую на груди, и въ цѣломъ представляла такую привлекательную картину, что я отъ души завидовалъ молодому Бей-Табуку, раздумывая о томъ, оцѣняетъ ли онъ по достоинству доставшееся ему сокровище. Не изъ-за такой ли женщины одинъ изъ еврейскихъ праотцевъ прослужилъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ которыя показались ему немногими днями ради любви его? Не такую ли они вели жизнь потомъ, не такъ же ли они работали, жили и трудились?

И вотъ, пока я тутъ лежалъ на мягкомъ коврѣ, предо мною рисовались какъ въ видѣніи событія происходившія за цѣлыя тысячелѣтія до нашихъ дней, многочисленныя стада овецъ и скота Авраама, проносились туманными картинами образы Исаака, Исава, Іакова, Сарры, Ревекки Рахили, Агари, Руѳи.

Веретено тѣмъ временемъ вертѣлось не переставая, издавая какое-то усыпляющее жужжаніе. Сдѣлано оно было изъ особаго рода твердаго дерева, гладко обточеннаго, и я съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ какъ Киргизка, посредствомъ одного этого куска дерева, производила работу всѣхъ нашихъ паровыхъ машинъ, колесъ и прядильныхъ станковъ. Вытянувъ нитку шерсти, она вертѣла между ладоней острый конецъ веретена и затѣмъ, держа руку съ намотанною на нее шерстью высоко надъ головой, пускала веретено вертѣться до тѣхъ поръ пока не ссучивалась самая тонкая нитка, которая наматывалась на нижнюю часть веретена, и вся процедура повторялась снова. Все это было дѣломъ чрезвычайно простымъ и вовсе не мѣшкотнымъ. Веретено все росло и росло въ объемѣ, принимая, странное дѣло, именно ту форму какъ и тысячи веретенъ которыя можно видѣть на всякой бумаго-прядильной фабрикѣ.

Вопреки своему обѣщанію вернуться къ полудню, ни Бей-Табукъ, ни Акъ-Маматовъ глазъ не показывали до самаго вечера, да и тогда вернулись не приведя съ собой ни одного барана. Всѣ оправданія ихъ сводились къ тому что хотя барановъ можно было достать сколько угодно, но никто не соглашался гнать ихъ въ Хала-Ату.

— Но я видѣлъ множество молодыхъ ларней въ сосѣднихъ аулахъ, и у всѣхъ у нихъ были лошади, говорилъ я, — неужели ни одинъ изъ нихъ не хочетъ идти ни за какую плату?

Акъ-Маматовъ увѣрялъ что они ни за что̀ не соглашаются идти, а Бей-Табукъ возвратилъ мнѣ мои деньги. Я не повѣрилъ ни слову изъ ихъ нелѣпыхъ басенъ и мысленно обвинялъ во всемъ Акъ-Маматова. Я почти былъ увѣренъ что онъ опять перечилъ мнѣ по какой-то ему одному извѣстной причинѣ; но такъ какъ переговоровъ съ Бей-Табукомъ вести я не могъ безъ помощи того же Акъ-Маматова, то не могъ ничѣмъ и помочь этому дѣлу.

Дѣлать было нечего, приходилось покориться, а такъ какъ было уже слишкомъ поздно выѣзжать въ этотъ день, то я, волей-неволей, принужденъ былъ переночевать опять у Бей-Табука. Я однако попросилъ его непремѣнно разыскать мнѣ проводника. Онъ тотчасъ же отправился на поиски и вернулся съ молодымъ Киргизомъ, который соглашался за 25 рублей вести меня въ Хала-Ату, ближайшимъ путемъ, прямо на перерѣзъ пустыни. Хотя цѣна была безобразная, я

согласился дать и ее, такъ какъ время не терпѣло. Проводникъ обѣщалъ быть готовымъ выѣхать рано слѣдующимъ утромъ, и съ этимъ мы разстались.

Солнце садилось; пастухи пригнали стада козъ и барановъ къ аулу, который немедленно пришелъ въ движеніе и оживился ихъ криками и блеяніямъ. Также потянулись изъ пустыни верблюды, нѣкоторые навьюченные турсуками съ водой, другіе — старые и малые — безо всякой ноши; они оглядывались своими умными красивыми глазами, точно будто съ удовольствіемъ узнавая свой аулъ. Опять стали доить козъ и овецъ, постерегли ихъ лока онѣ полегли на ночь, затѣмъ привязали маленькихъ ягнятъ и козлятъ, и тѣмъ покончили дневные свои труды.

Вечеромъ мы собрались вокругъ костра въ кибиткѣ Бей-Табука, такъ какъ хотя дни и были невыносимо жарки, ночи были такъ холодны, что пріятно было погрѣться у огня. Рѣзкая разница между жаркими днями и холодными ночами составляетъ особенность этого времени года, очень вредно дѣйствующую на здоровье. Я пріобрѣлъ расположеніе женщинъ разными маленькими подарками, и потому, когда пришло время слать въ отведенной мнѣ сторонѣ кибитки, я нашелъ что онѣ для меня разстелили прекрасный коверъ со множествомъ мягкихъ одѣялъ и покрывалъ и устроили мнѣ постель которая показалась мнѣ чуть ли не ложемъ изъ розъ послѣ жесткаго песка пустыни на которомъ я спалъ столько ночей.

На слѣдующее утро мы поднялись еще до восхода солнечнаго и стали собираться въ дорогу. Тутъ я замѣтилъ что и весь аулъ снимается съ мѣста: женщины разбирали кибитки, навьючивали верблюдовъ и дѣлали послѣдныя приготовленія къ выступленію. Все пришло въ движеніе и безпорядокъ. Затѣмъ потянулись длинною вереницей верблюды, и скоро весь аулъ скрылся изъ виду. При этомъ выѣздѣ меня въ особенности удивила одна Киргизка, родившая наканунѣ: беззаботно взобралась она сама на верблюда, держа на рукахъ ребенка, точно событіе предыдущаго дня было для нея дѣломъ совершенно обычнымъ, вполнѣ вошедшимъ въ привычку. Я дружески распрощался съ хозяйками, но Бей-Табукъ поѣхалъ провожать насъ еще на нѣкоторое разстояніе. Наконецъ я не безъ сожалѣнія распрощался и съ нимъ, пожалъ его руки, и мы разъѣхались. У него встрѣтилъ я самый

радушный и ласковый пріемъ; время проведенное мною въ его кибиткѣ, посреди простой, счастливой степной обстановки, оставило самое пріятное по себѣ воспоминаніе.

И вотъ я опять былъ на пути, опять въ погонѣ за генераломъ Кауфманомъ. Но недолго на этотъ разъ. Отъѣхавъ не болѣе двухъ верстъ, мы остановились поить лошадей у колодца, гдѣ уже стояло нѣсколько Киргизовъ. Напоивъ лошадей, люди мои, однако, продолжали мѣшкать: Акъ-Маматовъ, Мустровъ и новый проводникъ завели оживленный разговоръ, совершенно, повидимому, забывая что надо ѣхать дальше. Мнѣ это наконецъ надоѣло, и я приказалъ имъ трогаться съ мѣста, на что Акъ-Маматовъ прехладнокровно отвѣчалъ что нанятый наканунѣ проводникъ отказывался теперь сопровождать меня если сверхъ условленной платы я не куплю ему еще лошадь или не выдамъ деньги на ея покупку. Повидимому, и это требованіе сдѣлано было по наущенію надумавшагося за ночь Акъ-Маматова.

Я однако рѣшился положить конецъ всѣмъ этимъ мошенничествамъ, такъ какъ неизвѣстно было до чего еще могли дойти подобныя требованія, если имъ дать лотачку. Такъ я и сказалъ Акъ-Маматову, давая ему ясно понять что знаю кого винить въ этомъ новомъ затрудненіи. Я велѣлъ ему спросить еще разъ проводника пойдетъ ли тотъ со мною за условленные 25 рублей. На отрицательный отвѣтъ, я прогналъ Киргиза, а моимъ людямъ объявилъ что въ такомъ случаѣ мы пойдемъ дальше безъ проводника, по дорогѣ на Каракати. Путь этотъ былъ гораздо длиннѣе предположеннаго сначала переѣзда пустыней, но за то тамъ мы слѣдовали бы по широкой караванной дорогѣ, съ которой сбиться трудно. Но противъ этого они положительно возстали: и дорога-то была имъ неизвѣстна, и воды не сумѣемъ мы одни найти, и заблудимся-то мы въ пустынѣ, словомъ, безъ проводника идти немыслимо. А между тѣмъ прежде, когда я еще и самъ не рѣшилъ идти на перерѣзъ пустыни, а думалъ слѣдовать караваннымъ путемъ на Каракати, не было и помина о другомъ проводникѣ кромѣ Мустрова, такъ какъ до Каракати мы доѣхали бы въ одинъ день, а оттуда легко уже было бы идти по слѣдамъ русской арміи.

Кромѣ переѣзда до сихъ поръ не предвидѣлось никакого затрудненія на этомъ пути, и потому вся эта оппозиція показалась мнѣ дѣломъ подготовленнымъ заранѣе. Однако,

мнѣ уже наскучило быть игрушкой въ ихъ рукахъ: схвативъ свой револьверъ, я приказалъ Акъ-Маматову садиться на лошадь и ѣхать дальше. Я рѣшился сначала привести въ повиновеніе этого главнаго бунтовщика, потомъ уже обезоружить Мустрова, взять лошадь на которой онъ ѣхалъ, и продолжать путь съ Акъ-Маматовымъ и молодымъ Киргизомъ, который, я зналъ, послѣдуетъ за мной охотно. Противъ Мустрова у меня злобы особенной не было, такъ какъ я зналъ что онъ дѣйствовалъ по подговорамъ Акъ-Маматова, но лошадь и оружіе его принадлежали мнѣ и должны были ко мнѣ возвратиться въ случаѣ его отказа идти дальше. Акъ-Маматовъ, который, какъ видно, никакъ не разчитывалъ на такой крутой оборотъ дѣла, немедленно повиновался, и черезъ минуту все уже было готово къ отъѣзду.

Тутъ, однако, Акъ-Маматовъ съ покорностію представилъ мнѣ другой планъ дѣйствій, а именно, что онъ поѣдетъ въ аулъ который находится по близости и постарается тамъ найти другаго проводника. На это я согласился, прибавляя однако что черезъ часъ мы выѣдемъ во всякомъ случаѣ, найдетъ онъ проводника или нѣтъ, и что я не дамъ проводнику ни копѣйки больше условленной прежде платы. Акъ-Маматовъ клялся что проводникъ найдется—и мы направились къ аулу.

Аулъ этотъ состоялъ изъ трехъ или четырехъ кибитокъ и обитатели его казались далеко не такими зажиточными какъ тѣ что принадлежали къ аулу Бей-Табука. Мы скоро нашли старика который съ радостью согласился сопровождать насъ за назначенную плату—явная улика что прежній проводникъ, по наущенію Акъ-Маматова, хотѣлъ обмануть меня. Старикъ этотъ пригласилъ насъ въ свою кибитку закусить и отправился рѣзать барана.

Къ удивленію моему, я узналъ во время ѣды что будущій нашъ проводникъ приходится братомъ богатому Бей-Табуку. Лицо его было все обезображено чудовищнымъ шрамомъ отъ сабельнаго удара нанесеннаго ему Туркменомъ, отбивавшимъ у него жену.

— Эту самую? спросилъ я, указывая на уродливую старуху, повидимому, хозяйку кибитки.

— Да, ее.

На мой взглядъ, не стоила она того чтобъ изъ-за нея сражаться на смерть съ Туркменомъ. Но и происходило это, правда, цѣлыхъ 40 лѣтъ тому назадъ.

Изъ сосѣдней кибитки пришли двѣ молодыя дѣвушки и сѣли завтракать съ тремя другими за столомъ рядомъ съ нашимъ. Онѣ не были красивы, но казались чрезвычайно веселыми, и завели между собою такую трескучую болтовню, которая бы, кажется, могла выдержать съ честью сравненіе даже съ болтовней самыхъ цивилизованныхъ лансіонерокъ. Не показывая вида, я пристально слѣдилъ за ними. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ особенность которую потомъ находилъ во всѣхъ татарскихъ женщинахъ: это была чрезвычайная подвижность ихъ физіономій когда онѣ оживлялись. Покойныя и не заинтересованныя, онѣ смотрятъ на васъ какимъ-то тупымъ, упорнымъ взглядомъ, напоминая собой рѣзныя изображенія языческихъ идоловъ; но лишь только онѣ заинтересованы, обрадованы или разсмѣшены чѣмъ-нибудь — по всему лицу ихъ пробѣгалъ точно солнечный лучъ, оно все будто озарялось какимъ-то внутреннимъ сіяніемъ.

Послѣ закуски мы еще разъ пустились въ путь къ Хала-Атѣ на перерѣзъ пустыни. Вмѣсто прежней широкой караванной дороги теперь ѣхали мы по узенькой тропинкѣ, которую мѣстами даже трудно бы было различить безъ помощи опытнаго проводника.

Мѣстность представляла почти тѣ же общія характеристическія черты какъ и во всей пустынѣ, съ тѣмъ, однако, измѣненіемъ что прежній песчаный, холмистый грунтъ, покрытый кустарникомъ, смѣнился тяжелыми песчаными же грудами будто нанесенными вѣтромъ. Здѣсь, какъ и вездѣ въ степи, намъ попадалось множество ящерицъ отъ 2 дюймовъ до одного фута длиною: вмѣстѣ съ маленькими земляными черепахами онѣ были единственными представительницами животной жизни въ этихъ мѣстахъ. По разказамъ мною до тѣхъ поръ слышаннымъ, вся эта пустыня представлялась усѣянною скорпіонами и тарантулами; самъ я сюда въѣхалъ въ полномъ ожиданіи что денно и нощно буду окруженъ этими смертоносными маленькими чудовищами, и запасся всякаго рода противоядіями на случай ихъ ужаленія, не надѣясь чтобы пришлось обойтись безъ этихъ средствъ. На дѣлѣ же вышло что не только ни одного изъ нихъ мнѣ не попадалось, но даже я и думать объ нихъ забывалъ, лежа по цѣлымъ ночамъ на лескѣ, гдѣ бы мнѣ неминуемо должно было подвергнуться ихъ нападеніямъ. Ящерицы же были прелюбопытныя маленькія животныя. Разъ какъ-то, лежа подъ

кустарникомъ, я замѣтилъ ящерицу, любознательность которой, какъ видно, сильно была возбуждена: она вытянула голову, завила хвостъ кольцомъ кверху, какъ собака, и два раза обошла вокругъ меня; послѣ того, какъ видно довольная моимъ миролюбивымъ расположеніемъ, она вскользла на мою ногу и усѣлась тамъ въ полномъ торжествѣ. Случается что ящерицы здѣсь достигаютъ громадной величины: въ Хала-Атѣ поймана была одна ящерица около 5 футовъ длины. Впрочемъ, онѣ совершенно безвредны, и достаточно самаго легкаго удара чтобъ ихъ убить.

Еще ночь пришлось намъ провести на пескѣ, подъ открытымъ небомъ, а на слѣдующее утро мы измѣнили немного прежнее направленіе, взявъ прямо на юго-западъ, и въѣхали въ пустыню, гдѣ не было даже ни малѣйшей тропинки — въ мѣстность самую дикую и печальную какую я когда-либо видѣлъ. Это была плоская возвышенность, покрытая рѣдкимъ кустарникомъ, въ которомъ вездѣ проглядывалъ песокъ; плоскость эта была усѣяна множествомъ впадинъ, напоминающихъ собою кратеры волкановъ, отъ 50 до 100 футовъ глубины и почти столько же въ діаметрѣ. Намъ приходилось постоянно то выбираться изъ этихъ углубленій, то опять въ нихъ спускаться, тогда какъ глубокій песокъ чрезвычайно замедлялъ наше движеніе: лошади иногда уходили въ него по колѣна.

Около полудня мы подъѣхали къ колодцу Мидіатъ-Кизранъ, въ которомъ вода, хотя и на глубинѣ 80 футовъ, была чрезвычайно тепла и слегка солоновата. Пить эту воду было невозможно, но заваренный на ней чай оказался сноснымъ, что̀ насъ и выручило на этотъ разъ изъ бѣды. Во время этого путешествія я убѣдился что горячій чай лучше утоляетъ жажду чѣмъ самая холодная вода; это мало извѣстно, но совершенно справедливо. Я слерва самъ этому не вѣрилъ и едва могъ заставить себя глотать горячій чай, когда бывало у меня все горло и губы пересыхали отъ жары и жажды. Поставленный однако въ необходимость испробовать этотъ способъ утоленія жажды, я принужденъ былъ признать его гораздо болѣе дѣйствительнымъ чѣмъ вода. Жажда утоляется въ нѣсколько минутъ и уже не возвращается такъ скоро какъ послѣ питья воды.

Дорога шла все хуже и хуже. Лошади съ трудомъ пробирались по глубокимъ песчанымъ наносамъ. Маленькая вороная

лошадь, которую мнѣ Мустровъ особенно всегда расхваливалъ, но на которую я тѣмъ не менѣе не садился, обнаруживала чрезвычайную усталость въ два послѣдніе дня. Мы развьючили ее, распредѣливъ поклажу на другихъ лошадей, оставивъ на этой одно легкое вьючное сѣдло. Но все напрасно. Около девяти часовъ вечера бѣдное животное окончательно выбилось изъ силъ, споткнулось и со стономъ растянулось на пескѣ во всю длину. Видя что понукать эту лошадь было бы безполезно, мы сняли съ нея сѣдло съ уздечкой и оставили ее одну въ пустынѣ.

Не весело продолжали мы свой путь. Ночь надвигалась все чернѣе и чернѣе, а съ нею и окружающая тишина принимала какой-то зловѣщій характеръ. Потеря коня навѣвала на насъ самыя мрачныя мысли: здѣсь, въ самомъ сердцѣ безводной песчаной степи, необходимость заставившая насъ замучить бѣдное животное до смерти и затѣмъ оставить его умирать въ пустынѣ, представлялась роковою. Долго ли этому еще суждено продолжаться? Пятнадцать дней были мы уже въ пустынѣ, а все такъ же ловидимому далеки были отъ цѣли какъ и при выѣздѣ. Лошади наши уже нѣсколько дней питались только тѣмъ что имъ удавалось самимъ подобрать въ пустынѣ. Скоро быть-можетъ и всѣмъ имъ суждено пасть отъ изнеможенія, и намъ придется выбираться изъ песковъ пѣшкомъ. Очевидно, эта призрачная погоня не могла быть продолжительна. Хотя Бей-Табукъ и увѣрялъ меня что я застану Кауфмана, я на это не смѣлъ надѣяться, зная что онъ уже давно долженъ былъ достичь рѣки. Вездѣ въ тылу войска должны были рыскать Туркмены, а могу ли я пробовать бѣжать отъ ихъ быстроногихъ коней на моихъ изнуренныхъ животныхъ, или пробиться чрезъ ихъ ряды чтобы присоединиться къ арміи? Смерть этой лошади казалась мнѣ предвѣстіемъ нашей собственной судьбы — началомъ конца.

Мы все пробиваемся впередъ, продираясь сквозь мелкій, посохшій кустарникъ, чуть не скатываясь въ глубокія песчаныя ямы и почти перескакивая черезъ конскія головы; потомъ вновь приходится нашимъ лошадямъ биться въ тяжеломъ, безпощадномъ пескѣ, взбираясь на крутые подъемы; затѣмъ опять раздается стукъ лошадиныхъ копытъ по изсохшему грунту точно по каменной мостовой, пока наконецъ поздно ночью рѣшаемся мы броситься на песокъ для

минутнаго отдыха. Едва успѣли мы сомкнуть глаза какъ опять были разбужены проводникомъ для дальнѣйшаго перехода. Заря еще не занималась, но темнота нѣсколько просвѣтлѣла лодъ блѣдными, холодными лучами поднявшагося мѣсяца.

Растительность почти совершенно исчезла, изрѣдка развѣ виднѣлась вѣтка саксаула. Рядомъ съ нами двигаются и наши тѣни, длинныя и черныя, на освѣщенномъ луною лескѣ, будто страшныя привидѣнія, провожающія насъ къ нашей неизбѣжной судьбѣ.... Но вотъ забѣлѣли первыя полосы свѣта на восточномъ краѣ неба; мѣсяцъ блѣднѣетъ, тѣни стушевываются, и наконецъ солнце, красное и зловѣщее, поднимается изъ-за горизонта. Послѣ ночнаго холода пріятно пригрѣть на его лучахъ свои онѣмѣлые члены. Затѣмъ дѣлается слишкомъ тепло, затѣмъ жарко, и скоро мы опять мучаемся отъ зноя и жажды, опять окружающій блескъ слѣпитъ наши глаза, и мы положительно задыхаемся въ этой душной полуденной атмосферѣ.

Къ двѣнадцати часамъ выѣхали мы на вершину восточнаго склона горнаго хребта, который тянулся у насъ справа почти во весь переходъ отъ Танлжарыка, а теперь пересѣкалъ намъ дорогу. Хотя это только холмы, но какъ и Буканъ-Тау они представляютъ всѣ особенности высокихъ хребтовъ, миніатюрные лики, глубокія проласти и суровые утесы. Формація ихъ — тотъ же красноватый песчаникъ; растянулись онѣ обнаженныя, мрачныя и безплодныя, подъ палящимъ солнцемъ, нѣтъ на нихъ ни лепестка, ни былинки, ни малѣйшаго признака жизни; сюда не ступала нога ни человѣка, ни животнаго.

Съ вершины открывается нашимъ глазамъ низкая безплодная равнина, за которой, синія и туманныя, рисуются на горизонтѣ горы Урта-Тау, виднѣвшіяся слѣва съ самаго выѣзда нашего съ Юзъ-Кудука. Онѣ разстилаются къ западу большимъ изгибомъ и теряются вдали, облитыя золотыми лучами заходящаго солнца. По словамъ проводника, сейчасъ за этимъ хребтомъ лежитъ и Хала-Ата, то-есть еще на разстояніи верстъ сорока.

Спускаемся внизъ по южному склону. Онъ очень неровенъ и обрывистъ; копыты нашихъ лошадей скользятъ и выворачиваютъ большія глыбы песчаника, которыя скатываются предъ нами миніатюрными лавинами. Черезъ полчаса мы опять находимся внизу, опять пробираемся чрезъ томительную пустыню покрытую не лескомъ, а пылью.

Гдѣ есть лесокъ, тамъ всегда, въ это время года, найдется немного лолыни, а мѣстами даже пробивается бурая стелная трава, почти такого же цвѣта какъ самый песокъ. Въ лыли же расти ничего не можетъ, и потому, на всей этой равнинѣ нѣтъ никакой растительной жизни.

Поздно ночью продолжаемъ мы идти впередъ, въ надеждѣ набрести наконецъ на мѣсто гдѣ бы лошадямъ можно было что-нибудь лодобрать. Проводникъ по временамъ соскакиваетъ съ лошади—не удастся ли нащипать немного травы—но все тщетно. Это почти то же что искать растительности на только-что истлѣвшемъ пеплѣ. Наконецъ мы останавливаемся и завариваемъ себѣ чай бутылкой воды, которую захватили съ собою, старательно скрывая свой огонь отъ наблюдательныхъ туркменскихъ партій, могущихъ разъѣзжать по окрестности; бѣдныя же лошади наши, послѣ семидесятиверстнаго перехода по адской дорогѣ, принуждены обойтись безъ корма и воды. Очевидно, продолжаться это долго не можетъ, и эта ночь проходитъ для меня въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ.

На слѣдующее утро при солнечномъ восходѣ мы нашли колодезь хорошей воды, а еще чрезъ полчаса выѣхали на вершину Урта-Тау, за которымъ лежитъ Хала-Ата. Великолѣпный горный хребетъ, такой величественный издалека, здѣсь оказался низкою цѣпью горъ.

Проводникъ выѣзжаетъ на самую остроконечную вершину и осторожно переглянувъ за нее, даетъ намъ молча знакъ подвигаться. Я не знаю есть ли какая необходимость въ этихъ предосторожностяхъ, но мы пробираемся впередъ такъ тихо и осторожно будто ожидая выѣхать не къ русскому, а къ туркменскому лагерю. Я пришпориваю лошадь и осматриваю мѣстность въ зрительную трубу: открытая голая пустыня, похожая на ту которую мы только-что проѣхали, раскинулась на десятки верстъ къ югу, сливаясь съ горизонтомъ въ сторонѣ Бухары; посреди, на разстояніи верстъ десяти отъ насъ, куполообразное возвышеніе, которое мнѣ кажется чудовищною кибиткой, окруженною мелкими палатками, около которыхъ виднѣются бѣлые кителя солдатъ и сверкающіе штыки.

Не было сомнѣнія, я добрался до отряда генерала Кауфмана.

XIV. Хала-Ата.

Измученный и покрытый пылью, въѣхалъ я 4го (16го) мая въ укрѣпленіе Хала-Ата, послѣ семнадцатидневнаго переѣзда пустыней.

Лагерь расположенъ былъ посреди совершенно гладкой равнины, съ сѣвера окаймленной низкимъ хребтомъ горъ которыя я только-что переѣхалъ; эта равнина широко раскинулась на необозримое пространство къ югу и къ востоку по направленію къ Бухарѣ, и не видать на ней было ни растенія, ни кустарника, даже не попадалось мнѣ на глаза ни одного саксаула, который до сихъ поръ встрѣчался вездѣ по пути, оживляя нѣсколько мертвенное однообразіе пустыни: вездѣ одна голая песчаная полоса, сливающаяся на горизонтѣ съ мѣдно-желтымъ небомъ. Я былъ удивленъ сначала что Кауфманъ выбралъ такое мѣсто для продолжительной стоянки; но причина этого мнѣ тутъ же объяснилась, когда я увидѣлъ источникъ чистой, прозрачной воды, текущей довольно большимъ ручьемъ, въ которомъ воды достало бы для арміи въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Лагерь былъ составленъ изъ палатокъ и кибитокъ всевозможныхъ родовъ, размѣровъ и цвѣтовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на четырехъугольномъ пространствѣ, около 40 квадратныхъ саженъ. Большое куполовидное строеніе, которое я издали принялъ за громадную кибитку, оказалось теперь земляным холмомъ, на которомъ возвышалась каменная сторожевая башня, составлявшая угловой бастіонъ маленькаго укрѣпленія воздвигнутаго генераломъ Кауфманомъ. Мѣстами были разбросаны такія же глиняныя гробницы какія мнѣ попадались по всей степи; нѣкоторыя разрушены временемъ, другія еще хорошо сохранились; группы солдатъ толпились вокругъ заводей образованныхъ вѣчно бьющими источниками и поили лошадей; длинныя вереницы верблюдовъ тянулись вдаль по пустынѣ отыскивая саксаулы и дикую полынь; пыль, жара и песокъ на всемъ наложили свою печать — такова-то была Хала-Ата, гдѣ я впервые напалъ на слѣдъ генерала Кауфмана, послѣ семнадцатидневной погони за нимъ, послѣ переѣзда почти въ 700 верстъ.

Не безъ волненія подъѣхалъ я къ дежурному молодому

офицеру и спросилъ здѣсь ли генералъ фонъ-Кауфманъ. Отвѣтъ разбилъ всѣ мои надежды: генералъ Кауфманъ вышелъ изъ Хала-Аты еще за пять дней предъ тѣмъ, и въ настоящее время долженъ уже былъ подойти къ Аму-Дарьѣ. Пять дней! Конечно теперь онъ переправится черезъ рѣку и возьметъ Хиву прежде чѣмъ я въ состояніи буду его догнать. Въ эту минуту я былъ близокъ къ отчаянію, и мысленно посылалъ Акъ-Маматова и Бей-Табука въ самую глубину преисподней за тѣ три дня которые они продержали меня въ степи въ ожиданіи проводника.

Овладѣвъ нѣсколько собою, я сказалъ офицеру что я Американецъ и ѣду къ генералу Кауфману, къ которому у меня, равно какъ и къ Великому Князю Николаю Константиновичу, есть рекомендательныя письма, и попросилъ его довести до свѣдѣнія командующаго здѣшнимъ отрядомъ о моемъ прибытіи и желаніи ему представиться.

Едва услыхалъ офицеръ что я Американецъ, какъ сталъ чрезвычайно радушенъ, пригласилъ меня въ свою палатку, велѣлъ немедленно заварить чай, говоря что полковникъ Веймарнъ теперь спитъ, но скоро встанетъ и будетъ радъ меня видѣть. При дальнѣйшихъ разспросахъ я узналъ что полковникъ Веймарнъ располагалъ выступить на слѣдующій день съ двумя ротами пѣхоты, сотней казаковъ и двумя девятифунтовыми полевыми орудіями, и что мнѣ, конечно, можно будетъ идти съ нимъ. Перспектива эта мнѣ очень улыбалась, и я сталъ опять надѣяться что поладу на мѣсто вовремя.

Со времени выступленія генерала Кауфмана, Веймарнъ не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій кромѣ приказанія выслать кавалерію впередъ, изъ чего и заключали что главный отрядъ уже встрѣтился съ непріятелемъ, но болѣе ничего извѣстно не было.

У нихъ уже была небольшая стычка съ ханскими войсками, 27го апрѣля (9го мая), у ближнихъ колодцевъ Адамъ-Крылганъ, описанныхъ у Вамбери. Генералъ Кауфманъ, по обыкновенію, выслалъ впередъ маленькій отрядъ на рекогносцировку чтобы разыскать колодцы и изслѣдовать количество и качество воды прежде выступленія главныхъ силъ. Отрядъ этотъ, подъ начальствомъ полковника Иванова, подошелъ къ Адамъ-Крылгану когда уже стемнѣло. Полковникъ Ивановъ, желая осмотрѣть мѣстность, выѣхалъ впе-

редъ съ четырьмя казаками и четырьмя киргизскими проводниками. Не подозрѣвая о присутствіи непріятеля по близости, они внезапно наѣхали на партію Туркменъ отъ 200 до 300 человѣкъ расположившихся ставкою у колодца.

Обѣ стороны одинаково были поражены этою первою встрѣчей. Русскіе были окружены со всѣхъ сторонъ прежде нежели могли подумать объ отступленіи. Полковникъ Ивановъ немедленно спѣшилъ своихъ людей, такъ какъ бѣжать отъ быстроногихъ туркменскихъ коней было не мыслимо, и приготовился дать рѣшительный отпоръ. Завязалась отчаянная схватка, въ которой на сторонѣ Русскихъ было убито двое, а всѣ остальные ранены, включая и самого полковника Иванова, раненаго пулями въ руку и ногу. Схватка продолжалась нѣсколько минутъ; еще мгновеніе, и Русскіе неминуемо должны были погибнуть еслибы не подоспѣла остальная часть рекогносцировочной партіи, бросившаяся впередъ при первомъ звукѣ выстрѣловъ. Хотя и тогда Хивинцевъ было вдвое больше Русскихъ, но они немедленно бросились бѣжать, и храбрый полковникъ Ивановъ остался рѣшительнымъ побѣдителемъ въ этой маленькой, но блистательно имъ выдержанной схваткѣ.

Мнѣ очень хотѣлось опредѣлить наконецъ вѣрное географическое положеніе Хала-Аты (мѣсто это не обозначено на картахъ) чтобъ узнать далеко ли мы еще отъ Аму-Дарьи. Собесѣдникъ мой, впрочемъ, могъ сообщить мнѣ на этотъ счетъ только то что Хала-Ата находилась верстахъ въ полутораста къ западу отъ Бухары, а что разстоянія до Аму никто навѣрное не могъ опредѣлить, даже самъ Кауфманъ, можетъ-быть до нея оставалось сто верстъ, а можетъ-быть и болѣе двухсотъ. Онъ полагалъ, впрочемъ, что полковникъ Веймарнъ будетъ въ состояніи дать мнѣ понятіе о положеніи мѣста, насколько оно опредѣлено астрономами экспедиціи. Не ранѣе, впрочемъ, какъ въ Хивѣ узналъ я что Хала-Ата лежитъ подъ 40° 52′ 52″ сѣверной широты и 33° 10′ восточной долготы отъ Императорской Пулковской обсерваторіи, близъ С.-Петербурга, 4 часа 13′59″ по гриничскому времени.

Время подвигалось къ полудню, но полковникъ Веймарнъ не обнаруживалъ что присутствіе мое ему извѣстно — обстоятельство не очень-то утѣшительное. Прошелъ полдень. Солдаты столпились у кибитокъ ища хоть какого-нибудь прикрытія отъ палящаго солнца; изъ пустыни потянулись об-

ратно къ лагерю верблюды послѣ скудной кормежки дикою полынью; ревъ ословъ, ржаніе лошадей, блеяніе овецъ—все смолкло подъ палящимъ зноемъ, всѣ животныя понурили головы, полная неподвижность и безмолвіе водворились въ лагерѣ, одинъ часовой одиноко расхаживалъ на сторожевой башнѣ. Солнце поднялось надъ самыми нашими головами, затѣмъ стало медленно близиться къ закату, сверкая на желтомъ фонѣ неба какъ огненный шаръ и раскаляя воздухъ до такой степени что онъ наконецъ принималъ видимую форму и колебался туманными волнами, точно призрачный океанъ, надъ лесками Хала-Аты.

А я все не получалъ извѣщенія отъ полковника Веймарна о его готовности принять меня. Я начиналъ терять терпѣніе, и наконецъ мнѣ стало неловко что со мною обходятся такимъ безцеремоннымъ образомъ. Не безъ затрудненія довезъ я сюда ввѣренную мнѣ почту, а полковникъ Веймарнъ даже и не побезпокоился меня поблагодарить, хотя я и самъ заявилъ что желаю ему представиться. До сихъ поръ онъ совершенно, повидимому, игнорировалъ мое присутствіе. Это было первое невниманіе какое я видѣлъ отъ Русскаго въ продолженіи двухлѣтнихъ моихъ переѣздовъ по русскимъ владѣніямъ, и я заключилъ тутъ же что этотъ исключительный случай добра мнѣ не предвѣщаетъ.

Наконецъ я рѣшился положить конецъ этой неизвѣстности, направиться къ полковнику Веймарну безъ приглашенія и предупрежденія. Мнѣ тутъ же указали на него: онъ неспѣшно прогуливался по лагерю, вовсе и не помышляя, повидимому, о моей особѣ. Я прямо подошелъ къ нему, назвалъ себя, и между нами произошла слѣдующая бесѣда:

— Я долженъ извиниться предъ вами, полковникъ, что не явился къ вамъ раньше; но мнѣ говорили что вы еще спите.

— Хорошо, что же вамъ нужно?

— Я уже замѣтилъ, полковникъ, что желалъ вамъ представиться.

— Очень благодаренъ; но не думаю чтобы вы единственно для того ѣхали сюда изъ Нью-Йорка чтобы мнѣ представиться?

— Конечно нѣтъ, полковникъ; мое дѣло здѣсь относится до генерала фонъ-Кауфмана.

— Да? Такъ у васъ дѣла съ генераломъ Кауфманомъ? (недовѣрчивымъ тономъ.) А какъ же вы до него доберетесь?

— Верхомъ.

— Какое у васъ дѣло до Кауфмана?

— Объ этомъ я скажу одному только Кауфману.

— Есть при васъ письменное позволеніе генерала Кауфмана?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—готовясь показать ему свои бумаги:—но у меня есть позволеніе....

— Рѣшительно все равно, чье бы позволеніе вы ни имѣли: дальше ѣхать вы не можете безъ письменнаго позволенія самого генералъ-губернатора. А бумагъ вашихъ мнѣ видѣть не надо.

— Какъ же я могу теперь получить это позволеніе? спрашиваю я.

— Не знаю. Вы можете послать ему ваши бумаги, но я почти увѣренъ что позволенія вы не получите безъ личнаго съ нимъ свиданія. Онъ слишкомъ занятъ чтобы заниматься перепиской.

— Извините, полковникъ, сказалъ я, — но какъ кажется, его превосходительство, генералъ фонъ-Кауфманъ лицо совершенно недосягаемое: выходитъ что я не могу его видѣть не имѣя на то его позволенія, а позволеніе это онъ мнѣ можетъ дать только при свиданіи. Какъ же поступаютъ всѣ люди имѣющіе до него дѣла?

— Das geht mir Nichts an (это не мое дѣло), отвѣчаетъ онъ, повертываясь на каблукахъ, и оставивъ меня наединѣ съ моими размышленіями, которыя—легко понять—не были самаго пріятнаго свойства. Неужели я ѣхалъ изъ Петербурга до Хала-Аты, стремился впередъ цѣлыхъ шестьдесятъ дней не взирая на всѣ препятствія, и все это затѣмъ только чтобы быть задержаннымъ у самыхъ береговъ славнаго древняго Оксуса этимъ воиномъ, способнымъ направить меня обратно тою же пустыней, не давъ взглянуть на его темныя воды?

Правда, мнѣ былъ оставленъ еще одинъ рессурсъ: отправить свои письма къ генералу Кауфману и выжидать его отвѣта на мѣстѣ. Но отвѣтъ этотъ могъ придти не раньше какъ черезъ десять-двѣнадцать дней, а онъ тѣмъ временемъ переправится черезъ рѣку, возьметъ Хиву, и я опоздаю.

Бѣжать отсюда было безумно, по крайней мѣрѣ прежде нежели я увижу какія относительно меня примутся мѣры. Если меня здѣсь оставятъ на положеніи плѣннаго, подъ карауломъ или на честномъ словѣ — попытка будетъ уже невозможна; даже если полковникъ Веймарнъ захочетъ только меня за-

держать до отвѣта генерала Кауфмана, бѣгство представитъ препятствія почти непреодолимыя: туркменскіе всадники должны были рыскать по степи за арьергардомъ Кауфмана, а удастся ли мнѣ пробраться незамѣченнымъ посреди безпокойныхъ, дикихъ туркменскихъ ордъ, если даже и посчастливится мнѣ выбраться изъ русскаго лагеря?

Такъ какъ я не имѣлъ никакого желанія вступать съ Туркменами въ личные переговоры относительно дѣла которое привело меня на ихъ территорію, то и надежда моя добраться до генерала Кауфмана, прежде его вступленія въ непріятельскую страну, исчезла безвозвратно. Чтобы догнать его, теперь приходилось перейти непріятельскую страну или за отрядомъ русской арміи, или же одному. Необъяснимое поведеніе полковника Веймарна могло служить уже заранѣе ручательствомъ въ томъ что на русскій конвой мнѣ разчитывать нечего. Чѣмъ болѣе я думалъ, тѣмъ яснѣе становилось что мнѣ придется рѣшиться на послѣднее, то-есть ѣхать не только безъ конвоя, но еще, пожалуй, придется и бѣжать отъ дюжины-другой казаковъ, которыхъ навѣрно вышлютъ за мною въ погоню. Перспектива эта была до того непріятна что я было не рѣшился даже на ней и остановиться; впрочемъ, подумавъ нѣсколько минутъ, пришлось сознаться что другаго исхода изъ моего положенія не было.

Между тѣмъ, въ воображеніи моемъ возникало живое представленіе одной картины изъ книги Вамбери, съ соотвѣтствующимъ описаніемъ, на которой представленъ былъ стоящій на хивинской площади Туркменъ, высыпающій изъ мѣшка человѣческія головы, при восхищенныхъ, одобрительныхъ крикахъ толпы, тогда какъ вездѣ вокругъ было еще безчисленное множество человѣческихъ череповъ, установленныхъ въ правильныя груды, какъ пушечныя ядра; эта картина смѣнилась другою — изображеніемъ ужаснаго клоповника въ Бухарѣ, куда этотъ свирѣпый извергъ Назрулахъ-ханъ бросаетъ своихъ плѣнныхъ на поѣденіе миріадамъ насѣкомыхъ, нарочно для того разводимыхъ; и въ памяти моей проносились вереницей неутѣшительные разказы Бёрнса, Вуда, Вамбери и другихъ обо всѣхъ ужасахъ среднеазіятскихъ обычаевъ.

Положеніе мое далеко не было пріятнымъ. Багажъ свой я сократилъ до minimum: у меня не было никакого корма для лошадей; не было провизіи ни для себя, ни для людей мо-

ихъ — послѣдніе два дня мы питались однимъ „ираномъ“, кислымъ молокомъ Киргизовъ. Кромѣ того, не было у меня ни палатки, ни крова; обходиться безъ этого еще можно было на ходу, но отсутствіе такого необходимаго въ степи комфорта довело бы меня до сумашествія лодъ этими ляющими знойными лучами на мѣстѣ.

Я расхаживалъ по лагерю, перебирая въ умѣ всѣ эти горькія мысли, размышляя какимъ бы мнѣ способомъ смягчить служебную ревность полковника Веймарна, и временами также разчитывая, черезъ сколько, примѣрно, времени придется мнѣ помереть съ голода, который начиналъ меня уже нестерпимо мучать.

Тутъ ко мнѣ подошло нѣсколько офицеровъ, которые, услыхавъ о прибытіи Американца, пришли предложить мнѣ свое гостепріимство. Видно было что они не одобряли поведенія полковника Веймарна и старались радушіемъ своимъ загладить его нелюбезность. Послѣ они высказались по этому поводу прямо и въ выраженіяхъ весьма рѣшительныхъ.

Скоро мы сошлись какъ нельзя лучше; я плотно поѣлъ въ первый разъ послѣ трехдневнаго поста, а потомъ меня отвели въ кибитку полковника Иванова, раненаго въ дѣлѣ подъ Адамъ-Крылганомъ, о которомъ я уже говорилъ. Узнавъ что у меня нѣтъ никакого пристанища, онъ тотчасъ отвелъ мнѣ мѣсто въ своей кибиткѣ и предложилъ поселиться у него на все время пока я останусь на Хала-Атѣ. Я принялъ это предложеніе съ радостію, а такъ какъ полковникъ Ивановъ былъ на положеніи больнаго, и получалъ все лучшее что только можно было достать, то судьба, какъ оказалось, не могла отдать меня въ лучшія руки. Не только Ивановъ, но и все общество офицеровъ относилось ко мнѣ съ радушіемъ, котораго мнѣ никогда не забыть, тѣмъ болѣе что это было время когда я болѣе всего нуждался въ ихъ гостепріимствѣ. Мой американскій паспортъ былъ достаточною рекомендаціей въ ихъ средѣ, какъ и въ глазахъ всѣхъ Русскихъ, которыхъ я до тѣхъ поръ встрѣчалъ.

Слѣдующій день я почти не выходилъ изъ кибитки Иванова, стараясь нѣсколько отдохнуть послѣ долгой ѣзды верхомъ; но это, благодаря удушливой жарѣ и пыли, мнѣ не удавалось, несмотря на всѣ мои ухищренія. Вечеромъ полковникъ Веймарнъ прислалъ мнѣ сказать что онъ выступаетъ на слѣдующее утро въ два часа, и что если я желаю, то могу послать

съ нимъ мои письма. Подумавъ нѣсколько, я рѣшился дать Веймарну одно изъ моихъ писемъ, но тѣмъ не менѣе попытаться ускользнуть изъ лагеря съ выступающею колонной. Планъ мой былъ слѣдующій: выступить изъ лагеря съ кавалеріей, полагаясь на темноту предъ разсвѣтомъ, сдѣлать большой объѣздъ, обогнать отрядъ и добраться такъ или иначе до рѣки. Привести это въ исполненіе, думалось мнѣ, будетъ не трудно, разъ я буду внѣ лагеря, такъ какъ я могъ двигаться вдвое скорѣе войска. Порѣшивъ на этомъ, я вручилъ Веймарну одно изъ моихъ писемъ для передачи Кауфману, а людямъ своимъ приказалъ быть готовыми къ выступленію въ два часа утра.

Въ пріятной перспективѣ предо мной все еще виднѣлись наладающіе на меня Туркмены, но мнѣ оставалось выбирать между этою опасностью и неудачей всего моего предпріятія, и я остановился на первой, полагаясь на вошедшее почти въ поговорку счастіе военнаго корреспондента во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ приходилось пробираться чрезъ непріятельскія линіи. Какъ послѣ оказалось, впрочемъ, еслибъ я привелъ этотъ планъ въ исполненіе, то неминуемо попался бы въ руки Туркменъ подъ предводительствомъ Садыка, извѣстнаго разбойника, вступившаго въ ханскую службу, который рыскалъ съ пятьюстами всадниковъ по слѣдамъ арміи Кауфмана, и который, именно этимъ временемъ, производилъ внезапное и рѣшительное нападеніе на верблюдовъ русскаго отряда у Адамъ-Крылгана.

Однако въ полночь, когда все уже было готово къ походу, отъ генерала Кауфмана пришелъ приказъ отмѣняющій выступленіе. Оказывалось что онъ еще не дошелъ до Аму, какъ предполагали, но гдѣ онъ находился, на Адамъ-Крылганѣ, или на какомъ другомъ пунктѣ, добиться я не могъ, такъ какъ несмотря на свою любезность, офицеры были всѣ очень сдержанны въ сообщеніи мнѣ свѣдѣній по этому предмету. Однако, изъ отрывковъ разговоровъ, которые мнѣ удалось понять, я почти убѣдился что произошло что-то недоброе.

Дѣло мое принимало совершенно другой оборотъ. Если генералъ Кауфманъ еще не дошелъ до рѣки, то и я имѣлъ достаточно времени на обсужденіе, какимъ способомъ мнѣ будетъ лучше до него добраться. Я рѣшился выжидать событій на мѣстѣ, такъ какъ Веймарнъ объявилъ что не

выступитъ еще дня три или четыре, а мнѣ было бы очень трудно выбраться иначе какъ посреди суматохи ночнаго выступленія войска; я остался гостемъ все того же радушнаго полковника Иванова.

Жизнь въ Хала-Атѣ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, была незавидная. Жара днемъ была нестерпима, а частые порывы вѣтра поднимали цѣлые столбы леска и пыли, которые проникали всюду, отъ которыхъ нельзя было ничего уберечь. Палатки и кибитки почти не защищали отъ этого безпощаднаго врага; песокъ съ пылью наполнялъ глаза, ротъ, ноздри, забивался въ рѣсницы, волосы, платье. Къ тому же, читать было рѣшительно нечего, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ газетъ, которыя я видѣлъ еще въ Петербургѣ. Оставалось одно — лежать по цѣлымъ днямъ на слинѣ и слѣдить за раскаленнымъ воздухомъ, который двигался какою-то туманною зыбью подъ сверкающимъ солнцемъ, и за столбами пыли, которые проносились по пустынѣ, да слушать пѣсни солдатъ, которыя раздавались въ продолженіе всего дня, несмотря на то что имъ почти что нечего было ѣсть, а водки и въ поминѣ не было; единственное развлеченіе которое я могъ себѣ позволить — это было мысленно бранить полковника Веймарна елико возможно. Бѣдный Веймарнъ! Если я, въ концѣ концовъ, и не перехитрилъ его, то могу простить его теперь. Его постигло несчастіе: онъ былъ сброшенъ съ лошади въ самомъ ханствѣ, и умеръ черезъ нѣсколько часовъ отъ перелома костей, не взглянувъ даже и однимъ глазомъ на много прославленную Хиву.

Хала-Ата находится уже на бухарской территоріи. Какъ занятіе этого пункта, такъ и постройка на немъ укрѣпленія Св. Георгія совершились съ позволенія эмира. Фортъ образуетъ четыреугольникъ около 10ти квадратныхъ саженъ, и состоитъ изъ простой земляной насыпи, двухъ угловыхъ бастіоновъ и рва, который легко наполнить водою. При немъ оставлено было два полевыя мѣдныя орудія, и хотя укрѣпленіе это воздвигнуто въ два дня, оно достаточно крѣпко чтобы выдержать какое угодно нападеніе азіятскихъ силъ.

Есть основанія предполагать что на мѣстѣ Хала-Аты въ древности стоялъ городъ. Русскіе еще застали здѣсь остатки каменныхъ стѣнъ, которыя тутъ же употребили на сооруженіе укрѣпленія; да и самъ я нашелъ часть высѣченнаго камня, который очень походилъ на капитель колон-

ны. По всѣмъ вѣроятіямъ, на мѣстѣ прежнихъ высокихъ куполовъ и минаретовъ города, Киргизы воздвигли эти глиняныя гробницы, и вымершій городъ обратился дѣйствительно въ городъ мертвецовъ.

XV. Ночное бѣгство.

Слѣдующіе пять дней ничего не было слышно о генералѣ Кауфманѣ. Меня начинало уже мучать сильнѣйшее безпокойство при мысли что онъ вѣроятно дошелъ до рѣки, переправился черезъ нее, и пойдетъ на Хиву, не дожидаясь прибытія остальной части отряда. Судя по тому какъ ко мнѣ относился полковникъ Веймарнъ, я могъ заранѣе быть увѣреннымъ что положеніе мое далеко не будетъ пріятно, если онъ захватитъ меня во время моей попытки къ бѣгству. Несмотря на то, однако, я рѣшился попытать счастія. Я вполнѣ изучилъ обычный лагерный порядокъ и рѣшилъ что время на разсвѣтѣ, когда смѣняютъ пикеты, когда офицеры ночнаго дежурства отправляются на отдыхъ, а остальные еще не поднимаются, будетъ для меня самымъ удобнымъ для бѣгства. Также замѣтилъ я что Киргизы и Бухарцы въѣзжали днемъ въ лагерь и выѣзжали изъ него со своими лошадьми и верблюдами когда имъ заблагоразсудится, такъ что людямъ моимъ не могло представиться никакого затрудненія выбраться изъ лагеря. Потому я и порѣшилъ отправить ихъ впередъ, а самому выѣхать на слѣдующее утро съ однимъ Акъ-Маматовымъ. Что касается солдатъ, видѣвшихъ меня всѣ эти шесть дней на равной ногѣ съ офицерами, то нечего было и боятся что имъ извѣстно мое настоящее положеніе и что они рѣшатся меня остановить.

Такимъ образомъ я надѣялся отъѣхать по крайней мѣрѣ верстъ на тридцать прежде нежели отсутствіе мое будетъ замѣчено, а тогда посылай за мной Веймарнъ какую хочетъ погоню! Чтобы привести однако этотъ планъ въ исполненіе самымъ удобнымъ и тайнымъ образомъ, надо было открыть его Акъ-Маматову; а онъ всякій разъ какъ я задумывалъ ѣхать дальше всегда умудрялся находить по крайней мѣрѣ десять хорошо придуманныхъ и убѣдительныхъ предлоговъ чтобы мѣшать мнѣ. Тутъ же, къ величайшему моему горю, онъ наотрѣзъ объявилъ что не сдѣлаетъ ни шагу впередъ, иначе какъ за

войскомъ. Угрозы, къ которымъ я привыкъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ въ пустынѣ, здѣсь были не мыслимы ло той простой причинѣ что первое же проявленіе моей власти привлекло бы на насъ вниманіе всего лагеря. Къ тому же я не могъ не сознаться самъ что нѣкоторыя возраженія моихъ людей были вполнѣ основательны. Такъ они весьма вѣрно замѣтили что, нанимая ихъ, я не предупреждалъ что отъ нихъ потребуется такого рода служба; если удастся намъ пробраться чрезъ ряды русскаго войска, то все равно мы попадемся Туркменамъ, а у каждаго изъ нихъ осталась на родинѣ семья, и знай они чего отъ нихъ будутъ требовать, они никогда бы не пошли со мной.

Не говоря уже о возраженіяхъ моихъ людей, я и самъ нашелъ, посмотрѣвъ на своихъ лошадей, что бѣдныя животныя были въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ укрѣпленіи были большіе запасы ячменя, но полковникъ Веймарнъ не соглашался продать мнѣ ни зерна, и еслибы не доброта полковника Иванова и полковника Дрешерна, доставлявшихъ мнѣ немного корма, бѣдныя животныя положительно умерли бы съ голода. И теперь двѣ лошади, казалось, никакъ не въ состояніи будутъ дойти до рѣки. Если онѣ мнѣ измѣнятъ, то у меня останется всего три лошади, и на нихъ-то мнѣ придется ѣхать самому, везти троихъ людей и весь багажъ.

Доведены онѣ были до такого состоянія въ теченіи послѣдней недѣли, когда имъ почти нечего было ѣсть и онѣ стояли ничѣмъ не прикрытыя отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Вотъ эти несчастныя, терпѣливыя животныя, служившія мнѣ вѣрой и правдой въ трудномъ переходѣ, обступили меня со ржаньемъ, будто прося какого-нибудь корма, а затѣмъ принялись съ жадностію подбирать сухіе саксаулы, въ которыхъ не было никакой питательности. У меня сердце щемило, глядя на бѣдняжекъ, и я бы, кажется, въ эту минуту безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти препроводилъ полковника Веймарна въ несравненно болѣе жаркое мѣсто чѣмъ Хала-Ата.

Подведя всѣ итоги, я нашелъ что положеніе мое стало значительно хуже чѣмъ при въѣздѣ въ Хала-Ату. Тогда лошади мои, хотя и усталыя, были еще въ хорошемъ состояніи и добрались бы до Аму-Дарьи безъ большаго труда; теперь же это было болѣе чѣмъ сомнительно. Засѣсть въ Хала-Атѣ послѣ того какъ я проѣхалъ такъ далеко, было бы слишкомъ нелѣпымъ результатомъ всѣхъ моихъ странствованій; я не

могъ даже остановиться на минуту на этой мысли прежде нежели всѣ средства къ бѣгству будутъ испробованы. И я твердо рѣшился бѣжать, къ чему бы ни повела меня эта попытка. Я отправился опять къ своимъ людямъ и объявилъ имъ что если они отказываются идти со мною, то я прогоню ихъ всѣхъ тотчасъ же, и они могутъ добираться во свояси какъ сами знаютъ; если же они согласны идти со мною дальше, то каждый изъ нихъ получитъ по сту рублей. Предложеніе это разомъ поколебало ихъ прежнюю рѣшимость, и наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, они согласились выѣхать въ этотъ же вечеръ.

Между тѣмъ полковникъ Веймарнъ, также какъ и я, сталъ волноваться, не получая извѣстій отъ генерала Кауфмана, и по той же самой причинѣ: онъ боялся что Хива будетъ занята до его прихода; онъ наконецъ рѣшился двинуть войска изъ Хала-Аты, въ надеждѣ встрѣтить курьера съ приказомъ о выступленіи. Но всего любопытнѣе что мысль эта возникла въ немъ какъ разъ въ то же время какъ и я сталъ готовиться къ бѣгству. Благодаря такому обороту дѣла мое бѣгство могло совершиться успѣшнѣе, такъ какъ оно не могло, въ такомъ случаѣ, дойти до свѣдѣнія полковника Веймарна раньше какъ черезъ 24 часа, когда преслѣдовать меня уже было бы немыслимо.

Въ первомъ часу утра 12го (24го) мая мы всѣ были на коняхъ, и колонна стала выступать на широкую песчаную дорогу, ведущую почти прямо на западъ, по направленію къ Адамъ-Крылгану и Аму-Дарьѣ.

Я ни съ кѣмъ не простился, и никто во всемъ лагерѣ не помышлялъ что я могу предпринять такое бѣгство. Я тихо примкнулъ къ казакамъ, шедшимъ во главѣ колонны, а люди мои слѣдовали за мною; выѣхавъ на вершину низкаго песчанаго холма, въ верстѣ отъ лагеря, я также тихо отдѣлился отъ казаковъ, свернулъ съ дороги на сѣверъ и выѣхалъ въ пустыню.

Я предполагалъ отъѣхать изъ вида колонны до разсвѣта и, сдѣлавъ небольшой объѣздъ, выѣхать опять на дорогу у Адамъ-Крылгана, настолько впереди колонны чтобъ имѣть время напоить лошадей и дать имъ вздохнуть до ея приближенія.

Руководясь полярною звѣздой мы подвигались тихо и осторожно въ темнотѣ, перебираясь черезъ песчаные наносы,

спотыкаясь на неровной почвѣ, поросшей саксаулами и дикою полынью, и по временамъ останавливаясь прислушаться, такъ какъ нашему возбужденному воображенію все представляется что предъ нами движется какая-то темная масса, а вокругъ мелькаютъ всадники. Я чувствовалъ что предпріятіе на которое я рѣшился было безумно до дикости, и легко могло довести меня до трагическаго конца. Но опьяняющее сознаніе свободы и возбуждающее дѣйствіе верховой ѣзды послѣ скучной однообразной жизни на Хала-Атѣ, открытая пустыня, сверкающія звѣзды, свѣжій утренній вѣтерокъ — все это доводило меня до такой степени экзальтаціи что настоящая опасность представлялась дѣломъ совершенно второстепеннымъ.

Несмотря на всѣ затрудненія и опасности сопряженныя съ переѣздами по пустынѣ, въ ней самой есть что-то неотразимо привлекательное; она возбуждаетъ какое-то чарующее чувство, совершенно особенное и понятное лишь тѣмъ кто испыталъ его на себѣ. Долгіе жаркіе переходы по сыпучему пѣску; остановки у колодцевъ для вытаскиванія свѣтлой, холодной воды; сонливыя полуденныя стоянки, свѣжій вечерній воздухъ, когда вы лежите на лескѣ, слѣдя за высыпающими звѣздами и за краснымъ мѣсяцемъ, выплывающимъ надъ пустыней; неестественная, таинственная тишина, сознаніе неограниченной свободы — все это вмѣстѣ сливается въ существованіе полное прелести невыразимой, и чувство это остается при васъ долго послѣ того какъ вы выѣхали изъ этого волшебнаго уединенія.

Мы ѣхали такъ скоро какъ только было возможно при окружающемъ насъ мракѣ; съ разсвѣтомъ же перешли въ легкій галопъ. Когда на востокѣ показалась первая свѣтлая полоса, я сталъ оглядываться — удалось ли мнѣ наконецъ выбраться изъ когтей полковника Веймарна. Далеко на юго-востокѣ двигалась темная масса, которую я почелъ за арріергардъ; скоро и она скрылась за горизонтомъ. Заключая изъ этого что мы должны были отъѣхать достаточно далеко, я повернулъ лошадь къ западу, по прямому направленію къ Аму-Дарьѣ.

Мѣстность была не ровна и покатиста, съ весьма скудною растительностью: саксаулы были не выше одного фута, а полынь попадалась чрезвычайно рѣдко. Но и тутъ, какъ почти во всей степи, было много тонкой, нитеобразной,

бурой травы, служащей главною поддержкой проходящихъ киргизскихъ стадъ.

Около девяти часовъ мы остановились пить чай, для котораго захвачено было немного воды. Здѣсь оказалось что одна изъ лошадей не пойдетъ уже далеко, несмотря на незначительность ноши. Когда мы остановились, бѣдное животное бросилось на землю въ такомъ изнеможеніи что не могло даже подбирать скудный кормъ по леску. Я далъ ей немного остававшагося у меня ячменя, а затѣмъ она принялась щипать бурую траву, которую могла достать вокругъ себя, даже и не пытаясь подняться на ноги. Послѣ часоваго отдыха, впрочемъ, она поднялась и пошла бодрѣе чѣмъ я могъ предполагать. Предвидя что всѣмъ моимъ лошадямъ не добраться до рѣки, я бросилъ все что у меня оставалось изъ багажа въ Хала-Атѣ, при запискѣ къ командиру, прося его присмотрѣть за оставленными вещами и извиняясь въ своемъ безцеремонномъ обращеніи къ нему. То что у меня теперь оставалось, легко могло быть поднято на четырехъ лошадяхъ. Насъ самихъ было четверо, у каждаго изъ моихъ людей были какія-нибудь вещи съ собой, кромѣ того мы везли жестяной чайникъ, пудъ черныхъ сухарей, накупленныхъ Акъ-Маматовымъ у солдатъ, которымъ и предназначено было служить единственною пищей для насъ самихъ и для нашихъ лошадей, 100 свертковъ патроновъ для моихъ ружей и револьверовъ, и наконецъ немного ячменя; легко понять что въ этомъ числѣ вещи для личнаго моего употребленія были въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Около двухъ часовъ мы поднялись на маленькую песчаную возвышенность, поросшую саксаулами въ пять-шесть футовъ вышины; отсюда предъ нами открылся видъ на низкую, гладкую равнину, верстъ отъ 4 до 5 шириною, покрытую бѣловатымъ солончаковымъ слоемъ. За равниной опять песчаные холмы — знаменитый Адамъ-Крылганъ, на которомъ былъ Вамбери, переодѣтый дервишемъ.

Но каково же было мое разочарованіе, чуть ли не отчаяніе, когда принимаясь оглядывать мѣстность въ зрительную трубу, я различилъ на холмахъ бѣлые кителя русскаго войска! Тутъ подъѣхали къ намъ нѣсколько конныхъ Киргизовъ, оказавшихся джигитами, ѣдущими въ Хала-Ату. Они намъ сказали что солдаты которыхъ мы теперь видѣли

были казаки прибывшіе изъ Хала-Аты этимъ утромъ. „Тѣ самые казаки“, мысленно добавилъ я, „къ которымъ я такъ ловко примкнулъ въ темнотѣ и отъ которыхъ такъ же удачно ускользнулъ потомъ!“

XVI. „Шахъ королю!“

Это открытіе меня какъ „обухомъ по головѣ ударило“, говоря изысканнымъ языкомъ Дика Свивеллера; въ первую минуту я почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Къ довершенію непріятнаго моего положенія, люди мои, чрезвычайно довольные, посматривали на меня хитро посмѣиваясь и вполнѣ торжествуя; эти усмѣшки раздражали меня донельзя. Повидимому они заключали что наконецъ-то для меня наступалъ „матъ“, что мнѣ ничего болѣе не остается какъ явиться съ повинною головой къ полковнику Веймарну. Они же, съ своей стороны, получили деньги, не подвергаясь никакой опасности.

Для меня было также ясно что нечего было и думать доѣхать до Аму-Дарьи не доя лошадей; еще можно бы рѣшиться на это съ такими лошадьми съ какими мы выѣхали изъ форта Перовскаго, да и тогда исходъ былъ бы сомнителенъ, такъ какъ я даже не зналъ далеко ли мнѣ еще предстоитъ ѣхать: полковникъ Веймарнъ, понятное дѣло, не сообщилъ мнѣ ни малѣйшей справки относительно положенія Хала-Аты и предполагаемаго разстоянія до Аму. Я былъ однако увѣренъ что до рѣки оставалось не менѣе 120 верстъ. Чего бы въ эту минуту ни далъ я за настоящаго туркменскаго коня, одного изъ тѣхъ что пробѣгаютъ отъ Хивы до Астрабада (500 миль) въ четыре дня, питаясь все это время одними клочками соломы! Съ такою лошадью я ужь конечно не остановился бы предъ мыслью проѣхать до генерала Кауфмана одному, предоставляя своимъ людямъ слѣдовать за отрядомъ. Но негдѣ было тутъ достать такой лошади, развѣ только обратиться къ самимъ ихъ дикимъ владѣльцамъ, рыскающимъ по пустынѣ, быть-можетъ даже въ весьма близкомъ отъ насъ разстояніи. Надо было искать другаго исхода.

Перебирая въ головѣ своей всевозможныя средства чтобы добыть воды, я сталъ смутно припоминать одинъ слышанный мною разговоръ на Хала-Атѣ, изъ котораго я тогда

могъ понять что рѣчь шла о какомъ-то источникѣ лежащемъ между Адамъ-Крылганомъ и рѣкой, мѣста этого у Вамбери однако не упоминалось.

О положеніи этого колодца я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и потому велѣлъ Акъ-Маматову спросить у джигитовъ, нѣтъ ли еще гдѣ воды по близости. Отвѣтъ ихъ воскресилъ всѣ мои силы, всѣ мои надежды: верстахъ въ тридцати отъ этого мѣста находятся колодцы Алты-Кудукъ, шесть колодцевъ, лежатъ они верстъ на шесть въ сторону, на сѣверъ отъ дороги къ рѣкѣ, и генералъ Кауфманъ оставилъ тамъ небольшой отрядъ. Это было для меня новостью совершенно неожиданною, и я положилъ ѣхать къ Алты-Кудуку, не останавливаясь на Адамъ-Крылганѣ. Что касается Русскихъ, то полковника Веймарна тамъ не было, а начальникъ отряда ужь конечно ничего не могъ знать о моей задержкѣ на Хала-Атѣ. Было бы неслыханнымъ несчастіемъ напасть сряду на двухъ такихъ офицеровъ какъ Веймарнъ, во всякомъ случаѣ можно было рискнуть. Я приказалъ людямъ садиться на лошадей чтобъ ѣхать прямо къ слѣдующему колодцу, не отдыхая на Адамъ-Крылганѣ.

Какъ легко было предвидѣть, съ людьми по этому поводу у меня опять завязалась ссора: „Идти дальше не можемъ, лошади сдѣлали уже по крайней мѣрѣ пятьдесятъ верстъ въ этотъ объѣздъ и ужь конечно никакъ не будутъ въ состояніи пройти еще тридцать верстъ подъ палящимъ солнцемъ безъ отдыха и безъ питья. И дѣло это неслыханное! Мы останемся въ лескахъ безъ лошадей, которыя навѣрное падутъ дорогой, и принуждены будемъ идти пѣшкомъ.“ Но тутъ ужь мнѣ нечего было бояться привлечь вниманіе полковника Веймарма, и потому я, не вступая въ лишніе разговоры, велѣлъ имъ садиться на лошадей и ѣхать дальше. Наканунѣ они вытянули у меня 300 рублей, потому что я былъ въ ихъ власти; теперь же насталъ мой чередъ, и чрезъ пять минутъ мы уже ѣхали по направленію къ Алты-Кудуку.

Хотя я вѣчно находился въ хронической оппозиціи съ моими людьми, я постоянно погонялъ ихъ впередъ. Странное дѣло, они не только уважали меня, но даже, насколько я могъ замѣтить, были ко мнѣ очень расположены. Платилъ я имъ хорошо, никогда не отказывалъ имъ въ деньгахъ для покупки чего бы ни было съѣстнаго, дѣлилъ съ ними все что у меня было захвачено изъ лакомыхъ вещей, научился пить

ихъ киляченый чай чтобъ избавить ихъ отъ труда два раза кипятить воду, былъ на все податливъ, съ однимъ условіемъ, лишь бы подвигаться впередъ и впередъ. Въ этомъ отношеніи я былъ неумолимъ; хотя они и предполагали что я одержимъ какимъ-то бѣсомъ передвиженія, но только говорили: „Аллахъ великъ“, и пріязнь ихъ ко мнѣ отъ этого ни мало не уменьшалась.

Когда Адамъ-Крылганъ скрылся позади насъ слѣва, путь нашъ сдѣлался очень тяжелъ. Песокъ шелъ все рыхлѣе и глубже и наконецъ сталъ переходить въ огромные наносы 20 и 30ти футовъ въ вышину, самыхъ причудливыхъ формъ, сильно напоминавшихъ снѣжныя глыбы и вѣчно измѣнявшихся подъ вліяніемъ вѣтра. Песокъ проносился маленькими облаками надъ нашими головами засыпая намъ глаза, тогда такъ ноги наши положительно вязли въ глубокихъ наносахъ. Пробивать себѣ дорогу стало невыносимо: лошади уходили въ песокъ почти по животъ. Мы принуждены были сойти на землю чтобъ облегчить ихъ; да и тогда они продолжали нырять въ пескѣ. Продолжалось это цѣлыхъ три версты. Поднимись тутъ на наше несчастіе одинъ изъ урагановъ пустыни, всѣ эти глыбы поднялись бы на насъ и завалили бы насъ футовъ на двадцать, такъ что не осталось бы никакого слѣда нашего существованія.

Названіе этой мѣстности, Адамъ-Крылганъ, придумано вѣрно: въ русскомъ переводѣ оно значитъ „человѣческая погибель“.

Я однако замѣтилъ что даже здѣсь, какъ это ни кажется невозможнымъ, все еще лопадалась кое-какая растительность. Мѣстами виднѣлся кустикъ саксаула, иногда даже въ хорошемъ состояніи; но большей части они были почти совсѣмъ занесены и только нѣсколько листочковъ виднѣлось изъ-подъ леска. Въ другихъ мѣстахъ, короткіе жесткіе стволы саксауловъ съ цѣлою сѣтью длинныхъ волокнистыхъ корней растянувшихся на много аршинъ кругомъ были совершенно обнажены, но повидимому палящіе солнечные лучи нисколько не дѣйствуютъ на нихъ — такъ крѣпко это растеніе. Къ счастію переѣздъ этотъ не былъ продолжителенъ, иначе всѣ наши лошади погибли бы отъ изнуренія и голода.

Обезсиленная еще предъ тѣмъ лошадь прошла нѣсколько верстъ, затѣмъ споткнулась, зашаталась и тяжело по-

валилась на песокъ. Мы скинули съ нея сѣдло и уздечку, частію раздѣлили ея ношу ло остальнымъ лошадямъ, а частію и совсѣмъ бросили, и поѣхали дальше, оставляя ее издыхать на мѣстѣ. Долгое время ло наступленіи темноты ѣхали мы все впередъ, надѣясь добраться до Алты-Кудука.

Наконецъ признаки изнеможенія нашихъ лошадей побудили меня остановиться чтобы не пришлось на другой день продолжать путь пѣшкомъ. Бѣдныя животныя должны были провести эту ночь безъ воды, потому что мы не имѣли возможности взять съ собою достаточный запасъ, еслибы даже предвидѣли что намъ не удастся достать воды въ Адамъ-Крылганѣ. Мы дали имъ вмѣсто всякаго другаго корма жесткаго высохшаго чернаго хлѣба, но томимыя жаждой онѣ даже не тронули его, и мы развьючивъ ихъ пустили пастись по пустынѣ и собирать что они могли найти.

Никогда не могъ я достаточно надивиться на свою маленькую верховую лошадь. Теперь былъ уже 25й день какъ она была въ пустынѣ, везла меня съ самаго форта Перовскаго, пробѣгая иногда до 90 верстъ въ день. Болѣе половины этого времени ей не давалось никакого корма, а питалась она только тѣмъ что удавалось ей самой подобрать въ пустынѣ, а между тѣмъ она вовсе не была еще въ дурномъ положеніи. Бывало, бѣжитъ она съ ранняго утра до солнечнаго захода покойною иноходью, а вечеромъ еще пойдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ галопъ, точно ее только-что привели съ богатыхъ сырдарьинскихъ пастбищъ. Это былъ чистокровный киргизскій конь: свѣтло-гнѣдой, почти даже песочнаго цвѣта; голова, уши, глаза и ноги у него были точь въ точь какъ у арабской лошади, только шея и туловище были короче и тяжеле. Никогда не приходилось его связывать, онъ никогда не убѣгалъ. Онъ переплылъ Аму и, казалось, чувствовалъ себя также дома въ хивинскихъ садахъ какъ и въ пустынѣ, никогда не останавливаясь ни предъ изгородью, ни предъ канавой. Наконецъ онъ былъ у меня украденъ однимъ изъ освобожденныхъ рабовъ Персіянъ. Теперь же это бѣдное животное не находило мѣста отъ жажды и отказывалось отъ черныхъ сухарей, которые я ему подносилъ.

Мы сами были не въ лучшемъ положеніи: еслибы мы и въ состояніи были ѣсть при мучившей насъ жаждѣ, то сухари не было бы возможности разгрызть, не вымочивъ ихъ сперва въ водѣ. Да и вообще наши обстоятельства были не

блестящи. Кругомъ навѣрное рыскали Туркмены, колодецъ мы легко могли оставить въ сторонѣ, лошади были весьма ненадежны—еще двѣ изъ нихъ стали обнаруживать признаки такой усталости что становилось ясно что силъ ихъ станетъ не болѣе какъ на одинъ день; нерадостна была перспектива быть вынужденными плестись къ рѣкѣ пѣшкомъ, и это, пожалуй, только затѣмъ чтобы поласться тѣмъ же Туркменамъ. Окружающій мракъ и гробовая тишина пустыни, изрѣдка лишь нарушаемая рѣзкимъ звукомъ какого-нибудь насѣкомаго, наводили какое-то леденящее отчаяніе на человѣка; все соединилось чтобы сдѣлать эту ночь самою печальною и зловѣщею, какую только приходилось мнѣ переживать.

Послѣ двухчасоваго переѣзда слѣдующимъ утромъ мы стали различать вдали у горизонта сверканіе штыковъ при восходившемъ солнцѣ. Скоро можно было разсмотрѣть очертанія двухъ пикетовъ, которые пристально за нами слѣдили съ песчанаго холма, а черезъ часъ и сами мы въѣхали на этотъ холмъ и увидали предъ собой лагерь Алты-Кудукъ. Мѣсто это было песчанѣе и печальнѣе всего что̀ я до сихъ поръ видѣлъ, не исключая даже самого Адамъ-Крылгана.

Представьте себѣ широкую, неглубокую ложбину съ нѣсколькими колодцами и грудами наваленнаго фуража и багажа; затѣмъ низкій холмикъ, на которомъ установлено два шестифунтовыя орудія; позади—другая ложбинка, въ которой разставлены солдатскія палатки; вдали все тѣ же лески, раскинувшіеся пластами и низкими кряжами по всѣмъ направленіямъ, образуя мѣстами болѣе возвышенные холмы, на которыхъ разставлены на самомъ припекѣ сторожевые пикеты. Таковъ-то былъ Алты-Кудукъ, мѣсто гдѣ пришлось генералу Кауфману провести самый тяжелый періодъ всей кампаніи, цѣлую недѣлю, въ теченіи которой онъ чуть было не подвергся тому же страшному несчастію которое постигло полковника Маркозова.

XVII. Радушный пріемъ.

Было еще очень раннѣе утро когда я въѣхалъ въ лагерь; никто изъ офицеровъ еще не вставалъ. Я сѣлъ на груду наваленнаго багажа и сталъ раздумывать о томъ какой-то меня здѣсь ожидаетъ пріемъ, не предвидя для себя ничего хорошаго. Ждать мнѣ пришлось не долго. Я просидѣлъ здѣсь не

болѣе пяти минутъ какъ изъ сосѣдней кибитки высунулась голова молодаго, полуодѣтаго офицера и раздался крикъ: „Que, diable, faites-vous là? Entrez donc.“

Приглашеніе это показалось мнѣ весьма много обѣщающимъ, и я вошелъ въ палатку съ облегченнымъ сердцемъ. Офицеръ оказался однимъ изъ тѣхъ кого я встрѣтилъ въ Хала-Атѣ, но котораго бы я самъ не узналъ, такъ какъ выѣхалъ онъ оттуда на другой же день по моемъ пріѣздѣ. Онъ также слѣшилъ за генераломъ Кауфманомъ, нагналъ его на Алты-Кудукѣ и имѣлъ несчастіе быть здѣсь оставленнымъ. Онъ немедленно приказалъ заварить чай и предложилъ мнѣ сухаго мяса и сухарей, на которые я накинулся съ совершеннымъ ожесточеніемъ, такъ какъ цѣлыя сутки не ѣлъ и не пилъ. Это было все чѣмъ онъ въ состояніи былъ меня угостить; даже этотъ кусокъ мяса былъ у него послѣднимъ; но угощеніе было до такой степени радушно что я, ни мало не задумываясь, тутъ же со всѣмъ этимъ и покончилъ.

Этотъ офицеръ сообщилъ мнѣ что генералъ Кауфманъ ушелъ уже цѣлыхъ шесть дней и въ настоящее время долженъ былъ находиться у рѣки; ложалуй, даже ему удалось и переправиться черезъ нее. Извѣстій о немъ на Алты-Кудукѣ съ самаго его выхода не получалось никакихъ; здѣсь со дня на день ждали приказа выступать, такъ какъ верблюды, которыхъ должны были сюда выслать изъ главнаго отряда, ежеминутно могли прибыть. Что же касается дороги, то она была теперь очень опасна — повсюду за арріергардомъ Кауфманскаго отряда должны были рыскать мародерскія шайки Туркменъ. Одному онъ мнѣ никакъ не совѣтовалъ ѣхать, а говорилъ что часть отряда оставленная на Алты-Кудукѣ должна выступить чрезъ день-другой и мнѣ удобнѣе всего будетъ примкнуть къ нимъ. Я ничего не отвѣтилъ на это предложеніе, но подумалъ что долѣе мѣшкать мнѣ было бы безумствомъ: погоня за мной уже могла быть выслана, оставаться на мѣстѣ было опаснѣе чѣмъ идти впередъ.

Небольшая остановка однако была необходима чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Я самъ едва держался на ногахъ отъ усталости и клонящаго меня сна; мнѣ наскоро приготовили постель, на которую я тутъ же бросился чтобы вздремнуть хоть одинъ часъ.

Проснувшись, я нѣсколько минутъ лежалъ съ полуоткры-

тыми глазами, стараясь сообразить гдѣ я обрѣтался. Палатка въ которой я лежалъ была очень велика, просторна и обита внутри тканями самыхъ яркихъ цвѣтовъ, вырѣзанными какимъ-то причудливымъ образомъ. Послѣ я узналъ что это была одна изъ палатокъ присланныхъ генералу Кауфману эмиромъ, чѣмъ и объяснялась ея оригинальность. Въ первыя минуты моего пробужденія когда я силился сообразить гдѣ я нахожусь и предо мной смутно воскресали картины изъ *Тысячи и одной ночи*, я былъ выведенъ изъ этой полудремоты вопросомъ на весьма хорошемъ англійскомъ языкѣ:

— Ну, хорошо ли вы теперь отдохнули?

Я оглянулся: человѣкъ 8—10 офицеровъ окружили мою постель. Заговорившій со мной былъ баронъ Корфъ; тутъ же были Валуевъ, Ѳедоровъ (нѣсколько рисунковъ котораго приложены при этой книгѣ) и много другихъ. Они всѣ ждали моего пробужденія, чтобы привѣтствовать меня и предложить свое гостепріимство. Сошлись мы въ нѣсколько минутъ. Они пригласили меня завтракать съ ними, но провизію для этого завтрака принуждены были доставлять въ складчину: кто принесъ кусокъ сухихъ овощей, кто банку либиховскаго мяснаго экстракта, кто сухарей, сгущенное молоко, кофе, даже нашлась бутылка водки. И это было все что̀ можно было достать въ лагерѣ изъ провизіи; но приправлено это было такимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, желаніе ихъ оказать мнѣ всевозможную дружбу и помощь казалось до того искреннимъ что все это не могло меня не тронуть, особенно въ тѣ тяжелыя времена, когда самъ я былъ въ такомъ горькомъ положеніи. Да и теперь я не перемѣнилъ своего первоначальнаго убѣжденія что офицеры эти были самыми славными малыми съ которыми судьба сталкивала меня въ жизни. Не веселы были и они, оставленные здѣсь въ лустынѣ, когда не было уже въ нихъ почти и надежды добраться въ Хиву вовремя, чтобъ участвовать въ ея занятіи; но для настоящаго случая всѣ горькія мысли были откинуты въ сторону, и мы были не менѣе веселы надъ нашею одинокою бутылкой водки, чѣмъ еслибы на ея мѣстѣ стояла дюжина *клико*. Единственная забава ихъ тутъ состояла въ пѣснѣ, которую они передѣлали съ нѣмецкаго и которая начиналась словами: *In dem Alti-Kuduk, da ist mein Vaterland*; пѣлась она напѣвомъ самымъ заунывнымъ и ввели они въ нее невѣроятное количество всякихъ варіантовъ.

Но едва ли не лучше всего было то что они дали мнѣ столько ячменя сколько мнѣ было нужно для лошадей; а говоря правду, дѣло мое приняло такой оборотъ что вся удача его зависѣла чуть ли не отъ четверика ячменя.

Вода на Алты-Кулукѣ была довольно хороша и въ достаточномъ количествѣ, но мнѣ все-таки пришлось испрашивать позволенія брать ее для моихъ лошадей, такъ какъ здѣсь все еще были въ силѣ относительно воды правила первыхъ дней, когда ея было мало.

Въ этотъ день я былъ очень удивленъ и даже обрадованъ, услыхавъ крикъ пѣтуха: чрезвычайно страннымъ казался звукъ этотъ въ пустынѣ. Сюда пѣтухъ этотъ, какъ мнѣ объяснили, перебрался изъ самаго Ташкента, возсѣдая очень комфортабельно на спинѣ верблюда. Предназначенный сперва для кухни, пѣтухъ этотъ обнаружилъ такія боевыя наклонности и такъ налетѣлъ на повара генерала фонъ-Кауфмана что солдаты приняли его сторону и единогласно рѣшили оставить его жить. Природное расположеніе его къ бою до того всѣми поощрялось что наконецъ онъ не сталъ давать проходу ни людямъ ни животнымъ; я не разъ потомъ и самъ видѣлъ какъ этотъ пѣтухъ нападалъ на собаку и всегда обращалъ ее въ бѣгство.

XVIII. Прошелъ сквозь строй!

На слѣдующій день около полудня я уже опять былъ въ сѣдлѣ, направляясь все къ тому же Оксусу. Офицеры употребляли всѣ зависящія отъ нихъ средства чтобъ отговорить меня ѣхать дальше, увѣряя что мнѣ не миновать встрѣчи съ Туркменами. Но хотя я самъ не былъ спокоенъ въ этомъ отношеніи, да и Мустровъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о предстоявшей дорогѣ, оставаться на мѣстѣ было мнѣ еще страшнѣе. У меня было точно предчувствіе что я оставляю за собой не меньшую опасность чѣмъ всѣ тѣ которыя мнѣ могутъ грозить впереди; да и того я не могъ упускать изъ вида что отъ полковника Веймарна не могло долго скрываться мое бѣгство, а съ нимъ я ни въ какомъ случаѣ больше не желалъ имѣть дѣла.

Это предчувствіе опасности оказалось чуть ли не пророчествомъ, такъ скоро оно оправдалось. Будучи уже въ Хивѣ, я узналъ что не прошло и нѣсколькихъ часовъ послѣ моего отъѣзда съ Алты-Кудука, какъ туда прискакалъ офицеръ во главѣ 25ти казаковъ, съ приказомъ арестовать меня, обезоружить и привезти назадъ въ Ташкентъ. Сдѣлалъ этотъ офицеръ около 900 верстъ почти не останавливаясь чтобъ успѣть задержать меня въ пустынѣ. Онъ слышалъ обо мнѣ отъ проходящихъ караванов и отъ кочевниковъ-Киргизовъ, меня встрѣчавшихъ: напалъ на мой слѣдъ, потерялъ его, опять на него набрелъ по слухамъ, терялъ его еще много разъ, загналъ нѣсколько лошадей и наконецъ доѣхалъ въ Алты-Кудука.... нѣсколькими часами послѣ моего отъѣзда. Тутъ надъ нимъ только посмѣялись, увѣряя его что я уже теперь нахожусь или у генерала Кауфмана, или среди шакаловъ — во всякомъ случаѣ, внѣ его власти.

Исторія эта весьма куріозная. Существуетъ приказъ — обсуждать который я здѣсь считаю излишнимъ — запрещающій всѣмъ Европейцамъ, не русскимъ подданнымъ, вступать въ Туркестанскую область. Запрещеніе это, по объясненію Русскихъ, было вызвано тѣмъ что многіе иностранцы подвергались несчастіямъ въ бытность свою въ Центральной Азіи, а ихъ родственники и друзья потомъ сваливали всю вину въ этомъ на Русскихъ. Такъ, напримѣръ, двое Италіянцевъ, заѣхавшихъ въ Бухару, были брошены эмиромъ въ темницу; хотя потомъ они и были выпущены оттуда единственно по настоянію Русскихъ, грозившихъ въ противномъ случаѣ войною Бухарѣ, но возвратившись домой они стали говорить что самое заключеніе это устроено было Русскими. Словомъ, сколько ни было несчастныхъ случаевъ съ иностранцами въ этихъ мѣстахъ, они всегда слагали вину на Русскихъ. Тогда было рѣшено, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, просто не пускать туда въ настоящее время ни одного Европейца.

По правдѣ говоря, когда меня еще въ Казалинскѣ хотѣли задержать на основаніи этого приказа, я сослался на то что я не Европеецъ, и только такимъ путемъ добился позволенія ѣхать если не въ Хиву, то хоть въ Ташкентъ. Но едва только дошелъ слухъ о моемъ выѣздѣ изъ Перовскаго въ Кизилъ-Кумы до какой-то офиціальной особы — въ Ташкен-

тѣ или Самаркандѣ, навѣрное не могу сказать — какъ эта особа сообразила что лучшаго случая выказать свое усердіе ей не дождаться, и рѣшила меня изловить и вернуть въ Ташкентъ, по всей вѣроятности, въ качествѣ шпіона. Тѣмъ временемъ разнеслась молва по всему краю о томъ что черезъ Кизилъ-Кумы ѣдетъ Американецъ въ Хиву, а въ погоню за нимъ выслано 25 казаковъ. Почти всѣ Русскіе, за исключеніемъ офиціальной особы, принимали сторону Американца: „онъ молодецъ", говорили въ Ташкентѣ, „стыдъ и срамъ еще посылать за нимъ погоню, когда ужь вѣрно ему не весело приходится и отъ Туркменъ". Пріемъ мнѣ предстоялъ въ Ташкентѣ весьма хорошій, въ случаѣ еслибъ я былъ пойманъ и привезенъ туда. Пойманъ я однако не былъ, а офиціальная особа была за всѣ свои труды только поднята на смѣхъ. Въ другой разъ, прежде чѣмъ дѣйствовать, я думаю, особа эта вспомнитъ мудрое изреченіе Талейрана: „surtout, pas trop de zèle".

Такова-то была грозившая мнѣ опасность. Буду опять продолжать прерванный разказъ о дальнѣйшихъ моихъ похожденіяхъ.

Выѣхалъ я съ Алты-Кудука 15го (27го) мая, надѣясь добраться до рѣки, а слѣдовательно и до генерала Кауфмана, въ тотъ же день. Настоящее разстояніе до рѣки было неизвѣстно, но я предполагалъ что оно не можетъ быть болѣе 75 и менѣе 45 верстъ; а такъ какъ генералъ Кауфманъ захватилъ всего двѣ изъ своихъ шести лодокъ, то я былъ почти увѣренъ что переправиться онъ не успѣлъ, и не терялъ надежды застать его на этомъ еще берегу. Со спокойнымъ сердцемъ выѣхалъ я на этотъ послѣдній, казалось мнѣ, переѣздъ. Я, конечно, при этомъ не думалъ что всѣмъ моимъ тревогамъ насталъ конецъ. Далеко до того; я зналъ что наибольшая опасность еще предстоитъ впереди. За главнымъ отрядомъ неминуемо должны разъѣзжать Туркмены: приходилось теперь избѣгать ихъ или сражаться съ ними. Но я полагался на то что счастливая звѣзда моя не измѣнитъ мнѣ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ.

Подвинувшись верстъ на шесть къ югу, мы скоро выѣхали на широкую проѣзжую дорогу, ведущую отъ Адамъ-Крылгана къ рѣкѣ (путь которымъ проходилъ Вамбери переодѣтый дервишемъ); тутъ мы повернули на западъ. Дорога была

широкая и слѣдовать по ней было не трудно; да еслибъ ее и совсѣмъ не было, то мы не могли бы сбиться со слѣда арміи—трупы верблюдовъ, встрѣчавшіеся на разстояніи нѣсколькихъ саженей одинъ отъ другаго, послужили бы достаточнымъ указаніемъ. Даже ночью одно обоняніе наше вывело бы насъ на вѣрную дорогу безъ содѣйствія другихъ чувствъ. Песокъ былъ такъ глубокъ что лошади безпрестанно уходили въ него по колѣна. Мѣстами еще виднѣлись слѣды проѣзжавшихъ пушекъ, казалось, онѣ совсѣмъ зарывались въ этотъ сыпучій песокъ; когда мнѣ потомъ говорили то въ каждое орудіе было впряжено всего по восьми лошадей, я этому не хотѣлъ вѣрить. Характеристическія черты пустыни въ этихъ мѣстахъ были тѣ же что̀ и въ остальной части Кизилъ-Кумъ: волнистыя груды песка, поросшія рѣдкими саксаулами и жиденькою буроватою травкой.

Послѣ двухчасоваго переѣзда мы стали наѣзжать на трупы лошадей, въ которыхъ не трудно было узнать туркменскихъ красавцевъ-коней: какъ видно, здѣсь уже были пущены въ дѣло винтовки русскихъ стрѣлковъ. Отсюда до самой рѣки не переставали намъ попадаться эти лошадиные трупы, показывая что битва на ходу не прекращалась въ продолженіи всего этого перехода. Какъ потомъ оказалось, мнѣ и самому бы никакъ не избѣжать туркменскихъ лапъ, еслибъ я предпринялъ этотъ переѣздъ двумя днями раньше, когда многія сотни этихъ хищниковъ рыскали вокругъ арміи. Изъ этого можно заключить какъ еще невѣрны были шансы на благополучный исходъ моего дѣла даже и тогда когда мнѣ посчастливилось ускользнуть отъ казаковъ. У многихъ убитыхъ коней порублены были хвосты, такъ какя лошадиный хвостъ служитъ у Туркменъ доказательствомъ что конь убитъ на службѣ хана, который и обязанъ вознаградить эту потерю деньгами. Теперь мы подвигались впередъ очень осторожно, осматривая мѣстность съ вершины каждаго холма, чтобы не наткнуться на одну изъ туркменскихъ шаекъ.

Около пяти часовъ пополудни мы доѣхали до мѣста гдѣ пустыня разомъ мѣняла свой характеръ, и вмѣсто волнистыхъ дюнъ, которыми все время приходилось ѣхать, мы тутъ увидали предъ собою низкую гладкую равнину, спускающуюся еще болѣе низкою террасой. Вдали въ эту равнину

вдавался высокій кряжъ, оканчивавшійся съ нашей стороны нѣсколькими холмами. Это были горы Учь-Учакъ, у береговъ Оксуса.

Мы все погоняемъ своихъ измученныхъ лошадей: во что бы то ни стало, а намъ надо доѣхать до рѣки въ этотъ же день, такъ какъ у насъ нѣтъ съ собой ни воды, ни провизіи, кромѣ сухарей. Солнце спускается все ниже и ниже къ горизонту, виситъ надъ нимъ краснымъ шаромъ, образуя длиннѣйшія тѣни отъ нашихъ фигуръ, наконецъ закатывается совсѣмъ. На западномъ склонѣ неба разноцвѣтнымъ пламенемъ заблестѣлъ солнечный отсвѣтъ и подъ нимъ-то мы различаемъ блескъ воды.

Наконецъ-то Оксусъ!

Когда генералъ фонъ-Кауфманъ дошелъ до этого мѣста и увидалъ давно желанную воду, онъ снялъ фуражку и набожно перекрестился, какъ и всѣ офицеры его штаба; солдаты же подняли такой радостный крикъ какого ужь вѣрно еще никогда не раздавалось въ этихъ краяхъ.

Доѣзжаемъ мы до воды только долго спустя послѣ того какъ стемнѣло. Украдкою поимъ мы лошадей, мочимъ свои сухари и тихо удаляемся опять въ песчаныя дюны въ ожиданіи разсвѣта.

Что суждено намъ увидать по утру? Бѣлые кителя Русскихъ или высокія черныя шапки Туркменъ? Огонь засвѣтить мы боимся, но осторожно сходимъ съ лошадей въ маленькой лощинкѣ, и бросаемся на песокъ, каждый привязавъ къ себѣ своего коня.

Наступаетъ день; мы поднимаемся со своей песчаной постели и осторожно осматриваемся. Оказывается что мы совсѣмъ еще и не на рѣкѣ, а на краю поросшаго тростникомъ болота, у самаго подножія Учь-Учака. Кругомъ не видать ни Русскихъ, ни Хивинцевъ. Изъ живыхъ существъ только и виднѣется что бѣлая лошадь вдали, на горномъ склонѣ, да и та, завидя насъ, живо проскакиваетъ на вершину и исчезаетъ за ней.

При солнечномъ восходѣ мы добираемся до вершины горы; отсюда я впервые, 16го (28го) мая, увидѣлъ Оксусъ.

Широкій и спокойный раскинулся онъ у моихъ ногъ, разстилаясь далеко на югъ и на сѣверъ промежь желтыхъ песковъ что раскинулись кругомъ на необозримое пространство;

воды его, окаймленныя зеленью, блистали какъ кристаллы на утреннемъ солнцѣ. Любуясь съ какимъ-то упоеніемъ на его подернутыя зыбью воды, я забылъ обо всемъ — о Кауфманѣ, о Туркменахъ, о самой цѣли своего путешествія. Съ трудомъ заставилъ я себя ловѣрить своимъ глазамъ что предо мною дѣйствительно лежитъ тотъ мощный потокъ который раскидывается отъ самыхъ горъ Индіи до Аральскаго моря, на берегахъ котораго разыгрывалось столько историческихъ событій, начиная съ древнѣйшихъ временъ человѣчества. Но еще страннѣе было думать о томъ какъ не многіе видѣли эту рѣку, и какъ не многіе изъ дошедшихъ до нея возвратились живыми.

Возвышенности или горы Учь-Учака едва ли выше 500 футовъ. Тутъ возвышаются нѣсколько маленькихъ остроконечныхъ вершинъ, песчаной формаціи, заключающихъ между собой маленькую кратерообразную ложбинку около полуверсты въ поперечникѣ и напоминающую собою высохшее озеро. Мнѣ даже казалось что я могу различить у отвѣсныхъ почти береговъ слѣды прежняго водянаго уровня. Однако, присутствіе здѣсь озера вещь едва ли правдоподобная, такъ какъ мѣсто выше всей окружающей долины.

Но гдѣ же генералъ Кауфманъ? Я осматриваю мѣстность въ зрительную трубу по всѣмъ направленіямъ. Видѣть я могу верстъ на тридцать вверхъ и внизъ по рѣкѣ и далеко по другую ея сторону, гдѣ свѣтятся тѣ же желтые голые пески, но нигдѣ не видать никакихъ слѣдовъ арміи, ни палатки, ни кибитки, никого человѣческаго жилья. А между тѣмъ Русскіе здѣсь были, такъ какъ слѣды проѣзжавшихъ путекъ пролегали у самаго подножія горы. Но куда же могли они уйти? Подъ вліяніемъ какого-то безсознательнаго ужаса я быстро съѣхалъ съ горы къ водѣ. Тутъ лежалъ истлѣвшій пепелъ многихъ костровъ — вотъ и все.

XIX. Ночь у Оксуса.

Это былъ уже 29й день моей погони за генераломъ Кауфманомъ, а изъ Перовскаго я выѣхалъ въ полномъ убѣжденіи что догоню его черезъ пять дней. Я надѣялся застать его у колодцевъ Минъ-Булакъ, въ горахъ Буканъ-Тау, но не доѣхавъ еще до этого пункта, услыхалъ что его тамъ нѣтъ и не будетъ. Все

время съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на Хала-Атѣ, я былъ на поискахъ за нимъ, надѣясь добраться до него съ каждымъ наступающимъ днемъ. Хорошо я понялъ этимъ временемъ какъ тяжелы бываютъ обманутыя ожиданія.

Наконецъ добрался я до Оксуса, гдѣ ни на минуту не сомнѣвался что застану армію; но и тутъ ожидало меня обычное разочарованіе. Неужели же я никогда ее не разыщу? Воображенію моему, возбужденному безконечными странствованіями по этой дикой мѣстности при вѣчныхъ неудачахъ, самъ генералъ Кауфманъ сталъ наконецъ представляться какимъ-то миѳомъ; минутами я даже ожидалъ что вотъ-вотъ проснусь я въ одной изъ гостиницъ Парижа и въ концѣ концовъ окажется что и Хивинская экспедиція, и мои собственныя странныя приключенія были не болѣе какъ долгій, тяжелый сонъ.

Но нѣтъ; вотъ еще лежатъ груды пепла отъ лагерныхъ костровъ и виднѣются колеи проложенныя проѣзжавшими пушками. Русскіе не могли быть далеко отсюда. Но нельзя было различить никакихъ признаковъ переправы войска черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ, и нечего было дѣлать какъ только идти по виднѣвшимся слѣдамъ.

Я въѣхалъ на лошади въ рѣку, захватилъ горсть воды и попробовалъ ее: она была мутна, но вкусна. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была сажень около 500 ширины. Съ обѣихъ сторонъ окаймлена она полоской зелени мѣстами въ нѣсколько саженъ, а мѣстами въ цѣлую версту шириною. За этою полосой разстилались опять пески. У береговъ было много травы и кустарниковъ, и мы рѣшились остановиться здѣсь пить чай, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ сутокъ мы питались однимъ хлѣбомъ и водой.

Затѣмъ опять на коней, опять впередъ на поиски. Украдкою въѣзжаемъ мы на всѣ холмы, пользуемся каждымъ удобнымъ мѣстомъ для тщательнаго осмотра въ зрительную трубу окружающей мѣстности, рѣшившись обезпечить себѣ хоть тотъ шансъ чтобы первымъ увидать врага, если судьба сведетъ насъ съ нимъ.

Слѣды шли по правому берегу рѣки, направляясь въ сторону Аральскаго моря; они то виднѣлись у самой окраины воды, то поднимались на возвышенности, доходившія мѣстами до 100 футовъ вышины, и тянулись по ихъ склонамъ. Цѣ-

лый день этотъ у насъ проходитъ въ пристальномъ слѣдованіи по колеямъ лушекъ, въ ежеминутномъ ожиданіи выѣхать къ арріергарду — и цѣлый день длится та же неизвѣстность.

Въ одномъ мѣстѣ, проѣзжая самымъ берегомъ, по дорогѣ у подножія одной изъ возвышенностей, мы были страшно перепуганы верблюдомъ, упавшимъ съ утесовъ на дорогу, прямо предъ нами, съ перешибленной шеей и ногами. Первой мыслью было что животное это свалено на насъ Туркменами, и что за нимъ немедленно послѣдуетъ градъ луль. Схватываемъ оружіе и съ минуту стоимъ въ оцѣпеніи, съ ужасомъ ожидая нападенія. Но тишина не нарушается ничѣмъ, не раздается ни одного выстрѣла, наконецъ, рѣшась тронуться съ мѣста, мы подъѣзжаемъ къ верблюду и видимъ что онъ слѣпъ, слѣдовательно свалился самъ. Встрѣчать этихъ верблюдовъ, брошенныхъ Русскими въ пустынѣ, для насъ стало уже дѣломъ привычнымъ. Мои люди не разъ даже ловили ихъ, пробуя извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу при перевозкѣ багажа, чтобы дать нѣсколько отдохнуть лошадямъ; но толку изъ этого не вышло никакого, никогда не удавалось заставить такого верблюда пройти болѣе часа. Когда верблюдъ полагаетъ что онъ прошелъ достаточно далеко, то никакими силами невозможно принудить его идти дальше.

Внезапно наѣзжаемъ мы затѣмъ на пять всадниковъ, спускающихся съ одного изъ холмовъ, и опять схватываемся за оружіе. Они же стремглавъ бросаются въ воду, переплываютъ на другую сторону и скачутъ по направленію къ Хивѣ. Судя по ихъ поспѣшному бѣгству, я заключаю что у нихъ не можетъ быть подкрѣпленія по близости, и даю по нимъ два-три выстрѣла изъ своей винтовки, но безъ успѣха. Нѣсколько времени спустя, проводникъ, однако, разсмотрѣлъ въ зрительную трубу группу изъ 15ти или 20ти человѣкъ, по всей вѣроятности, Хивинцевъ, расположившихся у рѣки. Такъ какъ они значительно превышаютъ насъ числомъ, то мы считаемъ за лучшее не безпокоить ихъ своимъ появленіемъ. Они остановились внизу у воды, а мы находимся на возвышенности, откуда легко ихъ разсмотрѣть, не привлекая тотчасъ ихъ вниманія; мы поспѣшно въѣзжаемъ въ лески, дѣлаемъ большой объѣздъ и осторожно сворачиваемъ опять къ рѣкѣ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже.

Послѣ полудня выѣзжаемъ на поля превосходной пшеницы и клевера, лошади наши съ жадностію накидываются на этотъ богатый кормъ, впервые попавшійся послѣ мѣсячнаго поста. Скоро мы различаемъ что-то въ родѣ людскихъ жилищъ по ту сторону рѣки; но лески все еще очень близко подходятъ къ берегу съ обѣихъ сторонъ. Подъ вечеръ показываются на той сторонѣ нѣсколько всадниковъ и, какъ видно, пристально за нами слѣдятъ; но тутъ наступаетъ темнота и они стушевываются въ неясныхъ очертаніяхъ противоположнаго берега. Все подергивается мракомъ, одна рѣка еще бѣлѣется въ своемъ теченіи.

Отъ арміи теперь только и слѣдовъ что истлѣвшія кости. Мы и въ темнотѣ едва слышно пробираемся впередъ. Нервы наши до невѣроятія напряжены этимъ вѣчнымъ ожиданіемъ, да и положеніе наше дѣлается чрезвычайно критическимъ. Насъ два раза уже видѣли съ противоположной стороны, незначительное наше число конечно было замѣчено; Хивинцамъ ничего не стоило переправиться черезъ рѣку, а догнать насъ на ихъ быстроногихъ коняхъ было бы для нихъ простою забавой. Съ каждымъ шагомъ ожидаемъ мы увидѣть отблескъ костровъ отряда или услыхать крикъ „кто идетъ?“ русскихъ часовыхъ. Дорога поднимается высоко надъ рѣкой. Черная грозовая туча собралась на западѣ и свѣсилась надъ Хивой. Изъ тучи вырывается молнія, на минуту освѣщая рѣку, протекающую внизу, и придавая еще болѣе зловѣщій характеръ наступающей затѣмъ опять темнотѣ. Разъ мнѣ кажется что далеко впереди мелькнулъ огонь; останавливаемся, ждемъ, не покажется ли онъ опять, но ничего болѣе не можемъ различить и продолжаемъ идти, приписывая это дѣйствію моего напряженнаго воображенія. Одиннадцать часовъ. Наши усталыя лошади сдѣлали верстъ 70 съ утра, и я рѣшаюсь остановиться. Сворачиваемъ къ рѣкѣ, поимъ лошадей и располагаемся ждать разсвѣта.

Я пробую поставить одного изъ своихъ людей часовымъ на время этой остановки; но хотя они вполнѣ понимаютъ грозящую намъ опасность, тѣмъ не менѣе перспектива провести безсонную ночь такъ имъ противна что я ясно вижу что принуждать ихъ къ тому безполезно—все равно они заснутъ тогда на мѣстѣ—и я рѣшаюсь самъ сторожить этою ночью.

Черезъ пять минутъ они всѣ спятъ мертвымъ сномъ, привязавъ лошадей къ своимъ рукамъ, и я остаюсь одинъ слу-

шать тихое журчаніе воды. Цѣлую ночь, до самаго разсвѣта, расхаживаю я взадъ и впередъ, такъ какъ сонъ клонитъ меня до такой степени что я боюсь присѣсть хотя бы на минуту. Небо покрылось тучами; темнота непроглядная, едва можно различить что-нибудь въ двухъ шагахъ предъ собою. Цѣлую ночь длится моя печальная прогулка, всю ночь напролетъ прислушиваюсь я къ ропоту протекающей воды, въ которомъ, кажется мнѣ, слышится иногда что-то похожее на человѣческія рѣчи. Минутами сверкаетъ молнія, освѣщаетъ спустившіяся облака, широкую рѣку, высокія крутизны и бѣлыя лица моихъ людей и стоящихъ надъ ними усталыхъ лошадей съ полуренными головами, и затѣмъ опять наступаетъ темнота еще непроглядиѣе, еще зловѣщѣе прежняго.

Съ разсвѣтомъ мы опять пускаемся въ путь, и подвинувшись на версту впередъ, подходимъ къ тлѣющему еще костру. Ясно что я не ошибся увидавъ отблескъ огня прошлою ночью въ этой сторонѣ. Русскій или хивинскій это костеръ? Если русскій, то развести его могъ только караулъ, и въ такомъ случаѣ армія была бы еще въ виду. Очевидно, костеръ хивинскій; я не ошибся, замѣтивъ мелькнувшій огонь, и мы остановились прошлою ночью какъ разъ вовремя, не успѣвъ наткнуться на самый лагерь Туркменъ.

Какихъ-нибудь полчаса ло восходѣ солнечномъ какъ электрическій ударъ до насъ внезапно доносится звукъ выстрѣла. За первымъ слѣдуетъ еще нѣсколько, съ короткими, но правильными промежутками, раскатываясь громомъ по рѣчной долинѣ.

Это грохотъ пушекъ!

XX. „Un mauvais quart d'heure".

Наконецъ-то мы дѣйствительно дошли до Русскихъ. Но тутъ же, какъ видно, были и Туркмены, такъ что теперь-то наступалъ самый критическій моментъ всего нашего путешествія. Грохотъ пушекъ все продолжался; битва, повидимому, завязалась. Для меня теперь вся задача состоитъ въ томъ чтобы различить положеніе сражающихся сторонъ и увернуться отъ Туркменъ.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала загибъ влѣво, тогда какъ пушечная пальба слышалась прямо впереди насъ. Я рѣшился

оставить рѣку въ сторонѣ и ѣхать къ мѣсту схватки. Принудить къ тому моихъ людей оказалось дѣломъ нелегкимъ: они были страшно перепуганы, и по какой-то необъяснимой причинѣ желали держаться воды. Мнѣ стоило даже большаго труда уговорить одного изъ нихъ подняться со мной на вершину маленькаго холма чтобы попытаться опредѣлить положеніе сражающихся сторонъ. Безопасность наша была болѣе чѣмъ сомнительна; Туркмены могли стать между нами и Русскими, и въ такомъ случаѣ изъ нашего положенія не было исхода. Пальба все продолжалась, какъ казалось, на разстояніи верстъ семи отъ насъ.

Взбираемся на вершину первой возвышенности, осторожно осматриваемся, но не видимъ ничего: на разстояніи еще версты предъ нами лежитъ другой холмъ, заслоняющій отъ насъ видъ на дальнѣйшую мѣстность. До тѣхъ поръ, однако, дорога открыта. Мы уже собираемся ѣхать дальше, когда вдругъ видимъ пять верховыхъ мчатся вверхъ на холмъ, но, завидя насъ, бросаются въ сторону рѣки и исчезаютъ. Это становится тревожнымъ. Мы погоняемъ лошадей изо всѣхъ силъ, но лесокъ такъ глубокъ, а бѣдныя животныя такъ измучены что ихъ невозможно поднять и въ рысь. Пальба внезапно прекращается. Мы въѣзжаемъ на слѣдующій холмъ, поросшій мелкими саксаулами, и опять выглядываемъ изъ-за его вершины. То что̀ представляется нашимъ глазамъ предвѣщаетъ на этотъ разъ весьма близкій кризисъ.

На разстояніи трехъ верстъ подвигается въ нашу сторону по дорогѣ около сотни всадниковъ; растянулись они чуть ли ни на цѣлую версту въ длину. Я не вижу еще людей, но Мустровъ увѣряетъ что онъ можетъ различить передовыхъ, и что, судя по костюму, они должны быть или Киргизы, или Туркмены—разобрать онъ вѣрно не можетъ—но что это никакъ не Русскіе. Вѣсти плохія. Киргизы, конечно, были бы друзьями, но если это Туркмены, игра наша была проиграна. Въ такомъ случаѣ предъ нами было три исхода, но всѣ почти недостижимые. Вернуться назадъ къ Алты-Кудуку; сдѣлать объѣздъ верстъ въ 15—20 лесками, обогнуть врага и проѣхать дальше; или же наконецъ, спрятаться до ночи, а тогда пробраться чрезъ его ряды. Слабость нашихъ лошадей не позволяла намъ и думать о первыхъ двухъ исходахъ оставалось одно — спрятаться; но вблизи, кромѣ маленькихъ

бугровъ не видать было ничего. По всѣмъ вѣроятіямъ насъ услѣютъ открыть до наступленія темноты.

Пальба прекратилась, такъ что мы не можемъ судить ни о разстояніи отъ арміи, ни объ ея настоящемъ положеніи. Мы остаемся въ лескахъ выжидая событій. Вдругъ двое всадниковъ отдѣляются отъ конной линіи и скачутъ въ нашу сторону, будто примѣтивъ что-то подозрительное въ нашемъ направленіи и подъѣзжая это изслѣдовать. Дѣло подвигается къ развязкѣ. Отступленіе невозможно; да на три-четыре версты кругомъ нѣтъ прикрытія достаточнаго чтобы скрыть кролика, не только что насъ съ лошадьми. Я приказываю людямъ держать оружіе наготовѣ. Всѣ они хорошо вооружены, при нихъ имѣются два револьвера, два двуствольныхъ ружья заряжающихся съ казенной части и четыре простыхъ охотничьихъ ружья. Бѣда только въ томъ что ни одинъ изъ нихъ не можетъ попасть въ цѣль дальше чѣмъ на разстояніи десяти футовъ, да кромѣ того, вовсе нельзя было поручиться что они не струсятъ въ рѣшительную минуту и не бросятся бѣжать. Я же думаю подпустить двухъ Туркменъ на разстояніе нѣсколькихъ сажень, дать по нимъ вѣрный выстрѣлъ, положить ихъ на мѣстѣ и постараться завладѣть лошадьми; съ одной хорошей лошадью я еще могу рискнуть добраться до Русскихъ. Попытка, конечно, отчаянная, такъ какъ на насъ набросятся всѣ остальные Туркмены, лишь только заслышатъ выстрѣлы, и тогда.... но составлять дальнѣйшіе планы дѣйствій мнѣ уже было некогда.

Разстояніе между нами и двумя Туркменами всего саженъ въ двадцать; они подвигаются теперь шагомъ, весьма осторожно, будто чуя присутствіе врага. Я оглядываюсь на своихъ людей, стараясь опредѣлить могу ли я на кого изъ нихъ разчитывать. Старый Акъ-Маматовъ смотрѣлъ впередъ какимъ-то тупымъ взглядомъ, точно дѣло это совсѣмъ до него и не касается; самая жизнь, видно, ему опостылѣла съ тѣхъ поръ какъ я загналъ его въ такую даль, а теперь и смерть казалась ему чуть ли не лучше каторжной жизни послѣдняго времени. Мустровъ былъ взволнованъ. Единственный изъ нихъ кто казалось готовъ былъ за себя постоять, это молодой Киргизъ.

Пушечная пальба возобновилась. Я лежу въ кустарникѣ взведя уже курокъ ружья и ежеминутно спрашиваю Мустрова, увѣренъ ли онъ что это Туркмены. Онъ все киваетъ

утвердительно головой, пока они не подъѣзжаютъ сажень на десять: я готовлюсь уже спустить курокъ, но тутъ мой Мустровъ стремительно вскакиваетъ, бросаетъ шапку вверхъ и издаетъ дикій крикъ, не помня себя отъ радости. Онъ распозналъ не только Киргиза, но еще своего знакомаго. У меня самого какъ камень сваливается съ плечъ въ то время какъ мы всѣ пожимаемъ руку подъѣхавшимъ всадникамъ.

Киргизы эти оказываются джигитами русской арміи возвращающимися въ Хала-Ату. Они сообщаютъ намъ что Русскіе въ настоящее время верстахъ въ пяти дальше бомбардируютъ непріятельское укрѣпленіе, стоящее на противоположномъ берегу, и что всѣ Хивинцы отогнаны на ту сторону. Мы вскакиваемъ, ни мало не медля, на коней и бросаемся впередъ. Черезъ полчаса мы были на маленькой возвышенности у самаго рѣчнаго берега, откуда открывался обширный видъ на окружающую долину.

Ширина Оксуса здѣсь болѣе версты. Когда я остановился въ виду мѣста дѣйствія, противоположный берегъ былъ усыпанъ всадниками, скачущими изъ стороны въ сторону, тогда какъ у самой воды, предъ маленькою крѣпостцой съ бойницами для ружей, двѣ пушки производили почти безпрерывные выстрѣлы. Бросивъ взглядъ внизъ по рѣкѣ съ нашей стороны, я увидалъ и Русскихъ, въ полуверстѣ отъ себя; они также разсылались по берегу, спокойно наблюдая за дѣйствіемъ двухъ шестифунтовыхъ орудій, метавшихъ гранаты. Мы затянули повода и стали слѣдить за битвой. Противоположный берегъ возвышался футовъ пятьдесятъ надъ водою, тогда какъ наша сторона была низкая и совершенно ровная. Казалось что непріятель огородился еще земляными валами съ этой стороны. Въ послѣдствіи однакожъ эти валы оказались высокими берегами канала Шейхъ-арыка. На нихъ-то возвели Хивинцы укрѣпленіе для предотвращенія переправы русскихъ войскъ. За укрѣпленіемъ виднѣлось много зелени: отсюда, собственно, и начинаются хивинскіе сады; до этого мѣста, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ полей пшеницы и клевера которыми мы ѣхали, рѣчные берега были невоздѣланы; теперь же, немного ниже по рѣчному берегу съ нашей стороны, гдѣ были Русскіе, я могъ различить богатые зеленые луга и волнующіяся нивы.

Хивинская артиллерія дѣйствовала почти такъ же быстро какъ и русская, и я съ удивленіемъ увидѣлъ что ядра ихъ

не только не падали въ воду, но казалось, врѣзывались въ землю среди самихъ Русскихъ. Хотя на этомъ разстояніи я и не могъ судить объ ихъ дѣйствіи, но какъ я послѣ узналъ, нѣкоторые изъ нихъ проносились еще на четверть версты дальше. Дѣйствіе русскихъ гранатъ было весьма очевидно, такъ какъ онѣ взрывали землю по всѣмъ направленіямъ. Хивинцы еще держались очень хорошо, если принять во вниманіе что у нихъ были одни массивныя ядра вмѣсто гранатъ. Перестрѣлка эта продолжалась около часа. Русскія гранаты бороздили кругомъ землю безъ остановки, и два хивинскія орудія на берегу все еще продолжали дѣйствовать.

Сцена была чрезвычайно оживленная, и я думаю что старому Оксусу никогда еще не приводилось слушать такой музыки. Пять разъ со временъ Петра Великаго порывались Русскіе добраться до этого мѣста, и всѣ пять разъ безуспѣшно. Пять разъ приходилось имъ отступать изнемогая отъ трудности похода, суровости климата или предательства Хивинцевъ; единственный отрядъ которому удалось занять Хиву, былъ потомъ перерѣзанъ весь до послѣдняго человѣка. Наконецъ-то опять въ этотъ ясный майскій день стояли Русскіе на берегахъ древней исторической рѣки, лицомъ къ лицу со старымъ своимъ врагомъ.

Что касается меня, то я слѣдилъ, сидя на конѣ, за развитіемъ дѣйствій со всепоглощающимъ вниманіемъ. Сознаніе побѣжденныхъ препятствій, прошлыхъ опасностей, пришедшая къ концу тридцатидневная погоня за арміей и наконецъ возбуждающее дѣйствіе сцены раскрывшейся предо мною, всего этого было слишкомъ достаточно чтобы привести военнаго корреспондента въ блаженнѣйшее настроеніе духа. Да къ тому же я не могъ не сознать до какой невѣроятной степени судьба мнѣ благопріятствовала. Еслибъ отъ меня зависѣлъ выборъ времени прибытія моего въ армію, я бы, кажется, самъ не нашелъ болѣе благопріятной минуты.

Вдругъ граната, разорвавшаяся на противоположной сторонѣ въ средѣ туркменской конницы, произвела тамъ величайшую панику и смятеніе. Началось бѣгство во всѣ стороны, подвели лошадей и послѣшно отвезли орудія отъ воды, а еще черезъ нѣсколько минутъ уже не было видно на непріятельской сторонѣ ни одной живой души. Такъ кончилось сраженіе при Шейхъ-арыкѣ.

XXI. Наконецъ-то!

Я поскакалъ теперь по берегу въ сторону Русскихъ; перескочивъ и переправившись черезъ великое множество канавъ и каналовъ, которыми долина была изрѣзана по всѣмъ направленіямъ, я наконецъ приблизился къ мѣсту занятому ихъ орудіями.

Когда я подъѣхалъ на довольно близкое разстояніе, до меня донесся крикъ выѣзжавшаго ко мнѣ офицера.

— Вы кто?

— Американецъ, отвѣчаю я.

— Тотъ самый что̀ переѣхалъ одинъ черезъ Кизилъ-Кумы? спросилъ онъ, когда мы встрѣтились.

— Я отвѣчалъ утвердительно.

— Хорошо. Пойдемте, я представлю васъ генералу. Мы слышали уже нѣсколько дней тому назадъ что вы ѣдете къ намъ.

Я сошелъ съ лошади и меня подвели къ генералу Головачеву, который сидѣлъ тутъ же на лужкѣ, покуривая папироску. Подлѣ него стояло еще орудіе снятое съ передка, а неподалеку лежали двѣ убитыя лошади — единственная потеря понесенная здѣсь Русскими, какъ я послѣ узналъ: хотя земля была взрыта по всѣмъ направленіямъ непріятельскими ядрами, ни одинъ человѣкъ не былъ раненъ. А будь у Хивинцевъ вмѣсто ядеръ гранаты, Русскіе, конечно, потерпѣли бы немалый уронъ.

Генералъ Головачевъ, высокій, широкоплечій мужчина съ длинными бакенбардами и открытымъ пріятнымъ выраженіемъ лица, привѣтливо пожалъ мнѣ руку, замѣтилъ что я совершилъ переѣздъ весьма отважный и пригласилъ меня тутъ же завтракать.

Должно-быть по всей фигурѣ моей видно было что въ завтракѣ я сильно нуждался. Со впалыми глазами и щеками, грязный, пыльный, неумытый и оборванный — винтовка, которую я носилъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца на ремнѣ черезъ плечо истерла мнѣ все платье — я представлялъ своею фигурой совершенное пятно въ средѣ щеголей Русскихъ въ ихъ бѣлыхъ кителяхъ и фуражкахъ, съ золотыми и серебряными луговицами, которые всѣ смотрѣли такими чистыми и вылощенными, будто они выѣхали на парадъ на Исакіевскую площадь.

Завтракъ состоялъ изъ холоднаго варенаго мяса, холоднаго цыпленка, коробки сардинокъ и бутылки водки, разставленныхъ на бѣлой скатерти, разостланной на густой зеленой травѣ.

Офицеры встрѣтили меня очень дружелюбно, выказывали не малое любопытство относительно пережитаго мною времени въ Кизилъ-Кумахъ и дивились какъ могъ я рѣшиться одинъ предпринять такой безумный переѣздъ. По ихъ словамъ, было сто шансовъ противъ одного что я погибну; они описывали такими живыми красками всѣ опасности которыхъ я избѣжалъ что мнѣ не шутя стало жутко. Чувство мое въ эту минуту могло бы сравниться съ чувствомъ человѣка которому говорятъ что онъ одолѣлъ громадную, разъяренную львицу, тогда какъ самъ онъ до тѣхъ поръ думалъ что убилъ только крупнаго волка.

Послѣ утренняго дѣла всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи духа; благопріятнѣе этого времени мнѣ трудно было бы найти для своего пріѣзда: тяжелый, почти невозможный переходъ былъ совершенъ, а интересная часть кампаніи только-что начиналась.

Во время завтрака Головачеву донесли что часть непріятеля вернулась и поджигаетъ въ настоящую минуту большой каюкъ, стоящій внизу, у форта. Стрѣлки ужь опять принялись за дѣло, стараясь оттѣснить Хивинцевъ, что̀ имъ вполнѣ и удалось, прежде нежели огонь успѣлъ хорошо разгорѣться. Немедленно переправленъ былъ на ту сторону одинъ офицеръ топографъ съ двадцатью солдатами съ приказаніемъ забрать горящій каюкъ и наскоро сдѣлать очеркъ рѣки и окружающей мѣстности. Часа черезъ два-три офицеръ вернулся съ хивинскимъ каюкомъ, который оказался весьма мало поврежденнымъ.

Тѣмъ временемъ я узналъ что я тутъ настигъ только небольшую колонну, высланную изъ главнаго отряда для занятія хивинскаго укрѣпленія. Главная же квартира съ остальной частью арміи расположилась верстахъ въ семи еще дальше внизъ по рѣкѣ.

Головачевъ не сталъ занимать брошенное непріятелемъ укрѣпленіе, а отдалъ приказъ идти обратно въ лагерь, такъ какъ Кауфманъ предполагалъ переправляться черезъ рѣку не въ этомъ мѣстѣ, а подъ Шураханой. Все же дѣло этого утра имѣло цѣлью обезпечить проходъ нѣсколькимъ каюкамъ, захваченнымъ у Учь-Учака. Битва, собственно говоря, нача-

ГЕНЕРАЛЪ КАУФМАНЪ.

лась еще наканунѣ вечеромъ, когда генералъ фонъ-Кауфманъ проѣзжалъ по рѣчному берегу, посматривая, не видать ли каюковъ, и безпокоясь, какая причина могла ихъ задержать. Когда онъ проѣзжалъ этимъ мѣстомъ, непріятель самымъ неожиданнымъ образомъ открылъ по немъ огонь; до тѣхъ поръ даже и не предполагалось присутствія укрѣпленія на этомъ пунктѣ. Стрѣльба была такъ правильна что пушечныя ядра падали какъ разъ среди штаба. Теперь каюки уже успѣли прибыть, а такъ какъ непріятель больше не показывался, то мы поѣхали въ лагерь, съ тѣмъ чтобы переправиться черезъ рѣку на слѣдующее утро. По пріѣздѣ въ лагерь я принялъ приглашеніе офицера который первый меня встрѣтилъ въ этотъ день, и расположился у него. Это былъ Чертковъ, оказавшійся старымъ пріятелемъ моего спутника до Перовска, мистера Скайлера.

Первымъ дѣломъ моимъ, конечно, было представиться генералу фонъ-Кауфману. Я засталъ его за чаемъ въ открытой палаткѣ; одѣтъ онъ былъ въ бухарскій халатъ и курилъ папиросу. Это былъ человѣкъ лѣтъ 46 — 50, лысый и небольшаго роста сравнительно съ обыкновеннымъ ростомъ Русскихъ; онъ носилъ одни усы, въ голубыхъ глазахъ его свѣтилась веселость и добродушіе. Пожавъ мнѣ руку, онъ пригласилъ меня садиться, и началъ разговоръ заявленіемъ что я „молодецъ“, спрашивая понятно ли мнѣ значеніе этого слова. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ касательно моихъ приключеній, онъ сообщилъ о ходѣ кампаніи до этого времени— разказъ который я сообщу читателю въ слѣдующей главѣ. Позволеніе сопровождать армію въ дальнѣйшемъ ея слѣдованіи къ Хивѣ онъ далъ мнѣ тутъ же, и безъ всякаго, повидимому, колебанія.

Отъ главнокомандующаго я отправился къ Великому Князю Николаю Константиновичу, который устроился тутъ въ глиняномъ домикѣ. Онъ также принялъ меня самымъ привѣтливымъ образомъ.

Затѣмъ возвратился я въ палатку Черткова, и въ первый разъ за эти два мѣсяца уснулъ спокойно.

Съ этого дня, вплоть до окончанія Хивинской кампаніи, и послѣ того, во время экспедиціи противъ Туркменъ, я былъ при русской арміи. Здѣсь долженъ я сказать нѣсколько словъ о добротѣ съ которой ко мнѣ относились со всѣхъ сторонъ. По пріѣздѣ моемъ къ арміи я былъ въ бѣдствен-

номъ положеніи. Со мной не было никакой провизіи, даже не осталось у меня ни чаю, ни сахару — этой необходимой поддержки людей въ пустынѣ — но этого недостатка я и не почувствовалъ. Правда, никогда еще не былъ я такъ близокъ къ гибели отъ голодной смерти какъ въ первые три дня по прибытіи моемъ въ русскую армію; но происходило это частію отъ того что я уже былъ ослабленъ продолжительнымъ переѣздомъ во время котораго мнѣ вѣчно приходилось быть впроголодь, главная же причина была та что и ни у кого не имѣлось провизіи. Прежніе запасы всѣ были потрачены, а новаго подвоза изъ-за рѣки еще не было. Нѣкоторое время никому изъ насъ нечего было ѣсть, и мы эти дни съ радостію набросились бы и на черные сухари которые казались мнѣ прежде такою невозможною пищей. Убили нѣсколько лошадей, но ихъ стало не надолго, а многихъ нельзя было употребить на ѣду. Это было первымъ случаемъ когда мнѣ пришлось отвѣдать конины; она показалась мнѣ превкусною, жаль было только что ея нельзя было достать побольше.

Но съ тѣхъ поръ какъ у Русскихъ опять появились съѣстные припасы, мнѣ ни разу не случалось пройти мимо какой бы то ни было палатки гдѣ они ѣли или пили безъ того чтобы меня не пригласили присоединиться къ нимъ. Начиная съ Великаго Князя и кончая самымъ незначительнымъ офицеромъ въ отрядѣ—въ этомъ отношеніи всѣ были одинаковы. Разъ двадцать въ день сыпались на меня со всѣхъ сторонъ приглашенія закусить или пить чай. До самаго нашего прибытія въ Хиву мнѣ ни разу не представилось случая заставить моихъ людей готовить что-нибудь для меня, все это время я жилъ на счетъ русскихъ офицеровъ. И теперь, въ ту минуту какъ я пишу эти строки, сердце мое переполняется благодарностію при воспоминаніи объ ихъ широкомъ гостепріимствѣ. Я радъ воспользоваться настоящимъ случаемъ чтобы выразить имъ свою признательность; поблагодарить не только тѣхъ съ которыми я сошелся потомъ на самую короткую ногу, но и многихъ другихъ, которыхъ я даже не знаю по фамиліямъ, хотя доброту и щедрость ихъ я испыталъ на себѣ, а дружескія ихъ лица никогда не изгладятся изъ моей памяти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПАДЕНІЕ ХИВЫ.

I. Походъ генерала Кауфмана отъ Ташкента.

Теперь пора приступить къ разказу о походѣ отряда генерала фонъ-Кауфмана отъ Ташкента.

Составъ его отряда былъ слѣдующій: одиннадцать ротъ пѣхоты—1.650 человѣкъ, одна рота саперъ, полбатареи или, иначе говоря, четыре конныхъ артиллерійскихъ орудія, шесть орудій пѣшей артиллеріи заряжающихся съ казенной части, всѣ новѣйшихъ системъ, полбатареи горныхъ орудій, полторы батареи ракетъ и 600 казаковъ; всего около 2.500 человѣкъ. Отрядъ этотъ вышелъ изъ Ташкента 3го (15го) марта.

Въ составъ обоза входило отъ трехъ до четырехъ тысячъ верблюдовъ, нанятыхъ у Киргизовъ по 12 руб. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ условіемъ что за каждаго павшаго дорогой верблюда заплачено будетъ по 50 рублей. Всѣ силы отряда собрались къ 13му (25му) марта на Джизакѣ, откуда часть войскъ и выступила въ тотъ же день.

До колодезей Аристанъ-бель-Кудукъ походъ генерала фонъ-Кауфмана не представлялъ ничего замѣчательнаго. Холода и даже морозы, настигшіе отрядъ въ теченіе перваго періода похода, были тѣмъ болѣе нестерпимы что во многихъ мѣстахъ не находилось никакого топлива. Страданія людей за это время доходили до крайней степени; но быстро наступившее тепло скоро исправило ходъ дѣла.

1го (13го) апрѣля они достигли Аристанъ-бель-Кудука.

Здѣсь-то рѣшился Кауфманъ измѣнить свой маршрутъ и идти на Хала-Ату вмѣсто предположеннаго сперва слѣдованія на горы Буканъ-Тау. Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ, Казалинской колоннѣ посланъ былъ приказъ идти на соединеніе съ Туркестанскимъ отрядомъ къ этому новому пункту, вмѣсто того чтобы ждать его у Минъ-Булака.

Казалинская колонна, о которой теперь приходится говорить, состояла изъ восьмисотъ человѣкъ пѣхоты, полбатареи

горныхъ орудій, полбатареи ракетъ, двухъ картечницъ и 150 казаковъ, всего около 1.400 человѣкъ. Выступила она изъ Казалы, или форта № 1й, 11го марта и должна была, какъ я уже замѣтилъ, сойтись съ Туркестанскимъ отрядомъ верстахъ 180 отъ Аму-Дарьи, въ горахъ Буканъ-Тау. Войска этой колонны уже дошли до этого пункта когда пришло приказаніе идти на соединеніе съ главнымъ отрядомъ на Хала-Ату.

Это измѣненіе пути кажется мнѣ большою ошибкой. Хотя для Туркестанскаго отряда дорога на Хала-Ату была самою лучшей и короткой, для Казалинской колонны она далеко не представляла тѣхъ же удобствъ. Въ Букали эта послѣдняя находилась всего во 180 верстахъ отъ рѣки. Это было въ самомъ началѣ апрѣля: погода стояла еще прохладная, на предстоявшемъ имъ пути было нѣсколько колодезей, и воду пришлось бы перевозить на половинѣ этого разстоянія. До рѣки же этимъ путемъ могли дойти въ 10 дней, ровно за цѣлый мѣсяцъ раньше того времени когда они дѣйствительно подошли къ ея берегамъ. Вмѣсто того пришлось потратить двѣ недѣли на обратное движеніе, для того только чтобъ очутиться на такомъ же разстояніи отъ рѣки какъ въ Букали. Двѣ же недѣли пошли на поджиданіе Казалинской колонны. А потерянное такимъ образомъ время было бы самымъ благопріятнымъ для перехода, такъ какъ сильныя жары, которыя такъ мучили потомъ отрядъ, въ началѣ апрѣля еще не наступали; погода была даже прохладная.

Въ то время когда рѣшено было измѣненіе маршрута, всего лучше было бы идти со всевозможною послѣшностью къ рѣкѣ, оставляя Казалинскую колонну слѣдовать по дорогѣ спервa для нея намѣченной.

Генералъ Кауфманъ не рѣшился однако подвергнуть войска такому риску. Онъ думалъ что Казалинская колонна слишкомъ слаба чтобы допустить ее одну до встрѣчи съ непріятелемъ; хотя, какъ потомъ оказалось, мнѣніе это и было ошибочно, но подобнаго опасенія было весьма достаточно чтобы воздержать благоразумнаго генерала отъ риска.

До Хала-Аты Кауфманъ дошелъ 24го апрѣля (6го мая) и въ тотъ же день совершилось соединеніе колоннъ.

Здѣсь соединенный отрядъ провелъ нѣсколько дней пока былъ изслѣдованъ предстоящій путь и опредѣлено положе-

ніе колодцевъ и количество воды на которую можно было разчитывать при дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Тутъ-то произошла схватка съ Туркменами той маленькой рекогносцировочной партіи, высланной изъ Хала-Аты по направленію къ Адамъ-Крылгану, къ которой принадлежалъ полковникъ Ивановъ. Объ этомъ дѣлѣ я говорилъ уже въ одной изъ предыдущихъ главъ. Когда непріятель былъ оттѣсненъ отъ Адамъ-Крылгана и было вырыто достаточное количество колодцевъ для снабженія водою всей арміи, то 30го апрѣля (12го мая) къ этому мѣсту выступилъ и весь отрядъ, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Хала-Атѣ.

Адамъ-Крылганъ былъ послѣднимъ пунктомъ предъ рѣкой на которомъ могла быть добыта вода. Начались приготовленія для ускореннаго перехода къ Аму-Дарьѣ; настоящее разстояніе до нея никому не было извѣстно, но думали что дойти до нея можно будетъ въ два, много въ три дня. По этому разчету захваченъ былъ запасъ воды достаточный на три дня, и въ три часа утра 2го (14го) мая вышли съ Адамъ-Крылгана.

Но надеждамъ ихъ на скорое достиженіе рѣки не суждено было сбыться.

Жары стояли невыносимыя. Верблюды, обезсиленные долгимъ переходомъ отъ Ташкента и недостаткомъ корма во все это время, сдѣлались почти ни на что негодными. Они не только не въ состояніи были нести 600 фунтовъ клажи — обыкновенный вьюкъ верблюда — но бо́льшая часть ихъ теперь поднимали всего 300 фунтовъ и даже менѣе того.

Авангардъ, по обыкновенію, сдѣлалъ привалъ въ 8 часовъ утра, подвинувшись на 21 версту отъ Хала-Аты. Арріергардъ, по заведенному порядку, долженъ былъ подойти туда же часамъ къ десяти; вся армія должна была простоять на мѣстѣ до трехъ или четырехъ часовъ пополудни и идти дальше когда спадетъ жара. Но въ этотъ день, вслѣдствіе слабости верблюдовъ, арріергардъ подошелъ только къ десяти часамъ вечера. Много верблюдовъ брошено было на дорогѣ и вьюки ихъ раздѣлены были между другими, которые такимъ образомъ были слишкомъ обременены. Вмѣсто 40 верстъ, какъ предполагалось, войска сдѣлали всего 20, къ тому же еще оказалось что воды почти не оставалось изъ захваченнаго запаса.

Невозможность идти дальше по неизвѣстной безводной

пустынѣ была очевидна; правда, переходъ до рѣки могъ предстоять всего въ 45 верстъ, но могъ онъ также легко быть и въ цѣлыхъ полтораста. Малѣйшее обратное движеніе могло послужить сигналомъ къ возстанію всего враждебнаго Русскимъ населенія Центральной Азіи; оставаться же на мѣстѣ и выслать верблюдовъ назадъ за водой было немыслимо. Отрядъ не имѣлъ никакой возможности идти впередъ и не смѣлъ отступить. Одного дня оказалось достаточнымъ чтобы перейти отъ смѣлой увѣренности къ полнѣйшей безнадежности.

Тутъ пришлось генералу Кауфману пережить одну изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, близкихъ къ отчаянію, которыя хоть разъ въ жизни выпадаютъ на долю всякаго главнокомандующаго. Положеніе было безнадежно. Люди были безъ воды, верблюды почти всѣ обезсилили, артиллерійскія лошади также слабѣли съ каждымъ днемъ. Термометръ Фаренгейта показывалъ 100°. Кауфману грозило то же несчастіе какое постигло за нѣсколько дней до того полковника Маркозова по ту сторону Аму-Дарьи; но случись подобное же бѣдствіе съ Кауфманомъ, послѣдствія его оказались бы въ тысячу разъ ужаснѣе. Вся сила Русскихъ въ Центральной Азіи основана на всеобщей увѣренности туземцевъ въ непреодолимости русскаго оружія. Одна ошибка, малѣйшее пораженіе—и иллюзія эта должна была исчезнуть; всѣ народы возстали бы какъ одинъ человѣкъ въ ту минуту какъ было бы дознано что и Русскіе могутъ быть преодолѣны. Кауфманъ уже начиналъ думать объ отступленіи, когда помощь пришла со стороны вовсе неожиданной, и онъ былъ спасенъ благодаря одному изъ обстоятельствъ самыхъ простыхъ, но которыя въ извѣстные моменты получаютъ силу переворачивать собою всѣ людскія дѣла.

Въ числѣ 50—60 проводниковъ-джигитовъ, состоящихъ при Кауфманской арміи, былъ одинъ взятый полковникомъ Дрешерномъ въ Кизилъ-Кумахъ. Онъ пришелъ въ отрядъ весь оборванный, въ лохмотьяхъ, и предложилъ служить Русскимъ безплатно, лишь бы чѣмъ-нибудь отомстить Хивинцамъ, или—что для него было безразлично — Туркменамъ, за убійство части своего семейства и за продажу другой половины въ рабство. Его опредѣлили въ армію джигитомъ и уже не обращали затѣмъ на него никакого вниманія. Этотъ-то человѣкъ теперь выступилъ впередъ, вызываясь найти воду по близо-

сти, вопреки увѣреніямъ всѣхъ прочихъ джигитовъ что нигдѣ до рѣки воды не имѣется.

Кауфманъ далъ ему тутъ же свою походную фляжку и сказалъ: „Принеси ее мнѣ назадъ полную воды и получишь сто рублей награды". Проводнику дали хорошаго коня и онъ вихремъ умчался въ пустыню. Это случилось на разсвѣтѣ 3го (15го) мая, а немного спустя послѣ солнечнаго восхода онъ уже прибылъ назадъ съ фляжкою наполненною водой, мутною и невкусною, но тѣмъ не менѣе водою, жидкостью способною поддерживать животную жизнь. Онъ заявилъ что верстахъ въ шести къ сѣверу, въ сторонѣ отъ караваннаго пути на Аму, онъ нашелъ три колодца неизвѣстныхъ караванамъ, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе, говорилъ онъ, воды найдется достаточно для всей арміи.

Не медля ни минуты, Кауфманъ далъ приказъ войскамъ выступать, а чрезъ два часа авангардъ уже расположился на пунктѣ извѣстномъ потомъ подъ названіемъ Алты-Кудука, что̀ значитъ „Шесть колодцевъ". Вода дѣйствительно найдена была въ трехъ колодцахъ на глубинѣ отъ пятидесяти до ста футовъ, но очень дурная и въ недостаточномъ количествѣ. Въ одномъ даже найденъ былъ трупъ собаки, брошенной туда, по всей вѣроятности, разбойниками Хивинцами. Но какъ ни отвратительна была вода, ее все-таки выдавали людямъ порціями въ полкружки на цѣлый день, чтобы не потратить всего содержанія колодцевъ за одинъ разъ. Хотя по распоряженію Кауфмана выкопаны были еще три колодца, каждый изъ которыхъ доставлялъ нѣсколько воды, все-таки ея было такъ мало что нѣсколько проводниковъ туземцевъ умерли отъ жажды.

Можно вообразить себѣ какимъ страданіямъ подверглось войско въ этомъ песчаномъ полѣ при полукружкѣ воды на цѣлый день.

Такъ какъ напоить верблюдовъ на мѣстѣ не предвидѣлось никакой возможности, то Кауфманъ выслалъ весь обозъ обратно къ Адамъ-Крылгану, чтобы напоить тамъ животныхъ и захватить оттуда свѣжій запасъ воды прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшій путь. Верблюды вышли подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ, то-есть 600 человѣкъ. Этому-то отряду пришлось выдержать первое серіозное нападеніе ханскихъ войскъ.

Садыкъ, разъѣзжавшій тѣмъ временемъ по берегамъ рѣки, узналъ чрезъ своихъ развѣдчиковъ что генералъ Кауфманъ выслалъ всѣхъ верблюдовъ отряда назадъ подъ небольшимъ прикрытіемъ, рѣшился напасть на нихъ и отрѣзать ихъ отъ арміи. Онъ очень хорошо понималъ что если ему удастся захватить верблюдовъ, то послѣ того армія принуждена будетъ отступить. Онъ захватилъ съ собою 500 человѣкъ Туркменъ, каждаго съ двумя конями, и обойдя Кауфмана у Алты-Кудука достигъ Адамъ-Крылгана рано утромъ 6го (18го) мая.

Часовъ около четырехъ утра русскими пикетами замѣчено было приближеніе непріятеля. Когда тревога распространилась по лагерю и солдаты взялись за оружіе, Туркмены подъѣхали уже очень близко. Нападеніе это было чрезвычайно смѣло и рѣшительно. Самъ Садыкъ, верхомъ на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, держа въ рукахъ хивинское знамя, подъѣхалъ такъ близко что знай только стрѣлки что это онъ самъ, ему бы ужь конечно отъ нихъ не увернуться. Но что можетъ сдѣлать толла людей не дисциплинированныхъ и вооруженныхъ однѣми саблями противъ артиллерійскихъ орудій? Несмотря на всю свою храбрость, Туркмены увидали невозможность бороться съ Русскими и наконецъ принуждены были отступить, пораженные окончательно. Два Туркмена, захваченные въ этомъ дѣлѣ, говорили что Садыку не вѣрно донесли о численности конвоя и онъ выѣхалъ въ полной увѣренности что уничтожитъ предполагаемую горсть Русскихъ сопровождавшую верблюдовъ. Это было первою серіозною стычкой Русскихъ съ Хивинцами. Послѣдніе сильно упали духомъ послѣ этой неудачи, но все еще не теряли надежды что до рѣки генералъ Кауфманъ не доберется.

Садыкъ, предводитель Туркменъ напавшихъ на отрядъ, былъ собственно разбойникъ вступившій на службу хана, нападавшій на богатые караваны и сбиравшій съ нихъ дань въ свою пользу. Тотчасъ послѣ паденія Хивы онъ отправился на поклоненіе къ гробницѣ Пророка и уже оттуда вернулся, какъ кажется, въ Мервъ.

Безпокойство главнокомандующаго и бѣдствія солдатъ тѣмъ временемъ на Алты-Кудукѣ доходили до невообразимой степени. Весь ужасъ положенія среди массы людей мучимыхъ жаждою можетъ понять только тотъ кому самому приходилось быть въ такихъ обстоятельствахъ. Хотя замѣчательная дисциплина

русскихъ войскъ еще не допускала ихъ ни до малѣйшаго безпорядка, но начальство не могло не предвидѣть что всему, даже выносливости русскаго солдата, долженъ быть предѣлъ; что наступитъ время когда никакая дисциплина не будетъ возможна въ борьбѣ со страждущею человѣческою природой, и отрядъ, доведенный до отчаянія, долженъ будетъ погибнуть отъ руки безпощаднаго непріятеля, который только того и ожидалъ. Однако дѣло до такой крайности не дошло. По прошествіи нѣсколькихъ дней вода сдѣлалась лучше и показывалась въ большемъ количествѣ, дневныя потребности арміи въ водѣ могли уже удовлетворяться настолько что недостатокъ не былъ слишкомъ мучителенъ. Но перспектива будущаго все еще не сулила ничего кромѣ горя и лишеній. Цѣлая недѣля потребовалась на проходъ верблюдовъ на Адамъ-Крылганъ и возвращеніе оттуда; животныя эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣли и дѣлались ни на что̀ негодными; стало очевидно что бо́льшую часть ихъ придется бросить на пути.

Въ нормальномъ своемъ состояніи верблюды животныя очень крѣпкія, способныя поднимать огромныя тяжести, выносить большія лишенія и усталость. Но когда они уже истомлены длиннымъ тяжелымъ переходомъ, подобно верблюдамъ отряда генерала Кауфмана, они дѣлаются негодными ни на что̀, и на возвращеніе разъ потраченныхъ силъ требуется отдыхъ цѣлыхъ мѣсяцевъ. А верблюдъ въ такой войнѣ которую я теперь описываю играетъ такую же роль какъ желѣзныя дороги въ войнахъ европейскихъ; съ тою однако разницей что лишившись этого единственнаго средства къ передвиженію въ пустынѣ, армія не только должна потерпѣть пораженіе, но и погибнуть безвозвратно. Вмѣсто тѣхъ 600 фунтовъ что̀ несли на себѣ верблюды въ началѣ экспедиціи, теперь рѣдкіе изъ нихъ поднимали и 200 фунтовъ, бо́льшая же часть несла всего какихъ-нибудь 100 фунтовъ; число верблюдовъ едва способныхъ передвигаться безъ всякаго вьюка увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Тяжело становилось положеніе главнокомандующаго. Отъ него зависѣла не только удача всей экспедиціи, но и жизнь каждаго человѣка въ арміи, такъ какъ пораженіе въ этомъ мѣстѣ конечно повело бы за собой гибель всего отряда, а разстояніе до Аму-Дарьи все еще не было извѣстно. Наконецъ, по прошествіи цѣлой недѣли, верблюды вернулись съ Адамъ-Крылгана

со свѣжимъ запасомъ воды, и войска вновь выступили 9го (21го) мая въ пустыню, съ тѣмъ чтобы добраться наконецъ до рѣки или полечь костьми въ сылучемъ лескѣ. Такъ какъ верблюды способные къ переноскѣ тяжестей не могли поднять всего обоза, то рѣшено было оставить на Алты-Кудукѣ почти весь багажъ: шесть лодокъ, захваченныхъ для переправы черезъ рѣку, два артиллерійскихъ орудія и почти весь остающійся фуражъ. Съ собой захвачено было только то въ чемъ оказывалась настоятельная и немедленная потребность.

На Алты-Кудукѣ оставлено было 2 роты пѣхоты. Вотъ почему я и засталъ на этомъ пунктѣ войска.

Отъ Алты-Кудука переходъ былъ очень тяжелъ. Въ послѣдній день предъ тѣмъ какъ подойти къ рѣкѣ войска все время были окружены туркменскою конницей, которая скакала вокругъ, еще затрудняя и замедляя шествіе. На цѣлый десятокъ верстъ армія шла впередъ при самой невыносимой жарѣ, въ то время какъ огонь поддерживался стрѣлками почти безъ перерывовъ. На этомъ-то мѣстѣ попадалось мнѣ столько лошадиныхъ труповъ.

Дисциплина войскъ была превосходна. Хотя жажда доводила людей почти до безумія, ни одинъ солдатъ до выдачи на то позволенія не вышелъ изъ рядовъ, когда проходили берегомъ Сардаба-Куль, маленькаго озера, неподалеку отъ рѣки, о которомъ я уже упоминалъ въ разказѣ о личныхъ своихъ приключеніяхъ. Генералъ Кауфманъ говорилъ о своихъ солдатахъ чуть не со слезами на глазахъ. По его словамъ, никакой другой солдатъ въ цѣломъ мірѣ не вынесъ бы того чему русскій солдатъ подвергся въ этомъ походѣ. И я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе на этотъ счетъ.

Когда подошли къ рѣкѣ и безопасность войска была обезпечена, генералъ фонъ-Кауфманъ оставилъ прежній оборонительный планъ дѣйствій и принялъ положеніе наступательное; онъ приказалъ пустить нѣсколько гранатъ въ массу Туркменъ сбившихся у подножія горъ Учь-Учака; затѣмъ сдѣлалъ на нихъ нападеніе съ кавалеріей, гналъ ихъ верстъ на 12—15 по рѣчному берегу и захватилъ одиннадцать хивинскихъ каюковъ или лодокъ, безъ которыхъ не было бы возможности совершить переправу. Отъ Учь-Учака до Шейхъ-арыка непріятель почти не показывался, пока наканунѣ вечеромъ не было открыто его укрѣпленіе.

ПЕРЕВОЗЪ НА ОКСУСѢ. *Съ рисунка Верещагина.*

II. Переправа черезъ Оксусъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мы снялись съ бивуака, но пошли не на Шурахану, какъ было предположено наканунѣ, а къ мѣсту битвы предыдущаго дня. По зрѣломъ размышленіи генералъ Кауфманъ рѣшился переправиться у Шейхъ-арыка, откуда наканунѣ былъ выбитъ непріятель.

Такъ какъ отъ ночной стоянки до этого мѣста было всего верстъ семь, то часа черезъ два всѣ войска были уже у берега; ни мало не медля приступили къ переправѣ первой лодки съ 50 людьми на ту сторону рѣки. Это было (18го) 30го мая. Утро было ясное и не жаркое; палатки разбили у самой воды, и мы разлеглись на густой зеленой травѣ, лѣниво слѣдя за раскинувшейся предъ нами картиной. Сцена была чрезвычайно оживленная. Солнечные лучи скользили, сверкая, по широкой рѣчной леленѣ; на той сторонѣ неясно виднѣлись густыя чащи вязовъ и фруктовыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали сѣрыя стѣны узбекскихъ жилищъ и стройный фасадъ кладбищенской мечети. Безмолвная и пустынная раскинулась по рѣчному берегу эта дикая и невѣдомая страна Хива. Лѣнивыми глазами оглядывалъ я раскрывшуюся предо мной богатую природу, приломиная всѣ слышанныя мною до той поры разказы объ этой, облеченной какою-то сказачною таинственностію странѣ; объ ея жестокихъ деспотахъ ханахъ; ея дикомъ фанатичномъ магометанскомъ населеніи; о красотѣ тамошнихъ женщинъ; объ уединенномъ положеніи этой страны среди песчанаго океана, дѣлавшаго ее недоступной для Европейцевъ. Дѣйствительность исчезала въ игрѣ воображенія, и я готовъ былъ ждать что вдругъ очнувшись увижу себя на другомъ полушаріи, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ настоящаго мѣста дѣйствія.

Странный контрастъ представляла сонная красота противоположнаго берега съ оживленіемъ, шумомъ и движеніемъ на нашей сторонѣ. Весь берегъ былъ усыпанъ лошадьми, верблюдами, казаками и солдатами; нѣкоторые изъ людей только-что подошли, другіе спускались къ водѣ, влѣзали въ каюки, тащили артиллерійскія орудія, логоняли улиравшихся лошадей, нагружали багажъ, приправляя все это веселыми шутками и громкими криками.

Хотя многіе изъ этихъ солдатъ никогда до тѣхъ поръ и не видали такой большой рѣки, тѣмъ не менѣе они также ловко управлялись въ ней, какъ молодые утята. Десятка два-три дюжихъ мускулистыхъ ребятъ раздѣвались, бросались въ рѣку, брались за канатъ и тащили лодку вверхъ по теченію до того мѣста откуда ее удобнѣе было отчалить; самъ же генералъ фонъ-Кауфманъ сидѣлъ на своей походной скамейкѣ у рѣчнаго берега, и поощряя людей приговаривалъ: „молодцы.... молодцы ребята!..“

На переправу каждой лодки къ другому берегу требовалось минутъ 20, да столько же времени на возвращеніе: но при каждомъ переѣздѣ лодку относило такъ далеко внизъ по теченію что употреблялся еще чуть ли не цѣлый часъ на то чтобъ опять притащить ее къ настоящему мѣсту. Всего было три большихъ каюка, вмѣщавшихъ въ себѣ отъ 50 до 75 человѣкъ, и восемь маленькихъ, въ которыхъ помѣщалось не болѣе десяти человѣкъ.

Цѣлый день производилась переправа войска, безъ малѣйшей помѣхи со стороны непріятеля. Здѣсь ясно выказалась совершенная неспособность Хивинцевъ къ оборонѣ; иначе они никакъ не допустили бы Русскихъ такъ спокойно совершить переправу. Здѣсь имъ было бы легко засѣсть за высокимъ берегомъ, внѣ выстрѣловъ русскихъ орудій, и уничтожить каждую переправленную партію солдатъ по очереди. Артиллеріи не возможно было бы защищать войска при такихъ обстоятельствахъ.

Къ вечеру благополучно было переправлено на ту сторону четыре роты солдатъ и два горныя орудія, которыя и были размѣщены въ самомъ непріятельскомъ укрѣпленіи и вокругъ него въ оборонительной позиціи. Этимъ ограждалась безопасность переправленныхъ людей на случай внезапнаго нападенія на нихъ Хивинцевъ и обезпечивалась вполнѣ переправа остальныхъ черезъ Оксусъ.

Пока мы еще не знали ничего о томъ что происходило въ Хивѣ, а воображеніе наше еще болѣе возбуждалось таинственнымъ спокойствіемъ царившимъ на противоположномъ берегу.

Думаетъ ли еще ханъ дать войскамъ серіозный отпоръ послѣ того какъ онъ допустилъ ихъ переправиться, и этимъ лишился самаго дѣйствительнаго средства къ оборонѣ? Или же онъ просто бѣжитъ и скроется въ пустыню? Никто не

могъ дать отвѣта на эти вопросы и потому можно было на досугѣ дѣлать всевозможныя предположенія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій этого властелина. Мы еще не знали тогда что генералъ Веревкинъ, во главѣ Оренбургскаго отряда, быстро приближался къ городу съ другой стороны, и бѣдному хану было достаточно заботъ и помимо насъ.

Около двѣнадцати часовъ ночи, когда все уже засыпало, внезапно затрубили тревогу. Вскочивъ на ноги и смутно соображая что это должно-быть Хивинцы рѣшились на ночное нападеніе, мы бросаемся къ оружію; но скоро оказалось что не Хивинцы, а сама рѣка поднялась на насъ. Старый Оксусъ, будто оскорбленный такой неслыханною дерзостью переправы черезъ его спокойную область, сталъ вздыматься съ вечера, готовясь захватить насъ въ расплохъ во время сна. Въ теченіе трехъ часовъ вода въ немъ поднялась почти на 6 футовъ и серіозно грозила затопить насъ всѣхъ. Данъ былъ приказъ сниматься и переходить на болѣе возвышенную мѣстность, что и было исполнено посреди суматохи невообразимой. Мы съ товарищемъ, при этой непроглядной темнотѣ, очутились вдали отъ нашихъ людей и пожитковъ — несчастіе которое вовсе не было облегчено тѣмъ обстоятельствомъ что намъ пришлось вплавь переправляться съ лошадьми чрезъ каналъ, посреди верблюдовъ и казаковъ. Промокли мы до костей, и не имѣя возможности разыскать кого-нибудь или что-нибудь, мы наконецъ бросились на сырую траву, покрылись попонами и стали ждать разсвѣта.

На слѣдующій день дѣла приняли совершенно новый оборотъ. Оксусъ разлился такъ широко, и теченіе его было такъ быстро что генералъ Кауфманъ вынужденъ былъ измѣнить планъ дѣйствій и подвинуться еще на версту вверхъ по рѣкѣ. Когда перешли туда, началась опять переправа, но уже гораздо медленнѣе чѣмъ наканунѣ. Теперь на переѣздъ лодки къ тому берегу и обратно требовалось цѣлыхъ три часа. Лошади по бо́льшей части переправлялись вплавь, а верблюды были почти всѣ угнаны назадъ, къ отрядамъ оставленнымъ на Алты-Кудукѣ и Хала-Атѣ. 20го мая (1го іюня) переправился и я съ генераломъ Кауфманомъ и его штабомъ на лѣвый берегъ рѣки.

III. Среди Хивинцевъ.

Высадившись на той сторонѣ, мы съ Чертковымъ прямо отправились на базаръ, который въ этотъ день былъ открытъ въ первый разъ, въ отвѣтъ на дружелюбную прокламацію генерала Кауфмана. Послѣдніе сутки мы ничего не ѣли кромѣ горсти хивинскаго проса. О суточномъ постѣ для человѣка въ нормальномъ состояніи и говорить бы не стоило: онъ и для него самого прошелъ бы незамѣтно. Но когда вы жили уже цѣлый мѣсяцъ впроголодь, успѣли потратить весь имѣвшійся въ васъ запасъ излишняго жира, 24хъ-часовой постъ дѣлается вещью уже далеко не шуточной.

Хивинцы вывезли на базаръ цѣлые воза муки и овощей, цыплятъ, овецъ, свѣжія пшеничныя лепешки „съ пылу", абрикосы и рисъ; сахаръ, чай, огромное количество бѣлыхъ тутовыхъ ягодъ; тутъ же было много клевера и джугары для лошадей. Обыватели подвезли свои тяжелыя деревянныя телѣги къ самому лагерю, и теперь стояли среди толпы солдатъ, съ которыми, очевидно, вступили въ самыя дружескія отношенія. Нѣкоторые солдаты говорили по-татарски или по-киргизски, тѣ же кто не знали этихъ нарѣчій обдѣлывали свои дѣла съ помощью мимики; когда мы явились на мѣсто дѣйствія у Хивинцевъ шелъ уже самый оживленный торгъ съ солдатами, которые за все платили, какъ я могъ замѣтить, втридорога. Откуда русскіе солдаты брали деньги, я не знаю, да и до сего дня догадаться не могу, но что за деньгами у нихъ дѣло не стояло — это я могу утвердительно сказать.

Мы съ Чертковымъ послѣшили купить себѣ нѣсколько фунтовъ муки, барана, теленка, огромное количество горячаго хлѣба, бухарскаго меда, горы абрикосовъ и тутовыхъ ягодъ, словомъ, такое количество всякой провизіи какого стало бы на цѣлый мѣсяцъ: но мы не сомнѣвались что способны поглотить все это въ одинъ день. При мучившемъ насъ голодѣ намъ казалось даже и этого мало. Хивинцы которые вывезли провизію были сосѣдніе Узбеки; утоливъ немного свой волчій голодъ горячими лепешками съ медомъ, я съ любопытствомъ сталъ оглядывать окружающій меня странный народъ.

Они всѣ по большей части были средняго роста, худые и мускулистые, съ длинными черными бородами и какимъ-то злымъ выраженіемъ въ лицахъ. Костюмъ ихъ состоялъ изъ нѣкогда бѣлыхъ, но теперь неопредѣленнаго цвѣта, шароваръ и рубахъ какой-то бумажной матеріи, а сверхъ этого халатъ, доходившій до пятокъ. Хивинскій халатъ очень безобразенъ, дѣлается изъ какой-то матеріи вытканной мелкими желтыми и коричневыми полосами, и совсѣмъ не похожъ на красивые, яркіе халаты бухарскіе. Бо́льшая часть выѣхавшихъ теперь на базаръ людей были босоноги, и у каждаго на головѣ была высокая черная мерлушковая шапка въ цѣлыхъ 6—7 фунтовъ вѣсомъ. Вообще костюмъ Хивинцевъ кажется мнѣ самымъ безобразнымъ и неудобнымъ изо всѣхъ какіе я видалъ до сихъ поръ. Одной шапки такого вѣса достаточно чтобы затормозить дѣятельность самой свѣтлой головы; при видѣ этихъ чудовищныхъ головныхъ уборовъ отсталость ихъ цивилизаціи стала мнѣ вполнѣ понятна. Халаты ихъ не только безобразно длинны, но и чрезвычайно неудобны; они почти всегда положены на вату и, насколько мнѣ случалось видѣть, не снимаются никогда, даже въ самыя сильныя жары и когда владѣльцы ихъ заняты какой-нибудь ручною работой.

Къ Русскимъ относились они очень дружелюбно, и не только не боялись своихъ побѣдителей, но не стѣснялись еще требовали несообразныя цѣны за все вывезенное на продажу. Вначалѣ они думали что Русскіе станутъ по-просту, безъ всякой платы, брать все что̀ пожелаютъ, не исключая и женъ туземцевъ, что̀ по понятіямъ послѣднихъ было бы совершенно въ порядкѣ вещей, представляло бы образъ дѣйствій которому они, конечно, послѣдовали бы сами. Когда же они увидѣли что бояться имъ нечего, то съ истою азіятскою смѣтливостью стали вытягивать изъ Русскихъ всевозможную для себя выгоду.

Да говоря правду, я и самъ удивленъ былъ сдержанностію Русскихъ и строгою законностію руководившею здѣсь всѣми ихъ дѣйствіями.

Генералъ Кауфманъ, подойдя къ рѣкѣ, издалъ прокламацію въ которой увѣрялъ обитателей ханства что если они будутъ спокойно сидѣть по домамъ, то ихъ никто не обезпокоитъ; что собственность ихъ и жены будутъ неприкосновенны, и что Русскіе будутъ платить чистыми деньгами за

поставку фуража въ лагерь и за всю вывозимую на продажу провизію. Главнокомандующій предупреждалъ однако что если русскимъ войскамъ придется самимъ ходить на фуражировку, то они будутъ брать все нужное безплатно, а дома покинутые обитателями будутъ сожигать. Ввывезенные теперь припасы были отвѣтомъ на эту прокламацію.

Въ самихъ солдатахъ не видать было никакого расположенія идти въ разрѣзъ съ обѣщаніями главнокомандующаго. Не было ни малѣйшаго поползновенія взять что̀ бы то ни было силой. Они безропотно платили требуемыя за вещи деньги, будто и не предполагая возможности другаго обхожденія съ побѣжденнымъ врагомъ.

Русскій солдатъ по природѣ своей не свирѣпъ и не кровожаденъ, а скорѣе добръ и кротокъ; я не разъ видалъ во время кампаніи противъ Іомутовъ примѣры того какъ русскіе солдаты добросердечно относились къ туркменскимъ дѣтямъ.

Хивинцы вначалѣ отказывались отъ русскихъ бумажныхъ денегъ, которыхъ никогда прежде не видали, да и не понимали ихъ цѣнности. Мелкія же серебряныя монеты, какъ-то двугривенные, пятиалтынные и гривенники, которыхъ у Русскихъ было множество, Хивинцы брали съ удовольствіемъ. Русскій двугривенный охотно принимался за мѣстную монету „тенгу“. Изъ принесенныхъ Хивинцами съѣстныхъ припасовъ всего замѣчательнѣе были бѣлыя тутовыя ягоды совершенно особаго рода, которыя нигдѣ еще до тѣхъ поръ мнѣ не попадались. Также оригинальны были и пшеничныя ихъ лепешки. Онѣ дѣлались изъ непросѣянной муки, замѣшанной просто на водѣ; тѣсто это раскатывалось на тонкіе круги, величиной съ обыкновенную столовую тарелку и прилепалось до бураго оттѣнка въ хивинскихъ печахъ. Это единственный хлѣбъ приготовляемый въ Хивѣ и онъ чрезвычайно вкусенъ пока горячъ.

У Шейхъ-арыка сады не доходятъ болѣе чѣмъ на полверсты до укрѣпленія, у котораго мы расположились. Здѣсь не было ни деревьевъ, ни травы, и вообще намъ было гораздо хуже чѣмъ на правой сторонѣ рѣки. Пыль была невообразимая, чуть ли не хуже чѣмъ на Хала-Атѣ. Берега каналовъ, состоящіе изъ сухой мягкой земли, были разбиты въ пыль сначала хивинскою конницей, потомъ Русскими; наконецъ пыль эта дошла до фута глубины и вѣтеръ носилъ ее такими густыми тучами что они, казалось, готовы были все

завалить и всѣхъ задушить. Я еще никогда въ жизнь мою не страдалъ такъ отъ лыли какъ въ это время; а свѣжая зелень садовъ, прохладная тѣнь вязовъ виднѣлась всего въ какой-нибудь полуверстѣ отъ насъ, но туда не позволено было заходить, и это дѣлало контрастъ еще болѣе тяжелымъ.

Фортъ на Шейхъ-арыкѣ оказался весьма маленькимъ укрѣпленіемъ. Онъ былъ всего футовъ 30 въ діаметрѣ—совершенный игрушечный домикъ, никуда не годный для защиты. Однакоже это мѣсто могло служить серіознымъ пунктомъ обороны, еслибы ханскія войска сумѣли извлечь пользу изъ его положенія. Шейхъ-арыкъ, какъ показываетъ самое названіе, есть каналъ, хотя въ настоящее время пересохшій. Прежде по немъ шла вода изъ рѣки во внутренность ханства, да и теперь вода могла бы его наполнить во время половодья. Берега его, отъ 20 до 30 футовъ вышины, идутъ на нѣкоторое разстояніе параллельно съ рѣкой, и образуютъ такимъ образомъ высокій земляной валъ. За одними этими валами очень долгое время можно бы выдерживать натискъ Русскихъ и выстрѣлы шести-фунтовыхъ гранатъ; сооруженіе же этого укрѣпленія, чрезъ тонкія стѣнки котораго гранаты пролетали какъ чрезъ картонъ, только служило яснымъ доказательствомъ полнѣйшаго невѣжества Хивинцевъ въ военномъ дѣлѣ.

IV. Сады.

Мы стояли уже третій день на Шейхъ-арыкѣ, когда вдругъ Хивинцы прекратили подвозъ приласовъ. Такъ какъ чрезъ это вся армія лишалась пищи, то вынуждены были принять дѣятельныя мѣры для добытія провизіи, и генералъ Кауфманъ приготовился привести въ дѣйствіе свою угрозу насчетъ фуражировки. Оказалось что ханскія войска, оправившись нѣсколько отъ перваго страха, вернулись въ эти мѣста и грозили смертью всякому кто вывезетъ что-нибудь Русскимъ на продажу.

Тогда главнокомандующій выслалъ на рекогносцировку и фуражировку небольшой отрядъ, изъ 300 человѣкъ пѣхоты, 250 казаковъ при двухъ четырехъ-фунтовыхъ орудіяхъ, подъ командой полковника Чайковскаго. Казакамъ данъ

былъ приказъ производить фуражировку, но отнюдь не брать силой ничего что можно будетъ получить за деньги. Имъ дано было позволеніе брать все изъ покинутыхъ домовъ, а офицеръ долженъ былъ оповѣщать всѣмъ обывателямъ еще разъ что если не будутъ немедленно доставлены припасы на продажу, то войска придутъ и возьмутъ ихъ силою, безо всякой платы. Пѣхота должна была подвинуться во внутрь страны, сдѣлать рекогносцировку мѣстности и попытаться вызвать непріятеля на бой.

Мы выступили изъ лагеря около полудня 22го мая (3го іюня). До этихъ поръ мы имѣли еще весьма смутное понятіе объ оазисѣ и его обитателяхъ, такъ какъ пройденная нами часть праваго берега рѣки не была заселена, а сады лѣваго берега не доходили до самой рѣки. Мы ничего еще не видали кромѣ неподвижныхъ деревъ вдали, за которыми скрывалась эта таинственная страна. Почти все наше понятіе объ ней основывалось на однѣхъ догадкахъ. Теперь мы подходили къ ея знаменитымъ садамъ. Переѣхавъ чрезъ отдѣлявшую насъ отъ нихъ небольшую полосу земли, которая изрѣзана была каналами по всѣмъ направленіямъ, мы переправились по мосту, перекинутому чрезъ узкій, глубокій каналъ, выѣхали на хорошо содержавшуюся, но пыльную дорогу, и вскорѣ очутились въ густо-населенной части обитаемой Хивы.

Переходъ отъ раскаленныхъ песковъ къ прохладѣ и свѣжести зеленой листвы совершился почти внезапно. Потянулись небольшія засѣянныя волнующіяся поля, всевозможныя фруктовыя деревья, склонившіяся подъ тяжестью спѣлыхъ или еще зеленыхъ плодовъ; высокіе столѣтніе вязы, раскинувшіе свои широкія вѣтви съ густой массой листвы надъ маленькими бассейнами воды; изъ-за зелени стали выглядывать сѣрыя стѣны туземныхъ жилищъ. Восторгъ нашъ при вступленіи въ нѣдра этой страны, впервые открытой взорамъ Европейцевъ, могъ развѣ только сравняться съ восторгомъ Колумба при видѣ Новаго Свѣта: на всемъ здѣсь лежала печать новизны и своеобычности и со всего готовилась спасть пелена неизвѣстности, застилавшая до сихъ поръ этотъ затерянный въ пескахъ оазисъ отъ глазъ цивилизованнаго міра. Надъ дорогой свѣшивались тутовыя деревья, обсыпанныя сладкими бѣлыми ягодами, массы темнозеленой листвы яблонь, абрикосовыя деревья, погнувшіяся подъ тя-

жестью безчисленныхъ румяныхъ плодовъ, и вишни со множествомъ красныхъ спѣлыхъ ягодъ. Стройные молодые тополи тянулись къ небу, а свѣтлые ручейки, осѣненные кустарникомъ, разбѣгались сѣтью по всѣмъ направленіямъ. Послѣ красноватаго отблеска раскаленныхъ сыпучихъ песковъ, къ которому уже успѣли привыкнуть наши глаза, окружающая мѣстность казалась Эдемскимъ садомъ.

Часть оазиса въ которую мы вступили заселена Узбеками. Ихъ жилища и дворы огорожены крѣпкими стѣнами, отъ 15 до 20 футовъ въ вышину, укрѣпленными массивными быками и угловыми башнями. Входъ въ эти дома одинъ, подъ сводомъ, запирающійся очень тяжелою деревянною дверью. Стѣны сдѣланы изъ особаго рода убитой глины, которая со временемъ становится очень твердою. Глина эта обдѣлана не въ видѣ маленькихъ кирпичиковъ, какъ мексиканскіе „адобы“, но тяжелыми глыбами, похожими на гранитъ, футовъ трехъ-четырехъ въ квадратѣ и такой же толщины. Во дворѣ, огороженномъ такимъ образомъ, устроены стойла для лошадей, рогатаго скота, овецъ и прочихъ домашнихъ животныхъ, и жилище самихъ людей. При домѣ всегда находится маленькій бассейнъ чистой прозрачной воды, образующій четырехугольникъ футовъ тридцати-сорока въ квадратѣ, осѣненный нѣсколькими тѣнистыми вязами.

Хивинскіе вязы очень красивы. Многіе изъ нихъ повидимому живутъ уже не первую сотню лѣтъ. Подъ этими-то деревьями въ лѣтнее время семейство Узбека проводитъ почти все свое время; здѣсь готовится пища, тутъ же она поѣдается; здѣсь проводятся всѣ досужіе часы, которыхъ не мало выпадаетъ въ жизни Узбека; здѣсь же работаютъ женщины, прядутъ и сучатъ золотыя нити шелковичнаго червя. Внутри дома Узбековъ мрачны и печальны, такъ какъ освѣщены бываютъ одними маленькими отверстіями въ стѣнахъ: оконныя стекла составляютъ неизвѣстную здѣсь роскошь. Часто дома эти убраны множествомъ ковровъ, яркими циновками, одѣялами и подушками, которыя дѣлаютъ ихъ очень комфортабельными.

Мы въѣхали въ первый попавшійся по дорогѣ узбекскій дворъ — ворота были открыты настежь — и нашли въ немъ нѣсколько мущинъ, спокойно возсѣдавшихъ подъ вязами у маленькаго бассейна. Сначала они было немного перепугались, поднялись и стали смиренно отвѣшивать поклоны. Пол-

ковникъ объяснилъ имъ что мы выѣхали за припасами и спросилъ отчего перестали они сами вывозить ихъ на продажу. Они отвѣчали что ханъ обѣщалъ рубить головы всѣмъ кто станетъ продавать что̀ бы то ни было Русскимъ. Тогда полковникъ Чайковскій приказалъ имъ привозить въ лагерь все что̀ у нихъ найдется на продажу, обѣщая позаботиться объ ихъ безопасности. Они выразили готовность повиноваться, и мы переѣхали къ слѣдующимъ домамъ, гдѣ повторялась та же самая сцена.

Нѣсколько домовъ нашли мы покинутыми ихъ обитателями; въ рѣдкихъ изъ нихъ попадалось что-нибудь кромѣ голыхъ стѣнъ. Тѣмъ временемъ казаки разсыпались по сторонамъ для фуражировки, а пѣхота шла дальше на рекогносцировку.

Мѣстность которою мы проѣзжали представляла всѣ средства къ защитѣ; знай только Хивинцы какъ съ пользою примѣнить къ дѣлу всѣ эти выгоды, они могли бы дать Русскимъ отпоръ не шуточный. Чуть ли не на каждыхъ десяти саженяхъ по дорогѣ попадались мосты, которые имъ бы слѣдовало разрушить; по всѣмъ направленіямъ тянулись стѣны, заборы, изгороди, чащи деревьевъ и кустарниковъ, множество домовъ наконецъ, за которыми масса людей могла бы найти себѣ прикрытіе. Русская кавалерія оказалась бы въ такомъ случаѣ совершенно безполезною, а тяжелыя мѣдныя орудія Хивинцевъ, до жерла набитыя желѣзными черепками, на такомъ разстояніи были бы также дѣйствительны какъ и русскія гранаты. Каждый домъ представлялъ уже готовое укрѣпленіе, стѣны котораго приходилось бы осаждать и штурмовать съ вѣрною потерей для Русскихъ и почти безо всякой невыгоды для осажденныхъ. Конечно, Русскіе въ концѣ концовъ все-таки одолѣли бы всякое сопротивленіе, но понесли бы весьма значительную потерю; а ихъ было очень немного, сравнительно съ массой Хивинцевъ. Еслибы такого рода война продолжалась нѣсколько дней, то численность Русскихъ такъ сократилась бы что они не имѣли бы возможности извлечь какую бы то ни было выгоду изъ своей побѣды.

Но Хивинцы не обнаруживали ни желанія, ни способности защищаться: Русскіе не встрѣчали въ своемъ движеніи почти никакихъ преградъ. Нашъ маленькій отрядъ шелъ все впередъ зелеными полями роскошной пшеницы, риса и ячменя; изборожденная и изрытая колеями дорога окайм-

лена была съ обѣихъ сторонъ тутовыми деревьями, съ которыхъ солдаты срывали на ходу слѣлыя ягоды. Мѣстами дорога пролегала между глиняными стѣнами, чрезъ которыя свѣшивались вѣтви деревъ; или же она окаймлялась съ обѣихъ сторонъ глубокими каналами, полными воды, высокіе берега которыхъ покрыты были зеленью, а затѣмъ опять врѣзывалась въ чащи гигантскихъ вязовъ, тяжелая листва которыхъ осѣняла насъ прохладною тѣнью. Такъ какъ дожди въ этихъ мѣстахъ почти никогда не перепадаютъ, то дорога была чрезвычайно суха, и мы взбивали на ходу цѣлыя облака пыли, которыя поднимались высоко надъ деревьями и издали предупреждали Хивинцевъ о грозящей имъ расправѣ.

Наконецъ когда мы подвинулись верстъ на десять внутрь страны, намъ начали попадаться слѣды непріятеля. Мы встрѣчали множество покинутыхъ домовъ, хозяева которыхъ обращены были въ бѣгство хивинскими войсками. Иногда изъ-за стѣны выскакивалъ одинъ-другой всадникъ, мчался по дорогѣ, и тутъ же, какъ метеоръ, исчезалъ въ облакѣ пыли. Потомъ непріятельская конница стала показываться во множествѣ межь деревьевъ, разъѣзжая садами по обѣ наши стороны.

Съ нашей стороны была выслана впередъ цѣпь стрѣлковъ, и почти въ ту же минуту въ воздухѣ пронесся звенящій рѣзкій звукъ выстрѣловъ изъ винтовокъ. Царившее до тѣхъ поръ безмолвіе мгновенно смѣнилось гиканьемъ и криками многихъ тысячъ Хивинцевъ, разсыланныхъ кругомъ. Сквозь листву деревьевъ мы могли видѣть какъ Туркмены, въ высокихъ шапкахъ, разъѣзжали, верхомъ на великолѣпныхъ коняхъ, партіями человѣкъ въ 15 — 20; крики ихъ должны были раздаваться на цѣлыя версты кругомъ. Судя по шуму который они производили, можно бы подумать что мы окружены многими тысячами непріятеля. Я ждалъ съ минуты на минуту что по насъ будетъ открытъ огонь изъ-за стѣнъ и возвышенныхъ береговъ каналовъ; однако, если и былъ у нихъ подобный планъ дѣйствій, то наша стрѣлковая рота не допустила ихъ до исполненія, и колонна не переставала подвигаться. Продолжалось это чуть ли не на разстояніи цѣлыхъ пяти верстъ.

Наконецъ вышли мы на открытое мѣсто около трехъ четвертей версты шириною, по которому дорога наша пролегала узкою полосой, немного возвышенною надъ общимъ уровнемъ

почвы. Вдали шли опять деревья, сады и дома, и у нихъ-то большими массами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ сбились Туркмены, собираясь, повидимому, вступить съ нами въ битву. Они пострѣливали изъ своихъ тяжелыхъ фитильныхъ ружей, извѣстныхъ у Русскихъ подъ названіемъ фальконетовъ. По нѣскольку такихъ фальконетовъ было установлено на колеса, какъ лушки, и когда изъ нихъ выстрѣливали заразъ, то это нѣсколько напоминало собой митральезу. На близкомъ разстоянія они способны были причинять значительный вредъ; но теперь они отстояли слишкомъ далеко чтобы сколько-нибудь вредить намъ.

Наши два маленькія артиллерійскія орудія были вывезены впередъ и стали метать гранаты. Двѣ изъ нихъ лопнули среди Хивинцевъ, и они въ страхѣ разсыпались во всѣ стороны. Затѣмъ непріятель засѣлъ за стѣны, рѣшившись, повидимому, выдержать осаду, но не выказывая все-таки никакого расположенія къ нападенію. Мы были теперь вблизи города и укрѣпленія Хазаръ-Асла, но силы наши были слишкомъ незначительны чтобы можно было рѣшиться на приступъ. Полковникъ, уже давшій знать въ лагерь что онъ напалъ на непріятеля и ждетъ подкрѣпленія, рѣшился выжидать приказа для далѣнѣйшихъ дѣйствій.

Итакъ, обѣ стороны стояли одна противъ другой почти въ продолженіе цѣлаго часа, и во все это время стрѣлковая цѣпь поддерживала бѣглый огонь по непріятелю. Меня удивляло что Хивинцы не пускали въ ходъ свою артиллерію, такъ какъ на разстояніи раздѣлявшемъ насъ теперь не только мелкія ядра, но даже выстрѣлы жеребейками и камнями произвели бы не малое дѣйствіе; боялись ли они что мы завладѣемъ ихъ орудіями, или просто и сами на нихъ не полагались, но ни одного изъ нихъ они не вывезли впередъ. Время уже близилось къ вечеру, а мы были верстахъ въ десяти отъ лагеря; полковникъ Чайковскій рѣшилъ что благоразумнѣе отступить. Хивинцы слѣдовали такъ близко за нами что аріергардъ все время принужденъ былъ поддерживать по нимъ огонь. Изъ числа непріятелей нѣсколько человѣкъ попадали на землю, но товарищи тотчасъ же ихъ подбирали. Изъ одного дома у дороги по насъ данъ былъ выстрѣлъ; пуля попала въ одного офицера и такъ тяжело его ранила что онъ вскорѣ затѣмъ умеръ — единственная потеря которую мы имѣли въ этотъ день.

ВИДЪ НА ОАЗИСЪ. *Съ рисунка Верещагина.*

Пройдя верстъ пять обратно къ лагерю, мы встрѣтили Великаго Князя Николая Константиновича, который слѣшилъ къ намъ съ подкрѣпленіемъ. Онъ очень огорчился видя что мы уже повернули къ легерю, и настаивалъ чтобы возвратиться назадъ и напасть тотчасъ же на Хазаръ-Аслъ. Отъ этого его, однако отговорилъ полковникъ Чайковскій, убѣдивъ его что въ этотъ вечеръ слишкомъ поздно идти на приступъ укрѣпленія.

Тѣмъ не менѣе, однако, мы поскакали еще разъ къ Хазаръ-Аслу, такъ какъ Великому Князю хотѣлось познакомиться съ мѣстностью и посмотрѣть расположенъ ли непріятель удерживать свою позицію. Дорогой мы наѣхали на тѣло убитаго Туркмена, лежавшее у самой дороги. Онъ слишкомъ близко подошелъ къ отступающему аріергарду и ему прострѣлили голову. Паденіе его, должно-быть, не было замѣчено его товарищами, иначе его конечно увезли бы отсюда, такъ какъ у нихъ считается постыднымъ оставлять своихъ убитыхъ и раненыхъ въ рукахъ непріятеля. Тѣло это лежало въ грязи у дороги, пыльное, грязное и отвратительное.

V. Хазаръ-Аспъ.

Такъ какъ черезъ рѣку было уже переправлено достаточное количество войска, то генералъ Кауфманъ рѣшилъ на слѣдующій же день идти на Хазаръ-Аслъ. Этимъ же временемъ были наконецъ получены извѣстія о генералѣ Веревкинѣ, командующемъ Оренбургскимъ отрядомъ: онъ взялъ Кунградъ и подходилъ теперь къ столицѣ ханства.

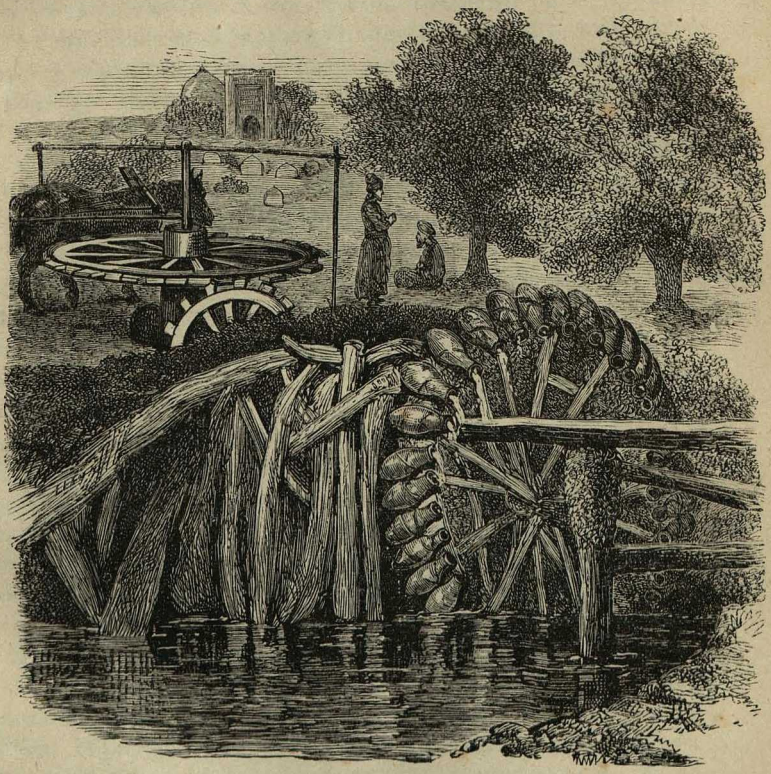
Генералъ фонъ-Кауфманъ разказалъ мнѣ прелюболытную исторію о томъ какимъ путемъ до него дошло письмо генерала Веревкина: случай этотъ служитъ весьма вѣрною характеристикой туземныхъ нравовъ. Трое киргизскихъ джигитовъ, съ которыми письмо это было послано, попались ханскимъ войскамъ, и письмо было перехвачено вмѣстѣ съ небольшою суммой бумажными денегами. Джигитовъ этихъ привели въ Хиву на судъ хана и главныхъ сановниковъ ханства. На вопросъ, зачѣмъ ѣхали они къ Русскимъ, они отвѣчали что ѣхали не къ нимъ, а въ Бухару, чтобы собрать тамъ деньги

за барановъ, запроданныхъ прежде. Но такъ какъ они не могли представить удовлетворительнаго объясненія какимъ образомъ къ нимъ попали бумаги, то ихъ самихъ отправили подъ стражу, а по дѣлу о захваченныхъ бумагахъ былъ созванъ большой военной совѣтъ.

Бумагъ этихъ, конечно, никто не могъ прочесть. Наконецъ призванъ былъ въ качествѣ эксперта одинъ бывшій въ Россіи хивинскій купецъ, для того чтобы хоть черезъ него узнать о содержаніи этихъ бумагъ. Купецъ оказался человѣкомъ смѣтливымъ. Хотя прочесть бумагъ онъ также не могъ, но тутъ же сообразилъ что въ письмѣ должны заключаться важныя сообщенія, посылаемыя отъ одной наступающей арміи къ другой, и рѣшился забрать его въ свои руки. Осмотрѣвъ бумаги съ большою тщательностію и вниманіемъ купецъ серіознѣйшимъ образомъ заявилъ совѣту что письмо было просто клочкомъ бумаги, не имѣющимъ ни малѣйшей цѣны и значенія; но что 10ти- и 25-тирублевые кредитные билеты суть весьма важные документы, которые надо старательно беречь до той поры пока найдется человѣкъ способный ихъ прочесть. Когда ему удалось такимъ образомъ отвлечь вниманіе совѣта отъ письма, онъ стянулъ его подъ полу халата и унесъ съ собою. Прежде чѣмъ успѣли хватиться письма, онъ отправилъ его съ вѣрнымъ человѣкомъ генералу Кауфману, который тѣмъ временемъ переправлялся черезъ рѣку.

На слѣдующее утро съ солнечнымъ восходомъ выступили мы къ Хазаръ-Аспу. Идя по той же дорогѣ какъ наканунѣ, мы скоро подошли къ мѣсту дѣйствія предыдущаго дня. Тѣло мертваго Туркмена все еще лежало въ грязи у дороги. Повидимому, непріятель сюда не возвращался: они бы ни въ какомъ случаѣ не оставили тѣло товарища безъ погребенія. На томъ мѣстѣ гдѣ они толпились наканунѣ въ такомъ множествѣ, теперь мы не нашли никого. Предполагали что они отступили въ крѣпость Хазаръ-Аспъ. По слухамъ, твердыня эта была очень крѣпка, стояла на островѣ посреди большаго озера и имѣла всего одинъ входъ. Надо было думать что если непріятель имѣетъ желаніе сразиться, то онъ именно на этомъ пунктѣ сосредоточилъ свое сопротивленіе.

На полупути къ Хазаръ-Аспу попались намъ два посла, высланные оттуда намъ на встрѣчу. Самыя фигуры ихъ выра-

ОРОСИТЕЛЬНОЕ КОЛЕСО.

жали приниженную покорность, когда, сѣхавшись съ авангардомъ, они сошли съ своихъ богато убранныхъ коней и подходили къ намъ, снявъ шапки и низко кланяясь. Ихъ подвели къ генералу Головачеву, который, выслушавъ что они имѣли сказать, переслалъ ихъ въ свою очередь къ главнокомандующему, но продолжалъ свое движеніе. Послы эти высланы были Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, комендантомъ крѣпости и губернаторомъ Хазаръ-Аспа, который приходился дядей хану, съ заявленіемъ о сдачи крѣпости. Самъ комендантъ уѣхалъ уже въ Хиву. Сдача крѣпости была принята, но все-таки главнокомандующій, привычный ко всѣмъ хитростямъ среднеазіятскаго образа веденія войны, не улустилъ изъ вида ни малѣйшей предосторожности на случай какой-нибудь предательской уловки.

Утро было ясное и теплое, ѣхали мы все время фруктовыми садами, гдѣ воздухъ былъ пропитанъ чуднымъ запахомъ цвѣтовъ; шествіе наше гораздо болѣе напоминало собою пикникъ, нежели походъ въ суровое военное время. По дорогѣ попадалось нѣсколько покинутыхъ домовъ, но по большей части обыватели спокойно возсѣдали у дверей на землѣ, поднимались при нашемъ появленіи и съ важностію отвѣшивали намъ поклоны.

Около десяти часовъ мы уже были въ виду крѣпости; изъ-за деревъ она нѣсколько напоминала собою Виндзорскій замокъ: такъ величественны казались ея стѣны, искривленныя и неправильныя, подпертыя тяжелыми быками и окруженныя водой. Замѣтивъ нѣсколько человѣкъ на стѣнахъ, мы немного пріостановились; хотя крѣпость была уже сдана, но генералъ Кауфманъ далеко еще не былъ увѣренъ что тутъ не подготовлялось какой-нибудь измѣнническої продѣлки. Принявъ необходимыя предосторожности, армія тронулась опять и вошла въ длинную, крытую и очень узкую улицу, обрамленную съ обѣихъ сторонъ одинокимъ рядомъ домовъ и лавокъ, образующую нѣчто въ родѣ плотины надъ водою и служащую входомъ въ крѣпость. Мы потянулись изогнутою улицей, все еще подозрѣвая западню; круто повернувъ раза два-три вправо и влѣво, мы очутились предъ главнымъ входомъ. Это были тяжелые, массивные ворота съ башнями по бокамъ изъ кирпича, обложеннаго глиной. Въ самыхъ воротахъ видѣлось нѣсколько круглыхъ отверстій, пробитыхъ

вѣроятно пушечными ядрами во время какой-нибудь старинной осады.

Генералъ Кауфманъ, въ сопровожденіи своего штаба и небольшаго числа пѣхоты, въѣхалъ въ ворота, объѣхалъ внутреннюю сторону крѣпости и, повернувъ нѣсколькими очень узкими, изогнутыми улицами, сошелъ съ лошади въ маленькомъ дворѣ. Пройдя цѣлый рядъ узкихъ темныхъ корридоровъ, мы очутились на главномъ дворцовомъ дворѣ Хазаръ-Асла. Дворъ этотъ былъ всего футовъ тридцати шириной при пятидесяти длины, и южная его сторона была вся занята большою пріемною залой, образованною просто высокимъ портикомъ, открытымъ съ сѣверной стороны, ко двору. Вокругъ этого двора расположены были дворцовые покои, гаремъ и конюшни. Здѣсь генералъ Кауфманъ принималъ главныхъ мѣстныхъ сановниковъ и муллъ, которые пришли для переговоровъ. Онъ объявилъ имъ что если они спокойно покорятся, не оказывая никакого сопротивленія, то жизнь, собственность и жены ихъ будутъ пощажены, такъ какъ Русскіе пришли не завоевывать Хиву, а наказать хана. Заявленіе это встрѣтили они съ полнымъ удовольствіемъ и ушли успокоенные.

Такимъ-то образомъ сдался Хазаръ-Аслъ, пунктъ несравненно лучше укрѣпленный чѣмъ Хива. Бо́льшая часть офицеровъ были чрезвычайно раздосадованы подобнымъ исходомъ дѣла, но все еще утѣшали себя надеждой что въ самой Хивѣ встрѣтится намъ сопротивленіе отчаянное.

Въ Хазаръ-Аслѣ всего около пяти тысячъ жителей. Это маленькій, построенный изъ убитой глины городъ, весь окруженный крѣпостными стѣнами. Крѣпость почти вся окружена широкимъ, но тинистымъ озеромъ; она лежитъ верстахъ въ 12—15ти отъ рѣки и въ шестидесяти отъ Хивы. Пунктъ этотъ считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ ханствѣ. Обитатели были очень робки въ началѣ, боясь что ихъ все-таки всѣхъ перерѣжутъ; скоро однако они ободрились и въ тотъ же день открыли базаръ. Многіе изъ окрестныхъ Узбековъ скрылись въ стѣнахъ укрѣпленія со всею своею движимостію, предполагая что мѣсто это станутъ отстаивать; теперь они начали разъѣзжаться по домамъ. Городскіе дома были очень бѣдны и не представляли и половины тѣхъ затѣй что̀ находили мы въ просторныхъ сельскихъ жилищахъ Узбековъ.

Въ крѣпости найдено было пять или шесть пушекъ — вѣроятно тѣ самыя что̀ были въ дѣлѣ при Шейхъ-арыкѣ; здѣсь оказалось также множество фальконетовъ и большое количество очень хорошаго пороха, сваленнаго по сторонамъ безо всякаго призора.

Послѣ двухчасоваго отдыха, генералъ Кауфманъ оставилъ въ Хазаръ-Аслѣ маленькій гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Иванова, прибывшаго наканунѣ съ полковникомъ Вейнарномъ, а самъ пошелъ назадъ и сталъ лагеремъ въ садахъ, на полудорогѣ къ рѣкѣ. Онъ предполагалъ здѣсь дождаться прибытія всего отряда прежде чѣмъ идти на приступъ столицы.

Лагерь нашъ расположился посреди фруктовыхъ деревьевъ и вязовъ; вокругъ насъ по всѣмъ направленіямъ разливались потоки воды; мѣстность эта, послѣ пустыни, казалась намъ настоящимъ раемъ.

Сосѣдніе дома были всѣ покинуты ихъ обитателями, и мы не нашли въ нихъ ничего изъ домашняго добра, кромѣ небольшаго количества кухонной посуды, да глиняныхъ кувшиновъ. Но за то почти въ каждомъ домѣ была одна или двѣ комнаты наполненныя шелковичными червями; многія тысячи этихъ несчастныхъ прядильщиковъ, я думаю, погибли съ голода, такъ какъ пищи имъ не было никакой.

Однажды я сѣлъ на коня и отправился въ Хазаръ-Аслъ, гдѣ былъ радушно принятъ полковникомъ Ивановымъ. Во время обѣда ему доложили что пришла женщина съ жалобой.

— Пойдемте со мной, сказалъ полковникъ, обращаясь ко мнѣ: — Увидите любопытную вещь.

Такъ какъ обычный порядокъ судопроизводства былъ прерванъ бѣгствомъ губернатора, то обыватели Хазаръ-Асла стали приходить для разбирательства своихъ ссоръ и съ просьбами о защитѣ къ полковнику Иванову, который облеченъ былъ здѣсь высшею властью. Мы вышли въ большой портикъ, который, какъ я уже говорилъ, служилъ пріемною залой, возсѣли на коврѣ, и полковникъ вступилъ въ роль судьи съ приличнымъ случаю выраженіемъ серіозности и даже важности на лицѣ. Женщину ввели во дворъ, который былъ фута на три ниже портика гдѣ мы сидѣли. Просительница вошла держа за руку олуховатаго на видъ парня лѣтъ 14ти и, кланяясь на каждомъ шагу чуть не до земли, обрати-

лась къ полковнику, принимая его за Кауфмана и называя его Ярымъ-ладишахомъ; титулъ этотъ полковникъ принялъ съ полнымъ достоинствомъ. Это была старуха прикрытая невзрачнымъ хивинскимъ халатомъ. Единственная принадлежность туалета отличающая костюмъ ея отъ мужскаго былъ высокій бѣлый тюрбанъ который носится всѣми хивинскими женщинами. Она съ низкими поклонами подала полковнику небольшой подарокъ, состоящій изъ хлѣба и фруктовъ, и стала излагать свою жалобу.

Дѣло было въ томъ, какъ объясняла она, что у сына ея,— указывая на приведеннаго съ собою неуклюжаго малаго, — украли невѣсту.

— Кто же укралъ? спрашиваетъ полковникъ.

— Да воръ собака-Персіянинъ; мой собственный рабъ; онъ свелъ моего же осла и на немъ увезъ дѣвчонку. Чтобъ изчахнуть ему, окаянному!

— Такъ онъ, значитъ, совершилъ три кражи: укралъ осла, дѣвушку и самого себя, перечелъ полковникъ съ дѣловымъ видомъ. — Ну, какъ же онъ укралъ дѣвушку? Силой ее увезъ?

— Ужь конечно силой; развѣ она не была невѣстой моему сыну? Да развѣ какая дѣвушка доброю волей убѣжитъ отъ своего жениха съ собакою-рабомъ?

— А кто она? Какъ вы ее обручили съ сыномъ?

— Она также Персіянка. Я купила ее у Туркмена который ее только-что привезъ изъ Астрабада, и заплатила за нее пятьдесятъ тилль. Должно-быть собака-рабъ приворожилъ ее, потому что какъ только она его увидѣла, такъ бросилась ему на шею, плача, рыдая и увѣряя что онъ былъ ея товарищемъ и другомъ съ самаго дѣтства. Я, конечно, побила ее хорошенько за эти бредни. Женить на ней сына я хотѣла черезъ нѣсколько дней; но какъ только подошли Русскіе, такъ хитрая дѣвчонка и подговорила раба бѣжать съ ней. Теперь ужь они вѣрно поженились.

— Ну такъ что же я могу для васъ сдѣлать?

— Разыщите и отдайте жену моему сыну, а мнѣ раба и осла.

Полковникъ сказалъ ей съ улыбкой что посмотритъ что можетъ для нея сдѣлать, а теперь она можетъ идти. Она ушла, пятясь все время назадъ и кланяясь на каждомъ шагу до земли самымъ почтительнымъ образомъ какъ при дворѣ. Видно было что не въ первый разъ пришлось ей приносить жалобу судьѣ.

Но сынъ ея не получилъ никогда обратно своей невѣсты, ни ей не разыскали ни раба, ни осла.

Во время нашей трехдневной стоянки близь Хазаръ-Аспа, генералъ Кауфманъ дѣятельно занялся наборомъ лошадей и телѣгъ для перевозки обоза и для замѣны верблюдовъ высланныхъ войскамъ на Хала-Ату и Алты-Кудукъ. Этими днями подошелъ весь отрядъ; уже извѣстно было что генералъ Веревкинъ взялъ Кунградъ и быстро подвигался къ столицѣ.

Мы поднялись съ мѣста 27го мая (6го іюня), а къ вечеру. 28го (9го) были верстахъ въ 15 отъ Хивы. По всему этому переходу на дорогу высылалъ народъ группами отъ 20 до 30 человѣкъ, заявляя главнокомандующему свою покорность, и принося въ знакъ мира хлѣбъ, абрикосы, а иногда ягнятъ и барановъ.

Ханъ все это время не оставлялъ генерала Кауфмана безъ извѣстій о своей особѣ. Главнокомандующій уже раза три или четыре, со времени переправы черезъ рѣку, получалъ письма отъ хана, въ которыхъ этотъ послѣдній выражалъ полнѣйшее удивленіе по поводу этого внезапнаго нашествія Русскихъ на его владѣнія. Затѣмъ онъ сталъ требовать объясненія этихъ враждебныхъ дѣйствій, и наконецъ предлагалъ незваннымъ гостямъ немедленно, по добру по здорову, убираться во-свояси.

Едва успѣли разбить палатки на вечерней стоянкѣ 28го мая (9го іюня), какъ пришло послѣднее посланіе струсившаго владыки, въ которомъ онъ уже заявлялъ свою покорность, готовность сдаться на какихъ угодно условіяхъ, и поручалъ себя великодушію генерала Кауфмана.

Теперь я долженъ немного пріостановиться въ этомъ разказѣ чтобы пояснить какимъ путемъ доведенъ былъ ханъ до такого смиреннаго образа мыслей.

VI. Оренбургскій и Киндерлинскій отряды

Когда, въ половинѣ декабря, походъ на Хиву былъ рѣшенъ въ Петербургѣ, то для обезпеченія успѣха предпріятія, назначено было четыре отдѣльныя экспедиціи которыя должны были двинуться въ ханство различными путями. Одному отряду назначено было выступить съ Кавказа, подъ начальствомъ полковника Моркозова, другому изъ Оренбурга,

и начальство надъ нимъ было поручено генералу Крыжановскому, а этимъ послѣднимъ передано генералу Веревкину; еще одинъ отрядъ долженъ былъ идти отъ Киндерлинской бухты, съ полковникомъ Ломакинымъ во главѣ; и наконецъ четвертый отрядъ изъ Туркестана, предводимый самимъ генераломъ Кауфманомъ.

Такъ какъ экспедиціонный отрядъ Маркозова совсѣмъ не дошелъ до Хивы, то я сначала скажу нѣсколько краткихъ словъ о немъ.

Исходнымъ пунктомъ этого отряда былъ Чакишляръ, въ долинѣ Атрека, а не Красноводскъ, какъ въ началѣ было назначено. Эта линія была выбрана въ томъ предположеніи что на ней легко будетъ набрать верблюдовъ; но перемѣна оказалась гибельною для отряда, вслѣдствіе значительнаго увеличенія перехода. Когда колонна подошла къ колодцамъ Бала-Ишемъ, войска уже страдали неимовѣрно. Жара была ужасная, говорятъ, доходила до 149° по Фаренгейту; колодцы попадались рѣдко, люди чуть не мерли отъ жажды. Наконецъ верблюды и лошади, вполнѣ обезсиленные длиннымъ переходомъ, стали падать цѣлыми сотнями. А отрядъ все еще былъ въ 180 верстахъ отъ Хивы—впереди предстояла самая тяжелая часть пути. Колодцы попадались чрезвычайно рѣдко, а верблюды положительно не въ силахъ были переносить достаточно воды для всего отряда. Итакъ 22го апрѣля (4го мая), именно когда генералъ Кауфманъ былъ на Хала-Атѣ, а генералъ Веревкинъ дошелъ до западнаго прибрежья Аральскаго моря, полковникъ Маркозовъ вынужденъ былъ вернуться назадъ.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Оренбургскаго и Киндерлинскаго отрядовъ будетъ тѣмъ болѣе умѣстенъ здѣсь что не только на ихъ долю выпало наибольшее число стычекъ съ непріятелемъ, но ими, собственно, и взята была Хива. Да и самую незначительность противодѣйствія оказаннаго ханомъ Туркестанскому отряду надо приписать присутствію въ то же время на его территоріи этихъ двухъ колоннъ, Киндерлинской и Оренбургской.

Отряды эти подошли къ самымъ стѣнамъ Хивы, когда генералъ Кауфманъ былъ въ пятнадцати верстахъ отъ нея; и тотъ фактъ что различныя колонны выступившія съ противоположныхъ пунктовъ, отдѣленныя почти полуторатысячнымъ разстояніемъ одна отъ другой, все-таки сошлись

лодъ Хивой чуть ли не въ одинъ день—составляетъ не послѣднюю любопытную особенность этой замѣчательной кампаніи.

Факты касающіеся отрядовъ Оренбургскаго и Киндерлинскаго собраны мною изъ различныхъ источниковъ; частію сообщены мнѣ русскими офицерами, частію получены отъ поручика Штумма, прусскаго офицера, сопровождавшаго сначала Киндерлинскую колонну, а потомъ соединенный отрядъ Оренбургскій и Киндерлинскій. Это единственный иностранецъ который, кромѣ меня, добрался въ эту кампанію до Хивы. Появившійся уже въ печати трудъ г. Штумма—отличающійся чрезвычайною точностью и занимательностью—оказалъ мнѣ большую помощь въ нѣкоторыхъ справкахъ.

Генералъ Крыжановскій, оренбургскій генералъ-губернаторъ, получилъ приказъ снарядить Оренбургскую экспедицію только во второй половинѣ декабря мѣсяца; тотъ фактъ что всѣ перевозочныя средства, вооруженіе, фуражъ, провизія, палатки и достаточное количество теплой одежды на время самыхъ трескучихъ морозовъ для перехода въ 1.650 верстъ, по странѣ совершенно невѣдомой, что все это, говорю я, было готово къ 15му (27му) февраля, можетъ служить образцомъ той поспѣшности съ какою Русскіе могутъ приготовиться къ войнѣ въ случаѣ необходимости.

Войска этого отряда собирались на трехъ различныхъ пунктахъ, въ Оренбургѣ, Уральскѣ и Орскѣ, и выступили въ походъ около 15го (27го) февраля, съ тѣмъ чтобы стянуться у Эмбенскаго укрѣпленія, при рѣкѣ того же имени. Это укрѣпленіе составляетъ русскій аванпостъ въ Киргизскихъ степяхъ, и отстоитъ верстъ на 600 или около того ото всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктовъ.

Трудности этой первой части перехода были ужасны; холода доходили до —25° по Реомюру; войска подвергались сильнѣйшимъ метелямъ, о силѣ которыхъ можно имѣть понятіе только побывавъ въ этихъ степяхъ, гдѣ вѣтеръ, на разстояніи цѣлыхъ сотень верстъ, не встрѣчаетъ на пути своемъ ни малѣйшей преграды; нелегкою задачей было подвигаться впередъ и въ тихую погоду по снѣгу доходившему иногда до фута глубиною.

Несмотря однако на всѣ эти препятствія — которыя признаны были бы непреодолимыми всякою другою, не русскою, арміей—три отряда сошлись въ половинѣ марта у Эмбенскаго

укрѣпленія, съ обозомъ, перевозочными средствами, аммуниціей и провизіей. Конечно, такой удачный переходъ не могъ быть совершенъ на авось, безъ необходимыхъ приготовленій. Солдаты были снабжены полушубками и высокими теплыми сапогами; по всему пути разставлены были войлочныя кибитки, на разстояніи одного дня пути; заранѣе набрано топливо, заготовлено сѣно для лошадей и верблюдовъ; словомъ, всѣ предосторожности были приняты для того чтобъ избѣжать несчастія какое постигло Перовскаго въ 1840 году. И результатъ увѣнчалъ эти труды блистательнымъ образомъ: всѣ части отряда стянулись на Эмбѣ, не потерявъ на пути ни одного человѣка, хотя, вслѣдствіе страшныхъ холодовъ, эта часть похода была самая тяжелая. На Эмбѣ такимъ образомъ собралось: девять ротъ лѣхоты—около 1.600 человѣкъ; девять казачьихъ сотенъ—1.200 человѣкъ; при нихъ восемь орудій легкой артиллеріи, ракетная батарея и четыре мортиры, снабженныя тройнымъ противъ обыкновеннаго количествомъ снарядовъ. Обозъ состоялъ изъ пяти тысячъ верблюдовъ, нанятыхъ у Киргизовъ по 15 рублей за каждаго верблюда въ зимніе мѣсяцы и по 12 рублей лѣтомъ. Солдаты получали только обыкновенныя порціи: 2 фунта чернаго хлѣба, $^1/_2$ фунта мяса на день, чай съ сахаромъ поутру и вечеромъ, два стакана водки въ недѣлю, и кромѣ того овощи, сыръ, уксусъ и другія противоцынготныя вещества. Запасы всѣ разочтены на $2^1/_2$ мѣсяца, и войлочныя кибитки, достаточной величины для помѣщенія въ каждой 20 человѣкъ, были припасены для всего отряда. 26го марта (7го апрѣля) отрядъ вышелъ съ Эмбы, направился къ югу, подошелъ къ Аральскому морю 20го апрѣля (2го мая) и продолжалъ идти по западному берегу его на югъ къ Айбугирскому заливу. Заливъ этотъ, обозначенный на всѣхъ картахъ, и дѣйствительно существовавшій 15 лѣтъ тому назадъ, найденъ былъ отрядомъ генерала Веревкина совершенно пересохшимъ. Каракалпаки даже начали воздѣлывать часть его бывшаго дна. Походъ генерала Веревкина былъ очень замѣчателенъ: это чуть ли не самый длинный переходъ изъ числа упоминаемыхъ въ исторіи—болѣе 1.500 верстъ.

2го (14го) мая онъ подошелъ уже къ Яны-Калѣ, въ Хивинскомъ ханствѣ, тогда какъ генералъ фонъ-Кауфманъ все еще былъ на Алты-Кудукѣ, по ту сторону рѣки, и самый трудный переходъ предстоялъ еще ему впереди.

20го мая (1го іюня) генералъ Веревкинъ вошелъ въ покинутый Хивинцами городъ Кунградъ.

Походъ Киндерлинскаго отряда былъ также однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ изъ числа занесенныхъ въ историческія лѣтописи. Переходъ предстоялъ длинный; путь лежалъ пустынными песками, на которыхъ колодцы попадались въ очень дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, а перевозочныя средства отряда были совершенно несоразмѣрны съ предстоящими трудностями. Даже, по весьма странной непредусмотрительности, захвачено было очень мало турсуковъ и другой посуды для перевозки воды.

Эта колонна должна была сойтись съ отрядомъ генерала Веревкина у Айбугирскаго залива. Оренбургскій отрядъ былъ уже въ походѣ цѣлыхъ 14 дней, когда колонна Киндерлинская тронулась съ мѣста. Помощниками полковника Ломакина, командующаго отрядомъ, были: подполковникъ Пояровъ, капитанъ Али-Ханъ, по собственной охотѣ присоединившійся къ экспедиціи, полковникъ Скобелевъ, майоръ Навроцкій и нѣсколько другихъ офицеровъ. Силы этого отряда состояли изъ 12ти сотенъ кавказскихъ Горцевъ, въ 120 человѣкъ каждая—всего около 1.800 человѣкъ. При нихъ было 10 пушекъ и ракетная батарея.

По сдѣланному разчету для отряда требовалось 1.300 верблюдовъ, но число набранныхъ животныхъ далеко не достигало этой цифры. Мангишлакскіе Киргизы положительно отказывались ставить тѣ шесть сотенъ верблюдовъ которыя съ нихъ требовались, и майоръ Навроцкій высланъ былъ съ наказомъ захватить верблюдовъ силой. Послѣ нѣсколькихъ дней гонки за Киргизами и небольшой перестрѣлки майору удалось захватить 380 верблюдовъ, 110 лошадей и около 3.000 козъ и барановъ. Переходъ по безводной пустынѣ съ такимъ небольшимъ количествомъ вьючныхъ животныхъ, изъ которыхъ еще ежедневно многія падали, казалось, долженъ былъ привести отрядъ къ неминуемой гибели.

Уже въ теченіе первыхъ пяти дней перехода люди встрѣтили на пути своемъ всѣ ужасы пустыни. Жара была страшная: раскаленные пески палили ноги и ослѣпляли глаза. Вѣтеръ не только не приносилъ никакого облегченія, но еще увеличивалъ страданія, обдавая людей точно жаромъ какого-то адскаго горнила. Отъ этихъ враговъ не было спасенія: песокъ и жара проникали и въ палатки. Скоро сталъ

чувствоваться недостатокъ воды. Колодцы, изрѣдка попадавшіеся, были всѣ солоноваты, мутны и полны насѣкомыми. Солдаты бодро, даже весело переносили всѣ невзгоды, и хотя верблюды и лошади падали цѣлыми сотнями, здоровье людей было въ очень хорошемъ состояніи.

Первая продолжительная стоянка была сдѣлана на Кунды, куда передовая часть отряда пришла 14го (26го) апрѣля. Переходъ отсюда до Сенека — разстояніе 90 верстъ — былъ чрезвычайно мучителенъ для солдатъ; жара была ужасная, воды почти не было, и люди съ жадностью накидывались на попадавшіяся нѣсколько капель отвратительной, вонючей и черной какъ чернила воды. Появились и больные, преимущественно между пѣхотой. Кавалерія уступила лошадей больнымъ; часто приходилось измученному казаку вести своего изнемогающаго коня отягощеннаго больнымъ пѣхотинцемъ. Въ одинъ день, послѣ полудня, отрядъ лишился 150 верблюдовъ, которые частью попадали, частью же совершенно обезсилили. Главныя болѣзни которымъ подвергались люди были: солнечный ударъ, диссентерія и общее изнеможеніе. Горячка сдѣлалась вещью обыкновенною, на нее почти не обращали даже вниманія. Нѣкоторые изъ штабныхъ офицеровъ подвергались тремъ и даже четыремъ горячечнымъ приладкамъ во время перехода отъ Киндерли до Сенеки.

20го апрѣля (2го мая) дошли до Бишъ-Акты. Этотъ пунктъ отстоитъ верстъ на 135 отъ Каспійскаго моря, затерянъ въ пескахъ и окруженъ низкими известковыми холмами. На этомъ мѣстѣ построено было маленькое укрѣпленіе такимъ образомъ что находящіеся тутъ шесть колодцевъ пришлись внутри форта.

Переходъ отъ Бишъ-Акты ко второму форту на Ильте-Идже, да и весь путь до Кунграда, былъ чрезвычайно затрудненъ песками и вѣтромъ. Разъ даже случился такой ураганъ что на ночь оказалось невозможнымъ разбить палатки. Порядокъ движенія былъ слѣдующій: авангардъ состоялъ изъ казачьей сотни, а по обѣ стороны, на разстояніи около трехъ тысячъ футовъ, шелъ патруль изъ двухъ всадниковъ. Затѣмъ ѣхалъ штабъ эскортируемый конницей, съ патрулями изъ четырехъ конныхъ солдатъ съ каждой стороны. Далѣе казачья сотня, также защищенная боковыми патрулями. Аріергардъ былъ подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, которая въ то же время вела 20 верблюдовъ, навьюченныхъ

фуражемъ для штабныхъ лошадей. Главная же часть отряда слѣдовала на нѣкоторомъ разстояніи. Такимъ образомъ проходили отъ 30 до 45 верстъ въ день. Съ ночныхъ стоянокъ снимались въ пять и шесть часовъ утра и шли до полудня. Отъ двѣнадцати до трехъ часовъ дѣлали привалъ, такъ какъ этимъ временемъ стояла такая жара что немыслимо было никакое движеніе, даже установка палатки. Въ три часа движеніе возобновлялось и продолжалось до десяти, одиннадцати, а иногда и до двухъ часовъ утра. Лошадей кормили и поили разъ въ сутки, иногда имъ приходилось даже быть часовъ по тридцати безъ воды.

Дни 27го (9го мая) и 28го апрѣля (10го мая) прошли въ невообразимыхъ страданіяхъ. Одно время даже всему отряду грозила неминуемая гибель отъ жажды. Колодезь Коль-Киниръ, къ которому подошли вечеромъ 27го апрѣля (9го мая), былъ такъ глубокъ что вода могла вытягиваться изъ него чрезвычайно медленно, и только весьма незначительная часть отряда могла напиться. Съ самаго полудня войска не получали воды, да не откуда было ее и достать до прибытія въ Аллай-Масъ, лежащій слишкомъ въ 50 верстахъ дальше. Вечеръ 27го апрѣля (9го мая) и все утро 28го (10го мая) солдаты и лошади должны были обойтись безъ питья. При такихъ-то обстоятельствахъ пошли по направленію къ Аллай-Масу. Къ полудню 28го апрѣля (10го мая), подъ самымъ сильнымъ припекомъ, лошади стали изнемогать, люди выбились изъ силъ и даже штабные офицеры стали терять всякую надежду на спасеніе, такъ какъ до Аллай-Маса все еще оставалось 23 версты, то-есть четырехчасовой переходъ.

Полковникъ Ломакинъ приказалъ сдѣлать привалъ, и весь отрядъ — солдаты и офицеры — свалился въ изнеможеніи на раскаленный песокъ. При колоннѣ не оставалось уже ни капли воды; кругомъ, до самаго горизонта, не видно было ничего, кромѣ бѣлаго песка. Передавая мнѣ эту сцену, поручикъ Штуммъ говорилъ что тутъ и у него голова закружилась, и онъ почувствовалъ приближеніе горячечнаго бреда. Тѣмъ временемъ какъ всѣ тутъ лежали обезсиленные, показались вдали, на песчаномъ холмѣ, два Киргиза высланные полковникомъ Ломакинымъ впередъ; они напали на маленькій колодезь, Курукъ, въ разстояніи полуторы версты къ сѣверу, и теперь возвращались съ радостною вѣстью къ отряду.

Едва успѣли солдаты и офицеры нѣсколько освѣжиться

какъ пришло извѣстіе что часть войска, оставленная позади подъ командой поручика Гродикова, въ пяти верстахъ отъ Ильте-Идже, не въ силахъ идти дальше и полегла въ изнеможеніи на лескѣ. Тотчасъ выслали обратно всѣхъ животныхъ могущихъ вынести переходъ, навьючивъ ихъ всею посудою способною держать въ себѣ воду; когда и отставшіе были такимъ образомъ напоены, пошли дальше, едва избѣгнувъ лютой смерти.

Около часа пополудни 2го (14го) мая отрядъ дошелъ до Кизилъ-Агира, а такъ какъ слѣдующимъ днемъ надѣялись дойти въ Бей-Шагиръ, къ самымъ границамъ Хивы, то созванъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено было выслать впередъ къ озеру Айбугиру авангардъ подъ начальствомъ полковника Скобелева, что̀ и было немедленно приведено въ исполненіе. Но такъ какъ не думали чтобы генералъ Веревкинъ подошелъ къ этому мѣсту раньше пяти-шести дней, то рѣшено также было выслать небольшой рекогносцировочный отрядъ къ югу до Куня-Ургенча и даже, если окажется необходимымъ, занять этотъ городъ. Главныя же силы отряда должны были дожидаться генерала Веревкина у Айбугирскаго озера.

4го (16го) мая отъ генерала Веревкина получены были извѣстія измѣнявшія весь этотъ планъ. Посланный изъ Оренбургскаго отряда сообщилъ что пятнадцать дней тому назадъ генералъ Веревкинъ уже былъ всего въ двухъ переходахъ отъ Айбугирскаго озера, и что 6го (18го) мая онъ надѣялся дойти до мыса Урча, при Аральскомъ морѣ. Полковнику Ломакину присланы были инструкціи идти не на югъ къ Айбугирскому озеру, а на сѣверъ, чтобы сойтись съ генераломъ Веревкинымъ на Урчѣ. Оттуда же соединившимся отрядамъ предполагалось идти вмѣстѣ на Айбугиръ, къ укрѣпленному хивинскому городу Кунграду.

Сообразно съ этими инструкціями, полковникъ Ломакинъ послалъ воротить Скобелева; но Скобелевъ получилъ приказъ этотъ слишкомъ поздно: 5го (17го) мая у него уже была схватка съ большимъ туркменскимъ отрядомъ. Туркмены эти направлялись въ Хиву съ большимъ караваномъ. Въ завязавшейся схваткѣ нѣсколько человѣкъ Туркменъ было убито, пятнадцать ранено, захвачено полтораста верблюдовъ съ большимъ количествомъ разнородныхъ припасовъ. Но за то самъ Скобелевъ, другой офицеръ и нѣсколько казаковъ были ранены.

Колонна направилась къ Урчѣ, на сѣверъ; но 5го (17го) мая прибылъ другой посланный отъ генерала Веревкина съ извѣстіемъ что этотъ послѣдній вышелъ съ Урчи и шелъ уже въ Кунградъ, куда приказывалъ слѣдовать и полковнику Ломакину. Такимъ образомъ дорога была еще разъ совершенно измѣнена. Полковникъ Ломакинъ пришелъ теперь къ заключенію что надо идти очень скоро чтобы поспѣть на встрѣчу непріятеля въ одно время съ генераломъ Веревкинымъ. Потому онъ рѣшилъ оставить главныя силы отряда слѣдовать за собою подъ начальствомъ подполковника Поярова, а самому идти впередъ къ Кунграду съ однимъ своимъ штабомъ и кавалеріей ускореннымъ маршемъ, подвергаясь даже риску не встрѣтить на пути ни одного колодца.

Слѣдующій затѣмъ трехдневный переходъ былъ тяжелѣе всѣхъ предыдущихъ. Все время не было воды; единственный на дорогѣ колодезь былъ отравленъ Туркменами, бросившими туда разлагающіеся трупы животныхъ. Пытались было идти ночью 10го (22го) мая чтобы дойти до Кунграда днемъ раньше, но темнота была такая что войска, несмотря на множество факеловъ, постоянно сбивались съ пути. Волей-неволей пришлось остановиться и провести ночь посреди песковъ безъ ѣды и безъ питья.

Утромъ 11го (23го) мая дошли до русла Айбугира, стали встрѣчать кибитки кунградскихъ Киргизовъ и впервые вступили на хивинскую территорію. Весело прошло утро 12го (24го) мая: этимъ днемъ впервые выѣхали на цвѣтущіе луга и зеленыя пастбища, впервые послѣ двухмѣсячнаго перехода набрели на свѣжую, хорошую воду.

Въ тотъ же день достигли Кунграда и застали тамъ большую партію казаковъ, оставленную генераломъ Веревкинымъ, который наканунѣ пошелъ на столицу ханства.

Городъ и крѣпость Кунградъ найдены были въ самомъ печальномъ, разоренномъ состояніи, вслѣдствіе непрерывныхъ почти войнъ, а въ особенности вслѣдствіе выдержанной имъ осады лѣтъ 15 тому назадъ, когда городъ этотъ возсталъ противъ Хивы. Нѣсколько разъ Кунградцы ставили у себя собственныхъ хановъ, предписывали законы самой Хивѣ. Теперь же этотъ городъ совершенно опустошенъ, и едва ли когда-нибудь удастся ему собраться съ силами для борьбы съ торжествующимъ врагомъ.

До этого пункта ни генералъ Веревкинъ, ни полковникъ

Ломакинъ ни разу еще не встрѣчали сопротивленія со стороны Хивинцевъ. Они показывались нѣсколько разъ, но никогда не представляли серіознаго сопротивленія. Они ограничивались посылками въ отрядъ дерзкихъ посланій, совѣтуя Русскимъ удалиться во-свояси пока еще время и грозя имъ сильнымъ гнѣвомъ хана въ случаѣ ослушанія. По большей части генералъ Веревкинъ отправлялъ пословъ обратно безо всякаго отвѣта. Одно изъ этихъ посланій до того оригинально и такъ хорошо обрисовываетъ первобытную наивность Хивинцевъ что объ немъ стоитъ уломянуть. Наканунѣ того дня въ который генералъ Веревкинъ занялъ Кунградъ, къ нему прибылъ посолъ отъ кунградскаго губернатора съ самымъ необыкновеннымъ требованіемъ: пусть де Русскіе повременятъ три дня, пока привезутъ губернатору пушку для защиты города. Если же Русскіе, говорилось дальше, будутъ слѣпо настаивать на своемъ, пока онъ еще не приготовился, то онъ, губернаторъ, просто откажется сражаться! Русскіе, конечно, слѣпо настояли на своемъ, а сановникъ, вѣрный своему слову, бѣжалъ изъ Кунграда не давъ по нимъ ни одаого выстрѣла.

За Кунградомъ, однако, Туркмены стали показываться значительными массами, и уже не проходило ни одного дня безъ перестрѣлки, ни одной ночи безъ тревоги. Иногда они тревожили войска съ фланговъ въ теченіе цѣлыхъ дней, скача кругомъ съ дикими криками и гиканьемъ, притворяясь нападающими, а иногда и дѣйствительно нападая на обозъ, стрѣляя изъ-за стѣнъ и деревьевъ то по аріергарду, то по авангарду, не давая войскамъ передохнуть, мучая ихъ съ утра до ночи и съ ночи до утра.

Въ особенности утомительны были ночныя тревоги, благодаря которымъ войска ни на минуту не могли спокойно сомкнуть глазъ и отдохнуть послѣ дневныхъ трудовъ. Во время кампаніи противъ Туркменъ я самъ увидѣлъ какъ невыносимы эти ночныя нападенія: весь ужасъ ихъ можетъ быть понятенъ только человѣку который самъ ихъ испыталъ.

Около двухъ часовъ кавалерія выѣхала изъ Кунграда къ югу, и наконецъ, къ девяти часамъ того же вечера добралась до колонны генерала Веревкина, не сдѣлавъ ни одного привала. Штабъ ѣхалъ съ пяти часовъ утра до девяти вечера, подъ палящими лучами солнца, не останавливаясь ни

лошть, ни кормить лошалей, не давая ни минуты отдыха людямъ.

Тѣмъ временемъ главныя силы экспедиціи, состоящія преимущественно изъ пѣхоты, подъ начальствомъ подполковника Поярова, слѣдовали за штабомъ и кавалеріей, вынося подобныя же, а можетъ-быть и сильнѣйшія невзгоды, все съ тѣмъ же героическимъ терпѣніемъ. Пояровъ раздѣлилъ ввѣренныхъ ему людей еще на два отряда, одинъ изъ которыхъ, подъ начальствомъ майора Аварскаго, пошелъ тѣмъ же путемъ какъ и штабъ. Самъ же Пояровъ, отдохнувъ одинъ день у колодца Аланъ, выступилъ дальше 8го (20го) мая въ два часа утра. Первый день его людямъ пришлось пить солоноватую, почти негодную къ употребленію воду. Всѣ колодцы попадавшіеся на слѣдующій день были отравлены животными трупами, и войску пришлось довольствоваться тѣмъ количествомъ воды которое удалось захватить съ собою. Въ два часа утра 10го (22го) мая отрядъ вышелъ изъ Кара-Кудука и къ семи часамъ того же вечера подошелъ къ западному берегу Айбугирскаго озера. На сорокаляти-верстномъ переходѣ ему не попалось ни одного колодца.

Въ два часа утра 11го (23го) мая онъ вышелъ съ Айбугира и дошелъ до Ирали-Кочканъ къ тремъ часамъ пополудни. На этомъ тридцативерстномъ переходѣ также не было колодцевъ, и такимъ образомъ войска прошли около 75 верстъ въ тридцать семь часовъ, оставаясь всю дорогу безъ воды. Запасъ воды, который могли захватить съ собой, весь былъ истраченъ въ первые два дня этого пятисуточнаго перехода. Хотя и этимъ временемъ количество выдаваемой воды было крайне недостаточно, но все-таки героизмъ пѣхоты доходилъ до того что она рѣшилась дѣлиться ею съ артиллеріей. Повторяю, это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ походовъ въ исторіи.

VII. Движеніе соединенныхъ колоннъ.

Пока происходили разказанныя событія, капи танъ Ситниковъ, командиръ Аральской флотиліи — имя котораго, надѣюсь, читатель приомнитъ — отплылъ съ флотиліей изъ Казалы Аральскимъ моремъ къ устью Аму-Дарьи. Ему велѣно было подняться какъ можно выше по рѣкѣ чтобы дѣйство-

вать заодно съ сухолутными войсками, если того потребуютъ обстоятельства.

Въ концѣ апрѣля флотилія напала на сильно укрѣпленный хивинскій фортъ Акъ-Кала, на Улкунъ-Дарьѣ, одномъ изъ рукавовъ Аму-Дарьи, и разрушила его, потерявъ при этомъ четырехъ человѣкъ убитыми и троихъ или четверыхъ ранеными. Послѣ того она поднялась на 60 верстъ вверхъ по Аму. Тутъ пришелъ къ капитану Ситникову Киргизъ и сообщилъ что видѣлъ отрядъ генерала Веревкина и можетъ служить проводникомъ, если капитанъ Ситниковъ желаетъ имѣть сообщеніе съ арміей. Киргиза взяли проводникомъ и отправили съ нимъ одного офицера и одиннадцать матросовъ съ письмами къ генералу Веревкину.

Утромъ 5го (17го) мая Оренбургскій отрядъ напалъ подъ Кунградомъ на обнаженныя и обезглавленныя тѣла двѣнадцати русскихъ моряковъ. Повидимому, вызвавшійся въ проводники Киргизъ былъ подосланъ непріятелемъ и завелъ Русскихъ въ западню. Этимъ оканчиваются дѣйствія флотиліи въ эту кампанію. Вслѣдствіе препятствій воздвигнутыхъ Хивинцами по рѣкѣ, капитанъ Ситниковъ не могъ достаточно далеко по ней подняться чтобы помогать войскамъ.

12го (24го) мая соединившіеся отряды генерала Веревкина и полковника Ломакина тронулись въ дальнѣйшій путь. Въ это время генералъ Кауфманъ дошелъ до Учь-Учака.

Въ 5 часовъ утра 14го (26го) мая соединенный отрядъ подошелъ къ Кара-Баили, а около полудня сдѣлалъ привалъ на берегу маленькой рѣчки, намѣреваясь простоять часа два для завтрака. Не прошло однако и четверти часа какъ вдали раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Тутъ же прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ что на офицера высланнаго на рекогносцировку съ десяткомъ казаковъ напала большая масса непріятелей. Двѣ казачьихъ сотни стремительно бросились на выручку; но Туркмены уже исчезли съ мѣста дѣйствія, захвативъ нѣсколькихъ лошадей, убивъ одного казака и ранивъ трехъ-четырехъ другихъ. Какъ ни было поспѣшно ихъ бѣгство, они успѣли отрубить голову убитому казаку. Казаки гнались съ полчаса по направленію куда исчезъ непріятель, но его и слѣдъ простылъ. Едва успѣли они вернуться какъ раздались выстрѣлы съ фланга отряда, на который теперь напалъ возвратившійся непріятель. Здѣсь также Туркеменамъ удалось убить двухъ верблюдовъ и двухъ сол-

датъ. Преслѣдованіе возобновилось. На этотъ разъ однако непріятель собрался въ кучу, выжидая нападенія. Русскими захвачено было нѣсколько лошадей, побито и ранено много Туркменъ. Одинъ изъ захваченныхъ Туркменъ, который былъ раненъ пятью пулями въ бедро и со стоическою твердостію переносилъ свои страданія, послѣ долгихъ убѣжденій сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Отъ него узнали что вокругъ арміи теперь разъѣзжало 400 или 500 человѣкъ Туркменъ, принадлежащихъ къ большому отряду конницы въ 6.000 человѣкъ, высланному ханомъ для защиты Ходжейли. Бо́льшая часть отряда выжидала нападенія у города, а самъ ханъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

Вскорѣ затѣмъ непріятель показался большою массой. Сначала было думали что они хотятъ напасть сами, но потомъ оказалось что они выжидаютъ нападенія. Выслана была впередъ кавалерія съ одной батареей ракетъ и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятель разсѣялся.

Около часа спустя онъ опять показался огромными толпами, которыя подошли на 2.000 или 3.000 футовъ къ Русскимъ, остановились и, надумавшись, медленно стали отступать къ Ходжейли. Четыре-пять посланныхъ имъ вслѣдъ гранатъ заставили ихъ нѣсколько поспѣшить.

Началось наступленіе на городъ. Нѣкоторое время непріятель продолжалъ разъѣзжать предъ войсками, приближаясь иногда на очень близкое разстояніе, но скоро послѣдніе его фланкеры скрылись за городскими садами и уже больше не показывались.

Когда отрядъ подошелъ на полверсты къ городскимъ воротамъ, оттуда выступила большая депутація мѣстныхъ старшинъ, прося пощады и обѣщая покориться всѣмъ требованіямъ Русскихъ. Тутъ же выданъ былъ задержанный по повелѣнію хана Киргизъ, котораго генералъ Веревкинъ послалъ еще мѣсяцъ тому назадъ съ делегатами къ генералу Кауфману.

Войска простояли два дня предъ городомъ и завели самыя дружескія сношенія съ обывателями. На второй день открыты были всѣ лавки и базаръ и закипѣла торговля съ солдатами.

Двинувшись далѣе этотъ отрядъ достигъ береговъ Аму-Дарьи 19го (31го) мая.

Утромъ 16го (28го) Хивинцы дали нѣсколько выстрѣловъ по арміи, что и послужило началомъ общей схватки.

Непріятель стянулъ свои силы въ долинѣ, поросшей тростникомъ и высокою травой. Они заняли позицію на многочисленныхъ лесчаныхъ холмахъ предъ городомъ Мангитомъ, къ которому приближались русскія войска. Когда показалась русская армія, массы ихъ конницы бросились на нее съ дикими криками. Развернувшись въ линію верстъ въ 10 — 12 длиною, они атаковали Русскихъ со всѣхъ сторонъ: главною цѣлью наладеній послужилъ обозъ верблюдовъ назади.

Генералъ Веревкинъ, занимавшій центръ, направилъ на непріятеля четыре пушки и выслалъ три орудія на лѣвый флангъ. Но непріятель не переставалъ повторять отчаянныя нападенія на кавалерію, и разъ даже приблизился на какую-нибудь сотню сажень къ самому штабу генерала Веревкина. Особенно сильно тѣснилъ онъ правый флангъ, бывшій подъ начальствомъ полковника Леонтьева, и невозможно было остановить его движенія впередъ; заскакавъ кругомъ онъ сдѣлалъ нападеніе съ тылу, думая что всѣ пушки выставлены во главѣ колонны и разчитывая напасть на слабую сторону отряда. Встрѣченное сопротивленіе несказанно ихъ поразило; замѣшательство ихъ еще болѣе увеличилось когда они увидѣли что главныя толпы ихъ собственныхъ силъ отступали за холмы Мангита. Повредивъ сколько могли обозу, они послѣдовали за бѣгущими товарищами.

Черезъ нѣсколько времени однако непріятель опять возобновилъ нападеніе. Тактика ихъ была та же что̀ и прежде, но скоро имъ пришлось отступить подъ мѣткимъ огнемъ артиллеріи и подъ сильнымъ напоромъ кавалеріи. Они ушли за городъ Мангитъ и болѣе не показывались. Тогда войска двинулись впередъ и сожгли деревню, занятую предъ тѣмъ непріятелемъ. Послѣ короткой стоянки, въ 3 часа пополудни армія подошла къ городу и немедленно заняла его. Когда Русскіе проходили по улицамъ, то нѣсколько человѣкъ изъ непріятельскаго войска, скрывавшіеся въ домахъ, стали по нимъ стрѣлять; взбѣшенные этимъ солдаты обратили городъ въ пепелъ. Въ этотъ день Русскіе потеряли убитыми—одного капитана и 8 рядовыхъ; ранено же было 10 человѣкъ опасно, и нѣсколько слегка.

Потеря непріятеля должна была быть очень велика; съ этого времени онъ, казалось, потерялъ послѣднюю надежду на благопріятный для себя исходъ. Сопротивленіе Хивинцевъ стало весьма слабо; дѣйствія ихъ, потерявъ всякое един-

ство плана, мало-по-малу свелись къ простымъ разбойническимъ набѣгамъ. Еслибы Хивинцы въ состояніи были оцѣнить собственныя выгоды, то могли бы безъ большаго труда и безо всякихъ потерь для себя представить Русскимъ во время ихъ движенія неодолимыя препятствія, они могли бы вѣроятно даже запереть самый проходъ въ Хиву. Имъ легко было разрушить всѣ мосты; а такъ какъ при колоннѣ имѣлся всего одинъ мостъ, то Русскіе никакъ не были бы въ состояніи переправиться черезъ каналы, которые были очень быстры и глубоки, и часто достигали отъ 40 до 100 футовъ ширины. А между тѣмъ по всему пути мосты не только нигдѣ не были разрушены, но еще оказывались такими крѣпкими что подъ нихъ требовалось не болѣе двухъ-трехъ подлорокъ изъ древесныхъ стволовъ чтобы переправлять самыя тяжелыя пушки. Теперь однако непріятель приступилъ къ сожиганію мостовъ. На первое время это очень было затруднило движеніе Русскихъ, но спустя нѣкоторое время они стали высылать впередъ кавалерію, которой удавалось почти всегда подъѣзжать вовремя къ подожженнымъ мостамъ и тушить огонь прежде чѣмъ онъ могъ причинить значительныя поврежденія.

Въ слѣдующіе дни нѣсколько разъ завязывалась перестрѣлка съ непріятелемъ, который, какъ всегда, нападалъ на верблюдовъ и обозъ съ фуражемъ.

Армія шла теперь чрезвычайно плодородною страной. Однажды, когда войска проходили сѣтью безчисленныхъ ручьевъ, каналовъ, густыхъ садовъ и глиняныхъ построекъ, они внезапно были окружены со всѣхъ сторонъ. Положеніе ихъ, посреди тѣсно застроеннаго узбекскаго селенія, сначала казалось весьма критическимъ. Но пробили нѣсколько глиняныхъ стѣнъ, пѣхота установила пушки и непріятель былъ отбитъ и потерпѣлъ большую потерю. У Русскихъ же былъ тяжело раненъ одинъ офицеръ и одинъ солдатъ, да трое солдатъ легко ранены.

Во время дальнѣйшаго слѣдованія отряда къ нему выходили на встрѣчу жители окрестныхъ деревень, многіе съ окровавленными головами. Они говорили что ихъ собственные земляки избили ихъ и ограбили, и просили помощи и защиты Русскихъ. По ихъ словамъ, Хивинцы не только потерпѣли огромныя потери, но многіе изъ нихъ, попрятавшіеся по домамъ въ страхѣ отъ приближенія пѣхоты, были заживо

сожжены Русскими солдатами, не подозрѣвавшими что Хивинцы засѣли внутри.

23го мая (4го іюня) около полудня въ отрядѣ было получено посланіе отъ хана съ предложеніемъ перемирія. Генералъ Веревкинъ тотчасъ понялъ что единственною цѣлью хана было выгадать время, и понятное дѣло, отвергъ это предложеніе.

Это ханское посланіе было чрезвычайно замѣчательнымъ произведеніемъ, и возбудило не мало смѣху въ лагерѣ Русскихъ. Начиналось оно заявленіемъ что и генералу фонъ-Кауфману высланъ былъ документъ такого же содержанія. Далѣе, ханъ самымъ дружескимъ и наивнымъ образомъ просилъ командующихъ русскими отрядами считать себя по вступленіи въ Хиву его гостями. Самъ онъ, говорилось въ любезномъ посланіи, всегда былъ очень дружески расположенъ къ Русскимъ войскамъ и почтетъ теперь за счастіе принять ихъ у себя и угостить ихъ роскошнѣйшимъ образомъ въ своей столицѣ. Онъ просилъ дать ему только три или четыре дня срока чтобъ устроить достаточно великолѣпный пріемъ для дорогихъ гостей. Нѣсколько разъ въ этомъ посланіи повторялъ ханъ увѣренія въ своемъ дружескомъ расположеніи къ Русскимъ начальникамъ, прося ихъ отнюдь не судить объ немъ по дѣйствіямъ варваровъ и грабителей Туркменъ, которые имѣли неслыханную дерзость препятствовать движенію русскаго отряда. У него, хана, съ этими разбойниками нѣтъ ничего общаго; напротивъ того, онъ даже считаетъ ихъ своими злѣйшими врагами.

26го мая (7го іюня) колонна подошла къ обширнымъ садамъ ханскаго загороднаго дворца Шанахъ-Тчикъ, лежащимъ всего въ четырехъ верстахъ отъ сѣверныхъ городскихъ воротъ. Здѣсь простояли Русскіе три дня и имѣли нѣсколько большихъ и малыхъ стычекъ съ хивинскими войсками. Въ одной изъ этихъ встрѣчъ непріятель потерялъ отъ четырехсотъ до пятисотъ человѣкъ.

Между тѣмъ о приближеніи генерала Кауфмана не получалось никакихъ извѣстій; напротивъ того, еще ходили слухи что Туркестанскій отрядъ принужденъ былъ, за недостаткомъ провизіи и подводъ, возвратиться къ рѣкѣ, и былъ еще во ста верстахъ отъ Хивы. Этотъ фактъ вмѣстѣ съ утомительнымъ дѣйствіемъ на людей и лошадей ежечасныхъ стычекъ съ непріятелемъ, да наконецъ и распространившійся

слухъ что ханъ готовится дать большое сраженіе подъ стѣнами города, довели генерала Веревкина до убѣжденія что неблагоразумно было бы еще дальше откладывать нападеніе на Хиву.

Итакъ, вечеромъ 27го мая (8го іюня) были сдѣланы необходимыя распоряженія для рекогносцировки города на слѣдующій день.

Утромъ 28го мая (9го іюня) пошли къ городу. Генералъ Веревкинъ со штабомъ, по обыкновенію, былъ во главѣ колонны. Непріятель высыпалъ большими толпами, но нападать не пытался. Наконецъ войско вышло на узкую дорогу, не болѣе двухъ сажень шириною. Она была огорожена стѣнами, и вездѣ кругомъ раскинулись непроницаемой сѣтью дома, сады и каналы.

Стали тихо и осторожно подвигаться по этой узкой тропинкѣ, поднимая на ходу такое густое облако пыли что ни одинъ человѣкъ въ отрядѣ не былъ въ состояніи разсмотрѣть своего сосѣда. Вдругъ слухъ ихъ былъ пораженъ, какъ громовымъ ударомъ, ружейными выстрѣлами и грохотомъ артиллерійскихъ орудій; засвистали надъ головами ружейныя пули и пронеслось тяжелое ядро, всѣвшее въ глиняную стѣну тотчасъ за ними. Это была нечаянность, чуть ли не западня. Благодаря окружающимъ ихъ стѣнамъ, деревьямъ и пыли, они подошли, сами того не затѣтивъ, на сотню шаговъ къ городской стѣнѣ, и Хивинцы открыли по нимъ огонь въ упоръ.

Залпы слѣдовали одинъ за другимъ, но къ счастію Русскихъ, Хивинцы цѣлились слишкомъ высоко и бо́льшая часть пуль проносилась надъ головами отряда. Однако люди стали падать; приходилось дѣйствовать со всевозможною поспѣшностью.

Отступленіе становилось уже немыслимо еслибы того и желали. Единственнымъ исходомъ было идти къ стѣнамъ подъ огнемъ, который съ каждою минутой дѣлался все смертоноснѣе.

Генералъ Веревкинъ отдалъ войскамъ приказъ подвигаться бѣгомъ. Черезъ минуту они очутились на открытомъ мѣстѣ противъ однихъ изъ городскихъ воротъ. Прямо предъ ними, саженяхъ въ пятидесяти и въ такомъ же разстояніи отъ городскихъ стѣнъ воздвигнуто было что-то въ родѣ земляного укрѣпленія, которое пересѣкало дорогу и было защи-

щено четырьмя пушками. Артиллеріи данъ приказъ выдвинуться впередъ, но тѣмъ временемъ огонь непріятельской батареи до того усилился что генералъ Веревкинъ рѣшился сперва взять ее. На приступъ посланы были двѣ роты пѣхоты подъ начальствомъ майора Буровцева. Минуту спустя люди съ крикомъ стремительно бросились впередъ по пыльной дорогѣ. Но не доходя нѣсколько шаговъ до бруствера, они встрѣтили глубокій и широкій каналъ съ узкимъ мостомъ перекинутымъ черезъ него. Странное дѣло—непріятель не подумалъ уничтожить этотъ мостъ. Перебѣжали черезъ него подъ градомъ непріятельскихъ пуль, сыпавшихся на нихъ съ городскихъ стѣнъ, воротъ и самаго бруствера, съ крикомъ перескочили черезъ всѣ препятствія и ударили въ штыки на пушкарей. Русскіе уже завладѣли пушками; но на обратномъ пути было такъ много препятствій и такъ былъ смертоносенъ непріятельскій огонь что оттащить ихъ съ мѣста было задачей весьма трудной. Они принуждены были спрятаться за берегомъ канала и, присѣвъ тутъ, стали отвѣчать огнемъ на непріятельскіе выстрѣлы со стѣнъ. Ихъ пули почти не имѣли никакого дѣйствія при непріятельской защищенной позиціи. Еслибы при нихъ были лѣстницы, то безопаснѣе оказалось бы штурмовать стѣны нежели отступать. Артиллерія горячо принялась за дѣло, а маленькому отряду Русскихъ, очутившемуся такимъ образомъ между двухъ огней, теперь оставалось только прислушиваться къ свисту хивинскихъ ядеръ и русскихъ гранатъ, которыя такъ близко пролетали надъ ихъ головами что чуть-чуть ихъ не задѣвали.

Такъ продолжалось съ четверть часа; когда же русская артиллерія заставила непріятеля на минуту прекратить огонь, то и сама перестала стрѣлять, чтобы дать возможность людямъ ходившимъ на приступъ батареи отступить. Эти послѣдніе поспѣшили воспользоваться представившимся случаемъ, схватили пушки и стали тянуть ихъ съ мѣста. Но Хивинцы немедленно возобновили пальбу и Русскіе принуждены были подъ ихъ огнемъ перетаскивать пушки одну за другою по узкому мосту и дорогѣ, на разстояніи сотни саженъ, прежде чѣмъ дошли до прикрытія. Имъ удалось оттащить только три пушки; одну пришлось оставить на мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ генералъ Веревкинъ былъ раненъ выстрѣломъ прямо надъ лѣвымъ глазомъ; рана эта едва не

оказалась смертельною. Давъ приказъ установить батарею чтобы сдѣлать брешь въ стѣнѣ, онъ удалился, передавъ начальство полковнику Саранчеву.

Теперь открыта была правильная бомбардировка, подъ руководствомъ полковника Скобелева, и продолжалась до четырехъ часовъ.

Въ это время прибылъ отъ хана посланный, прося прекратить бомбардировку чтобы вступить въ переговоры объ условіяхъ капитуляціи.

Полковники Саранчевъ и Ломакинъ согласились пріостановить непріязненныя дѣйствія на нѣсколько часовъ; но едва посланный удалился отъ Русскихъ, какъ Хивинцы опять стали стрѣлять. Русскіе немедленно возобновили бомбардировку.

Опять явился посолъ отъ хана съ увѣреніемъ что онъ не былъ виноватъ въ этой стрѣльбѣ, которая продолжалась вопреки его желанію и даннымъ приказаніямъ, непокорными ослушниками Туркменами. Заявленіе это принято было за самое нахальное безстыдство со стороны хана, и бомбардировка продолжалась. Послѣ, однако, оказалось что ханъ говорилъ правду: онъ дѣйствительно не имѣлъ никакой власти надъ Туркменами.

Подъ вечеръ отъ генерала Кауфмана, съ которымъ установлено было сообщеніе, пришелъ приказъ прекратить бомбардировку; хотя и неохотно, но приказу этому повиновались. Этимъ и закончились дѣйствія 28го мая (9го іюня).

VIII. Вступленіе въ городъ.

Какъ я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, ханъ прислалъ генералу Кауфману письмо, въ которомъ заявлялъ свою покорность и просилъ прекратить бомбардировку. Надо вспомнить что въ это время генералъ Кауфманъ стоялъ еще въ пятнадцати верстахъ отъ города. Онъ немедленно послалъ курьера къ генералу Веревкину съ приказаніемъ прекратить бомбардировку, а хану написалъ чтобы тотъ выѣзжалъ на слѣдующее утро съ сотней своихъ приближенныхъ за городскія ворота, и что тамъ ему будутъ объявлены условія сдачи.

На слѣдующее утро съ восходомъ солнца выступили мы къ городу. Ходили несообразнѣйшіе слухи о томъ что̀ произошло въ Хивѣ за эту ночь.

Народъ, высыпавшій толпами на дорогу съ своими приношеніями въ знакъ мира, сообщилъ намъ что когда обыватели узнали о намѣреніи хана сдать городъ непріятелю, то пришли въ совершенное бѣшенство, прогнали своего властелина и поставили на его мѣсто брата его, рѣшившись обороняться à outrance. Словомъ, это было другое 4е сентября, устроенное по послѣдней французской модѣ. Радость распространившаяся въ отрядѣ при перспективѣ давно-желанной битвы не знала границъ; но не долго суждено было ей длиться. Верстахъ въ пяти подъ Хивой мы были встрѣчены депутаціей съ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, дядей хана, во главѣ, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о губернаторѣ Хазаръ-Аспа. Онъ вышелъ сдавать городъ и сообщилъ генералу Кауфману что народъ и не думалъ прогонять хана, но что послѣдній бѣжалъ самъ. Женамъ и рабамъ своимъ онъ оставилъ приказъ слѣдовать за собою, но народъ не выпустилъ женщинъ изъ дворца, а содержалъ ихъ подъ карауломъ въ томъ же гаремѣ, думая сдѣлать въ лицѣ ихъ пріятный подарокъ на мировую генералу Кауфману. Бѣгство хана произошло слѣдующимъ образомъ.

Какъ оказалось, Туркмены рѣшились защищаться до послѣдней возможности. Несмотря на запрещеніе хана, они продолжали стрѣлять по войскамъ генерала Веревкина, подошедшимъ къ стѣнамъ. При отвѣтномъ огнѣ Русскихъ битва возобновилась съ перерывами. Наконецъ Русскіе принялись опять бомбардировать городъ; бомбардировка продолжалась, съ нѣкоторыми промежутками, цѣлую ночь. Нѣсколько гранатъ даже попадало во дворецъ; въ послѣдствіи Русскіе нашли въ ханскихъ конюшняхъ одну не разорвавшуюся гранату. Эта постоянная бомбардировка такъ перелугала хана что онъ бѣжалъ въ сопровожденіи сотень двухъ-трехъ Туркменъ въ Имукчиръ, близь Иліали. Городскіе же обыватели ни мало не желали продолженія битвы; напротивъ того, рады были сдаться.

Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умару было на видъ лѣтъ семьдесятъ. Отвисшая нижняя челюсть и открытый ротъ—слѣдствіе употребленія опіума, какъ объяснили мнѣ, придавали лицу его совершенно идіотское выраженіе. Однако онъ вовсе не былъ такъ глупъ; здравый разсудокъ его виденъ уже въ томъ что онъ цѣлые годы тому назадъ уговаривалъ хана согласиться

на требованія Русскихъ, въ предупрежденіе ихъ нападенія. Долгое время находился онъ даже въ опалѣ, благодаря своему миролюбивому расположенію къ Русскимъ; вслѣдствіе этихъ же политическихъ соображеній, однако, былъ онъ посланъ ханомъ въ настоящемъ случаѣ чтобы сдать городъ и ходатайствовать предъ непріятелемъ за провинившагося племянника. Одѣтъ онъ былъ въ яркій зеленый халатъ, на головѣ у него была высокая хивинская баранья шапка, а на ногахъ большіе сапоги изъ нечерненой кожи, загнутые вверхъ на носкахъ и украшенные высокими и узкими каблуками.

Генералъ фонъ-Кауфманъ разказывалъ мнѣ что когда Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ уговаривалъ настоящаго хана согласиться на требованія Русскихъ, то въ дѣло вмѣшался другой ханскій совѣтникъ, говоря: „Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, то помню всѣ говорили что Русскіе на насъ идутъ, но они не пришли. Съ тѣхъ поръ чуть ли не каждый годъ слышалъ я что они идутъ. Вотъ я уже успѣлъ состарѣться, а Русскіе все еще не пришли, да я думаю никогда и не придутъ.“ Аргументъ этотъ показался совершенно убѣдительнымъ, и ханъ созналъ его ошибочность только тогда когда Русскіе стали громить его столицу.

Меньшой братъ хана, Ата-Джанъ, содержавшійся послѣдніе два года въ заключеніи и только теперь освобожденный, сопровождалъ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара и, какъ тутъ оказалось, былъ кандидатомъ на престолъ. Генералъ Кауфманъ принялъ его ласково, но ханомъ обѣщалъ посадить его только въ такомъ случаѣ если старшій его братъ не вернется. Ата-Джанъ былъ высокій, худощавый, немного олуховатый на видъ юноша, вовсе, казалось, неспособный держать въ рукахъ своихъ кормило правленія. Однако говорятъ что онъ гораздо умнѣе чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и очень любимъ народомъ.

Было уже около девяти часовъ, и колонна двинулась дальше. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ и Ата-Джанъ присоединились къ штабу. День становился жарокъ, пыль была невообразимая; она поднималась вокругъ насъ такимъ густымъ столбомъ что минутами нельзя было различить ѣхавшаго рядомъ сосѣда. Въ десять часовъ, верстахъ въ двухъ отъ Хивы, мы были встрѣчены частью Оренбургскаго отряда, выѣхавшей намъ на встрѣчу въ полной парадной формѣ. Весело сошлись здѣсь войска въ первый разъ по

выступленіи своемъ чуть ли не съ разныхъ частей земнаго шара; но самого генерала Веревкина тутъ не было для встрѣчи Кауфмана: оказалось что будучи раненъ онъ не въ состояніи былъ выйти изъ своей палатки.

Главнокомандующій свернулъ съ дороги подъ деревья чтобы тамъ выслушать донесеніе Оренбургскаго отряда. Этимъ временемъ опять раздалось со стороны города нѣсколько выстрѣловъ, что̀ показалось мнѣ нѣсколько страннымъ послѣ того какъ городъ уже сдался на капитуляцію. Объяснить себѣ этого обстоятельства я не могъ въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней, такъ какъ, по какой-то непонятной причинѣ, офицеры нашего отряда скрывали отъ меня правду на этотъ счетъ. До истины добрался я только тогда когда познакомился съ офицерами Оренбургскаго отряда.

Вотъ въ чемъ было дѣло. Туркмены, не довольные такимъ смиреннымъ окончаніемъ войны, рѣшились продолжать сопротивленіе. Генералъ фонъ-Кауфманъ подвигался по дорогѣ отъ Хазаръ-Асла къ городскимъ воротамъ того же имени, тогда какъ генераломъ Веревкинымъ наканунѣ было произведено нападеніе на сѣверныя, Хазаватскія ворота, лежащія верстахъ въ двухъ дальше. Хотя Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ и вышелъ сдавать городъ со стороны Хазаръ-Асла, но это не помѣшало Туркменамъ время отъ времени продолжать стрѣлять по войскамъ генерала Веревкина, противъ которыхъ у нихъ была какая-то злоба. Я не могу достаточно надивиться на этотъ народъ и налюбоваться на него. Долгое время спустя послѣ того какъ самъ ханъ и остальные обитатели оазиса отказались отъ всякаго сопротивленія, они все продолжали сражаться; еслибы всѣ прочіе хивинскіе народы выказали такую же отвагу и настойчивость какъ Туркмены, то результатъ кампаніи былъ бы совершенно другой. Русскіе, конечно, взяли бы городъ, но понесли бы такой уронъ что положеніе ихъ въ странѣ было бы чрезвычайно ненадежно.

Полковникъ Саранчевъ, которому пришлось послѣ генерала Веревкина командовать отрядомъ, чуть ли не былъ также расположенъ сражаться какъ и сами Туркмены. Да и окруженъ онъ былъ молдыми, пылкими офицерами, подобными полковнику Скобелеву и графу Шувалову, которые съ радостію схватывались за представившійся предлогъ для продолженія битвы.

ХИВА и ВОРОТА ХОЗАРАСПЪ. *(Съ рисунка капитана Ѳедорова.)*

Хотя генералъ Кауфманъ уже самымъ мирнымъ образомъ входилъ въ городъ съ противоположной стороны, они, разгоряченные туркменскимъ огнемъ, рѣшились взять, съ своей стороны, городъ приступомъ.

Направили нѣсколько гранатъ на ворота Хазавата, пробили ихъ, и полковникъ Скобелевъ съ графомъ Шуваловымъ во главѣ тысячи человѣкъ солдатъ, бросились на приступъ подъ градомъ выстрѣловъ изъ ручныхъ орудій, сыпавшихся на нихъ съ городскихъ стѣнъ. Какъ только Русскіе овладѣли воротами, Туркмены сошли со стѣнъ и разбѣжались по улицамъ и домамъ, все еще продолжая стрѣлять. Русскіе же стали расчищать себѣ дорогу ракетами и шли, сражаясь все время на ходу, пока не достигли ханскаго дворца.

Не успѣли они здѣсь простоять и пяти минутъ, какъ пришло извѣстіе что Туркестанскій отрядъ входитъ воротами Хазаръ-Асла. Полковникъ Скобелевъ немедленно далъ приказъ отступать тѣми же воротами какими вошли. Въ дѣлѣ этомъ графъ Шуваловъ былъ такъ сильно контуженъ упавшимъ бревномъ что не совсѣмъ еще оправился и уѣзжая изъ Хивы; ранено было 14 солдатъ.

Мы же тѣмъ временемъ стояли съ другой стороны города, выжидая результата переговоровъ съ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ. Когда все было устроено по обоюдному соглашенію, генералъ Головачовъ двинулся дальше. Впереди колонны выступали двѣ роты пѣхоты сопровождаемыя четырьмя полевыми орудіями; за ними слѣдовали еще двѣ роты и 200 казаковъ.

Время уже близилось къ полудню когда впервые открылся предъ нами знаменитый городъ. Завидѣли мы его всего за полверсты, благодаря массамъ деревьевъ которыя совершенно заслоняли его отъ насъ. Наконецъ мы различили его въ облакѣ поднятой нами пыли. Высокія, зубчатыя стѣны изъ убитой глины съ массивными круглыми контрафорсами, окруженныя ровомъ, частью пересохшимъ, частью еще наполненнымъ водою, съ виднѣвшимися за ними верхушками деревьевъ, высокими минаретами, куполами мечетей и, посреди всего этого, огромная круглая башня, какъ фарфоръ отражающая солнечные лучи. Мы были предъ воротами Хазаръ-Асла. Крытый ходъ десяти футовъ ширины при двадцати вышины, съ выложенными кирпичомъ сводами; по бокамъ двѣ тяжелыя башни съ бойницами; таковы были ворота

открытыя теперь предъ нами и сами по себѣ представлявшія маленькое укрѣпленіе. Мы вошли въ городъ въ такомъ густомъ облакѣ пыли что я не могъ различить головы моей собственной лошади; знамена развѣвались высоко надъ головами, а военный оркестръ Оренбургскаго отряда игралъ русскій національный гимнъ: *Боже Царя храни.* Пройдя ворота, мы оставили пыль за собою и увидали наконецъ самый городъ.

Я думаю, каждый изъ насъ испыталъ нѣкоторое чувство разочарованія въ эту первую минуту. Мы, конечно, не надѣялись встрѣтить въ Хивѣ величественныхъ архитектурныхъ красотъ, но все-таки думали увидать что-нибудь поразительное, живописное; ожиданія наши были жестоко обмануты. Хива представляетъ очень живописный видъ, но не съ той стороны съ которой мы вошли въ нее; когда мы подошли ближе, то даже самый оригинальный ея пунктъ — большая изразцовая башня — скрылся за ближайшими деревьями и стѣнами. Прямо предъ нами, вдоль внутренней части стѣны, разстилалось большое открытое мѣсто съ разбросанными по немъ деревьями, глиняными домами и сараями, не болѣе десяти-пятнадцати футовъ вышины; немного вправо, множество круглыхъ, полусферическихъ гробницъ — кладбище находится почти въ центрѣ города,—дальше опять дома изъ глины, повыше и съ большими претензіями, съ высокими портиками и разбросанными между ними деревьями; затѣмъ глиняныя стѣны цитадели, изъ-за которыхъ виднѣлись верхи минаретовъ. При входѣ не встрѣтилось намъ ни одной живой души, но когда мы въѣхали въ длинную, узкую, изогнутую улицу, обнесенную безобразными, голыми стѣнами, то стали различать въ боковыхъ улицахъ людей въ грязныхъ, оборванныхъ халатахъ, которые снимали шапки и робко отвѣшивали намъ поклоны. Это были городскіе обыватели не знавшіе еще перерѣжутъ ихъ всѣхъ поголовно или помилуютъ. Съ какимъ, должно-быть, чувствомъ страха и даже суевѣрнаго ужаса смотрѣли они намъ вслѣдъ, когда мы тутъ проходили пыльные и грязные, послѣ девятисотверстнаго перехода пустыней, считавшейся ими непроходимою для войска. Суровыми, грозными и непобѣдимыми должны мы были казаться имъ, какъ какіе-то странные, могущественные обитатели невѣдомаго имъ міра.

Затѣмъ мы проѣхали мимо толпы рабовъ-Персіянъ, кото-

рые встрѣтили насъ ликующими криками, со слезами радости. Они положительно обезумѣли отъ счастья. И сюда дошелъ слухъ что куда ни проникали Русскіе, оттуда всегда изчезало рабство, и они не сомнѣвались что такъ будетъ и здѣсь. Нѣкоторые уже сами освободились, и теперь сшибали цѣпи съ нѣсколькихъ другихъ несчастныхъ, крича, смѣясь и плача въ одно и то же время самымъ дикимъ образомъ.

Я воспользуюсь этимъ случаемъ чтобы досказать начатую мною прежде исторію одного изъ хивинскихъ рабовъ. Людямъ моимъ посчастливилось встрѣтить молодаго Киргиза мать котораго приходила въ кибитку Бей-Табука просить меня освободить ея сына захваченнаго въ рабство. Его нашли закованнымъ въ тяжелыя цѣпи за лопытку къ бѣгству, и немедленно освободили. Я послѣ встрѣтилъ его совершеннымъ щеголемъ, въ красномъ халатѣ, съ мечомъ и ружьемъ, на хорошей лошади, по всей вѣроятности захваченной имъ у прежняго хозяина.

Узкая, пыльная и кривая улица привела насъ къ цитадели, въ которую входъ былъ длинными кирпичными воротами со сводомъ. Когда вступили за ворота, то могли ближе разсмотрѣть большую башню, выступившую теперь предъ нами во всемъ блескѣ своихъ яркихъ, разноцвѣтныхъ узоровъ. Повернувъ прямо на башню въ узкую улицу не болѣе десяти футовъ шириною, мы скоро выѣхали на четыреугольное открытое мѣсто, сажень въ двадцать пять шириною, при сорока длины, которое и оказалось большою городскою площадью предъ ханскимъ дворцомъ. Одна сторона этой площади была занята дворцомъ, состоящимъ изъ тяжелыхъ, растянутыхъ строеній съ зубчатыми глиняными стѣнами около двадцати футовъ вышины; на противоположной сторонѣ стояла новая, еще неотстроенная медрессе; двѣ остальныя стороны окружены были сараями и частными домами, у юго-восточнаго же угла дворца возвышалась, красивая и величественная, знаменитая хивинская башня.

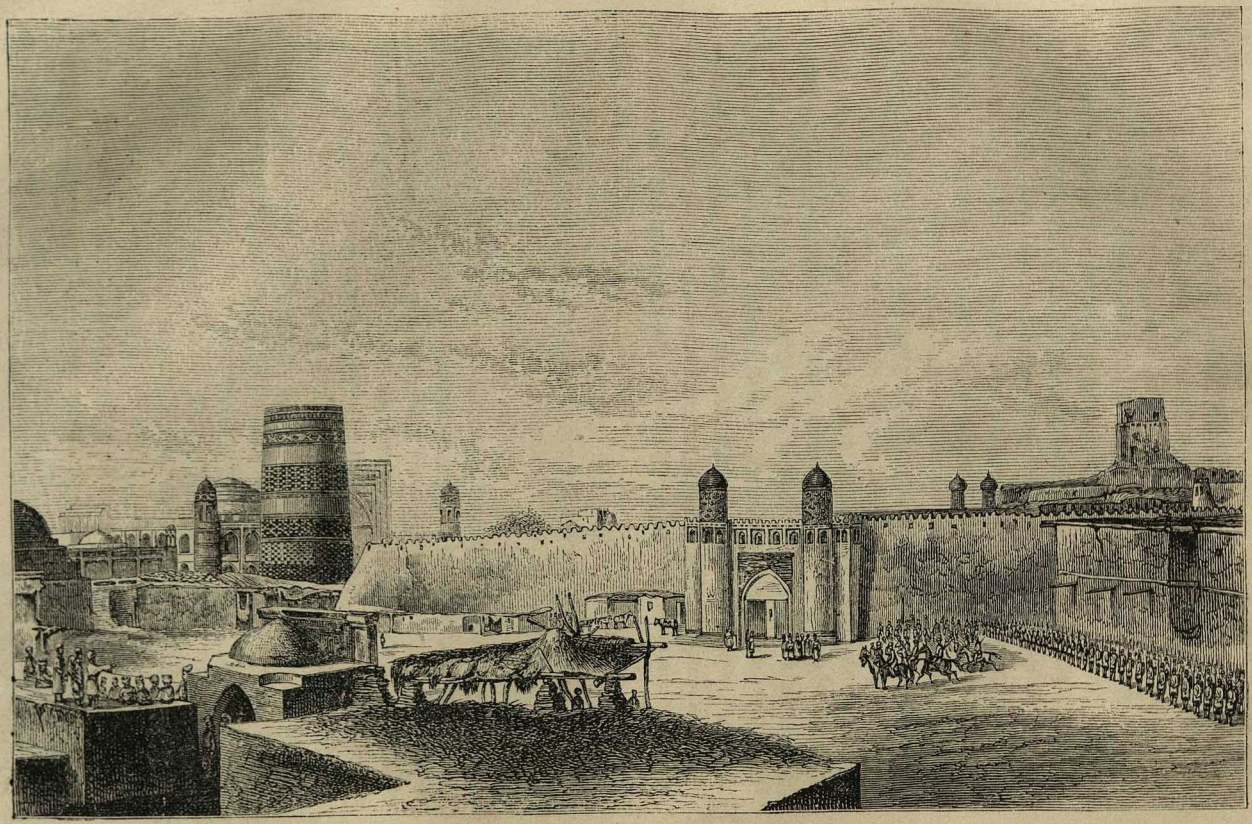
Она была футовъ тридцати въ діаметрѣ при основаніи и, постепенно суживаясь къ вершинѣ, казалось, была тамъ, на высотѣ 125 футовъ, всего футовъ пятнадцати въ діаметрѣ. Она не имѣла ни пьедестала, ни капители, ни какого другаго украшенія, стояла на землѣ безо всякихъ затѣй—простая круглая башня — но поверхность ея вся была покрыта изразцами голубаго, зеленаго, лурлуроваго и бураго цвѣтовъ,

выложенными по снѣжно-бѣлому грунту самыми разнообразными полосами и фигурами; въ цѣломъ это производило самый блестящій и прекрасный эффектъ. Башня эта испещрена изреченіями изъ Корана и пользуется большимъ почетомъ Хивинцевъ; съ вершины ея ежедневно на закатѣ солнца раздается рѣзкій, пронзительный голосъ муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Вершины двухъ боковыхъ башенъ у дворцовыхъ воротъ были обдѣланы подобно большой башнѣ, также часть фасада новой, еще не оконченной медрессе предполагалось, повидимому, изукрасить такимъ же образомъ. Почти по серединѣ площади былъ четыреугольникъ, футовъ десяти въ квадратѣ и углубленный футовъ на шесть въ землю, что, какъ я узналъ послѣ, было мѣстомъ казни преступниковъ.

Выѣхавъ на эту площадь, мы размѣстились вокругъ нея, въ ожиданіи прибытія генерала Кауфмана. Онъ въѣхалъ сопровождаемый Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, Княземъ Лейхтенбергскимъ, всѣмъ штабомъ, и былъ встрѣченъ громкимъ *ура*. Мы всѣ сошли съ коней и вошли въ дворцовыя ворота, частію заслоненныя тяжелою мѣдною пушкой. Ими прошли мы въ длинный, узкій, неправильный дворъ. Влѣво отъ него шла вѣтвь ведущая къ конюшнямъ; направо были двѣ высокія тяжелыя деревянныя двери гарема, а прямо предъ нами возвышалась масса низкихъ, неправильныхъ глиняныхъ строеній. Въ нихъ-то теперь направляемся мы темнымъ узкимъ корридоромъ и входимъ въ полутемную комнату футовъ восьми ширины при шестнадцати длины, въ которую свѣтъ проникалъ всего чрезъ одно отверстіе въ потолкѣ; отсюда переходимъ въ другой темный корридоръ и выходимъ на главный дворцовый дворъ. Онъ около сорока футовъ въ квадратѣ, вымощенъ кирпичомъ, осѣненъ тѣнью одного вяза и окруженъ стѣнами футовъ двадцати вышиною, надъ которыми, съ сѣверной стороны высилась четыреугольная башня гарема. На южной же сторонѣ расположена была большая пріемная зала, гдѣ ханъ давалъ свои аудіенціи.

Представьте себѣ родъ портика, совершенно открытый ко двору, тридцати футовъ вышины, двадцати ширины, десяти въ глубину, съ башнями по бокамъ, изукрашенными подобно большой башнѣ на площади; полъ, возвышенный футовъ на шесть надъ дворомъ; потолокъ, подпертый двумя высокими

БОЛЬШАЯ ПЛОЩАДЬ ВЪ ХИВѢ. *(Съ рисунка капитана Ѳедорова.)*

деревянными рѣзными столбами — общій видъ весьма напоминающій театральные подмостки — и вы будете имѣть весьма вѣрное понятіе о большой пріемной залѣ, въ которой возсѣдаетъ Хивинскій ханъ, изрекая свои приговоры, казня и милуя народъ. Мы всѣ поднялись по стуленькамъ на это подобіе сцены — генералъ Кауфманъ, генералъ Головачовъ, Великій Князь Николай Константиновичъ, Князь Лейхтенбергскій, офицеры штаба и всѣ остальные, и разсѣлись на ней отдыхать; въ это время военный оркестръ игралъ разныя пѣсы. Когда раздались въ ушахъ нашихъ старые, давно извѣстные мотивы присутствующая молодежь подняла дружный крикъ восторга, который раздался по всему дворцу.

Старый Якубъ-Бекъ, одинъ изъ ханскихъ министровъ, принесъ намъ воды со льдомъ, чего мы никогда и не воображали найти въ Хивѣ, пшеничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, вишенъ, и мы весело приступили къ этому угощенію. Самъ хивинскій властелинъ, Сеидъ - Мохамедъ - Рахимъ-Богадуръ-Ханъ, бѣжалъ, его дворецъ и гаремъ были теперь во власти Русскихъ. Такъ-то пала великая твердыня ислама въ Центральной Азіи, славная Хива, послѣ цѣлаго ряда направленныхъ противъ нея несчастныхъ экспедицій, обнимающихъ собою, съ промежутками, періодъ въ двѣсти лѣтъ.

IX. Предшествовавшія экспедиціи противъ Хивы.

Не безынтересно теперь будетъ бросить бѣглый взглядъ на прежнія экспедиціи направленныя противъ Хивы.

Первая изъ нихъ была предпринята Яикскими или Уральскими казаками. Она была задумана, подготовлена и приведена въ дѣйствіе однимъ знаменитымъ казацкимъ атаманомъ и, въ сущности, была не болѣе какъ грабительскимъ набѣгомъ, организованнымъ въ обширныхъ размѣрахъ. Атаману этому дѣйствительно удалось завоевать ханство. Захвативъ хана врасплохъ, не подготовленнымъ къ войнѣ, онъ самого его прогналъ, занялъ его столицу, захватилъ его казну и его женъ. Затѣмъ объявилъ себя ханомъ и, говорятъ, правилъ страною два или три мѣсяца, обратилъ этимъ временемъ ханскую жену въ христіанство и женился на ней. Наконецъ, убѣдившись что ему долѣе въ Хивѣ не продержаться,

онъ забралъ всю награбленную добычу и пошелъ обратно на Уралъ.

Тѣмъ временемъ ханъ успѣлъ собрать большое войско и пустился преслѣдовать казаковъ, замышляя кровавую месть, и наконецъ нагналъ ихъ. Завязалась страшная битва, въ которой казаки потерпѣли рѣшительное пораженіе и были перерѣзаны. Спаслось ихъ всего пять или шесть человѣкъ, которые возвратясь домой и разказали о происшедшемъ. Видя что нѣтъ спасенія, казацкій атаманъ убилъ свою молодую обращенную въ христіанство жену, чтобы ей не пасть жертвою взбѣшеннаго хана, а затѣмъ умеръ самъ съ мечомъ въ рукахъ, окруженный гекатомбой перебитыхъ мусульманъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, другая казачья экспедиція напала на Куня-Ургенчь, захватила около 1.000 женщинъ себѣ въ жены и пошла назадъ съ богатою добычей. Ханъ преслѣдовалъ ихъ, нагналъ и перебилъ почти до послѣдняго человѣка. Еще одна казацкая экспедиція была также несчастлива. Эти даже и не дошли до оазиса, но были на полдорогѣ встрѣчены и разбиты толпами Хивинцевъ, значительно превосходившими ихъ численностію.

Слѣдовавшія затѣмъ дѣйствія Русскихъ противъ Хивы состояли изъ экспедиціи Бековича-Черкасскаго, въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1700 году къ Петру явился посолъ отъ хивинскаго хана Шахъ-Ніаза, который, не будучи въ состояніи справиться со своими возставшими подданными, прибѣгалъ подъ могущественную защиту Русскаго монарха. Шахъ-Ніазъ просилъ Петра принять ханство въ свое подданство. Такъ какъ Петръ, несмотря на непрестанныя свои заботы связать Россію съ остальною Европой, никогда не упускалъ также и случая усилить торговыя сношенія своего государства съ Азіей, то онъ письмомъ отвѣтилъ хану что принимаетъ подданство Хивы.

Но никакихъ другихъ мѣръ не было принято для скрѣпленія этого добровольнаго соглашенія. Наконецъ, въ 1714 году, одинъ Туркменъ по имени Хофа-Нефетъ, бывшій въ Хивѣ, доложилъ разъ Петру, при личномъ свиданіи съ монархомъ, что въ странѣ лежащей по теченію Аму-Дарьи находится золото; и что рѣка, впадавшая прежде въ Каспійское море, переведена Хивинцами, изъ страха предъ Русскими, въ море Аральское, но легко можетъ опять быть проведена въ старое

русло, если разрушить всего одну дамбу. Въ этомъ же послѣднемъ дѣлѣ, говорилъ Туркменъ, народы его племени охотно помогутъ Русскимъ.

Чтобы провѣрить это извѣстіе, Петръ Великій послалъ князя Бековича-Черкасскаго изслѣдовать берега Каспійскаго моря, а также и посмотрѣть какіе могутъ предстоять шансы успѣха если направить экспедицію по берегамъ предполагаемаго стараго русла Аму къ Хивѣ. Бековичъ провелъ три года надъ этою задачей, разслѣдуя восточное прибрежье Каспійскаго моря и строя форты для защиты страны занятой здѣсь Русскими, убѣдился въ справедливости словъ Туркмена что Аму-Дарья первоначально текла въ Каспійское море. Вернувшись, Бековичъ доложилъ о результатѣ своихъ изслѣдованій Петру, и императоръ послалъ въ Хиву экспедицію, чтобы водворить тамъ свою власть, основываясь на выраженной ханомъ Шахъ-Ніазомъ 17 лѣтъ тому назадъ покорности. Бековичемъ была немедленно снаряжена для этой экспедиціи армія изъ 4.000 человѣкъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ.

Экспедиція вышла изъ Гурьева, при устья Урала, въ началѣ іюня. Обогнула Каспійское море по сѣвернымъ его берегамъ, напала на старый караванный путь къ Хивѣ и пошла на перерѣзъ пустыни. Походъ этотъ, предпринятый во время лѣтнихъ жаровъ, былъ ужасенъ. Пока отрядъ дошелъ до Хивы, одна четверть людей уже вымерла. Прошли они въ 65 дней 1.350 верстъ по голой, безводной пустынѣ, въ самую жаркую пору года, и вышли въ половинѣ августа къ дельтѣ Оксуса, въ 150 верстахъ отъ Хивы.

Не доходя еще до этого мѣста, Бековичъ отправилъ хану письмо, увѣряя его что онъ пришелъ не воевать, а съ дружескимъ посланіемъ отъ Русскаго государя, сущность же дѣла объяснитъ при свиданіи. Этимъ временемъ, однако, прежній ханъ, Шахъ-Ніазъ, скончался, и его мѣсто занялъ ханъ Ширъ-Гази, взглядъ котораго на Русскихъ совершенно расходился со взглядомъ его предшественника. Посланные отъ Бековича, по прибытіи въ Хиву, брошены были въ темницу, ханъ поспѣшно собралъ большую армію изъ Хивинцевъ, Туркменъ, Киргизовъ, Кара-Калпаковъ, и рѣшился встрѣтить Русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ тотъ день какъ Русскіе вступили въ предѣлы оазиса, ихъ встрѣтила хивинская конница и, не лускаясь ни въ

какіе переговоры, бросилась на русскій лагерь. Битва, завязавшаяся такимъ образомъ, продолжалась до самой ночи; тогда Хивинцы отступили. Предвидя новое нападеніе, Бековичъ въ теченіе ночи укрѣпилъ свой лагерь и выставилъ въ позицію свои шесть полевыхъ орудій. На слѣдующее утро битва возобновилась и длилась цѣлыхъ два дня, по прошествіи которыхъ Хивинцы, видя что имъ не отбить Русскихъ, прибѣгли къ переговорамъ. Прибылъ отъ хана посолъ съ заявленіемъ что нападеніе на Русскихъ произведено было безъ его вѣдома и что, если Бековичъ дѣйствительно прибылъ въ Хиву въ качествѣ дружескаго посла, то ему нечего бояться вражды Хивинцевъ. Вступили въ личныя переговоры и пришли къ соглашенію, которое и было изложено въ предварительномъ договорѣ и скрѣплено присягой: ханъ поцѣловалъ Коранъ, а Бековичъ крестъ.

Затѣмъ Бековичъ принялъ предложеніе хана идти съ нимъ въ его столицу; оставляя главныя силы отряда позади, подъ начальствомъ полковника Франкенбурга, онъ велѣлъ этому послѣднему слѣдовать за собою въ нѣкоторомъ разстояніи, а самъ пошелъ впередъ, всего съ одной тысячью солдатъ. Когда до столицы оставалось дня два пути Бековичъ остановился и имѣлъ продолжительный разговоръ съ ханомъ. Ссылаясь на трудность снабженія такого большаго Русскаго отряда квартирами и провизіей въ самой столицѣ, ханъ сталъ при этомъ свиданіи уговаривать Бековича раздѣлить состоявшій при немъ конвой и колонну оставленную позади на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, которые легко бы было размѣстить по ближнимъ къ столицѣ городамъ.

Такое необыкновенное предложеніе не могло бы не возбудить подозрѣнія всякаго другаго человѣка; но Бековичъ, очевидно, уже не былъ этимъ временемъ въ своемъ умѣ. Въ самый день его выступленія изъ Астрахани утонула его жена съ двумя дочерьми, и это, вмѣстѣ съ тяжелымъ переходомъ по пустынѣ, потерей такого количества людей и сознаніемъ страшной отвѣтственности лежащей на немъ, довело его почти до сумашествія. Онъ не только не обнаруживалъ никакой подозрительности относительно чистосердечія ханскаго предложенія, но, ни мало не медля, отправилъ полковнику Франкенбургу приказъ раздѣлить войска; когда тотъ три раза отказывался исполнить этотъ приказъ, Бековичъ послалъ къ нему четвертый разъ, грозя

ему военнымъ судомъ въ случаѣ ослушанія. Тогда Франкенбургъ раздѣлилъ все войско на пять частей, которыя и разставили по городамъ сообразно инструкціямъ хана. Свой собственный конвой Бековичъ сократилъ до двухсотъ человѣкъ.

Едва все это было приведено въ исполненіе, какъ Хивинцы напали на Бековича. Часть его людей была перерѣзана, часть взята въ плѣнъ. Самого его съ состоявшими при немъ офицерами бросили въ темницу, подвергли жесточайшимъ пыткамъ и наконецъ обезглавили. Въ то же время, по данному сигналу, поднялось все хивинское населеніе и перерѣзало разбросанные по странѣ маленькіе Русскіе отряды. Изъ четырехъ тысячъ войска что выступили въ эту экспедицію, спаслось всего 40 человѣкъ. Продержавъ долгое время этихъ послѣднихъ въ плѣну, Хивинцы наконецъ выпустили ихъ на свободу, взявъ за нихъ большой выкупъ. Любопытно что въ числѣ выпущенныхъ плѣнныхъ были два брата Бековича. Таковъ былъ конецъ четвертой экспедиціи противъ Хивы.

Въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ 120 лѣтъ Хивинцы ломѣнялись ролями съ казаками. Прежде казаки нападали на Хивинцевъ и грабили ихъ—теперь же Хивинцы стали нападать на казаковъ. Ежедневно почти производились Хивинцами нападенія на Русскіе торговые караваны, проходившіе по Центральной Азіи, причемъ захватывали цѣлыя тысячи казаковъ и другихъ Русскихъ и уводили въ рабство въ Хиву.

Въ 1839 году разбойничество это дошло до невозможныхъ размѣровъ. Много было сдѣлано попытокъ чтобы мирнымъ путемъ заставить хана положить конецъ этому грабительству. Но, не добившись ничего этимъ путемъ, Русскіе опять принуждены были послать свои войска на Хиву.

Эта экспедиція была снаряжена въ Оренбургѣ генераломъ Перовскимъ. Приготовленія къ ней длились цѣлый годъ; наконецъ, въ началѣ декабря 1839 года вышелъ изъ Оренбурга отрядъ изъ пяти тысячъ человѣкъ съ 22 полевыми орудіями и обозомъ изъ 10.000 верблюдовъ. Перейти пустыню лѣтомъ считалось невозможнымъ, по недостатку воды, потому и рѣшились выступить въ походъ зимой.

Въ половинѣ декабря термометръ Реомюра стоялъ на 32° ниже точки замерзанія, и самая ртуть наконецъ замерзла въ трубкѣ. Несмотря на это, однако, войска добрались до Эмбы

въ хорошемъ состояніи; ни одного человѣка не замерзло и не умерло. Но зима эта оказалась необыкновенно суровою. Снѣгъ дошелъ до глубины невиданной до тѣхъ поръ даже въ степи. Начиная съ этого времени верблюды стали падать въ такомъ множествѣ что не доходя полулути къ Хивѣ при войскѣ осталось всего 5.000 верблюдовъ изъ тѣхъ десяти тысячъ что выступили въ походъ: цѣлая половина ихъ попадала въ изнеможеніи на снѣгу. Страданія выпавшія на долю солдатъ были ужасны. Чтобъ облегчить насколько возможно оставшихся животныхъ, пѣхотѣ пришлось подвигаться впередъ четырьмя рядами чтобы протолтать дорогу верблюдамъ. Когда снѣгъ былъ уже слишкомъ глубокъ, кавалерія проѣзжала нѣсколько разъ взадъ и впередъ по одному мѣсту; а въ другихъ мѣстахъ пѣхотѣ приходилось лопатами разгребать снѣгъ. Несмотря однако на всѣ эти предосторожности, верблюды продолжали падать во множествѣ.

Потеря всякаго верблюда причиняла не мало затрудненій людямъ. Надо было перетаскивать вьюкъ съ павшаго животнаго и распредѣлять его между другими, а затѣмъ и самого его оттаскивать съ дороги чтобы дать проходъ всему отряду. Люди доводились до изнеможенія подобными работами, при которыхъ сами уходили по колѣна, а иногда и по поясъ въ снѣгъ. Мѣстами снѣгъ былъ твердъ какъ ледъ и способенъ выдерживать всякую тяжесть; въ другихъ же мѣстахъ онъ былъ совершенно рыхлый, и людямъ стоило неимовѣрныхъ трудовъ вытаскивать изъ него лошадей, верблюдовъ и орудія. Въ иные дни, послѣ всей этой усталости, всей этой борьбы съ препятствіями, оказывалось что подвинулись впередъ всего на какія-нибудь три, четыре версты.

Во время ужасныхъ степныхъ бурановъ не было уже никакой возможности идти впередъ; приходилось останавливаться и на мѣстѣ ждать пока утихнетъ метель. Морозы съ каждымъ днемъ усиливались. Даже на ночныхъ стоянкахъ войска почти не знали отдыха: при каждой остановкѣ приходилось разбирать 19.000 тюковъ и надо было выкапывать изъ жесткой, мерзлой почвы топливо для костровъ. Затѣмъ приходилось разчищать отъ снѣга мѣсто для лошадей и верблюдовъ, и бѣднымъ солдатамъ не приходилось никогда остановиться самимъ на отдыхъ раньше восьми или девяти часовъ вечера. Въ два, три часа слѣдующимъ утромъ прихо-

дилось опять выступать въ путь. Въ такіе морозы не было никакой возможности стирать бѣлье и поддерживать какую-нибудь чистоплотность. Многіе не только не мѣняли бѣлья, но и платья не снимали въ теченіе всей кампаніи. Наконецъ обезсиленные работами и голодомъ, покрытые грязью и всякаго рода гадами, солдаты стали подвергаться болѣзнямъ.

Къ 1му февраля отрядъ дошелъ до источника Акъ-Булакъ, на окраинѣ возвышеннаго плоскогорья Усть-Урта, почти на полупути къ Хивѣ. Тутъ оказалось что число ладавшихъ въ день верблюдовъ доходило до цѣлой сотни; ихъ оставалось даже меньше пяти тысячъ, а тѣ что могли подвигаться впередъ не были въ состояніи нести болѣе четверти обыкновеннаго вьюка. Число же больныхъ при отрядѣ возрастало съ быстротой ужасающею. 236 человѣкъ уже умерли; 528 было больныхъ, тогда какъ много также людей было оставлено гарнизономъ на Эмбѣ. За вычетомъ всего этого дѣйствительныя силы отряда сводились всего къ 2.000 человѣкъ. А впереди оставалось еще перейти цѣлыхъ 500 миль до вступленія въ обитаемую часть Хивы. Генералъ Перовскій рѣшился отступить.

На возвратномъ пути пришлось бороться съ тѣми же прелятствіями; морозы продолжались, термометръ колебался между 15 и 20 градусами Реомюра. Кромѣ того снѣжные вихри сдѣлались чаще, воды было мало, топливо же какъ и прежде приходилось выкапывать изъ мерзлаго грунта. Обратный походъ былъ также тяжелъ какъ и движеніе впередъ; да кромѣ того и люди лали духомъ при отступленіи. Весь путь былъ усѣянъ трупами верблюдовъ оставленными войскомъ позади, и кости этихъ животныхъ были обступлены стаями алчныхъ волковъ и лисицъ.

Число больныхъ все увеличивалось, цынготная болѣзнь распространилась какъ между солдатами, такъ и въ средѣ офицеровъ. Павшія духомъ и вполнѣ изнеможенныя войска дошли 20го февраля до Эмбенскаго укрѣпленія и здѣсь стали дожидаться возвращенія весны.

Такова-то была печальная судьба пятой экспедиціи противъ Хивы. Снаряженная генераломъ фонъ-Кауфманомъ была по счету шестою.

X. Во дворцѣ.

Главнокомандующій пробылъ въ ханскомъ дворцѣ около двухъ часовъ, а затѣмъ отправился вмѣстѣ съ Великими Князьями въ лагерь Оренбургскаго отряда навѣстить генерала Веревкина, который, надо вспомнить, былъ раненъ въ дѣлѣ предыдущаго дня.

Во дворцѣ остался генералъ Головачовъ съ тремя или четырмя ротами солдатъ, которые частію расположились во дворѣ, а частію на площади предъ ханскимъ дворцомъ.

Соснувъ часа два на полу въ большой пріемной залѣ, я выпилъ стаканъ чая съ пшеничными лепешками и пошелъ осматривать дворецъ.

Время близилось къ вечеру, и удушливый дневной жаръ начиналъ понемногу спадать. Дворецъ, какъ я уже замѣтилъ прежде, состоялъ изъ множества глиняныхъ построекъ, сгруппированныхъ въ одно большое неправильное зданіе, окруженное тяжелою глиняною стѣной, футовъ около двадцати въ вышину, съ довольно красивыми воротами и нѣсколькими сторожевыми башнями. Слѣва, при входѣ, были конюшни, которыя мы застали уже пустыми; на той же сторонѣ множество маленькихъ комнатъ или жилыхъ отдѣленій, а при каждомъ отдѣленіи свой маленькій дворикъ, обнесенный стѣнами 10ти — 15ти футовъ вышиной, на который и выходили эти комнаты. На одной сторонѣ дворовъ былъ всегда устроенъ портикъ, очень высокій, воздушный и открытый съ сѣверной стороны — особенность хивинской архитектуры. Комнаты были полутемныя, получавшія весь свѣтъ черезъ дверь или черезъ маленькое квадратное отверстіе прорубленное въ стѣнѣ, у потолка; онѣ, можетъ-быть, были даже комфортабельны, когда были убраны яркими коврами, одѣялами и подушками, но теперь, пустыя и оголенныя, съ глиняными стѣнами, онѣ болѣе походили на коровьи стойла, чѣмъ на покои ханскаго дворца. Были комнаты въ которыхъ нашъ, однако, попадались нѣкоторыя вещи, какъ-то: одѣяла, ковры, кухонная посуда, разбросанныя повсюду при поспѣшномъ бѣгствѣ. Я, впрочемъ, не могу сказать навѣрное сами ли обитатели этой части дворца нашли время при бѣгствѣ за-

хватить съ собою самыя цѣнныя свои вещи, или народъ по отъѣздѣ хана ворвался во дворецъ и ограбилъ его.

Прямо противъ главнаго входа была высокая и тяжелая двойная дверь, ведущая въ гаремъ, а немного влѣво низкимъ корридоромъ шелъ ходъ въ главный дворцовый дворъ. Въ комнатахъ окружающихъ этотъ дворъ жили главные сановники ханской свиты; та же комната что̀ непосредственно слѣдовала за большимъ портикомъ или пріемною залой, которая, какъ я говорилъ, напоминала театральныя подмостки, была ханскою сокровищницей.

Въ теченіе дня генералъ Головачовъ приказалъ отпереть эту комнату; она оказалась низкою, со сводами, и одного размѣра съ портикомъ: стѣны и потолокъ были покрыты фресками, изображающими, по большей части, цвѣты и виноградныя лозы самыхъ грубыхъ и несообразныхъ оттѣнковъ, какіе только можно себѣ представить. Въ одномъ концѣ этой комнаты, на квадратномъ возвышеніи въ родѣ платформы, помѣщался тронъ—широкое кожаное кресло съ низкою спинкой, хорошей работы и, повидимому, не хивинскаго произведенія. На верхней части спинки этого кресла была овальная серебряная пластинка съ надписью: „Во времена Магомедъ-Рахима, шаха Харезма, въ 1231 году. Издѣліе недостойнаго Магомета". Въ другомъ концѣ комнаты стояло нѣсколько огромныхъ сундуковъ окованныхъ желѣзомъ, съ тяжелыми висячими замками; сундуки эти были открыты и совершенно пусты, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ найдено рублей на 250 хивинскаго серебра, а въ другомъ — сѣдло, уздечка и сбруя, почти сплошь покрытыя золотыми бляхами, изумрудами, рубинами и бирюзой, по большей части низкаго достоинства, но которыя тѣмъ не менѣе должны были на солнцѣ производить большой эффектъ.

Насколько я могъ замѣтить во время моего пребыванія въ Хивѣ, въ этой странѣ попадаются очень крупные драгоцѣнные камни, но почти всѣ съ изъяномъ: или вся поверхность изрыта маленькими дырочками, или самый цвѣтъ камня такъ блѣденъ что отнимаетъ бо́льшую половину его цѣны.

У стѣны и на полу лежало кучами всякаго рода оружіе — мечи, кинжалы, ружья, пистолеты, револьверы всевозможныхъ цѣнъ и размѣровъ. Здѣсь было нѣсколько великолѣп-

ныхъ старыхъ фитильныхъ ружій съ изогнутыми рукоятками, длинными тонкими стволами, постепенно съуживающимися къ концу, богато выложенные золотомъ; также много было ружей болѣе современнаго образца и одна великолѣпная англійская охотничья двуствольная винтовка, заряжающаяся съ казенной части, нумеръ 12 или 16, съ большимъ запасомъ патроновъ и капсюлей, при ней формы для круглыхъ пуль и всѣ инструменты для наполненія патроновъ. Винтовка эта, какъ мы потомъ узнали, была подаркомъ Лорда Нортбрука, сопровождавшимъ его отвѣтное посланіе хану на просьбу этого послѣдняго о помощи противъ Русскихъ. Кромѣ того тутъ была еще полевая зрительная труба, табатерка съ музыкой и еще нѣсколько бездѣлицъ — все подарки Остъ-Индскаго вице-короля, и его письмо, отъ сентября 1872 года. Кажется, письмо это было публиковано въ англійскихъ газетахъ. Пистолеты были здѣсь всевозможныхъ родовъ, начиная самыми старинными съ кремневыми замками и кончая чѣмъ-то напоминающимъ револьверъ Кольта; тутъ же нашлась весьма плохая русская поддѣлка револьвера Смита и Вестона, что̀ показывало что ханъ имѣлъ уже понятіе о новѣйшемъ усовершенствованномъ оружіи. Мечи также были самые разнородные: двѣ или три сабли англійскаго произведенія; широкіе, красивые, слегка изогнутые хорасанскіе клинки, выложенные золотомъ, нѣсколько тонкихъ, изогнутыхъ персидскихъ сабель, въ ножнахъ изукрашенныхъ изумрудами и бирюзой, короткіе, толстые, изогнутые авганистанскіе кинжалы и ножи, всѣ богато обдѣланные и вложенные въ ножны почти сплошь покрытыя драгоцѣнными камнями. Тутъ же найдены были великолѣпные ковры, шелковыя одѣяла самыхъ яркихъ цвѣтовъ, подушки, халаты и множество кашмирскихъ шалей, разбросанные въ величайшемъ безпорядкѣ, свидѣтельствовавшемъ о послѣшности ханскаго бѣгства.

Въ концѣ этой комнаты было нѣсколько ступенекъ, ведущихъ въ другую. Эта послѣдняя была низкая и маленькая комната, служившая хану и библіотекой и кладовой вмѣстѣ. Здѣсь свалено было около трехсотъ томовъ книгъ, посреди всякаго хлама, кольчуги и латы, пыльныя и заржавленныя, съ полдюжиной никуда негодныхъ телескоповъ, изъ которыхъ одинъ очень большаго размѣра, луки и стрѣлы; немало тамъ также было старой посуды, ломанаго желѣза и свинца.

Многія изъ книгъ, какъ я слышалъ отъ г. Куна, оріента-

листа экспедиціи, были очень любопытны и цѣнны; всѣ онѣ были въ рукописяхъ, нѣкоторыя даже писаны съ артистическимъ изяществомъ, и въ кожаныхъ переплетахъ. Въ числѣ этихъ книгъ была одна—*Всемірная Исторія*, и одна—*Исторія Хивы*, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Всѣ онѣ были отправлены въ С.-Петербургскую Императорскую Публичную Библіотеку.

Между воинскими доспѣхами попадались нѣкоторыя съ великолѣпнымъ золотымъ наборомъ; онѣ вѣроятно перешли сюда отъ крестоносцевъ черезъ Сарациновъ. На одной парѣ великолѣпныхъ рыцарскихъ перчатокъ, напримѣръ, была начертана золотомъ лилія, а подлѣ нея полумѣсяцъ, уже позднѣйшаго и много грубѣйшаго издѣлія. Эти перчатки, повидимому, потеряны были въ отчаянномъ единоборствѣ, гдѣ какой-нибудь благородный французскій рыцарь палъ подъ острымъ кинжаломъ Сарацина.

Во время осмотра внутреннихъ покоевъ дворца, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ любопытнаго примѣра проворства рабовъ Персіянъ въ воровствѣ. Двое или трое изъ этихъ рабовъ, помогавшихъ открывать двери, вошли за нами, никѣмъ не замѣченные. Въ ту минуту какъ мы готовились выйти и залереть комнату, я замѣтилъ что одинъ изъ Персіянъ проворно стянулъ кинжалъ и сунулъ его подъ полу своего халата. Никто изъ присутствующихъ, кромѣ меня, не замѣтилъ этой продѣлки, хотя въ комнатѣ толпились съ полдюжины офицеровъ; я же продолжалъ наблюдать за Персіяниномъ.

Немного спустя онъ вышелъ во дворъ, нѣсколько минутъ походилъ тамъ, а потомъ преспокойно пошелъ своею дорогой. Я слѣдовалъ за нимъ пока онъ не вошелъ въ другой дворъ, гдѣ не было офицеровъ, тутъ я его остановилъ выразительнымъ жестомъ со словомъ *бирь! — отдай.* Первымъ его дѣломъ было притвориться ничего не понимающимъ, и онъ распахнулъ халатъ, показывая что у него ничего нѣтъ; но лишь только я ему пригрозилъ револьверомъ, онъ немедленно вытащилъ кинжалъ изъ своего рукава. Я взялъ кинжалъ, а ему сдѣлалъ знакъ убираться. Онъ ускользнулъ какъ вьюнъ, съ перекривленнымъ еще отъ страха лицомъ, но вполнѣ довольный что такъ дешево отдѣлался. Двѣ причины побудили меня отпустить его вмѣсто того чтобы выдать русскимъ офицерамъ. Во-первыхъ, я не хотѣлъ

чтобъ его разстрѣляли, что̀ неминуемо случилось бы еслибъ я на него донесъ, а вовторыхъ, меня самого прельстилъ этотъ кинжалъ. Впрочемъ, мнѣ на этомъ же кинжалѣ пришлось убѣдиться въ справедливости логоворки что грѣхомъ нажитое—въ прокъ нейдетъ: не прошло и двухъ недѣль, какъ этотъ злополучный кинжалъ былъ у меня украденъ вмѣстѣ съ лучшею моею лошадью, и, какъ я полагаю, тою же искусною рукой. Единственное мщеніе оставшееся мнѣ было искренно пожелать чтобъ этотъ Персіянинъ находился въ числѣ тѣхъ несчастныхъ которые, на возвратномъ пути въ свою страну, были захвачены и перерѣзаны Туркменами.

Начинало смеркаться, и я сталъ поглядывать, не покажется ли кто изъ моихъ людей, которыхъ я не видалъ еще со вступленія въ городъ. Не находя никого изъ нихъ, я начиналъ уже безпокоиться, когда вниманіе мое было привлечено совершенно постороннимъ обстоятельствомъ, которое оказалось настолько занимательнымъ что тутъ же заставило меня позабыть свои поиски. Двери въ гаремъ, у котораго было выставлено двое часовыхъ, были пріотворены, а за ними виднѣлась толпа женщинъ и дѣтей, которыя кричали, плакали и вопили, точно ожидая что вотъ-вотъ сейчасъ ихъ поведутъ на смертную казнь. Старыя и молодыя, хорошенькія и безобразныя, дѣти и взрослыя, молоденькія пятнадцатилѣтнія дѣвушки и беззубыя старухи чуть ли не полутораста лѣтъ отъ роду — всѣ онѣ ломали себѣ руки и рыдали самымъ отчаяннымъ образомъ. Такъ какъ невозможно было понять чего онѣ требовали, то доложили офицеру поставленному начальникомъ надъ ханскимъ дворцомъ и привели его на мѣсто въ сопровожденіи переводчика. Оказалось что женщины просто желали выбраться изъ гарема въ городъ, увѣряя что имъ страшно тутъ оставаться. Въ этомъ имъ, впрочемъ, было рѣшительно отказано. Тогда онѣ стали жаловаться что имъ нечего ѣсть и нѣтъ даже воды для питья. Офицеръ немедленно приказалъ приготовить огромное количество пилава и сказалъ чтобъ онѣ выставили у дверей свои кувшины и кружки и вода будетъ имъ принесена. Этимъ онѣ, повидимому, удовольствовались, пилавъ былъ принесенъ, вода также, онѣ возвратились во дворъ, и двери за ними были заперты. Офицеръ приказалъ никого въ гаремъ не впускать, и ушелъ чтобы выслать сюда ночной караулъ.

Присутствіе женщинъ во дворцѣ очень меня удивило, такъ

какъ я предполагалъ что онѣ послѣдовали за ханомъ. Впрочемъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, ханомъ былъ данъ приказъ гарему слѣдовать за нимъ въ его бѣгствѣ; но тѣ самые Хивинцы которые освободили его брата, не допустили исполненія этого приказанія, а удержали женщинъ силой во дворцѣ, думая сдѣлать въ лицѣ ихъ пріятный подарокъ побѣдителю.

Я сказалъ что женщины всѣ плакали, но это не совсѣмъ вѣрно: вскорѣ я замѣтилъ что между ними была одна которая оставалась совершенно спокойна; другія относились къ ней съ почтеніемъ и послушаніемъ, точно становясь подъ ея покровительство. На видъ ей было лѣтъ 18; бѣлая кожа изобличала ея кавказское происхожденіе; она была средняго роста; круглолицая, съ низкимъ лбомъ и темными волосами; главная же прелесть ея лица заключалась въ глубокихъ, темныхъ съ поволокою глазахъ. Всѣ ея движенія были проникнуты какою-то спокойною твердостію; къ другимъ она обращалась съ такимъ спокойнымъ видомъ власти и благородства, всѣ остальныя женщины относились къ ней съ такимъ уваженіемъ что нельзя было не узнать въ ней владычицу ханскаго гарема, несмотря на старый истасканый халатъ, накинутый на ея плечи и голову. Она не плакала и не визжала подобно прочимъ, а вела переговоры съ офицеромъ такимъ смышленымъ и разсудительнымъ образомъ что сразу завоевала наше общее расположеніе. Ко мнѣ она повертывалась нѣсколько разъ съ какимъ-то полумолящимъ взоромъ, точно подозрѣвая что я не Русскій, и собираясь меня о чемъ-то просить. Никогда, кажется, въ жизнь мою не досадовалъ я такъ на свое непониманіе чужаго языка какъ въ эту минуту. Я сталъ опять посматривать, не покажется ли гдѣ Акъ-Маматовъ, съ намѣреніемъ привести его къ ней и черезъ него узнать что могу я для нея сдѣлать. Но старый Акъ-Маматовъ положительно исчезъ; какъ послѣ оказалось, онъ послѣдовалъ за генераломъ Кауфманомъ въ Оренбургскій лагерь, предполагая что и я туда отправился.

Между тѣмъ я не могъ отвязаться отъ преслѣдующаго меня молящаго взгляда ханской жены даже послѣ того какъ она скрылась за дверьми гарема; не могъ забыть я ея лица, проникнутаго такою женственностію посреди враговъ ея племени и религіи и всѣхъ этихъ женщинъ и дѣтей, отъ нея одной, какъ видно, ожидающихъ помощи и совѣта. Я

рѣшился свидѣться съ нею опять и, если возможно, ей помочь. На горе мое, я никогда до тѣхъ поръ не видалъ офицера которому былъ порученъ присмотръ за дворцомъ, и не могъ пуститься въ разспросы не возбуждая его подозрѣній. Искренно проклиналъ я Акъ-Маматова, который не слѣдовалъ за мною, какъ ему было приказано; но такъ какъ ясно было что его нѣтъ нигдѣ ни во дворцѣ ни по близости, то я рѣшился дѣйствовать одинъ.

XI. Приключеніе въ гаремѣ.

Первою заботой моей было отыскать другой входъ въ гаремъ. Я зналъ что былъ еще входъ съ главнаго двора, но и тамъ стояли часовые.

Побродивъ нѣкоторое время кругомъ, пройдя двумя маленькими дворами и цѣлымъ рядомъ комнатъ, непосредственно за главнымъ дворомъ, я наконецъ набрелъ на узкую, крутую и темную лѣстницу, ведущую вверхъ. Я поднялся по ней и очутился на вершинѣ наружной дворцовой стѣны. Дворецъ, оказалось, примыкалъ прямо ко внутренней сторонѣ стѣны цитадели; посмотрѣвъ внизъ между зубцовъ стѣны, я увидалъ что вышина ея тутъ была отъ 40 до 50 футовъ. Я направился къ большой четыреугольной башнѣ, зная что въ той сторонѣ долженъ быть гаремъ.

Скоро дошелъ я до мѣста съ котораго открывался видъ на главный дворъ, гдѣ генералъ Головачовъ слалъ сномъ усталаго воина. Я былъ на крылѣ башни, образующемъ здѣсь платформу футовъ въ десять вышины, почти на одномъ уровнѣ съ высокими стѣнами цитадели.

Внимательно прислушавшись, я различилъ неясный говоръ человѣческихъ голосовъ, долетавшій ко мнѣ сверху. Въ башнѣ были часовые.

Время близилось къ полуночи, и городъ лежалъ въ тихомъ, сонномъ спокойствіи, весь залитый яркимъ потокомъ луннаго свѣта. Вся мѣстность преобразилась. Плоскія глиняныя крыши казались мраморными; точно великаны часовые поднялись надъ городомъ неясныя очертанія высокихъ, стройныхъ минаретовъ. Мѣстами разстилались черными пятнами маленькіе дворы и густые сады, изъ которыхъ высились тѣнистые массы вязовъ, да тянулись къ небу

бу стройные тополи. Вдали обрисовывались неясныя очертанія наружныхъ городскихъ стѣнъ съ ихъ зубцами и башнями, совсѣмъ казалось уходящими въ небо и сливающимися съ туманнымъ горизонтомъ. Это уже не былъ дѣйствительный, обитаемый городъ, а скорѣе мѣсто дѣйствія волшебныхъ арабскихъ сказокъ изъ *Тысячи и одной ночи.*

Большой дворъ гарема, лежавшій у моихъ ногъ, былъ на половину освѣщенъ мѣсяцемъ, тогда какъ остальная его часть была покрыта густою зубчатою тѣнью стѣны. Изъ этого мрака довременамъ выбѣгала женская фигура и промелькнувъ на дворѣ быстро исчезала въ другой сторонѣ, а въ покояхъ, расположенныхъ вокругъ двора, изрѣдка мелькали огни. Я вошелъ въ башню и налалъ на дверь запертую висячимъ замкомъ; впрочемъ, косяки такъ слабо держались у стѣнъ что оказалось весьма не труднымъ снять ее не производя почти никакого шума. За дверью оказалась каменная лѣстница безъ перилъ, ведущая въ освѣщенный мѣсяцемъ дворъ; одна только стѣна гарема и отдѣляла его отъ двора гдѣ расположился генералъ Головачовъ. Спустившись въ этотъ дворъ, я увидѣлъ предъ собою два выхода, одинъ—ведущій къ главному входу, у котораго стояли часовые, а другой—по всей вѣроятности, во внутреннія комнаты гарема. Подумавъ немного и прислушавшись, я направился къ этому послѣднему. Не могу, впрочемъ, сказать чтобъ я вошелъ совершенно спокойно. Темнота была непроницаемая, я же не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ куда попаду, какія могутъ представиться мнѣ препятствія, на какія западни я могу наткнуться въ этомъ мракѣ; я могъ встрѣтиться и съ вооруженными людьми, которымъ легко еще было здѣсь скрываться, или съ охранителями гарема, и зналъ чего могу ожидать въ такомъ случаѣ; могъ, наконецъ, просто заблудиться въ этомъ лабиринтѣ корридоровъ, не найти до утра дороги обратно, а быть найденнымъ здѣсь Русскими вовсе не представлялось мнѣ пріятнымъ окончаніемъ моихъ похожденій.

Теперь, впрочемъ, было уже слишкомъ поздно отступать, и взявъ револьверъ въ одну руку, и ощупывая дорогу другой, я вступилъ въ корридоръ, который, казалось мнѣ, долженъ былъ идти по направленію того двора гдѣ я видѣлъ предъ тѣмъ мелькавшія въ лунномъ свѣтѣ женскія фигуры.

Ощупывая дорогу по стѣнѣ, такъ какъ часто зажи-

гать спички я избѣгалъ, боясь привлечь чье бы то ни было вниманіе, я скоро набрелъ на дверь, которая подалась при первомъ прикосновеніи, и вышелъ на открытое, освѣщенное луною мѣсто; первою моею мыслью было что я опять вышелъ на прежній дворъ, но осмотрѣвшись кругомъ я увидалъ что это совсѣмъ не то. Дворъ этотъ былъ гораздо меньше, корридоръ продолжался у стѣнъ, отдѣленный отъ двора низкою перегородкой, тогда какъ на вышинѣ футовъ пятнадцати выдавалась надъ нимъ дворцовая крыша, что̀ и образовало такимъ образомъ нѣчто въ родѣ высокаго портика. Осторожно обхожу я вокругъ двора, стараясь, насколько возможно, держаться въ тѣни, пока не подхожу къ другому корридору. Здѣсь опять приходилось подвигаться во тьмѣ кромѣшной, пока я не вошелъ въ высокую комнату, слабо освѣщенную мѣсяцемъ черезъ маленькія квадратныя отверстія у потолка. Изъ этой комнаты нашелъ я не одинъ выходъ, а цѣлыхъ пять или даже шесть, ведущихъ по разнымъ направленіямъ; приломиная впрочемъ, насколько могъ, положеніе большаго двора, я выбралъ ту дверь которая, по моимъ соображеніямъ, всего вѣроятнѣе могла привести меня въ его сторону. Но должно-быть частые повороты и темнота совершенно сбили меня съ толку, такъ какъ я попалъ въ совершенный лабиринтъ самыхъ запутанныхъ проходовъ и крошечныхъ комнатъ, которымъ не предвидѣлось конца. Я захватилъ съ собой на всякій случай огарокъ свѣчи и коробку спичекъ. Чаще и чаще сталъ я теперь зажигать спички, думая что при свѣтѣ ихъ найду какое-нибудь указаніе настоящей дороги; но и это не привело ни къ чему: я окруженъ былъ однѣми голыми стѣнами и ничто не изобличало недавняго пребыванія здѣсь мущинъ или женщинъ. Клѣтушки эти были величиной отъ восьми до пятнадцати квадратныхъ футовъ и должны были быть совершенно темны даже днемъ, такъ какъ мнѣ не попадалось въ нихъ ни одного отверстія черезъ которое могъ бы проходить свѣтъ. Можно бы принять ихъ за темницы, еслибы не глиняныя стѣны, не допускавшія этой мысли. Какъ послѣ оказалось изъ обыска произведеннаго по распоряженію генерала Кауфмана, въ ханскомъ дворцѣ вовсе не существовало темницъ. Въ сущности, темничное заключеніе есть уже наказаніе изобрѣтенное утонченною жестокостью, неизвѣстною въ Хивѣ. Тамъ людямъ рѣжутъ носы, уши или головы, полосуютъ бичами, поби-

ваютъ каменьями, но въ темницы не залираютъ никогда; во всей Хивѣ нѣтъ даже ни одного зданія гдѣ бы и недѣлю можно было продержать заключеннаго.

Спустя немного времени, я попадаю въ большую низкую комнату съ нѣсколькими старомодными глиняными печами, въ родѣ тѣхъ что можно встрѣтить въ домѣ почти каждаго американскаго фермера, на каждой печи было по большому чугунному котлу, а кругомъ были разбросаны всякаго рода кухонныя принадлежности. Это была, повидимому, дворцовая кухня.

Еще нѣсколько шаговъ и я очутился въ комнатѣ съ такимъ мокрымъ и грязнымъ поломъ что я сталъ жечь спичку за спичкой чтобы хорошенько оглядѣться. Каковъ же былъ мой ужасъ когда я увидалъ что стою на самомъ краю колодца, огороженнаго одною низкою закраиной.

Сильно перепуганный, я зажегъ имѣвшійся при мнѣ огарокъ и рѣшился лучше встрѣтиться лицомъ къ лицу со всѣми Хивинцами которые могли здѣсь скрываться, нежели еще далѣе подвергаться риску попасть въ воду или въ какую-нибудь ужасную яму. Колодезь находился въ маленькой, закрытой и низкой комнатѣ, проникнутой особеннымъ запахомъ, присущимъ склепамъ, и никакъ не могъ я сообразить почему такое необыкновенное мѣсто было выбрано для колодца. Вода въ немъ должна была отстоять футовъ на 50 отъ поверхности, насколько я могъ заключить бросивъ туда комъ земли.

Опять сталъ я внимательно прислушиваться—и опять безо всякаго результата. Это безмолвіе начинало уже меня тяготить; неестественность всего окружающаго возбуждала какое-то жуткое, непріятное чувство. Повидимому, я былъ теперь далеко отъ жилой половины гарема, и не могъ даже сообразить въ какой сторонѣ она можетъ находиться. Впрочемъ, дѣлать было нечего, и я пустился на дальнѣйшіе поиски, но уже съ зажженою свѣчей. Скоро, однако, пришлось мнѣ убѣдиться что свѣча могла быть еще опаснѣе для меня, чѣмъ темнота. Войдя въ маленькую и низкую комнату, я замѣтилъ въ одномъ изъ угловъ большую кучу черной земли. Повинуясь какому-то непонятному побужденію, котораго теперь я не могу себѣ объяснить, я наклонился чтобы захватить въ горсть немного этой земли, но едва успѣлъ я къ ней прикоснуться, какъ отдернулъ руку и отскочилъ въ ужасѣ.

Это былъ порохъ. Пробѣжавъ двѣ-три комнаты, я прислонился къ стѣнѣ, еще весь дрожа отъ страха.

Этотъ примѣръ безпечности Туркменъ въ обращеніи съ порохомъ былъ уже не первымъ на моихъ глазахъ; во дворцѣ Хазаръ-Аспа точно также нашли мы порохъ разсыпаннымъ во многихъ мѣстахъ безо всякаго призора. Въ этой одной маленькой комнатѣ его было достаточно чтобы взорвать весь ханскій дворецъ, а я уже въ продолженіи цѣлаго часа расхаживалъ по сосѣдству, зажигая спички и бросая по сторонамъ тлѣвшіе еще остатки ихъ. Можетъ-быть, думалось мнѣ, ханъ и нарочно наложилъ этотъ порохъ чтобы взорвать все это мѣсто, какъ часто дѣлается въ этихъ странахъ. Мнѣ припомнился ужасный разказъ о гибели китайскаго правителя Кульджи. Предвидя что магометане скоро возьмутъ городъ, онъ собралъ весь свой штатъ, совѣтниковъ, министровъ, женъ и дѣтей, какъ бы для переговоровъ о томъ что̀ лучше предпринять. Во время засѣданія этого совѣта послышались крики входящихъ въ городъ побѣдителей; не долго думая, правитель потихоньку опустилъ свою трубку съ огнемъ около себя на полъ, куда была проведена дорожка пороха отъ пороховаго магазина, находившагося внизу, и тѣмъ разомъ положилъ конецъ всѣмъ своимъ заботамъ и недоразумѣніямъ. Исторія эта, пришедшая на умъ въ подобную минуту, не могла быть очень успокоительною. Все это похожденіе мое начало мнѣ представляться несообразнымъ и глупымъ до нельзя; я даже не могъ и понять какимъ путемъ дошелъ я до такого идіотизма чтобы предпринять его.

Однако, у меня не было лишняго времени на раскаяніе, я взялъ свѣчу чтобы возвратиться назадъ, рѣшаясь предоставить гаремной царицѣ самой, какъ знаетъ, распутываться со своими дѣлами. Я уже два раза какимъ-то чудомъ избѣжалъ, казалось, неминуемой смерти, и этого было для меня слишкомъ достаточно.

На дѣлѣ, впрочемъ, оказалось что выбраться отсюда не такъ-то легко. Проходивъ болѣе получаса по этому лабиринту комнатъ и не находя никакого выхода, я уже начиналъ думать что заблудился окончательно, когда судьба сжалилась надо мною, и я очутился въ широкомъ корридорѣ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія въ которой сторонѣ можетъ быть выходъ, я повернулъ наугадъ направо, рѣшившись, впрочемъ, немедленно возвратиться, если не найду его въ этой сторонѣ,

и искать съ другой, но ни въ какомъ случаѣ не углубляться опять въ эти запутанныя каморки.

У конца коридора нашелъ я запертую дверь. Думая что мнѣ посчастливилось напасть на выходъ, я уже собирался толкнуть ее, когда меня внезапно поразилъ звукъ голосовъ, долетавшихъ изъ-за нея. Поспѣшно задулъ я свѣчу и, притаивъ дыханіе, сталъ внимательно прислушиваться. Одного момента достаточно было чтобы разпознать что голоса были женскіе, а черезъ нѣсколько минутъ я уже почти былъ убѣжденъ что мущинъ въ этой комнатѣ не было.

Повидимому, я подошелъ къ гарему именно въ ту минуту когда меньше всего объ немъ думалъ, и теперь меня отдѣляла отъ него одна деревянная дверь. Къ удивленію моему, доносившіеся до меня голоса болтали и смѣялись самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ, хотя и въ нѣсколько сдержанномъ тонѣ. Изъ-за двери можно было принять ихъ за голоса толпы пансіонерокъ, устроившихъ себѣ ночной пиръ вопреки всѣмъ пансіонскимъ уставамъ и подъ самымъ носомъ беззаботно почивающей начальницы; женщины же, видѣнныя мною въ началѣ вечера у дверей, всѣ ломали себѣ въ отчаяніи руки и плакали самымъ неутѣшнымъ образомъ; да и поводъ имѣли онѣ къ тому настолько основательный что мнѣ въ голову не приходило заподозрить искренность ихъ горя. Обстоятельство это нѣсколько сбивало меня съ толку, но сообразивъ что въ началѣ онѣ готовились къ тому что Русскіе по меньшей мѣрѣ порубятъ имъ головы, а теперь убѣдились что никто и не думаетъ имъ дѣлать никакого вреда, я понялъ ихъ веселость, и уже не находилъ ее странною.

Я повернулъ ручку двери, но она не подавалась; толкнулъ ее также безъ успѣха: повидимому она была приперта изнутри.

Я рѣшился наконецъ постучаться. Но находившіяся за дверью были, повидимому, такъ заняты своимъ дѣломъ что не услыхали стука въ дверь; я принужденъ былъ повторить его нѣсколько разъ прежде нежели онъ привлекъ ихъ вниманіе. Тогда, вдругъ, всѣ голоса смолкли и воцарилась мертвая тишина.

Я тихо постучался опять.

Черезъ минуту у самыхъ дверей послышался шопотъ и сдержанное хихиканье. Я опять постучался, и на этотъ

разъ изъ-за двери раздался мягкій женскій голосъ и сказалъ мнѣ что-то на татарскомъ нарѣчіи, напоминавшемъ нѣчто среднее между щебетомъ птицы и журчаньемъ воды. Я, конечно, не понялъ ни слова, но не трудно было догадаться что она спрашиваетъ „кто тамъ“. Я отвѣчалъ „аманъ“, что̀ значитъ „миръ вамъ“, обыкновенное привѣтствіе въ подобныхъ случаяхъ, и опять мысленно отправилъ Акъ-Маматова въ преисподнюю за его способность исчезать именно въ ту минуту когда я всего болѣе въ немъ нуждался. Послышался тотъ же сдержанный хохотъ, а затѣмъ тѣ же слова „аманъ, аманъ“ повторяются изъ-за двери нѣсколько разъ вопросительнымъ тономъ, точно съ требованіемъ подтвержденія моихъ миролюбивыхъ намѣреній. Я не замѣдлилъ повторить завѣтное слово; послышался стукъ задвижки, дверь распахивается и меня привѣтствуютъ взрывомъ самаго веселаго хохота.

Сознаюсь, никогда не былъ я болѣе удивленъ во всю свою жизнь. Я готовился къ тому что всѣ въ страхѣ разбѣгутся увидавъ кто я такой, что мнѣ будетъ стоить величайшаго труда ихъ уговорить и успокоить, онѣ же нетолько не выказывали никакого страха, но какъ будто бы ждали меня какъ приглашеннаго гостя. Ихъ было человѣкъ восемь — нѣкоторыя старыя и уродливыя, другія молодыя и хорошенькія. Одѣтыя въ свои странные костюмы, онѣ всѣ столпились у двери, и я тутъ же распозналъ между ними ту что̀ привлекла мое вниманіе еще въ началѣ вечера. Она сама отпирала задвижку, и теперь стояла держась одною рукой за дверь, а другою держа немного надъ головой каменную лампу отъ которой падалъ мерцающій свѣтъ на всю эту сцену. Она пристально всматривалась въ меня своими глубокими глазами, и только сдержанно улыбалась, тогда какъ другія продолжали хохотать.

Придя немного въ себя, я также не могъ не разсмѣяться, проговорилъ: „саламъ“, и попросилъ у нихъ чаю. Это онѣ поняли немедленно, и та которую я еще прежде назвалъ ихъ повелительницей выступила впередъ, взяла меня за руку и вывела сначала на крошечный дворикъ, въ восемнадцать квадратныхъ футовъ, а оттуда уже на большой дворъ, освѣщенный мѣсяцемъ. Остальныя слѣдовали за ними, болтая самымъ оживленнымъ образомъ.

Это былъ главный дворъ гарема; для Хивы онъ былъ очень

великъ: футовъ сто пятьдесятъ въ длину и пятьдесятъ въ ширину; на одной изъ сторонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены были большіе, высокіе портики, подобные тѣмъ что я уже описывалъ, а въ серединѣ двора раскинуты три или четыре большія кибитки на круглыхъ кирпичныхъ подмосткахъ. Обстановка эта казалась чрезвычайно оригинальною и красивою при лунномъ свѣтѣ.

На все это я бросилъ тогда только бѣглый взглядъ, такъ какъ моя красавица быстро обогнула со мною выступъ стѣны, ввела меня въ тѣнь портика, а оттуда въ большую комнату позади. Пригласивъ меня жестомъ садиться на груду подушекъ, она сама зажгла еще пять, шесть лампъ, подобныхъ той что была у нея въ рукахъ, и разставила ихъ вокругъ стѣны; потомъ схватила чайникъ и выбѣжала съ нимъ, отдавая въ то же время приказанія другимъ женщинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли за нею; а затѣмъ вошли другія женщины, усѣлись и стали смотрѣть на меня и обмѣниваться замѣчаніями — о моей наружности, повидимому.

Я же тѣмъ временемъ сидѣлъ и оглядывался въ полнѣйшемъ изумленіи. Комната въ которой я находился была футовъ въ десять шириной при двадцати футахъ длины; стѣны и потолокъ были мѣстами изукрашены множествомъ первобытныхъ рисунковъ самыхъ грубыхъ колоритовъ, подобно ханской сокровищницѣ. Одна стѣна сверху до низу была покрыта деревянными полками какой-то странной отдѣлки, и онѣ были уставлены фаянсовою посудой, чашками, кубками всѣхъ размѣровъ и цвѣтовъ, горшками, чайниками и вазами. Здѣсь было множество чашекъ стариннаго китайскаго фарфора, очень цѣнныхъ, а разставлены онѣ были въ перемежку съ дешевыми чайниками русскаго издѣлія, ярко изукрашенными, и, повидимому, на глаза Хивинцевъ между этими вещами не было никакой разницы.

Въ комнатѣ царилъ величайшій безпорядокъ. На полу навалены были ковры, подушки, одѣяла, шали, халаты, перемѣшанные въ страшномъ хаосѣ со всякаго рода домашними принадлежностями, оружіемъ, въ которомъ попалась мнѣ еще двуствольная англійская винтовка съ пустыми патронами, капсюлями, нѣсколько гитаръ, все это такъ и бросалось въ глаза при свѣтѣ лампъ по стѣнамъ. Во всемъ виднѣлись

приготовленія къ бѣгству, и самыя цѣнныя вещи, ловидимому, были уже отобраны.

Пока я оглядывался такимъ образомъ и старался убѣдить себя что все это происходитъ со мною не во снѣ, возвратилась хозяйка съ чайникомъ, отъ котораго шелъ паръ, и поставила его предо мною на полъ, тогда какъ другія женщины внесли хлѣбъ, фрукты и всякія сласти. Затѣмъ она знакомъ спросила меня не хочу ли я вымыть руки, и на мой утвердительный отвѣтъ повела меня на другой конецъ комнаты, гдѣ въ полу было четырехугольное углубленіе, въ родѣ таза, а сама взяла въ руки красивой формы мѣдный кувшинъ, безъ ручки и съ тонкимъ изогнутымъ носикомъ, полила мнѣ на руки воды и дала полотенце, все съ самымъ ласковымъ и услужливымъ видомъ. Покончивъ съ этимъ, она сняла съ полокъ чашки, налила чаю сперва мнѣ, а потомъ всѣмъ остальнымъ и себѣ самой, и принялась слѣдить за мной, пока я его пилъ, съ какимъ-то страннымъ, испытующимъ любопытствомъ. Мнѣ опять пришло въ голову прежнее мое предположеніе что у нея есть до меня какая-то просьба. Послѣдствія показали что я не ошибался.

Изъ восьми окружавшихъ меня женщинъ три были до того стары и уродливы что больше напоминали вѣдьмъ, нежели женщинъ; три были надѣлены лицами ничѣмъ незамѣчательными, одна была очень молода и очень красива, тогда какъ сама хозяйка и не была красавицей, но положительно была интереснѣе всѣхъ другихъ, благодаря своему умственному превосходству и еще чему-то особенному, что рѣзко выдѣляло ея фигуру отъ окружавшихъ ее простыхъ женщинъ. На ней была надѣта короткая зеленая шелковая куртка вся расшитая золотомъ; длинная, шелковая же, красная рубашка, застегнутая у подбородка однимъ изумрудомъ, распахивалась на груди и спускалась ниже колѣнъ; широкіе шаровары и красные сапоги; тюрбана на ней не было, а волосы были уложены на головѣ тяжелыми блестящими косами; въ уши были вдѣты странной формы серги, состоявшія изъ множества маленькихъ лодвѣсокъ, а на руки надѣты неразгибавшіеся, безъ застежекъ, браслеты очень оригинальнаго образца, попадавшагося мнѣ въ первый разъ. Они были изъ серебра съ золотымъ узоромъ, около дюйма шириной и въ четверть дюйма толщиной, формой напоминали букву С, съ пустымъ пространствомъ около полудюйма между обоими

концами; какъ я видѣлъ послѣ, въ это пространство втискиваютъ руку у кисти бокомъ.

Сама она теперь полусидѣла, полустояла на колѣняхъ на полу противъ меня, не спуская съ меня пристальнаго взгляда своихъ большихъ черныхъ глазъ, что̀ меня наконецъ начинало уже смущать, хотя и не мѣшало послѣ моей прогулки выпить двѣ чашки чаю и истребить значительное количество сластей. Въ головѣ же у меня тѣмъ временемъ неотступно вертѣлись вопросы: что̀ будемъ мы дѣлать потомъ? какъ буду я съ ними объясняться, не зная почти ни слова изъ ихъ языка? Повелительница гарема вѣроятно думала о томъ же самомъ, судя по ея безпокойному испытующему взгляду, точно будто обдумывая какое-нибудь средство облегчить наши переговоры, тогда какъ остальныя слѣдили за нами въ какомъ-то выжидательномъ положеніи, точно вотъ-вотъ должны мы вступить въ интересную и дружескую бесѣду.

Чтобы завязать какъ-нибудь разговоръ, я сталъ спрашивать ихъ имена: „Фатима?“ спросилъ я наугадъ повелительницу гарема—первое татарское имя которое могъ приломнить. Она поняла мой вопросъ и, покачавъ отрицательно головой, указала на одну изъ старухъ, изъ чего я заключилъ что Фатимой звали эту послѣднюю. Указывая затѣмъ на себя произнесла „Зулейка“, и такимъ образомъ назвала мнѣ всѣхъ поочереди.

Довольный такимъ успѣшнымъ началомъ, я рѣшился не упускать благопріятнаго случая и пуститься въ общій разговоръ. „Урусъ ма якши?“ спрашиваю я, то-есть Русскіе добры?—„Іокъ, іокъ“, посыпалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ онѣ непріязненно замотали руками.

Это меня нѣсколько ошеломило, такъ какъ я, конечно, предполагалъ что онѣ во мнѣ самомъ должны видѣть Русскаго, а принимая во вниманіе что я былъ ихъ гостемъ, это было немного черезъ-чуръ откровенно.

Чтобы выгородить себя изъ этой національной непріязни „минъ Урусъ іокъ“,—„я не Русскій“, сказалъ я, на что̀ онѣ поспѣшно закивали головами, точно говоря „знаемъ, знаемъ“.

Это очень поразило меня, тѣмъ болѣе что въ эту минуту я рѣшительно не зналъ чѣмъ себѣ это объяснить. Въ послѣдствіи я впрочемъ имѣлъ возможность убѣдиться что вѣсть о моемъ нерусскомъ происхожденіи быстро разнеслась между Хивинцами и, какъ мнѣ потомъ объясняли, они

подозрѣвали во мнѣ агента высланнаго англійскимъ правительствомъ, подобно Шекспиру въ 1840 году, во время бѣдственной экспедиціи Перовскаго.

Этимъ фактомъ объяснялся и весь пріемъ который мнѣ сдѣланъ былъ этой ночью. Ханъ бѣжалъ, ихъ же не допустили бѣжать ихъ собственные слуги, и бѣдняжки теперь полагались на помощь иностранца.

Я объяснилъ имъ какъ умѣлъ что Русскихъ бояться нечего. Хотя разговоръ нашъ велся болѣе знаками, однако визитъ мой все-таки продолжался болѣе двухъ часовъ. Прощаясь съ ними, я роздалъ имъ какія оказались у меня въ карманахъ бездѣлушки. Онѣ довели меня до двери у которой я постучался, но когда я объяснилъ что и отсюда не найду дороги, Зулейка проводила меня до маленькаго двора, въ который я сперва попалъ изъ большой башни. Здѣсь я ее оставилъ и поднялся по каменной лѣстницѣ. Будучи уже на верху, я обернулся на нее еще разъ; она на прощанье послала мнѣ воздушный поцѣлуй и исчезла въ темномъ корридорѣ, я же благополучно добрался до двора занятаго генераломъ Головачовымъ, растянулся на коврѣ подлѣ одного изъ офицеровъ и тутъ же уснулъ мертвымъ сномъ.

Когда на другое утро послали въ гаремъ пищу, его нашли пустымъ: всѣ женщины бѣжали!

XII. Гаремъ при дневномъ свѣтѣ.

Конечно, я не счелъ нужнымъ на слѣдующій день доносить о своихъ ночныхъ похожденіяхъ генералу Кауфману, и онъ теперь, вѣроятно, услышитъ объ нихъ въ первый разъ. Я надѣюсь что въ виду совершенно особенныхъ обстоятельствъ этого дѣла онъ извинитъ что я не сообщилъ ему о томъ раньше.

„Женщины бѣжали“ были первыя слова которыя я услыхалъ просыпаясь на слѣдующее утро. Капитанъ Рейсве, поставленный начальникомъ надъ дворцомъ, узналъ объ этомъ бѣгствѣ только тогда когда послалъ въ гаремъ приготовленный на завтракъ женщинамъ пилавъ. Цѣпь русскихъ солдатъ разставлена была кругомъ, у всѣхъ дверей были часовые; какимъ же образомъ, спрашивали всѣ, умудрились женщины

бѣжать? Предположеній было множество; конечно, и я не больше другихъ былъ способенъ дать вѣрный отвѣтъ на эту загадку. Въ рапортѣ представленномъ генералу Кауфману объ этомъ дѣлѣ говорилось что онѣ спустились по водосточной трубѣ, предпріятіе съ ихъ стороны довольно рискованное, особенно въ виду того что въ Хивѣ и понятія не существуетъ о такомъ предметѣ какъ водосточная труба.

Въ теченіе дня старый дядя хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ, донесъ что женщины у него, а такъ какъ не было никакой необходимости беречь ихъ подъ карауломъ, то генералъ Кауфманъ и дозволилъ имъ тамъ оставаться.

Теперь мы въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ отправились осматривать гаремъ. Тяжелыми воротами, о которыхъ уже было упомянуто, входимъ мы въ высокій и широкій корридоръ и послѣ многочисленныхъ поворотовъ выходимъ на большой гаремный дворъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, онъ нимало не напоминаетъ тотъ дворъ что̀ представился мнѣ прошлою ночью при лунномъ освѣщеніи. Тогда онъ былъ картиной которая могла бы возникнуть въ воображеніи при чтеніи *Лалла-Рукхъ*; теперь же предъ нами открывался безобразный, грязный дворъ, обнесенный полуразрушенными глиняными стѣнами, отъ которыхъ, послѣ одного хорошаго хивинскаго ливня, не осталось бы ничего кромѣ груды земли.

Входимъ въ комнату въ которой меня такъ хорошо угощали прошедшею ночью. Почти всѣ вещи находятся еще въ томъ же порядкѣ въ какомъ я ихъ засталъ въ первый разъ. Мы проходимъ затѣмъ по другимъ комнатамъ: онѣ всѣ очень похожи на первую, только въ нихъ меньше претензій. Груды халатовъ, одѣялъ, женской одежды, кухонная посуда, домашняя утварь, кружки, мѣдные кувшины весьма изящной формы, гитары съ мѣдными струнами, двѣ, три самолрялки — все это наваленное на полу въ полнѣйшемъ безпорядкѣ — вотъ картина которая вездѣ представлялась нашимъ глазамъ.

При болѣе внимательномъ розыскѣ, мы нашли много женскихъ туалетныхъ принадлежностей и бездѣлушекъ, хотя бо́льшую часть подобныхъ вещей обитательницы гарема вѣроятно захватили съ собой. Тутъ были маленькія зеркальца съ полустертою амальгамой; деревянные гребни весьма грубой отдѣлки, маленькія стклянки духовъ какого-то особеннаго

проницательнаго запаха, вовсе не похожіе на тѣ что̀ употребляются въ Европѣ, и баночки хашиша. Проходили мы и по кладовымъ, гдѣ всѣ эти вещи были свалены въ громадномъ количествѣ; въ одной изъ кладовыхъ было нѣсколько маленькихъ желѣзныхъ ящиковъ съ тяжелыми замками, въ которыхъ, повидимому, хранились драгоцѣнности женщинъ. Ящики, однако, всѣ были открыты и пусты. По всему было видно что все цѣнное было повывезено. Должно-быть ханъ за нѣсколько дней до паденія своей столицы предвидѣлъ что событія этого не миновать, и потому имѣлъ время перевезти и припрятать свои деньги и драгоцѣнности. Я только удивляюсь что онъ еще оставилъ на мѣстѣ столько цѣнныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, намъ попались двѣ хорошія англійскія двуствольныя охотничьи винтовки, нѣсколько табатерокъ съ музыкой, вѣроятно очень цѣнимыхъ женщинами, одинъ изъ этихъ инструментовъ даже игралъ арію изъ *Belle Hélène*. Эту видимую оплошность хана, а также и то что онъ оставилъ женщинъ въ гаремѣ на жертву побѣдителю, я могу объяснить себѣ только тѣмъ предположеніемъ что онъ рѣшился, было, остаться во дворцѣ, полагаясь на милость генерала Кауфмана, пока бомбардировка начатая отрядомъ генерала Веревкина не нагнала на него паническій страхъ и не заставила его поспѣшно бѣжать, оставляя все на произволъ судьбы.

Самыми цѣнными вещами что̀ намъ попадались, за исключеніемъ кашмирскихъ шалей, была великолѣпная коллекція стараго китайскаго фарфора, въ которой насчитали не менѣе тысячи вещей. Тутъ были чаши и чашки всѣхъ размѣровъ, начиная маленькими чайными чашками и кончая большими чашами, вмѣщающими чуть ли не цѣлый галлонъ воды. Большею частью онѣ были бѣлыя и синія, но нѣкоторыя были также прекрасныхъ яркихъ цвѣтовъ—красныя, коричневыя, зеленыя. Все это безъ разбора было разставлено бокъ о бокъ съ дешевою, но ярко-вызолоченною посудой русскаго издѣлія.

Жаль было смотрѣть какъ этотъ чудный фарфоръ — утѣшеніе и гордость гаремныхъ женщинъ, накопленный заботами не одного поколѣнія — былъ весь переворочен̀ солдатами, которые способны были его перебить и растерять. Много изъ этихъ вещей, конечно, попало въ руки офицеровъ, которые знали имъ цѣну, да и я долженъ сознаться что пере-

купилъ нѣсколько прекрасныхъ вещей, найденныхъ Акъ-Маматовымъ, но большею частью всѣ эти вещи были затеряны и разрознены.

Сдѣлана была опись всѣмъ прочимъ вещамъ; затѣмъ захвачены были ковры, халаты, одѣяла, одежда, все что̀ имѣло хоть какую-нибудь цѣну, чтобы продать въ пользу солдатъ. Оставлена была только часть старыхъ ковровъ, одѣялъ, негодной одежды разбросанной въ безпорядкѣ во дворѣ, а затѣмъ двери были заперты, и мы вышли изъ опустошеннаго гарема.

Дня черезъ два войска выступили изъ города; оставленъ былъ всего небольшой отрядъ для охраны дворца и для поддержанія порядка.

Генералъ Кауфманъ расположилъ свой лагерь въ большомъ саду, версты за полторы отъ города. Садъ этотъ принадлежалъ лѣтней резеденціи хана. Занимаетъ онъ около шести акровъ земли и окруженъ толстою глиняною стѣной футовъ пятнадцати въ вышину; онъ засаженъ абрикосовыми, персиковыми и сливовыми деревьями, но главную его красу составляютъ великолѣпные вязы и двѣ прекрасныя аллеи молодыхъ тополей; извивающіеся по всѣмъ направленіямъ маленькіе каналы орошаютъ почву, доставляютъ воду для поливки деревъ и наполняютъ нѣсколько маленькихъ бассейновъ подъ вязами. Лѣтній дворецъ хана стоитъ въ одномъ углу этого сада и гораздо комфортабельнѣе устроенъ чѣмъ городская его резиденція.

Представьте себѣ большое прямоугольное зданіе ста ярдовъ въ длину при пятидесяти въ ширину, съ зубчатыми стѣнами, какъ у феодальныхъ замковъ. Чрезъ узкую дверь, прорубленную въ стѣнѣ, входите вы изъ сада въ большой дворъ; посреди его растутъ четыре большіе вяза, подъ которыми устроенъ маленькій бассейнъ. Съ правой стороны высокій портикъ, открытый къ сѣверу, за которымъ, какъ и всегда, находится темная, прохладная комната, очень удобная во время жаровъ. Надъ первымъ портикомъ устроенъ другой, а надъ вторымъ еще третій, въ который вязы простираютъ свои длинныя вѣтви.

За этими рядами портиковъ и комнатъ находится другой небольшой дворъ, также съ маленькимъ бассейномъ и двумя большими вязами. Это дворъ гарема; съ трехъ сторонъ его лѣпятся ряды маленькихъ комнатъ; а надъ четвертою, солнечною стороной, свѣшиваются густыя, тяжелыя вѣтви

вязовъ, растущихъ у самой стѣны снаружи двора, представляя чудную тѣнь и прохладу. Каждое жилое отдѣленіе состоитъ изъ одной комнаты внизу и двухъ наверху, съ маленькимъ портикомъ или балкономъ выходящимъ во дворъ; въ рѣшоткахъ и деревянной отдѣлкѣ этихъ балконовъ видно было дѣло рукъ плѣнныхъ Русскихъ, которые преимущественно употреблялись на дворцовыя и садовыя работы.

Великій Князь Николай Константиновичъ расположился съ одной стороны этого двора, а Князь Евгеній Максимиліановичъ съ другой. За дворцомъ въ саду были два лѣтніе дома, осѣненные тѣнью вязовъ; въ нихъ-то помѣстился генералъ фонъ-Кауфманъ и генералъ Головачовъ, остальные же офицеры раскинули свои палатки гдѣ только находилось для нихъ мѣсто подъ фруктовыми деревьями.

Мы съ Чертковымъ рѣшились помѣститься въ самомъ дворцѣ, въ портикѣ втораго этажа, при которомъ нашлись двѣ очень темныя, прохладныя комнаты; самъ же портикъ былъ осѣненъ густою листвой вязовъ. Здѣсь раскинули мы свои ковры и войлоки, устроили себѣ постели изъ одѣялъ, которыя наши люди нашли въ другомъ дворцѣ, и расположились какъ дома. На этой квартирѣ мы пользовались всѣми выгодами открытаго мѣста и въ то же время были защищены отъ солнца густою тѣнью вязовъ. Стоило намъ только подняться на верхній портикъ, футовъ на тридцать надъ землей, и предъ нами открывался великолѣпный видъ на городъ и окружающій оазисъ, за которымъ виднѣлись желтые лески пустыни.

Единственнымъ недостаткомъ этого великолѣпнаго помѣщенія была лѣстница. Я не думаю даже чтобы въ самые славные дни своего существованія она могла съ честью выдержать сравненіе съ лѣстницами Тюилерійскаго или Сентъ-Джемскаго дворцовъ. Она была просто-на-просто слѣплена изъ грязной глины; а всѣмъ извѣстно что каковы бы ни были другія качества этого прекраснаго матеріала, онъ никакъ не отличается прочностью, въ особенности для мѣста которое вѣчно утаптывается множествомъ народа. Ступеньки почти всѣ были разрушены, а нѣкоторыя даже совсѣмъ сглажены, когда мы завладѣли комнатами, а черезъ нѣсколько дней отъ нихъ не осталось почти и слѣдовъ, и спускъ изъ нашихъ покоевъ представлялъ весьма трудную и рискованную задачу.

Что касается стола, то Акъ-Маматовъ былъ нашимъ поваромъ, а цыплятъ, барановъ, арбузовъ, дынь, абрикосовъ, винограда и персиковъ было вволю. Каждое утро не только доставлялись намъ горячія пшеничныя лепешки со свѣжимъ молокомъ, но даже и ледъ. Хивинцы заготовляютъ большой запасъ льда ежегодно и цѣнятъ его весьма высоко, судя по деньгамъ которыя они за него требовали. Какъ читатель видитъ, житье намъ въ Хивѣ вылало вовсе не такое плохое, какъ бы можно было предполагать.

Въ первые дни генералъ Кауфманъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о ханѣ. Наконецъ, стало извѣстно что онъ бѣжалъ въ Имукчиръ, сопровождаемый своими вѣрными Туркменами. Генералъ Кауфманъ немедленно послалъ ему письмо съ заявленіемъ что если онъ вернется въ Хиву и сдастся Русскимъ, то ему будутъ оказываться всѣ подобающія его положенію почести; если же онъ откажется это исполнить, то на его мѣсто посадятъ ханомъ кого-нибудь другаго. Такъ какъ генералъ Кауфманъ не имѣлъ въ виду окончательнаго занятія страны, то желалъ возможно скорѣе возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе.

Ата-Джанъ, меньшой братъ хана, который содержался въ послѣднее время въ заключеніи, считался кандидатомъ на престолъ, и уже заявилъ о своихъ притязаніяхъ генералу Кауфману. Еслибы ханъ не послушался вразумленій, заключенныхъ въ письмѣ, то безъ сомнѣнія былъ бы низложенъ русскимъ генераломъ.

XIII. Генералъ фонъ-Кауфманъ и ханъ.

2го (14го) іюня ханъ вернулся въ Хиву и явился къ побѣдителю.

Генералъ фонъ-Кауфманъ принялъ его подъ вязами, предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, устланная телерь коврами и уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

Едва разнесся слухъ о пріѣздѣ послѣдняго, мы всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть властелина о которомъ слышали такъ много. Телерь онъ довольно смиренно въѣхалъ въ свой собственный садъ, сопро-

вождаемый свитой человѣкъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и подошелъ пѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему вѣроятно часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ. Затѣмъ онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой вѣроятно его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ. Надо замѣтить что Хивинцы не сидятъ скрестивъ ноги какъ Турки, но усаживаются полу-стоя на колѣняхъ и въ этой позѣ, которую я уже описывалъ говоря о Киргизахъ, они ѣдятъ, разговариваютъ и совѣщаются. Итакъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ колѣнопреклоненіе хана не было выраженіемъ униженія и покорности.

Ханъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ; у него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду онъ мущина очень крѣпкій и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широки пропорціонально этой вышинѣ, и на мой взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный ярко-синій шелковый халатъ; на головѣ была высокая хивинская баранья шапка. Смиренно сидѣлъ онъ предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства когда онъ очутился такимъ образомъ въ концѣ-концовъ у ногъ туркестанскаго генералъ-губернатора, славнаго ярымъ-падишаха. Два человѣка эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбкѣ скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ русскаго историческаго врага, сказывалась не малая доля самодовольства. Мнѣ казалось что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мущинахъ. Во времена

МУХАМЕДЪ-РАХИМЪ-БОГАДУРЪ-ХАНЪ.

рыцарства ханъ этотъ со своею могучею фигурой великана былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ; весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ „Cœur de Lion“, а теперь самый послѣдній солдатъ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ, сказалъ генералъ Кауфманъ,—вы видите что мы наконецъ и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщалъ еще три года тому назадъ.

Ханъ.—Да; на то была воля Аллаха.

Генералъ Кауфманъ. — Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиной этому. Еслибы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, еслибы вы дѣлали что̀ я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ.—Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Кауфманъ (смѣясь).—Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно. Но перейдемъ къ дѣлу. Что̀ вы будете дѣлать? Что̀ думаете предпринять?

Ханъ.—Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слугой великаго Бѣлаго Царя.

Генералъ Кауфманъ.—Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ только хочетъ доказать что онъ достаточно могущественъ чтобы можно было оказывать ему пренебреженіе, и въ этомъ, надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество онъ готовъ теперь простить васъ, и оставить попрежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ.—Я знаю что дѣлалъ очень дурно, не устулая справедливымъ требованіямъ Русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и мнѣ давали дурные совѣты; впередъ я буду лучше знать что̀ дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ.

Генералъ Кауфманъ.—Теперь вы можете возвратиться, ханъ, съ свою столицу. Возстановите свое правленіе, судите свой народъ и охраняйте порядокъ. Скажите своимъ подданнымъ чтобъ они принимались за свои труды и занятія, и никто ихъ не тронетъ; скажите имъ что Русскіе не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронутъ ни ихъ женъ, ни имуществъ.

Затѣмъ произошелъ обмѣнъ вопросовъ о здоровьѣ и взаимныя пожеланія всѣхъ благъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; потомъ ханъ удалился. Онъ возвратился въ столицу и приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; но не жилъ больше во дворцѣ, въ которомъ и жить, собственно говоря, было уже нельзя, а проводилъ ночи у Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара.

За первымъ визитомъ хана послѣдовало нѣсколько другихъ въ теченіе послѣдующихъ дней; въ одно изъ этихъ посѣщеній ханъ съ своимъ братомъ присутствовалъ на смотру русскихъ войскъ. Забавно и интересно было видѣть съ какимъ любопытствомъ и удивленіемъ слѣдилъ онъ за движеніями русской арміи. Твердый, мѣрный шагъ солдатъ и быстрый, дружный отвѣтный возгласъ на привѣтствіе главнокомандующаго должны были казаться хану чѣмъ-то таинственнымъ и демоническимъ. Онъ мнѣ напомнилъ выраженіемъ своей фигуры лолу-испуганнаго ребенка, слѣдящаго съ робкимъ любопытствомъ за развитіемъ дѣйствія въ какой-нибудь страшной святочной пантомимѣ. Таковы-то люди, думалось ему вѣроятно, что покоряютъ себѣ всю Центральную Азію; предъ горстью которыхъ полегли цѣлыя мусульманскія рати въ Самаркандѣ какъ трава подъ косой; таково то могучее племя изъ котораго двѣнадцати сотенъ оказалось достаточно чтобы взять приступомъ Ташкентъ, съ его стотысячнымъ населеніемъ, люди подъ дыханіемъ которыхъ самый исламизмъ исчезаетъ съ земной поверхности!

По распоряженію генерала Кауфмана былъ собранъ диванъ или совѣтъ для обсужденія средствъ и способовъ къ уплатѣ военной контрибуціи, которую предполагалъ назначить русскій главнокомандующій. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ самого хана съ тремя его министрами и изъ трехъ русскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ Ивановъ. Задача этого совѣта заключалась не въ одномъ обсужденіи

средствъ къ уплатѣ Русскимъ военныхъ расходовъ, но также и въ томъ чтобы своими совѣтами руководить хана въ дѣлахъ общаго управленія страной. Всѣ эти распоряженія возбудили сильный интересъ хана, и онъ выказалъ много усердія въ исполненіи всѣхъ требуемыхъ мѣръ.

По правдѣ говоря, онъ былъ такъ неопытенъ въ государственныхъ дѣлахъ что они имѣли для него все обаяніе новизны. До сихъ поръ онъ предоставлялъ все управленіе государствомъ своему министру, диванъ-беги Матъ-Мураду, о которомъ придется еще говорить дальше. Теперь же онъ выказывалъ такую ребяческую поспѣшность при выполненіи всѣхъ распоряженій генерала Кауфмана что подчасъ портилъ все дѣло. Для примѣра я приведу одинъ случай, разказанный мнѣ самимъ русскимъ главнокомандующимъ. Намѣреваясь освободить рабовъ, онъ написалъ хану письмо, сообщая ему о своемъ рѣшеніи и прося его издать по этому поводу прокламацію. Вторая половина письма заключала разныя внушенія и совѣты относительно лучшихъ способовъ привести въ исполненіе эту мѣру; между прочимъ онъ убѣждалъ хана снестись со всѣми губернаторами провинцій чтобы прокламація эта была прочитана во всемъ ханствѣ въ одинъ тотъ же день, дабы лишить Узбековъ возможности мучать Персіянъ напослѣдокъ. Ханъ же, прочтя только первую часть письма, тутъ же, не дочитавъ до конца, написалъ требуемую прокламацію и далъ приказъ своимъ герольдамъ читать ее по всѣмъ улицамъ на слѣдующій день, а самъ поспѣшилъ къ генералу Кауфману сообщить о своемъ распоряженіи и показать какъ онъ спѣшитъ исполнять всѣ его желанія.

— Развѣ вы не читали послѣдней части моего письма? спросилъ Кауфманъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ханъ,—я не зналъ что это необходимо.

— Да, конечно, сказалъ Кауфманъ,—у насъ вторая половина письма нерѣдко даже самая важная. Въ ней я совѣтовалъ вамъ повременить еще немного изданіемъ этой прокламаціи.

— Ну, этого я не зналъ, возразилъ ханъ;—я сейчасъ вернусь къ себѣ, дочту ваше письмо до конца и не прикажу обнародовать этой прокламаціи до того времени какое вы назначили.

Онъ, однако, скоро освоился съ русскимъ способомъ веденія дѣлъ, выказывалъ даже большую понятливость и много

здраваго смысла въ управленіи. Весьма вѣроятно что испытавъ однажды всю прелесть власти, онъ не такъ-то охотно ввѣритъ ее опять другому.

До сихъ поръ, какъ кажется, Русскимъ удалось собрать еще весьма мало свѣдѣній объ устройствѣ администраціи и о доходахъ ханскаго правительства, о средствахъ и населеніи страны. Одна изъ особенностей хивинской администраціи состоитъ въ томъ что за исключеніемъ муллъ и небольшаго числа людей составляющихъ полицію для присмотра за порядкомъ и наказанія виновныхъ, почти никто изъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленной платы. Всѣ они, отъ высшаго до самаго незначительнаго чиновника, живутъ посторонними доходами захваченными въ довѣренной имъ части администраціи; система эта конечно ведетъ къ ужасному воровству и взяткамъ со стороны чиновниковъ.

Въ финансовой части ханскаго управленія оказалась страшнѣйшая путаница и невообразимый безпорядокъ. По изслѣдованіямъ г. Куна, посвятившаго много времени на ознакомленіе со всѣмъ что относилось къ управленію ханствомъ, весь государственный доходъ доходилъ до 90.000 тилль; но счеты были всѣ до того запутаны что не было никакой возможности сдѣлать вѣрную смѣту дѣйствительно собранныхъ налоговъ. Также не было извѣстно какая часть доходовъ приходилась на долю самого хана. Судя по его умѣренному, простому образу жизни я думаю что онъ получалъ долю самую незначительную. При его обстановкѣ было бы невозможно истратить и десятую часть всего государственнаго дохода; хотя у него было большое семейство и отъ трехъ до четырехъ сотъ рабовъ, но у него были также большія земли, приносившія ему вѣроятно хорошій доходъ. Роскошь, въ нашемъ смыслѣ этого слова, неизвѣстна хану. Единственною нѣсколько дорогою прихотью его была конюшня, полная великолѣпныхъ туркменскихъ коней, да отъ времени до времени покупка новой жены. Постояннаго войска онъ, кажется, не содержалъ.

Доходъ этотъ, каковы бы ни были его дѣйствительные размѣры, набирался изъ разнородныхъ налоговъ.

Одною изъ первыхъ статей дохода былъ „зякетъ“, или пошлина съ товаровъ, собираемый Матъ-Мурадомъ.

Насколько можно было понять изъ книгъ Матъ-Мурада, налогъ собираемый съ русскихъ товаровъ, въ $2^1/_2$ процента, доходилъ

до 11.000 малыхъ тилль (каждая малая тилля=1 р. 80 к.); зякетъ же съ товаровъ привозимыхъ изъ Бухары и другихъ странъ составлялъ 8.663 малыхъ тилль. Но только половина этой суммы поступала въ казну. Клалъ ли Матъ-Мурадъ другую половину денегъ просто себѣ въ карманъ, или самъ ханъ ему присуждалъ извѣстную долю зякета въ вознагражденіе за труды и расходы по сбору—неизвѣстно. Однако, болѣе чѣмъ вѣроятно что Матъ-Мурадъ просто кралъ эти деньги у правительства.

Кромѣ того зякетъ еще собирался тѣмъ же Матъ-Мурадомъ со внутренней торговли. Податью этою облагались всѣ купцы, сообразно величинѣ лавки и продаваемому въ ней товару, отъ 1 кокана (20 кол.) до 1 тилли (1 р. 80 кол).

Затѣмъ слѣдовала подать „салгутная", взимаемая съ земли и домовъ. Собиралась она двумя министрами хана, мехтеромъ и кушъ-беги.

Съ Каракаллаковъ взималось по одному барану съ сотни, по одной штукѣ съ каждыхъ 20ти головъ рогатаго скота и по одному верблюду изъ каждыхъ шести. Киргизы, пригонявшіе скотъ на базары, облагались пошлиной въ размѣрѣ отъ 3хъ до 5ти кокановъ съ каждаго верблюда и 2хъ кокановъ съ каждаго десятка барановъ.

Кромѣ того существовалъ еще налогъ на урожай. Когда подходило время жатвы, нарочно для того назначаемыя должностныя лица выѣзжали въ объѣздъ по полямъ и оцѣнивали на глазъ количество предполагаемаго урожая, въ присутствіи собственника земли.

Точно опредѣлить населеніе ханства не оказалось никакой возможности; я думаю даже что нескоро и добьются этихъ свѣдѣній. Даже и въ тѣхъ среднеазіятскихъ городахъ что давно находятся подъ властію Русскихъ оказалось невозможнымъ произвести вѣрную перепись, благодаря подозрительности народа на этотъ счетъ. Ничто неспособно такъ враждебно настроить ихъ какъ перепись. Полагаютъ однако что все населеніе ханства доходило до 500.000 душъ, не считая кизилъ-кумскихъ Киргизовъ, на которыхъ нѣкоторымъ образомъ также простиралась ханская власть.

Дороги и каналы поддерживаются на счетъ правительства, и на этотъ предметъ опредѣляется часть налога получаемаго съ земли. Поземельный налогъ можетъ также, вмѣсто уплаты назначенной суммы денегъ, отрабатываться натурой.

Правила существующія въ Хивѣ относительно земли, почти тѣ же что̀ и въ прочихъ магометанскихъ странахъ. Земля считается собственностію государства, или, вѣрнѣе говоря, собственностію магометанскаго вѣроисповѣданія, и не дается никому въ полную собственность. У правовѣрныхъ однако трудно отнять разъ поступившую въ ихъ руки землю, пока они вносятъ за нее налоги и воздѣлываютъ ее. Если же земля остается цѣлыхъ три года невоздѣланною, то ее можетъ потребовать себѣ каждый прохожій, и его права на нее тогда считаются настолько же основательными, какъ и права прежняго владѣльца. Однакоже, если прежній владѣлецъ явится въ непродолжительномъ времени, предлагая уплатить деньгами за подростающій урожай и сдѣланныя улучшенія, то новый владѣлецъ обязанъ возвратить ее прежнему хозяину. Пріобрѣсти необработанный участокъ земли въ Центральной Азіи весьма легко, такъ какъ въ ея воздѣлываніи предполагается главный источникъ богатства страны: сто́итъ только засадить невоздѣланную землю нѣсколькими деревьями и снабдить ее орошеніемъ.

XIV. Свиданіе съ ханомъ.

Найдя что садъ въ которомъ стояли войска слишкомъ неудобенъ для астрономическихъ наблюденій, поручикъ Сыроватскій, астрономъ экспедиціи, просилъ позволить ему занять одну изъ комнатъ ханскаго городскаго дворца. Получивъ разрѣшеніе на такое перемѣщеніе, онъ отправлялся во дворецъ два раза въ день и тамъ же ночевалъ. Ханъ выражалъ такое любопытство относительно инструментовъ что Сыроватскій обѣщалъ ему объяснить ихъ. Въ назначенный ханомъ день Сыроватскій предложилъ мнѣ сопровождать его.

Представивъ сначала подарокъ, состоявшій изъ ковра и револьвера, поручикъ Сыроватскій переправилъ свои инструменты въ одинъ изъ внутреннихъ дворцовыхъ дворовъ. Здѣсь застали мы хана, сидѣвшаго на платформѣ, о которой я уже разъ говорилъ. Подмостки эти не были устланы ковромъ. Я полагаю что у хана осталось весьма мало ковровъ и онъ находилъ нѣкоторое злобное удовольствіе выставлять свою бѣдность на показъ Русскимъ. Когда мы поднялись по ступенькамъ, онъ далъ намъ знакъ садиться и

предложилъ намъ арбуза, хлѣба и чаю. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе видѣть инструменты. Сперва ему показанъ былъ большой телескопъ, но такъ какъ мы со всѣхъ сторонъ были окружены стѣнами, то можно было наблюдать только солнце. Вставили темное стекло и окуляръ достаточной силы чтобы видѣть пятна на солнцѣ. Ханъ смотрѣлъ въ телескопъ, а поручикъ Сыроватскій объяснялъ ему видимыя въ телескопъ явленія; но это повидимому не интересовало хана, вѣроятно ему было бы гораздо пріятнѣе еслибы стекло было направлено на земные предметы. Затѣмъ Сыроватскій пытался объяснить ему употребленіе квадранта и ртутнаго горизонта; объясненіе это повергло хана въ бѣздну смущенія, хотя онъ, повидимому, и старался понять что̀ ему толкуютъ. Ханъ несравненно болѣе заинтересовался, когда Сыроватскій сталъ ему объяснять что хотя бы его, Сыроватскаго, привели съ завязанными глазами въ любой городъ на свѣтѣ, онъ всегда будетъ въ состояніи при помощи квадранта опредѣлить въ какомъ онъ находится городѣ, если только ему дадутъ посмотрѣть на солнце изъ такого же маленькаго двора. „Я могу тогда вѣрно сказать вамъ что я въ Хивѣ, а не въ Бухарѣ, или въ Бухарѣ, а не въ Самаркандѣ“. Ханъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія, и съ этой поры, какъ кажется, считалъ астронома чѣмъ-то въ родѣ колдуна. Въ то же время онъ вѣрно въ душѣ проклиналъ Сыроватскаго какъ невѣрнаго пса что онъ своими бѣсовскими чарами указалъ Русскимъ дорогу въ Хиву, считавшуюся недосягаемою. Онъ очень заинтересовался также и барометромъ. Когда Сыроватскій сталъ показывать ему свои большіе и маленькіе хронометры, ханъ вынулъ свои золотые часы, подарокъ лорда Нордбрука, и сталъ свѣрять время. Хотя былъ уже полдень, ханскіе часы показывали всего шесть часовъ утра. Осмотрѣвъ его часы, Сыроватскій сказалъ ему что они очень хороши. Когда инструменты были осмотрѣны, ханъ сталъ выказывать значительное любопытство касательно меня. Не одинъ разъ случалось мнѣ замѣчать его испытующій, пристальный взглядъ, обращенный на меня, такъ что я вовсе не былъ удивленъ когда онъ потомъ заявилъ желаніе имѣть вторичное со мною свиданіе.

Онъ началъ разговоръ вопросомъ изъ какой я страны пріѣхалъ.

— Изъ Америки, отвѣчалъ я.

— Такъ, стало-быть, вы не Англичанинъ? спросилъ онъ съ видимымъ удивленіемъ. Вопросъ этотъ подтвердилъ мои предположенія что онъ принималъ меня за англійскаго агента.

— Нѣтъ, возразилъ я;—страна моя гораздо дальше.

— А какъ далеко?

— За большимъ моремъ; 400 дней пути, верблюжьимъ ходомъ.

Пораженный, онъ освѣдомился, какъ же я переѣхалъ такое большое море.

Тогда я спросилъ его, не видалъ ли онъ русскій пароходъ на нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Онъ отвѣчалъ что амъ его не видалъ, но много о немъ слышалъ. Я сообщилъ ему что такой-то пароходъ можетъ переѣхать то море въ десять дней, подвигаясь впередъ ровно въ сорокъ разъ быстрѣе верблюда. Затѣмъ я ему заявилъ что мои земляки изобрѣли эти пароходы, а также и ту быструю систему сообщенія посредствомъ которой можно бы переслать извѣстіе изъ Хивы въ Бухару въ какія-нибудь пять минутъ. Это заявленіе однако показалось хану совершенно невѣроятнымъ; я даже думаю что онъ счелъ меня тутъ великимъ лгуномъ.

Телеграфъ былъ доведенъ до Ташкента уже послѣ паденія Хивы и весьма мало Азіятцевъ имѣютъ понятіе объ этомъ изобрѣтеніи.

Я сказалъ также что Американцы изобрѣли винтовки употребляемыя Русскими — заявленіе весьма не любезное съ моей стороны, въ виду того какъ пришлось пострадать бѣдному хану отъ дѣйствія этихъ самыхъ орудій. Это сообщеніе однако возбудило въ немъ большой интересъ. Онъ сталъ меня спрашивать, много ли выдѣлывается въ Америкѣ винтовокъ? Что онѣ стоятъ? Трудно ли ихъ достать? Когда я отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, онъ сталъ разспрашивать меня о Франгистанѣ (Франціи) и Англіи.

Я начертилъ приблизительную карту на клочкѣ бумаги, объясняя ему относительное положеніе Франціи, Германіи, Англіи, Россіи и Индіи, и онъ внимательно въ нее всматривался. Я сказалъ ему что у Франціи была съ Германіей война, что Франгистанъ былъ побитъ и принужденъ выплатить большую сумму денегъ. Это очень его тронуло, онъ немедленно уловилъ сходство положенія этой страны со своимъ собственнымъ. Онъ полюбопытствовалъ узнать, всегда ли такимъ же образомъ ведется война на Западѣ. Я увѣрилъ его что всегда и что тамъ не убиваютъ плѣнныхъ, не муча-

ютъ ихъ и не продаютъ въ рабство; не выжигаютъ и не грабятъ непріятельской страны, а существуютъ тамъ болѣе дѣйствительныя средства для достиженія того же результата. Когда я сказалъ ему что во Франціи насчитывается 40.000.000 народонаселенія, и почти столько же въ Германіи, и что каждая изъ этихъ странъ выставила на поле битвы армію въ 1.000.000 человѣкъ, онъ былъ пораженъ до послѣдней степени; для него, конечно, было не малымъ утѣшеніемъ узнать что и такая большая страна какъ Франгистанъ можетъ подвергнуться такому же униженію, какъ и онъ.

Тутъ онъ меня спросилъ, велика ли страна Русскихъ. Я отвѣчалъ ему что Россія больше Франціи, Англіи, Германія и Индіи сложенныхъ вмѣстѣ, и что населеніе ея вдвое многочисленнѣе населенія Англіи или Франціи.

Больше всего поразило его изъ разказовъ объ Америкѣ то что тамошній ханъ царствуетъ всего четыре года, и что затѣмъ избирается другой ханъ на мѣсто прежняго.

— Да какъ же ханъ допускаетъ выбрать другаго на свое мѣсто? спрашивалъ онъ въ удивленіи.

— Таковъ законъ; еслибъ онъ не захотѣлъ подчиниться закону, народъ бы его къ тому принудилъ. Тутъ я прибавилъ что даже и я, по возвращеніи своемъ домой, могу быть выбранъ ханомъ.

Онъ, однако, взглянулъ на меня съ весьма недовѣрчивымъ видомъ, вѣроятно думая что ужь этому-то послѣднему никогда не бывать. Онъ спросилъ меня затѣмъ, въ дружбѣ ли находятся Англичане съ Русскими. Я отвѣчалъ утвердительно; сообщилъ хану о только-что объявленной помолвкѣ Дочери Великаго Бѣлаго Царя съ сыномъ Англійской королевы, увѣряя его что и теперь Левъ Англіи и Медвѣдь Россіи лежатъ рядомъ въ такомъ добромъ согласіи будто два ягненка.

Наружность хана довольно привлекательна. Выраженіе его лица пріятное и веселое, и во взглядѣ нѣтъ ничего жестокаго и кровожаднаго. Я нашелъ его даже весьма вѣжливымъ и ласковымъ. Въ то же время въ осанкѣ его проглядывало что-то царственное — видъ спокойнаго самообладанія человѣка привыкшаго повелѣвать. Вообще мнѣ кажется что онъ расположенъ къ кроткому образу дѣйствій. Плѣнные Русскіе отзывались о немъ очень хорошо. Проходя

мимо нихъ во время работъ, ханъ не рѣдко останавливался и вступалъ съ ними въ дружелюбный разговоръ. Конечно, въ настоящую кампанію онъ выказалъ себя со стороны весьма невыгодной, оказался неблагодарнымъ и трусливымъ въ высшей степени. Онъ нигдѣ лично не предводительствовалъ своими войсками, бѣжалъ при первомъ появленіи Русскихъ, и наконецъ, какъ увидитъ читатель, выказалъ потомъ самую черную неблагодарность относительно Туркменъ.

Въ теченіе всего моего свиданія съ ханомъ, одинъ изъ состоящихъ при немъ слугъ черезъ каждыя пять минутъ вносилъ ему трубку. Ханъ затягивался и отдавалъ трубку назадъ; затѣмъ ее набивали вновь и опять подносили ему. Я потомъ узналъ что онъ цѣлый день продолжаетъ такъ курить. Во время пребыванія Русскихъ въ Хивѣ онъ проводилъ день свой слѣдующимъ образомъ. Утромъ пріѣзжалъ въ русскій лагерь и присутствовалъ въ совѣтѣ или диванѣ, подъ предсѣдательствомъ полковника Иванова. Здѣсь проводилъ онъ часъ-другой въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Отсюда возвращался въ свой дворецъ, завтракалъ, а затѣмъ часа два судилъ народъ. Онъ выслушивалъ всевозможныя жалобы, начиная съ самыхъ серіозныхъ раздоровъ касавшихся имуществъ, и кончая самыми пустыми ссорами мужей съ женами. Послѣ полудня, напившись чая, онъ отправлялся отдыхать въ гаремъ. Вечеромъ же опять выѣзжалъ верхомъ, заѣзжалъ къ генералу Кауфману или просто прогуливался по странѣ, сопровождаемый тремя, четырьмя, а иногда и двадцатью изъ своихъ приближенныхъ. Онъ всегда старался отвѣчать на поклоны встрѣчныхъ людей; никогда я не видалъ чтобъ онъ пропустилъ чей-нибудь поклонъ—былъ ли то Русскій или самый послѣдній изъ его подданныхъ — не поклонившись въ свою очередь.

Говорили что у Хана всего четыре жены; но кромѣ того у него еще около сотни рабынь всѣхъ племенъ, попадавшихъ въ его владѣнія. О точномъ числѣ ихъ я однако не могъ справиться, такъ какъ въ Центральной Азіи считается крайне неприличнымъ упомянуть человѣку хотя бы однимъ словомъ о его женѣ или женахъ. Образъ жизни женщинъ здѣсь очень простъ и воздержанъ. У нихъ не существуетъ соперничества относительно одежды; и даже женщины цивилизованнаго міра могли бы брать съ нихъ примѣръ во многихъ отношеніяхъ. Бо́льшую часть своего времени проводятъ онѣ по

домамъ, выдѣлывая одежду, ковры, постели для всего семейства и присматривая за хозяйствомъ.

Въ Хивѣ было нѣсколько государственныхъ сановниковъ: Матъ-Мурадъ, Матъ-Ніазъ, Якубъ-Бей и дядя хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ. Матъ-Муратъ Авганецъ, рабъ прежняго хана, вкравшійся въ его довѣріе. Онъ также сумѣлъ заслужить расположеніе молодаго хана, и этотъ послѣдній, по вступленіи своемъ на престолъ, сдѣлалъ его своимъ главнымъ совѣтникомъ. Матъ-Мурадъ сильно ненавидѣлъ Русскихъ, и по его именно наущенію ханъ отказывался выполнить ихъ требованія. Онъ предводительствовалъ хивинскамъ войскомъ подъ Шейхъ-арыкомъ, и затѣмъ сопровождалъ хана въ его бѣгствѣ. Генералъ Кауфманъ спрашивалъ Матъ-Ніаза, способный ли человѣкъ его товарищъ Матъ-Мурадъ. „Онъ хитеръ, но не уменъ“, было отвѣтомъ. Когда ханъ сдался Русскимъ, Матъ-Мурада захватили и никогда болѣе не допускали видѣться съ его властелиномъ. Потомъ его отправили въ Казалу, гдѣ онъ, какъ кажется, до сихъ поръ содержится въ заключеніи.

Матъ-Ніазъ, также какъ и Сеидъ-Эмиръ, оба принадлежатъ къ партіи мира. Первый изъ нихъ маленькій, безобразный человѣкъ, съ круглыми глазами, рѣдкою бородкой и вздернутымъ носомъ. Къ Русскимъ онъ былъ, повидимому, расположенъ очень дружелюбно, и онъ-то доставилъ генералу Кауфману самыя вѣрныя свѣдѣнія относительно ханства. Лѣтъ ему было около сорока пяти. Якубъ-Бей старикъ, лѣтъ шестидесяти. Это еще бодрый, крѣпко сложенный человѣкъ, съ пасмурнымъ выраженіемъ лица, украшеннаго короткимъ толстымъ носомъ и весьма напоминающій бульдога; онъ кривъ на одинъ глазъ. Въ нѣкоторыхъ чертахъ его было сходство съ Туркменами, да можетъ-быть и въ жилахъ его текла туркменская кровь. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара я уже описывалъ прежде.

У хана было два брата; одного онъ очень любилъ, другаго же рѣшительно ненавидѣлъ. Этотъ послѣдній имѣлъ виды на престолъ, какъ я уже говорилъ прежде, онъ даже заявилъ свои притязанія генералу Кауфману, во время бѣгства хана, когда престолъ былъ никѣмъ не занятъ.

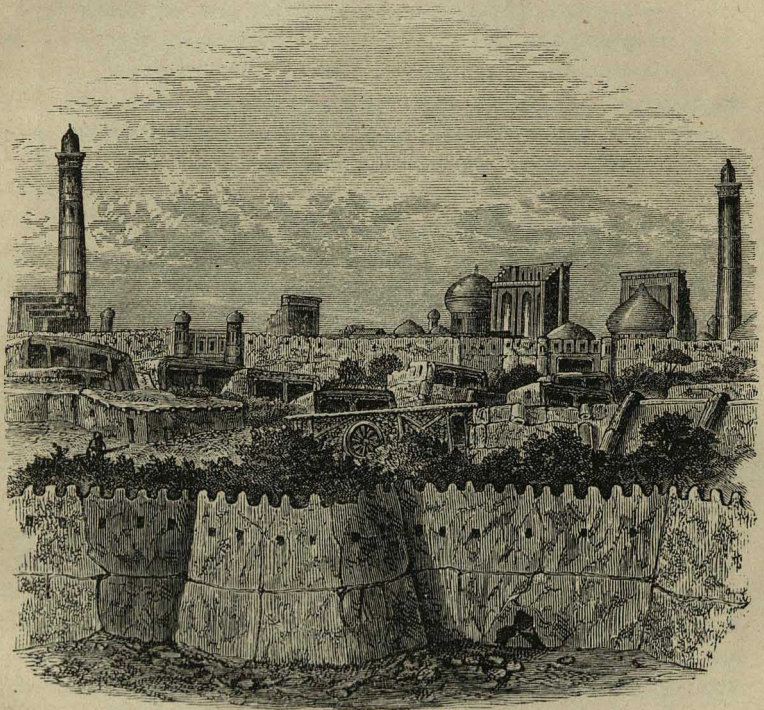
Отъ русскихъ офицеровъ я слышалъ что по разказамъ нѣкоторыхъ купцовъ изъ Куня-Ургенча, ханъ ежегодно закупалъ большое количество вина, привозимаго изъ Россіи, и

нерѣдко напивался льянъ. Но такъ какъ во дворцѣ не найдено было ни одной бутылки, да и самый разказъ весьма неправдоподобенъ, то почти нечего и сомнѣваться что это было чистѣйшею выдумкой.

XV. Городъ Хива въ 1873 году.

Наружный видъ Хивы съ нѣкоторыхъ пунктовъ очень оригиналенъ. Высокія зубчатыя стѣны съ башнями; крытыя ворота съ тяжелыми башнями по бокамъ; возвышающіеся изъ-за городскихъ стѣнъ кулолы мечетей и минаретовъ; если видѣть все это на фонѣ западнаго небосклона при освѣщеніи заходящаго солнца, то картина представляется очень живописная; но пріятное впечатлѣніе произведенное наружнымъ видомъ вполнѣ забывается при входѣ въ самый городъ. Во всемъ городѣ найдется не болѣе трехъ-четырехъ строеній представляющихъ хотя бы какой-нибудь намекъ на архитектуру; все остальное слѣплено изъ глины и представляетъ самый жалкій видъ.

Въ Хивѣ находятся двѣ большія стѣны: одна снаружи, другая внутри города. Внутренняя стѣна, съ частью города которую она оцѣпляетъ, образуетъ цитадель въ одну милю длины и четверть мили ширины. За этой стѣной находится ханскій дворецъ, большая башня, нѣсколько медрессе и бо́льшая часть публичныхъ зданій. Стѣна защищена тремя-четырьмя башнями. Сооруженіе ея относится къ гораздо болѣе древнему періоду, чѣмъ постройка стѣны наружной; въ сущности никто не въ состояніи опредѣлить времени ея сооруженія. Весьма вѣроятно что прежде за этой стѣной заключался и весь городъ Хива. Наружная же стѣна была построена всего въ 1842 году, когда ханъ того времени, Аллахъ-Кули, велъ войну съ Бухарой; онъ построилъ стѣну какъ дополнительную защиту своей столицы. Діаметръ этой наружной стѣны далеко не вездѣ одинаковъ, такъ какъ форма окруженнаго ею пространства нѣсколько напоминаетъ раковину устрицы, съ удлиненнымъ узкимъ концомъ, срѣзаннымъ подъ прямымъ угломъ. Діаметръ по длиннѣйшему направленію доходитъ до полуторы мили, а по кратчайшему составляетъ одну милю. Средняя вышина стѣны достигаетъ двадцати пяти фу́товъ, но во многихъ мѣстахъ она выше; у осно-

ВИДЪ НА ЦИТАДЕЛЬ *(Съ рисунка капитана Ѳедорова).*

нія она двадцати пяти футовъ толщины, но при вершинѣ не шире трехъ и даже двухъ футовъ. Городъ окруженъ еще ровомъ отъ двадцати до двадцати пяти футовъ шириной. Ровъ этотъ я мѣстами видалъ до краевъ наполненнымъ водой, не хуже любаго канала, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ совсѣмъ пересохъ. Мнѣ уже случилось упомянуть о двухъ воротахъ, которые ведутъ въ городъ. Кромѣ воротъ Хазаръ-Аспа и Хазаватскихъ существуетъ еще пять другихъ входовъ въ городъ.

Пространство заключающееся между наружною и внутреннею стѣнами въ одномъ мѣстѣ почти сплошь покрыто гробницами. Это уже не первый случай что мнѣ приходилось замѣчать странный обычай туземцевъ устраивать могилы рядомъ съ жилищами живыхъ людей. То же самое находилъ я и прежде того на Хала-Атѣ, въ Хазаръ-Аспѣ—наконецъ, во всемъ ханствѣ.

Въ другомъ мѣстѣ весь промежутокъ между двумя стѣнами былъ засаженъ садами. И эта часть города, западная, самая пріятная для жилья. Здѣсь множество вязовъ, фруктовыхъ деревьевъ и маленькихъ каналовъ, такъ что по свѣжести воздуха этотъ кварталъ напоминаетъ хорошенькое предмѣстье, или же маленькій голландскій городокъ, гдѣ каждая улица имѣетъ свой каналъ. Вода доставляется сюда преимущественно изъ двухъ каналовъ: Чингери, съ сѣверной, и Ингрикъ, съ юго-западной стороны города. Внутри всѣхъ почти дворовъ при домахъ устроенъ маленькій бассейнъ для домашняго обихода, наполняемый водой изъ каналовъ.

По безобразной наружности хивинскихъ глиняныхъ домовъ, не слѣдуетъ заключать что они представляютъ такое же печальное, некомфортабельное устройство и внутри. Совсѣмъ напротивъ: они очень хорошо приспособлены къ мѣстности и климату; хотя они и не соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о роскоши, но за то въ своихъ прохладныхъ, темныхъ комнатахъ доставляютъ пріятное убѣжище отъ палящаго зноя; часто они и убраны съ комфортомъ, заставляющимъ вполнѣ забывать объ ихъ жаломъ наружномъ видѣ.

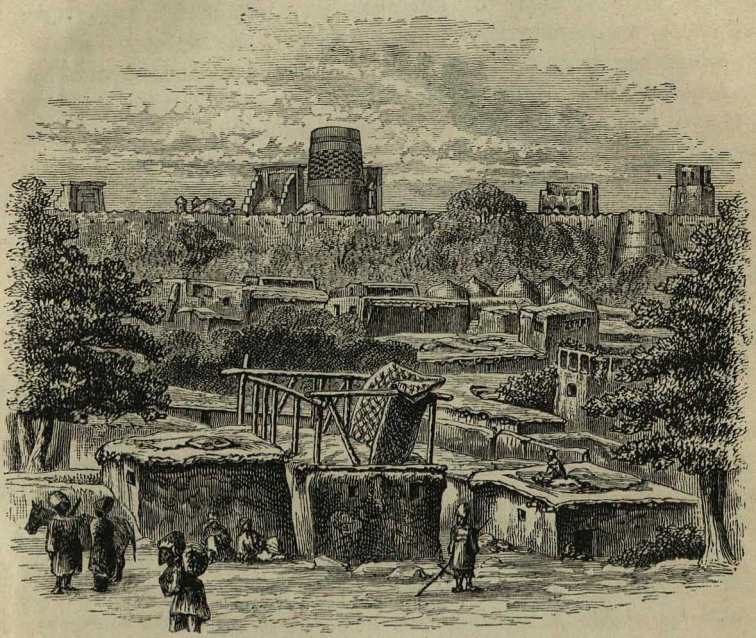
Расположеніе хивинскаго жилища слѣдующее. Большой дворъ, въ который ведетъ или маленькая, узкая дверь или же ворота достаточной ширины для проѣзда телѣги. Вокругъ двора расположены жилыя комнаты, которыя всѣ имѣютъ двери выходящія во дворъ, но между собою не имѣютъ

никакого сообщенія. На южной сторонѣ устроенъ высокій портикъ, открытый съ сѣвера; крыша его возвышается отъ 8 до 10 футовъ надъ окружающею стѣной и служитъ къ тому чтобы захватывать вѣтеръ, и спускать его во дворъ, внизу. Такимъ образомъ почти всегда искусственно поддерживается токъ воздуха; каковы бы ни были невыгоды этого расположенія для зимняго времени, но лѣтомъ оно безспорно доставляетъ большое удобство и полезно для здоровья.

Внутреннее убранство комнатъ такое же какъ и въ ханскомъ гаремѣ, который я описывалъ, но нѣтъ, конечно, такого изобилія вещей.

Излишнимъ, я думаю, будетъ и говорить что здѣсь неизвѣстны ни стулья, ни столы, а замѣняются они коврами, войлоками, подушками и одѣялами самыхъ яркихъ цвѣтовъ и блестящихъ матерій. Оконныя стекла также вещь здѣсь неизвѣстная, да лѣтомъ и я не видѣлъ тутъ въ нихъ необходимости, такъ какъ свѣтъ неразлученъ съ жарой, а полумракъ царствующій въ этихъ покояхъ даже и днемъ, гораздо комфортабельнѣе и пріятнѣе яркаго дневнаго свѣта.

Такъ какъ въ городѣ не существуетъ почти и намека на архитектуру,—нѣтъ оконъ, мало дверей даже и на главныхъ улицахъ,—то прогулка по Хивѣ представляетъ столько же разнообразія и удовольствія какъ всякая прогулка между двумя стѣнами отъ 10ти до 20ти футовъ вышины въ любомъ другомъ мѣстѣ. Улицы шириною отъ десяти до двадцати футовъ, конечно очень пыльныя въ это время года; проѣзжая по нимъ вы только и видите съ обѣихъ сторонъ грязныя голыя стѣны, изрѣдка перерѣзанныя поперечными улицами, ничто кромѣ того не нарушаетъ это глиняное однообразіе. Развѣ иногда за дверью, полуоткрытой въ темное пространство, мелькнетъ одна, другая женщина, спѣша спрятаться отъ любопытныхъ взоровъ ненавистнаго „Уруса“. Временами случается подъѣзжать къ группамъ маленькихъ дѣвочекъ лѣтъ пяти-шести, да и тѣ, уже наученныя избѣгать мужскаго взгляда, разсыпаются по сторонамъ и прячутся какъ молодыя куропатки, или же встрѣчается женщина вся укутанная безобразнымъ вуалемъ изъ конскаго волоса, и она прижимается на ходу къ противоположной сторонѣ улицы, будто одного вашего взгляда достаточно чтобы повредить ей, или же она просто-на-просто оборачивается къ вамъ спиной, выжидая пока вы проѣдете. Мальчики однако вовсе не пугливы, шаловливы и

ВИДЪ ВНУТРИ ОГРАДЫ. *(Съ рисунка капитана Ѳедорова).*

любопытны какъ мальчишки всего свѣта и всегда готовы подержать вашу лошадь или оказать вамъ какую-нибудь другую маленькую услугу.

Въ Хивѣ насчитывается семнадцать мечетей и двадцать два медрессе. Медрессе имѣетъ нѣкоторое сходство съ католическимъ монастыремъ; это мѣсто въ которомъ, по убѣжденію народной массы, муллы или духовныя лица ведутъ праведную жизнь и пріобрѣтаютъ научныя религіозныя свѣдѣнія. Я посѣтилъ однажды нѣсколько такихъ медрессе вмѣстѣ съ барономъ Каульбарсомъ. Сперва мы отправились къ хану и застали его въ совѣтѣ или диванѣ, засѣдающемъ въ кибиткѣ въ одномъ изъ садовъ. Онъ послѣшилъ снабдить насъ проводникомъ и, казалось, польщенъ былъ интересомъ который мы выказывали относительно медрессе.

Самое великолѣпное и въ то же время самое священное зданіе въ Хивѣ—это мечеть Полванъ-Ата. Расположена она очень уютно въ глубинѣ маленькаго сада и весьма красива благодаря высокому куполу. Выстроена изъ обожженаго кирпича. Куполъ имѣетъ около шестидесяти футовъ вышины, покрытъ такими же изразцами какъ и большая городская башня, о которой я уже говорилъ, только ярко-зеленаго цвѣта, и заканчивается позолоченымъ шаромъ. Общій видъ нѣсколько напоминаетъ русскую церковь. Построена эта мечеть Магомедъ-Рахимъ-ханомъ въ 1811 году и въ ней помѣщается гробница Полвана, почитаемаго святымъ патрономъ Хивы.

Внутренній видъ купола очень красивъ. Онъ весь выложенъ изразцами украшенными тонкимъ голубымъ узоромъ въ перемежку съ изреченіями изъ Корана. Изразцы такъ плотно пригнаны одинъ къ другому что швовъ между ними вовсе не видно, и общій видъ купола представляетъ какъ бы опрокинутую и вывернутую вазу прекраснаго китайскаго фарфора.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей постройки, куполъ этотъ отличается особенными акустическими свойствами, которымъ Хивинцы приписываютъ сверхъестественное происхожденіе. Молитвы читаемыя громкимъ голосомъ и многими людьми заразъ, повторяются эхомъ довольно внятно; этого, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія простыхъ умовъ Хивинцевъ что Аллахъ слышитъ ихъ молитвы.

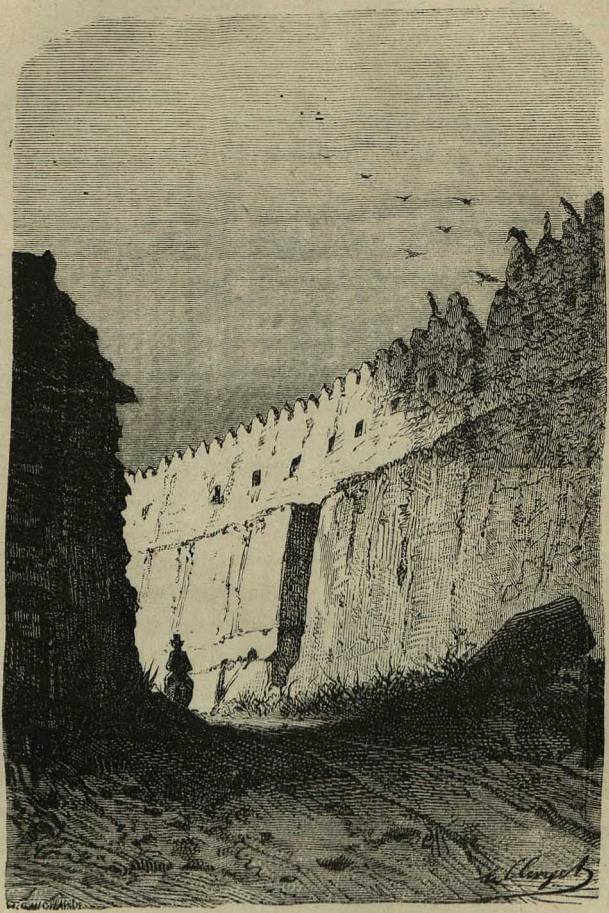
Внутри помѣщаются гробницы предшественниковъ хана. Онѣ расположены въ стѣнной нишѣ и обнесены мѣдною рѣшеткой. Въ этой части мечети похоронены три хана: Муха-

медъ-Рахимъ, Абулъ-Гази и Ширъ-Гази. Понятно что мѣсто гдѣ покоился Ширъ-Гази возбуждало не малый интересъ Русскихъ: надо вспомнить что это былъ ханъ который такъ предательски умертвилъ князя Бековича-Черкасскаго и перебилъ почти всѣхъ людей его экспедиціи.

Въ сторонѣ отъ этого главнаго отдѣленія мечети находятся двѣ небольшія комнаты. Въ одной помѣщается гробница хана Аллахъ-Кули, умершаго въ 1843 году и построившаго внѣшнюю городскую стѣну; въ другой гробница самого святаго Полвана. Квадратная комната эта очень мала и низка; и почти темна, такъ какъ освѣщается всего однимъ маленькимъ окномъ. Стѣны и гробница выложены сѣрыми изразцами. Гробница помѣщается посреди пола; она семи футовъ въ длину, четырехъ въ ширину и трехъ въ вышину; изразцы ее покрывающіе такъ плотно соединены между собою что всю ее можно принять за цѣльный кусокъ сѣраго мрамора.

За мечетью находится глиняное строеніе, заключающее въ себѣ множество комнатъ, занятыхъ слѣпыми. Мы осмотрѣли нѣсколько изъ этихъ комнатъ. Это были простыя кельи, иногда всего шести футовъ длины при четырехъ ширины, и все убранство такой комнаты состояло изъ небольшаго количества кухонной посуды, овчины, разостланной на полу съ двумя одѣялами для постели и каменнаго кувшина для воды. Какъ ни мала была комната, въ углу всегда находили мы миніатюрную печку, въ которой предоставлялось самому слѣпому варить себѣ пищу и чай. Было что-то трогательное въ заботливой чистотѣ въ которой все содержалось; опрятность и порядокъ царствующіе въ расположеніи ихъ вещей возбуждали невольную симпатію, выказывая въ этихъ отшельникахъ тѣ же особенности которыми отличаются слѣпцы нашихъ расъ.

Здѣсь жило отъ пятнадцати до двадцати слѣпыхъ. Они намъ сказали что имъ ежедневно выдается чай, рисъ и хлѣбъ, мясо раза два, три въ недѣлю, да кромѣ того, при всякомъ выходѣ своемъ на базаръ, они получаютъ отъ прохожихъ маленькіе подарки, заключающіеся въ кускахъ сахара и фруктахъ. Учрежденіе это поддерживается частію вкладомъ основателя его святаго Полвана, частію же настоящимъ ханомъ. Уже изъ того что подобное заведеніе существуетъ въ Хивѣ, видно что народъ здѣсь вовсе не такой варварскій, какъ полагаютъ.

УЛИЦА. *(Съ рисунка Верещагина).*

Затѣмъ поднялись мы по узкой изогнутой лѣстницѣ въ верхній этажъ, то-есть на площадку идущую кругомъ главнаго купола, по которой были въ безпорядкѣ разбросаны маленькія кельи или комнатки, гдѣ жили муллы. Эти комнатки расположены отдѣленіями, состоящими изъ двухъ, трехъ камороkъ, не больше тѣхъ гдѣ живутъ слѣпые; всѣ онѣ помѣщаются на южной сторонѣ. Эти темныя маленькія кельи, хотя и расположенныя на солнечной сторонѣ, вовсе не были неkомфортабельны, kогда притворялась входная дверь; и мы охотно усѣлись въ одной изъ нихъ на полу, поkа мулла готовилъ для насъ чай и пилавъ.

Отсюда пошли мы въ медрессе, построенное настоящимъ ханомъ на площади предъ дворцомъ. Медрессе это принадлежитъ kъ новѣйшимъ постройkамъ, сооружено изъ прекрасно обожженныхъ kирпичей и выkазываетъ большія претензіи на архитектурное изящество. Выстроено оно по плану одного персидскаго kараванъ-сарая; рисунokъ этотъ вѣроятно доставленъ тѣми же рабами-Персіянами kоторые работали надъ его постройkой. Зданіе это оkоло ста футовъ въ kвадратѣ, состоитъ изъ двухъ этажей и представляетъ очень kрасивый фасадъ съ возвышеннымъ порталомъ оkоло лятидесяти футовъ вышины, kоторый по окончаніи работъ весь будетъ украшенъ бѣлыми и синими изразцами о kоторыхъ я уже такъ часто упоминалъ.

Внутри находится большой, хорошо вымощенный дворъ, съ kотораго идутъ входы во всѣ kомнаты. Комнаты расположены двумя этажами вокругъ двора. Каждый мулла имѣетъ двѣ kомнаты: одну для kухни, такъ kакъ муллы всѣ сами готовятъ себѣ пищу, а другую для ученыхъ занятій. Бо́льшая изъ этихъ двухъ kомнатъ, футовъ шести шириною при восьми длины, снабжена печkой съ трубой и другими принадлежностями kухни, но въ такихъ миніатюрныхъ размѣрахъ что онѣ kажутся дѣтскими игрушkами. Комнаты эти освѣщаются однимъ маленьkимъ отверстіемъ надъ входною дверью; kонечно при этомъ онѣ очень темны и вовсе не приспособлены kъ ученымъ занятіямъ. Верхній этажъ состоитъ изъ цѣлаго ряда маленьkихъ kеллій, выходящихъ на длинный балkонъ, огибающій весь фасадъ; изъ нихъ отkрывается прекрасный видъ на площадь и ханскій дворецъ. Это медрессе, по хивинскимъ требованіямъ, представляетъ достаточное помѣщеніе для ста человѣkъ, но до сихъ

лоръ оно почти-что совсѣмъ не занято. Удивительно какъ вздумалъ ханъ выстроить медрессе вмѣсто новаго дворца, когда его настоящій дворецъ далеко не можетъ сравниться съ этимъ медрессе по вкусу, прочности и удобствамъ постройки.

У самаго ханскаго дворца находится медрессе построенное Мухамедъ-Эмиръ-ханомъ въ 1844 году. Это главное городское медрессе, и состоитъ изъ четыреугольнаго строенія, окружающаго большой вымощенный дворъ.

Построено оно по такому же плану какъ и описанное выше; въ немъ содержатся триста учениковъ, обучаемыхъ четырьмя учителями. Каждому ученику выдается въ годъ пятнадцать четвериковъ пшеницы, пятнадцать четвериковъ джугары и отъ 20 до 26 рублей деньгами. У угла этого медрессе стоитъ большая башня, предметъ наиболѣе бросающійся въ глаза во всей Хивѣ.

Только четыре или пять хивинскихъ медрессе выстроены изъ кирпича, остальныя слѣплены изъ глины и почти не отличаются отъ окружающихъ домовъ.

Муллы совершенно непохожи на обыкновенныхъ людей. Бродятъ они по городу худые и изнуренные, съ длинными бородами и впалыми глазами; лица ихъ, тупыя и безсмысленныя, оживляются только по временамъ вспышками возбужденнаго фанатизма.

Долгіе годы пребыванія въ тѣсныхъ и темныхъ кельяхъ, ученіе наизустъ Корана, безъ малѣйшаго пониманія, вѣчныя усилія надъ одною и тою же задачей, отчуждающей ихъ отъ всякаго живаго человѣческаго интереса, доводятъ ихъ до этого полуидіотскаго состоянія. Вотъ рѣзкій примѣръ ихъ невѣжества и тупости, который однако также служитъ доказательствомъ ихъ способности къ умственному труду. Мнѣ разказывалъ генералъ Кауфманъ что разъ, въ бытность свою въ Самаркандѣ, онъ услыхалъ объ одномъ молодомъ муллѣ, славившемся своею набожностію и знаніемъ Корана. Когда генералъ Кауфманъ выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться, мулла явился къ нему. Оказалось что онъ зналъ весь Коранъ наизустъ по-арабски, могъ начать съ любаго мѣста и безъ ошибки продолжать свое чтеніе наизустъ до конца книги. Когда же муллу этого попросили перевести главу изъ Корана, онъ выразилъ полнѣйшее удивленіе при такой необыкновенной на его взглядъ просьбѣ, и заявилъ что онъ ни слова по-араб-

ДЕРВИШЪ. *(Съ рисунка Верещагина.)*

ски не понимаетъ. А между тѣмъ этотъ бѣдняга лучшіе годы своей жизни убилъ надъ этимъ занятіемъ достойнымъ лопугая. Удивительно ли что послѣ цѣлыхъ годовъ проведенныхъ въ этомъ безтолковомъ долбленіи наизустъ, люди эти не только кажутся, но становятся дѣйствительно полнѣйшими идіотами.

Но не говоря уже объ образѣ ихъ жизни, однихъ головныхъ уборовъ ихъ достаточно чтобы затормозить какую угодно головную работу, лишить ихъ послѣдняго проблеска разума, уцѣлѣвшаго послѣ ихъ суроваго религіознаго воспитанія. Уборъ этотъ состоитъ изъ высокой бараньей шапки, фунтовъ въ семь-восемь вѣсу, у краевъ обмотанной въ видѣ чалмы тридцатью или сорока аршинами бѣлой кисеи. Носится эта шапка въ самую жаркую пору лѣта, и надо видѣть несчастныхъ муллъ, бродящихъ съ этими чудовищными башнями на головѣ подъ жгучими лучами палящго солнца чтобы понять до какой жестокости къ себѣ можетъ дойти человѣкъ! Не легко понять что̀ заставляетъ ихъ носить эту баранью шапку лѣтомъ, когда Коранъ требуетъ ношенія одной чалмы.

Духовенство это имѣетъ самое пагубное вліяніе на народную массу: оно поддерживаетъ въ ней духъ нетерпимости, изувѣрства и суевѣрія, препятствуетъ всякому прогрессу, поощряетъ порокъ и невѣжество, ограничивая всякое знаніе однимъ долбленіемъ Корана. Я даже думаю что̀ именно отсутствію муллъ у Киргизовъ надо приписать ихъ честность, терпимость и доброту, не встрѣчаемыя въ городскомъ населеніи.

XVI. Базаръ.

Разъ выхожу я въ полдень изъ своей квартиры въ Хивѣ съ цѣлью осмотрѣть базаръ. На улицахъ жарко и пыльно; солнце печетъ немилосердно; сѣрыя глиняныя стѣны до того раскаляются подъ солнечными лучами что отъ нихъ такъ и пышетъ жаромъ, и прогулку по такой улицѣ можно сравнить развѣ съ прогулкой внутри раскаленной печи.

Пріятно вступить изъ этого пекла въ прохладную тѣнь базара. При входѣ васъ охватываетъ смѣшанный запахъ пряностей и другихъ веществъ; въ ушахъ звенитъ отъ шума и гула толпы людей и животныхъ, и вы видите предъ

собой пеструю массу людей, лошадей, верблюдовъ, ословъ и возовъ. Базаръ просто-на-просто состоитъ изъ крытой улицы, въ которой все устроено на первобытный ладъ. Крыша образуется бревнами, перекинутыми съ одной стѣны на другую поверхъ узкой улицы; на бревнахъ плотно уложены небольшіе куски дерева и все это засыпано землею. Сооруженіе это, однако, вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію, прекрасно защищаетъ отъ яркаго свѣта и жары.

Съ наслажденіемъ вдыхаете вы прохладный, сырой, пропитанный запахомъ пряностей воздухъ и видите предъ собой груды свѣжихъ, спѣлыхъ фруктовъ, наваленныхъ въ безчисленномъ количествѣ. Тутъ найдете вы абрикосы, персики, сливы, виноградъ, арбузы, дыни всевозможныхъ сортовъ, и неподдающійся никакому описанію рядъ товаровъ, встрѣчаемыхъ въ одной Центральной Азіи. Лавокъ, въ собственномъ смыслѣ, тутъ нѣтъ, а просто устроена вдоль одной стороны возвышенная платформа, на которой возсѣдаютъ люди среди груды товаровъ, и между ихъ владѣніями не видать никакой пограничной черты. Съ другой стороны улицы помѣщаются цирюльники, мясники, починщики старой обуви и мелочные торговцы.

Съ трудомъ пробиваетесь вы съ лошадью чрезъ эту толпу на протяженіи около двадцати саженъ и встрѣчаете другую крытую улицу, пересѣкающую эту поперекъ. Взявъ влѣво, проѣзжаете вы тяжелыми, сводчатыми кирпичными воротами — и вотъ вы на самомъ базарѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Тимъ“. На этомъ базарѣ производится главная мелочная торговля города; помѣщается онъ подъ двойнымъ сводомъ, образующимъ проходъ саженъ въ 50 длины и 20 ширины. Построенъ этотъ проходъ изъ кирпича сложеннаго цѣлымъ рядомъ арокъ; крыша отстоитъ саженъ на двадцать отъ земли; и каждая арка оканчивается чѣмъ-то въ родѣ купола съ пробитымъ въ немъ подобіемъ трубы, служащимъ для освѣщенія и вентиляціи мѣста. Посреди находится куполъ выше всѣхъ остальныхъ и не лишенный нѣкоторыхъ архитектурныхъ претензій.

Лавки состоятъ изъ простыхъ балагановъ или стойлъ футовъ восьми и даже шести въ квадратѣ, открытыхъ съ одной стороны для выставки несообразнѣйшей смѣси всевозможныхъ товаровъ. Въ одномъ такомъ стойлѣ увидите вы чай, сахаръ, шелковыя и бумажныя матеріи, халаты, сапоги,

МУЛЛА НА МОЛИТВѢ. *(Съ рисунка Верещагина.)*

табакъ, словомъ, все что̀ только можно найти въ Центральной Азіи.

Вы садитесь напротивъ этихъ балагановъ и наѣдаетесь какъ только можете холодными, сочными арбузами, сладкими румяными персиками и виноградомъ, живо напоминающимъ собою хорошее вино. Если же вы нуждаетесь въ болѣе существенномъ подкрѣпленіи, въ одно мгновеніе явится предъ вами пилавъ съ горячими пшеничными лепешками; вы можете спокойно возсѣдать среди этой волнующейся толпы и наслаждаться ѣдой. Кстати замѣтить что чай здѣсь употребляется зеленый, единственный привозный предметъ составляющій монополію Англичанъ.

Никто вамъ также не ломѣшаетъ растянуться на коврѣ въ какомъ-нибудь углу и цѣлые часы наблюдать съ постояннымъ интересомъ за вѣчно мѣняющимися группами и проходящимъ мимо васъ рядомъ странныхъ, дикихъ лицъ. Въ этой пестрой толпѣ найдутся представители всѣхъ средне-азіятскихъ народностей. Вотъ Узбекъ въ длинномъ халатѣ, высокой черной бараньей шапкѣ, съ задумчивымъ видомъ и стеленною осанкой, свойственными всему его племени. Потомокъ покорителей страны, онъ принадлежитъ къ хивинской земельной аристократіи, стоящей въ такомъ же положеніи относительно остальныхъ Хивинцевъ, какъ потомки франко-норманнской расы къ массѣ англійскаго народа. Узбекъ высокъ, хорошо сложенъ, съ прямымъ носомъ, правильными чертами лица, густою бородой и задумчивымъ видомъ; его легко бы принять и за Европейца, если-бы не выдавали его настоящее происхожденіе смуглый цвѣтъ лица, худощавая жилистая фигура и какое-то жесткое выраженіе, присущее всѣмъ обитателямъ Востока, къ какому бы племени и странѣ они ни принадлежали. Теперь бѣдному Узбеку конечно есть надъ чѣмъ призадуматься: прошли красные дни господства его племени надъ Хивой, едва ли даже Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ не будетъ послѣднимъ Узбекомъ владычествующимъ въ странѣ. Вотъ Киргизъ, возсѣдающій на своемъ верблюдѣ; его широкоскулое, плоское, глуповатое, но тѣмъ не менѣе добродушное лицо выражаетъ самую комичную застѣнчивость. Насмѣшки сыплятся на бѣднягу со всѣхъ сторонъ изъ толпы раздвигаемой его верблюдомъ; онъ служитъ предметомъ множества замѣчаній, какъ видно не совсѣмъ лестнаго свойства. Высоко-образованные и

утонченные городскіе обыватели относятся съ немалою долей презрѣнія къ этимъ простымъ номадамъ, живущимъ вдали отъ столицы, центра просвѣщенія и удовольствій. Киргизъ этотъ вѣроятно ѣхалъ верстъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ затѣмъ чтобы продать пару овецъ да купить немного чаю, сахару, а можетъ-быть новый халатъ для себя, и горсть-другую бисера для жены и дочери.

Вотъ этотъ человѣкъ въ бѣлой чалмѣ и яркоцвѣтномъ, блестящемъ на солнцѣ халатѣ—бухарскій купецъ, пріѣхавшій въ этотъ провинціальный на его взглядъ городъ съ цѣлью понадуть своихъ собратій, хивинскихъ торговцевъ, а можетъ-быть и закупить одного, другаго раба, если подойдетъ удобный случай. Послѣднему его разчету, однако, уже не суждено осуществиться.

Затѣмъ взглядъ вашъ останавливается на человѣкѣ со смуглымъ, почти чернымъ лицомъ, съ толстыми губами, тяжелыми нависшими бровями, короткимъ вздернутымъ носомъ и свирѣпыми глазами. Онъ возсѣдаетъ съ видомъ самодовольной независимости, чуть ли даже не дерзости, на своемъ высокомъ красивомъ конѣ, погоняя его и ни мало, повидимому, не заботясь о томъ что легко можетъ и раздавить кого-нибудь въ этой толпѣ. На этого не сыплется ни насмѣшекъ, ни остротъ, хотя онъ заслуживаетъ народную непріязнь гораздо болѣе скромнаго Киргиза. Причина этого уваженія не маловажна. Человѣкъ этотъ за отвѣтомъ въ карманъ не полѣзетъ, а если что ему придется не по вкусу, то сабля въ рукахъ его окажется еще пожалуй подвижнѣе языво рту. Это Туркменъ-Іомутъ, о которомъ еще рѣчь впереди.

Дальше слѣдуетъ Персіянинъ, недавній рабъ; этотъ отличается острымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, быстрыми кошачьими движеніями, и проходя мимо, вскидываетъ на васъ быстрый взглядъ своихъ хорьковыхъ глазъ. Но вотъ бросается вамъ въ глаза высокая бѣлая чалма, извѣстная уже вамъ принадлежность женскаго наряда, и вы напрягаете все ваше зрѣніе въ надеждѣ увидать наконецъ опять женское лицо. Но нѣтъ. Женщина вся обвернута длинными одеждами въ лохмотьяхъ, на плечи ея накинутъ грязный халатъ, а ужасный вуаль изъ чернаго конскаго волоса задергиваетъ все ея лицо будто саванъ; развѣ только удастся вамъ уловить мгновенный проблескъ ея взгляда, когда она

проскользнетъ мимо васъ. Здѣшнія женщины одѣваются въ самыя грязныя и оборванныя одежды при выходѣ на улицу, съ цѣлью отвратить этимъ вниманіе прохожихъ. Обычай этотъ составляетъ одну изъ самыхъ непріятныхъ особенностей Хивы. Въ теченіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ встрѣчаете вы вездѣ и повсюду одни мужскія лица, такъ что наконецъ желаніе видѣть женское лицо дѣлается такою же настоятельною потребностью какъ взглянуть на зеленую траву и цвѣты послѣ долгаго переѣзда пустыней.

„Тимъ“ служитъ центромъ торговли мелочной, тогда какъ бо́льшая часть оптовой торговли производится въ караванъ-сараѣ.

Караванъ-сарай этотъ, какъ я узналъ изъ русскихъ источниковъ, построенъ въ 1823 году Мухамедъ - Рахимъ - ханомъ по плану всѣхъ подобныхъ строеній въ Центральной Азіи. Это квадратное зданіе съ четыреугольнымъ мощенымъ дворомъ отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ величиной. Съ каждой изъ четырехъ сторонъ расположено множество клѣтушекъ, служащихъ лавками, каждая не болѣе восьми футовъ въ квадратѣ. Балаганы устроены со сводчатыми потолками, открыты во дворъ и получаютъ все освѣщеніе черезъ дверь. Въ этихъ-то балаганахъ совершаютъ всѣ свои торговые обороты богатые хивинскіе купцы, ведущіе торговлю съ Россіей и Центральною Азіей.

Въ одной изъ русскихъ газетъ мнѣ попалась замѣтка о томъ какъ одно духовное лицо выѣзжаетъ нѣсколько разъ въ день на базаръ для разрѣшенія жалобъ относительно мѣръ и вѣсовъ. На этомъ же лицѣ лежитъ отвѣтственность чтобы никто не прослалъ часъ молитвы. Всѣ провинившіеся наказываются на мѣстѣ преступленія; кара эта производится помощниками духовнаго лица, сопровождающими его въ этомъ объѣздѣ. Можетъ-быть, вслѣдствіе повсемѣстно еще царствовавшей неурядицы, мнѣ самому ничего подобнаго видѣть не случалось. Мѣры и вѣсы употреблялись русскіе, также какъ и счеты, на которыхъ купцы производятъ свои вычисленія. Денежная хивинская единица есть „коканъ“ или „тенга“, сто́ящая двадцать копѣекъ. Девять кокановъ составляютъ „тиллю“, золотую монету, въ 1 р. 80 к. с. стоимостью. Есть еще большія тилли, цѣною въ 3 р. 60 копѣекъ; существуетъ и мѣдная монета „пуль“ или „чека“, и шестьдесятъ такихъ монетъ

составляютъ тенгу, такъ какъ луль цѣнится въ $^1/_3$ колѣйки серебромъ.

Здѣсь же находился и невольничій рынокъ. Захватъ русскихъ и персидскихъ подданныхъ и продажа ихъ въ рабство продолжались долгое время. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія численность рабовъ-Русскихъ была велика; судя по вышеупомянутому источнику ихъ было до 2.000 предъ экспедиціей генерала Перовскаго. Но во время этой кампаніи, въ 1839—40 годахъ, бо́льшая часть Русскихъ были освобождены и высланы въ Оренбургъ. По договору заключенному послѣ этой несчастной экспедиціи полковникомъ Даниловскимъ съ Хивинскимъ ханомъ, послѣдній обязывался не дозволять болѣе торговли русскими плѣнными. Несмотря однако на этотъ трактатъ и на другой заключенный въ 1858 году, торговля Русскими невольниками продолжалась, хотя и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Рабы Русскіе продавались въ послѣднее время на Хивинскихъ рынкахъ по 100 и даже по 200 тилль за каждаго; Персіяне цѣнились въ 70, а женщины и мальчики до четырнадцати лѣтъ отъ 60 и до 300 тилль. Рабы Русскіе цѣнились выше Персіянъ, потому что работали они лучше; по большей части они доставались самому хану. Нѣкоторые Русскіе получали даже почетныя назначенія, имъ поручалось командованіе войскомъ или обученіе артиллеріи.

Персія однако доставляла самое большое число рабовъ. Туркмены захватывали на Персидской границѣ огромное количество персидскихъ „шіитовъ“ или еретиковъ. Туркмены нарочно обращались съ этими плѣнными какъ нельзя болѣе варварски. По свидѣтельству Вамбери, ихъ едва даже кормили, изъ опасенія что сытые они въ состояніи будутъ убѣжать. Уже не говоря о страшныхъ побояхъ бичомъ, ихъ истязали всевозможными пытками, которыя въ состояніи придумать одни только азіятскіе варвары. На ночь ихъ такъ крѣпко привязывали что они не могли ни стоять, ни сидѣть. Понятное дѣло что въ Хиву они доставлялись совершенными скелетами.

Насколько я однако въ состояніи былъ разузнать, въ самой Хивѣ рабы содержатся вовсе не такъ дурно. Имъ выдаютъ достаточное количество пищи и питья; что же касается одежды, то въ этомъ отношеніи между хозяиномъ и рабомъ почти что нѣтъ разницы. Да и работой они, какъ видно,

не были обременены, если нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось даже вырабатывать еще достаточно денегъ для выкупа себя изъ рабства.

Захватывали и Авганцевъ, но на основаніи предписаній Корана они не могли быть продаваемы въ рабство, будучи правовѣрными суннитами, а не еретиками. Однако жадные до добычи Туркмены и Хивинцы бичеваніемъ и другими пытками доводили этихъ несчастныхъ до признанія себя „шіитами“ и тогда продавали ихъ въ рабство за отступничество отъ истинной религіи. Евреевъ никогда не обращали въ рабство благодаря презрѣнію съ которымъ относятся къ нимъ всѣ магометане. Русскихъ захватывали Туркмены главнымъ образомъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, а Киргизы брали въ плѣнъ рыбаковъ сѣвернаго прибрежья этого моря, а также и другихъ Русскихъ по границамъ Оренбургской губерніи и Сибири.

Какъ Персіяне, такъ и всѣ другіе рабы съ безумнымъ восторгомъ привѣтствовали приближеніе Русскихъ, зная что занятіе Русскими какого бы то ни было пункта въ Центральной Азіи сопровождалось немедленнымъ освобожденіемъ рабовъ.

Тотчасъ по занятіи Хивы между рабами и хозяевами началась открытая война. Персіяне начали грабить Хивинцевъ, и послѣдніе стали приходить къ Русскимъ цѣлыми толпами, прося защиты отъ ярости Персіянъ. Для подавленія безпорядка были приняты строгія мѣры, двухъ Персіянъ уличенныхъ въ грабительствѣ судили военнымъ судомъ и повѣсили. Я видѣлъ ихъ тѣла, когда они висѣли на базарѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Я могу однако засвидѣтельствовать что многіе изъ русскихъ офицеровъ сильно осуждали это рѣшеніе, полагая что надо было принять во вниманіе и то что Персіяне имѣли болѣе чѣмъ достаточныя причины мстить своимъ хозяевамъ. Наказаніе это имѣло два послѣдствія, оно усмирило Персіянъ и поощрило ихъ хозяевъ къ новымъ истязаніямъ ихъ въ наказаніе за то какъ они воспользовались минутною свободой. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ приходили въ нашъ лагерь, показывая рубцы на подошвахъ и раны на икрахъ ногъ въ которыя насыпанъ былъ мелко нарѣзанный конскій волосъ.

Узнавъ объ этихъ звѣрствахъ, генералъ-Кауфманъ поручилъ хану издать прокламацію объ уничтоженіи рабства; при

этомъ ханъ сдѣлалъ ту смѣшную ошибку, о которой я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Прокламація эта была издана 12го (24го) іюня; глашатаи читали ее на улицахъ Хивы и ло всѣмъ главнымъ хивинскимъ городамъ.

Вѣрныхъ свѣдѣній о численности рабовъ мы добиться не могли. Матъ-Мурадъ на вопросъ объ этомъ отвѣчалъ что ихъ всего три или четыре тысячи. Потомъ же оказалось что у самого Матъ-Мурада ихъ было 400. По тѣмъ свѣдѣніямъ какія могли собрать, мы заключили что въ Хивѣ было около 30.000 Персіянъ, изъ которыхъ 27.000 состояли въ рабствѣ. Я слышалъ что одно время у Русскихъ было предположеніе надѣлить Персіянъ частью незаселенной хивинской земли; я не знаю, однако, приведена ли эта прекрасная мысль въ исполненіе. Часть Персіянъ Русскіе рѣшили выслать на родину. Составлено было три партіи — каждая человѣкъ въ 500, и персидскому правительству дано было по телеграфу знать чтобъ оно приняло ихъ на границѣ. Тѣ Персіяне которые высланы были на Красноводскъ и Киндерлинскую бухту благополучно достигли своего назначенія, тѣ же что̀ пошли на Атрекъ попались въ руки Туркменъ-Теке и встрѣтили злую смерть. Рабы оставшіеся въ Хивѣ хотя и считаются освобожденными, но житье имъ, какъ кажется, не лучше прежняго. Нѣкоторые русскіе офицеры были даже того мнѣнія что три четверти Персіянъ еще останутся въ положеніи рабовъ, и что мѣры принятыя въ этомъ отношеніи не достаточно рѣшительны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что это теоретическое уничтоженіе рабства неминуемо приведетъ и къ его дѣйствительному искорененію.

Центръ торговли ханства находится въ Яны-Ургенчѣ, верстахъ въ тридцати на сѣверо-востокъ отъ Хивы. Здѣсь проживаютъ самые богатые хивинскіе купцы, ведущіе оптовую торговлю съ Россіей, Бухарой и Персіей; въ самой же столицѣ денегъ мало и торговля незначительна. Въ Хивѣ насчитывается до 300 лавокъ, но товару въ нихъ немного, да и открыты онѣ ло большей части бываютъ всего два дни въ недѣлю, въ понедѣльникъ и четвергъ, базарные дни; въ остальные дни недѣли не производится почти никакихъ торговыхъ оборотовъ.

На базарахъ и въ лавкахъ продаются слѣдующіе товары: слѣлые и сухіе фрукты, пшеница, рожь, джугара, клеверное сѣмя, хлѣбъ, русскій сахаръ, зеленый чай, доставляемый изъ

Индіи на Бухару, русскія бумажныя и бухарскія шелковыя матеріи, одѣяла, салоги и башмаки, мѣдные товары, чугунная посуда, чайники, чайныя чашки и блюдца, также доставляемыя изъ Россіи.

Уже изъ этого краткаго перечня видно что бо́льшая часть торговли производится съ Россіей. Изъ англійскихъ товаровъ попадаются только дешевый ситецъ и кисея со штемпелемъ Гласго. Русскій ситецъ болѣе легкой доброты и продается отъ десяти до пятнадцати колѣекъ за аршинъ.

Хивинскіе фрукты замѣчательно хороши и изобильны, и въ сухомъ видѣ они составляютъ главный предметъ вывоза изъ ханства въ Россію. Дыни необыкновенно вкусны и сѣются въ огромномъ количествѣ; созрѣваютъ онѣ въ первой половинѣ іюня и лѣтомъ составляютъ главную пищу Хивинцевъ. Дыни встрѣчаются во множествѣ, различныхъ сортовъ, и продаются колѣекъ по пяти за штуку. Арбузы и гранаты позднѣе. Огурцы въ Хивѣ такой же формы какъ и дыни, и внутренность ихъ даже очень схожа.

Шелковое производство довольно развито въ Хивѣ. Весь оазисъ засаженъ тутовыми деревьями и во всякомъ сельскомъ домѣ находили мы двѣ даже три большія комнаты, наполненныя трудолюбивыми маленькими прядильщиками, питающимися тутовыми листьями. Хотя весь процессъ шелковаго производства устроенъ на самый первобытный ладъ, но матеріи тѣмъ не менѣе выдѣлываются очень красивыхъ узоровъ и удивительной прочности. Часто всѣ работы, пряжа нитокъ, крашенье и самое тканье матерій, производятся въ одномъ семействѣ однимъ или двумя его членами. Цвѣта очень хороши, но располагать ихъ туземцы не умѣютъ. Искусство такъ располагать узоры и цвѣты что они выдѣляются на солнцѣ будто сами свѣтятся—это искусство которымъ такъ славятся бухарскіе и коканскіе ткачи — Хивинцамъ совершенно неизвѣстно. Единственный ихъ способъ размѣщенія цвѣтовъ здѣсь состоитъ въ расположеніи ихъ красными, желтыми, лурлуровыми и бурыми полосами.

Проходя хивинскими улицами, вы встрѣтите многія стѣны совершенно увѣшанныя шелковою пряжей, которую красильщики вывѣсили сушить, и если вы не остережетесь вовремя, то все платье ваше будетъ обрызгано разноцвѣтными каплями, стекающими съ массъ шелка, свѣсившихся надъ головами прохожихъ. При ближайшемъ осмотрѣ эти факто-

ріи едва ли напомнятъ вамъ о громадной мануфактурѣ Bonnet въ Ліонѣ, но и онѣ въ своемъ родѣ интересны, представляя собою цѣлую отрасль существованія этого страннаго, затеряннаго въ лескахъ народа. Первая, однако, операція шелковаго производства, состоящая въ размоткѣ нитей съ коконовъ, до того схожа со способами употребляемыми на огромной фабрикѣ Bonnet что если эта работа остановится у него за недостаткомъ рабочихъ рукъ, ему легко будетъ найти для этого дѣла искусныхъ рабочихъ въ Хивѣ. Вы видите такіе же маленькіе желтые шарики, прыгающіе въ тазахъ горячей воды въ то время какъ нити наматываются на шлульки и носъ вашъ чувствуетъ тотъ же непріятный запахъ. Я даже замѣтилъ что какъ на ліонскихъ фабрикахъ, такъ и тутъ на составленіе первой нити берутся пять коконовъ. Машина при работѣ употребляется самая простая: большое деревянное колесо футовъ восьми въ діаметрѣ поворачивается рукою и приводитъ въ движеніе множество маленькихъ шлулекъ, на которыя наматываются нити коконовъ. Одно или два мотовила для изготовленія основы составляютъ всѣ машины отдѣленія гдѣ производится сученіе пряжи. Ткацкій станокъ еще того проще. Для раздѣленія основы и пролуска челнока не существуетъ никакого механическаго приспособленія и положительно нельзя не удивляться какъ при такихъ первобытныхъ снарядахъ Хивинцамъ еще удается выдѣлывать такъ много хорошаго шелка.

XVII. Обѣдъ у Узбека.

Мирза-Хакимъ коканскій посланникъ въ Ташкентѣ. Не могу сказать чѣмъ онъ былъ во времена своей вѣрности азіятизму; теперь же, во всякомъ случаѣ, онъ славный малый. Говоритъ по-русски, провелъ зиму въ Петербургѣ и былъ принятъ въ лучшихъ кругахъ тамошняго общества. Онъ держитъ сторону Патти противъ Нильсонъ, пьетъ шампанское, куритъ папиросы, словомъ, цивилизованъ вполнѣ.

Контрастъ между нимъ и его царственнымъ повелителемъ поразителенъ.

Худояръ-Ханъ представляетъ собою совершенный образецъ среднеазіятскаго властелина. До шестнадцатилѣтняго возраста онъ былъ подъ опекой нѣкоего Мусульманъ-Куля,

который правилъ страной его именемъ, угнеталъ народъ, совершалъ всякія жестокости и крѣпко держалъ бразды правленія въ своихъ рукахъ. Чтобы не дать возможности хану пріобрѣсти себѣ друзей и съ ихъ помощію предъявить въ одинъ прекрасный день свои права на престолъ, хитрый министръ этотъ совсѣмъ не давалъ ему денегъ, а самого его держалъ на положеніи заключеннаго съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ.

Наконецъ нескончаемыя безчинства Мусульманъ-Куля довели народъ до возстанія. Молодой ханъ принялъ довольно оригинальное рѣшеніе присоединиться къ партіи бунтовщиковъ, хотя номинально возстаніе направлялось противъ его собственнаго правленія. Бунтовщики встрѣтили его съ открытыми объятіями; произошла битва, Мусульманъ-Куль былъ сверженъ и захваченъ съ 500 приверженцами.

По вступленіи своемъ на престолъ, молодой ханъ торжествовалъ это радостное событіе рядомъ блистательныхъ праздниковъ, длившимся цѣлыхъ два мѣсяца. И не будучи злопамятенъ онъ приглашалъ Мусульманъ-Куля присутствовать при каждомъ торжествѣ. Каждый такой праздникъ ознаменовывался живою картиной весьма пріятнаго содержанія—для Мусульманъ-Куля въ особенности—а именно, казнилось человѣкъ пятнадцать-двадцать изъ его прежнихъ сторонниковъ и приближенныхъ. Этотъ интересный спектакль повторялся ежедневно въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, и Мусульманъ-Куль прилежно посѣщалъ каждое представленіе. Наконецъ, когда покончили со всѣми его приближенными, то пригласили его самого промѣнять роль зрителя на роль главнаго дѣйствующаго лица. Сказавъ только „Аллахъ акбаръ“—Аллахъ великъ, Муссульманъ-Куль спокойно подставилъ свою голову подъ ножъ палача.

Однажды Мирза-Хакимъ пришелъ ко мнѣ, приглашая меня на обѣдъ къ одному изъ своихъ пріятелей, сосѣднему Узбеку. Я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе. Послѣ часоваго переѣзда садами мы очутились у дома Узбека. Это было большое прямоугольное зданіе такой же постройки какъ и описанныя мною прежде узбекскія жилища. Тяжелая изогнутая стѣна окружала строенія и оцѣпляла собой акровъ шесть земли. Для Хивы это было большое помѣстье, и потому надо было полагать что хозяинъ нашъ принадлежалъ къ богатому классу земельныхъ собственниковъ. Пройдя

чрезъ большой, грубой отдѣлки входъ мы очутились на маленькомъ дворѣ, со множествомъ стойлъ по сторонамъ. Прямо предъ собой увидали мы входъ въ самый домъ, предъ которымъ стоялъ хозяинъ со своими родственниками и гостями, готовясь встрѣтить и привѣтствовать насъ. Въ домъ онъ насъ однако не повелъ, а проводилъ узкими воротами влѣво, въ окружающій садъ. Подъ вязами раскинута была палатка, а на зеленой полянѣ у маленькаго бассейна воды были разостланы для насъ ковры.

Трудно бы найти болѣе пріятное мѣсто для обѣда. Какъ я сказалъ, садъ разстилался на нѣсколько акровъ кругомъ и былъ засаженъ фруктовыми деревьями, подъ которыми по всѣмъ направленіямъ протекали маленькіе каналы прозрачной воды. Въ сторонѣ отъ мѣста гдѣ мы расположились виднѣлось нѣсколько домиковъ, въ родѣ бесѣдокъ, занятыхъ, повидимому, семействомъ хозяина. Многіе члены его семейства собрались кругомъ насъ и осматривали насъ съ большимъ любопытствомъ, но въ то же время почтительно; другіе же помогали намъ стягивать наши тяжелые сапоги и подставляли туфли.

Повидимому, Узбекъ приложилъ всѣ старанія чтобъ устроить намъ великолѣпный пріемъ: онъ не только предложилъ намъ русскихъ папиросъ, но угощалъ и наливкой. Папиросы и вино были добыты отъ русскихъ купцовъ, которые въ числѣ десяти-двѣнадцати человѣкъ появились тотчасъ по занятіи Хивы, привезли шампанское и другія вина, табакъ и множество всякихъ товаровъ—примѣръ энергіи русскихъ купцовъ въ распространеніи русской торговли въ Центральной Азіи.

Немного погодя на коврѣ разстелили скатерть и внесли обѣдъ. Вмѣсто того чтобъ откладывать десертъ до конца обѣда, когда вы не въ состояніи уже оцѣнить его по достоинству, въ Центральной Азіи его подаютъ прежде ѣды. Итакъ, первымъ поданнымъ намъ блюдомъ были фрукты, абрикосы, дыни и тутовыя ягоды. Затѣмъ послѣдовали сласти нѣсколькихъ сортовъ, очень цѣнимыхъ въ Центральной Азіи. Онѣ напоминаютъ нѣсколько пастилу съ прибавленіемъ зеренъ различныхъ орѣховъ, бываютъ всевозможныхъ цвѣтовъ—красныя, зеленыя и желтыя и очень вкусны. Затѣмъ поданъ былъ какой-то пѣнистый составъ, напоминающій вкусомъ сливочное мороженое, только не холодное. Такъ какъ составъ этотъ почти совершенно жидокъ, а ложекъ намъ не

подаютъ, то мы мочимъ въ немъ свои тонкія пшеничныя лепетки. Дальше слѣдуютъ орѣхи всевозможныхъ сортовъ наливка и наконецъ piècе de résistance, предъ нами ставится дымящійся пилавъ, состоящій изъ огромнаго количества риса, обжареннаго вмѣстѣ съ сочными кусками баранины. Блюдо это вовсе не дурно и представляетъ главную основу хивинскаго обѣда.

Внесли большія трубки и я съ удовольствіемъ сталъ думать что вотъ предстоитъ мнѣ наконецъ насладиться куреньемъ такого же прекраснаго табака какъ настоящій турецкій. Меня однако ждало маленькое разочарованіе. Трубка состояла изъ большой выдолбленной тыквы около фута вышиною; она была почти наполнена водою, а на верху ея была головка набитая уже зажженнымъ табакомъ, которая сообщалась съ водою посредствомъ трубы. Съ обѣихъ сторонъ при вершинѣ, тотчасъ надъ водой, было по отверстію, но чубука не имѣлось. Вы просто берете всю эту посудину въ руку и дуете въ одно изъ отверстій чтобы выгнать весь дымъ что̀ еще есть внутри. Затѣмъ прикрываете пальцемъ отверстіе съ одной стороны и приставляете ротъ къ другому, втягивая дымъ себѣ въ легкія; для этой операціи требуется не мало ловкости и проворства чтобы не обжечь себѣ ротъ и не опалить бровей. Конечно я затянулся не болѣе двухъ-трехъ разъ и радъ былъ приняться опять за папиросы.

Послѣ обѣда пошли мы осматривать все хозяйство и Узбеки показывали намъ все повидимому съ большимъ удовольствіемъ. Осматривать однако оказалось почти нечего кромѣ плуга, не болѣе, вѣроятно, мудраго устройства чѣмъ тотъ что̀ употреблялся Адамомъ, нѣсколькихъ мотыгъ и грабель, двухъ-трехъ телѣгъ или арбъ, по мѣстному названію, да нѣсколькихъ косъ. Затѣмъ хозяинъ повелъ насъ на гумно, гдѣ стояли большіе стога свѣжаго сѣна и только-что скошенной пшеницы и ячменя; я было надѣялся что онъ проведетъ насъ и въ домъ, покажетъ его внутреннее устройство, свою жену и дѣтей,—но въ этомъ я ошибся.

Въ послѣдствіи мнѣ представился случай осмотрѣть внутренность узбекскаго дома, и я думаю что жилище угощавшаго насъ Узбека не очень уклонялось отъ видѣннаго мною образца. Роскоши въ убранствѣ домовъ не встрѣчается даже у самыхъ богатыхъ людей; въ этомъ отношеніи

бѣдные стоятъ на одномъ уровнѣ съ богачами. Нѣсколько ковровъ на полу, одѣяла и подушки у стѣнъ, на стѣнахъ полки для глиняной посуды и китайскаго фарфора, нѣсколько тяжелыхъ, пожелтѣлыхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ, банки съ вареньемъ и консервами изъ фруктовъ — вотъ и все что вы найдете въ комнатахъ. Двѣ или три комнаты обыкновенно устраиваются совершенно особеннымъ образомъ и снабжены полнымъ освѣщеніемъ. Въ такой комнатѣ одна изъ стѣнъ не доведена до верху на довольно большое пространство, въ которое заглядываютъ вѣтви вязовъ растущихъ у наружной стѣны. Эффектъ производимый этимъ устройствомъ очень оригиналенъ и не лишенъ нѣкоторой пріятности. Такая комната обыкновенно окружена глиняными стѣнами, имѣетъ неровный полъ, въ ней помѣщается первобытнѣйшая домашняя утварь, а иногда застанете въ ней еще тлѣющій костеръ; со средины же ея можете любоваться на голубые клочки неба, виднѣющіеся сквозь листву вязовъ. Выдающаяся сверху крыша защищаетъ отъ дождя; въ холодную же погоду, конечно, подобная комната остается не занятою.

Нѣсколько комнатъ отводится подъ шелковичныхъ червей, забота о которыхъ возлагается на женщинъ. О шелковичныхъ червяхъ очень пекутся, такъ какъ бо́льшая часть расходовъ по дому оплачивается ихъ коконами.

Но возвратимся теперь къ моему хозяину. Солнце сѣло и готовилась главная забава вечера. Мы возвратились на лужайку гдѣ обѣдали, сѣли и принялись опять за трубки и папиросы. Выступили впередъ два мальчика, одинъ лѣтъ восьми, другой около десяти, и сдѣлавъ почтительный *салаамъ*, приготовились къ пляскѣ. Они были одѣты просто въ длинные, почти до пятъ, широкіе хивинскіе халаты, головы ихъ были обриты, только за каждымъ ухомъ оставлено было по одной длинной прядкѣ, спускавшейся имъ на плечи; они были босикомъ, на головахъ имѣли маленькія коническія ермолки. Это были очень красивыя дѣти съ большими глазами, осѣненными густыми, длинными рѣсницами; они казались очень веселыми, живыми и вполнѣ довольными своею судьбой; я даже удивлялся какъ могли ихъ лица сохранить такое разумное, ясное выраженіе при такомъ унизительномъ занятіи.

Вокругъ собралась небольшая толпа домашнихъ и при-

ТАНЦУЮЩІЕ МАЛЬЧИКИ.

слуги принимавшаго насъ Узбека. Выступилъ оборванный музыкантъ, держа въ рукахъ трехструнную гитару, очень напоминавшую тѣ что найдены были въ ханскомъ дворцѣ и которыя я уже описывалъ. Присѣвъ на землю подъ деревомъ, онъ сталъ лѣть, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Манера его пѣнія нѣсколько походила на киргизскую; въ ней не слышалось никакой мелодіи, да повидимому и не было никакого музыкальнаго склада, просто тянулся нескладный визгъ, по временамъ прерываемый восклицаніями. Акомпаниментъ гитары былъ хотя и странный, но тѣмъ не менѣе пріятный. Мальчики начали плясать. Сначала ихъ движенія были довольно плавны и медленны, они просто перепрыгивали съ одной ноги на другую въ тактъ музыкѣ, хлопая руками надъ головой и изгибаясь въ разнообразныхъ граціозныхъ позахъ и движеніяхъ. Скоро однако музыка оживилась и мальчики постепенно воодушевились. Дико хлопали они руками, издавали отрывочные крики и наконецъ стали кувыркаться, бороться другъ съ другомъ и кататься по полу. Это, повидимому, приводило зрителей въ восторгъ, они аплодировали отъ чистаго сердца. Самъ Узбекъ былъ очень доволенъ, хохоталъ самымъ дикимъ образомъ и, поднявъ съ земли мальчиковъ, ласково съ ними разговаривалъ, угощая ихъ лакомствами. Представленіе это повторялось, почти безъ варіацій, разъ пять въ теченіи вечера.

Когда стемнѣло вынесли факелы и размѣстили ихъ вокругъ, воткнувъ въ землю или привязавъ къ стволамъ и сучьямъ деревьевъ. Красивѣйшій изъ двухъ мальчиковъ теперь переодѣлся дѣвочкой; на руки и на ноги его навязаны были маленькіе колокольчики, а на головѣ была надѣта красивая лестро-изукрашенная шапочка, покрытая колокольчиками и серебряными бляхами, съ вуалемъ, свѣшивавшимся назади. Онъ протанцовалъ новый танецъ, болѣе спокойный и скромный чѣмъ въ костюмѣ мальчика. Около четверти часа спустя выступилъ и другой мальчикъ, и оба стали танцовать, очень хорошо изображая сцену влюбленныхъ. Тотъ что разигрывалъ роль дѣвушки представился обиженнымъ, отворачивался отъ другаго, повидимому сердясь и дуясь. Другой мальчикъ сталъ выплясывать вокругъ этой оскорбленной дѣвицы, ухищряясь всевозможными ласками привести ее въ хорошее настроеніе. Не добившись однако ничего, онъ также разсердился и началъ дуться въ свою

очередь. Барышню эта уловка нѣсколько смягчила, и она, въ свою очередь, прибѣгла ко всевозможнымъ способамъ примиренія. Молодой влюбленный, выдержавъ еще немного роль сердитаго, наконецъ сдался, они стали танцовать вмѣстѣ самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ и наконецъ убѣжали со сцены, сопровождаемые хохотомъ публики. Все это разыграно было очень граціозно и со смысломъ. Мимика того который представлялъ дѣвочку была въ особенности мила и кокетлива. Колеблющійся свѣтъ факеловъ, освѣщающій нависшія вѣтви, дикія лица окружающихъ, двое дѣтей, разыгрывающихъ любовную сцену—все это сливалось въ оригинальную, живописную картину.

Время было позднее. Такъ какъ мы съ Мирзой-Хакимомъ располагали вернуться въ лагерь до разстановки ночныхъ патрулей, то и не справились объ условленномъ паролѣ для прохода. Итакъ, возвращеніе въ лагерь не обѣщало быть пріятнымъ: уже не говоря о томъ что пришлось бы ѣхать садами, во тьмѣ кромѣшной, трудно было пробраться и мимо русскихъ часовыхъ. Мы рѣшились провести у Узбека всю ночь; онъ, однако, и тутъ не пригласилъ насъ въ домъ; а велѣлъ разстелить намъ одѣяла и уложить подушки въ палаткѣ. Мы съ Мирзой - Хакимомъ разлеглись и скоро заснули. Ночью мы были разбужены дождемъ, бившимъ намъ въ лицо; сдвинувъ плотно полы палатки мы легли опять и умудрились не очень промокнуть, несмотря на ливень. На слѣдующее утро, позавтракавъ, мы дружески распрощались съ хозяиномъ, сѣли на коней и вернулись въ лагерь.

XIX. Два портрета Русскихъ.—Андрей Александровичъ. Иванъ Ивановъ.

Андрей Александровичъ принадлежитъ къ одной изъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій—а это вещь не послѣдняя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ фамилій ведутъ свою родословную съ восьмаго вѣка, отъ владѣтельныхъ князей въ то время раздробленной Русской земли. Въ этотъ длинный, чуть ли не тысячелѣтній періодъ времени, фамилія Андрея Александровича мало переродилась; многіе изъ ея членовъ еще могутъ похвастаться такою же физическою силой и выносливостью, какія доставили владычество ихъ пред-

УЗБЕКСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. (*Съ рисунка Верещагина.*)

камъ. Въ ихъ средѣ нерѣдко можно встрѣтить, какъ и въ другихъ хорошихъ фамиліяхъ, человѣка который также легко ломалъ пальцами пятифранковую монету, какъ свинцовую пластинку. Родственники Андрея Александровича сохранили всю свою родовую гордость; едва ли даже кто изъ Гогенцоллерновъ такъ гордится древностію своего происхожденія.

У родителей Андрея Александровича большое имѣніе въ Харьковской губерніи; не одною тысячью душъ владѣли они во времена крѣпостнаго права, да и теперь еще очень богаты. Отецъ его отличился во время Наполеоновскихъ войнъ, дослужился до высокаго чина и многочисленныхъ орденовъ. Естественно что онъ и сына своего пожелалъ вести къ той же карьерѣ. Безъ труда помѣстили Андрея съ раннихъ лѣтъ въ Пажескій Корпусъ; здѣсь его баловали дамы, глаживалъ по головкѣ Великій Князь, а подчасъ и самъ Государь. Здѣсь обучился онъ танцовать, пѣть и фехтовать, отвѣчать комплиментомъ на комплиментъ, сарказмомъ на сарказмъ, научился также и всѣмъ прочимъ искусствамъ предназначеннымъ для того чтобы снискивать благосклонность дамъ и отличія въ средѣ мущинъ. Кончивъ курсъ наукъ въ высшемъ военномъ заведеніи, онъ произведенъ былъ въ чинъ прапорщика и принятъ въ гвардію.

Гвардейская карьера самая модная въ Россіи. Рѣдко можно встрѣтить человѣка съ претензіей на свѣтскость который хотя бы короткое время не числился въ этомъ привилегированномъ корпусѣ. Это corps d'élite Имперіи, центръ всего того бѣшенаго кутежа, дурачества и мотовства, которымъ такъ славится Петербургъ. Надо бы имѣть болѣе холодную голову и болѣе флегматическую натуру, чѣмъ тѣ которыми природа надѣлила бо́льшую часть русской молодежи, чтобы пройти этотъ водоворотъ не потерпѣвъ финансоваго крушенія.

Андрей Александровичъ изъ общаго правила исключенія не составляетъ. Трехлѣтняго пребыванія въ гвардіи оказалось достаточнымъ для его разоренія. Въ это время ему не только удалось промотать все свое состояніе, но и посчастливилось влѣзть по уши въ долги. Гвардію приходится оставить за неимѣніемъ средствъ въ ней поддерживаться, и онъ переходитъ въ армію.

И вотъ, Андрей Александровичъ проводитъ нѣкоторое время въ какомъ-то переходномъ состояніи, увертываясь отъ кредиторовъ, проводя квартирныхъ хозяевъ и содержателей

ресторановъ, не думая о будущемъ, а перебиваясь кое-какъ, изо дня на день, своею изобрѣтательностью да искусствомъ играть въ карты. Но это конечно не можетъ продолжаться долго, и Андрею Александровичу приходится наконецъ выбирать одинъ изъ слѣдующихъ трехъ исходовъ: жениться на богатой кулчихѣ и тѣмъ поправить свое состояніе; попытать счастія въ статской службѣ; или же наконецъ перейти въ Туркестанъ.

Тихія радости семейной жизни не представляютъ еще пока особенной прелести въ глазахъ Андрея Александровича; къ статской службѣ также призванія онъ не чувствуетъ; на сторону же Туркестана тянетъ еще перспектива обаятельнаго разгула походной жизни, съ двойнымъ окладомъ жалованья и двойною возможностью выслужиться. Надо замѣтить что Туркестанъ въ новѣйшія времена играетъ роль прежняго Кавказа, представляя готовое убѣжище для людей подобныхъ Андрею, которые растратили свое состояніе, но не лишились еще послѣдней надежды выбраться изъ своего положенія. Итакъ, распрощавшись со своими петербургскими друзьями, Андрей Александровичъ пускается въ дальній путь, а по достиженіи Казалы немедленно получаетъ приказъ идти впередъ чтобы принять участіе въ осадныхъ дѣйствіяхъ подъ Акъ-Мечетью.

Въ день своего прибытія онъ застаетъ все готовымъ къ приступу и, ни мало не медля, вызывается вести охотниковъ; его храбрость доставляетъ ему разомъ орденъ и два чина, и фортуна, повидимому, снова ему улыбается. Но Андрей Александровичъ имѣетъ способность быстрѣе разсточать дары фортуны, чѣмъ они могутъ сыпаться на него, хотя бы ему цѣлая сотня бабушекъ ворожила.

Въ одно прекрасное утро выходитъ онъ на прогулку за городъ, съ цѣлью зайти по дорогѣ въ кибитку одной молодой дамы киргизскаго племени, прелести которой удостоились его вниманія. Въ кибиткѣ этой застаетъ онъ своего товарища по службѣ Степана Ивановича. А Степанъ Ивановичъ, надо замѣтить, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей которыхъ Андрей Александровичъ не долюбливаетъ. Уже не одинъ разъ завязывалась между ними ссора или за карточнымъ столомъ, или подъ хмѣлькомъ, за стаканами; а такъ какъ заносчивый нравъ Андрея Александровича всѣмъ извѣстенъ, то не разъ уже товарищи совѣтовали ему избѣгать по

возможности встрѣчъ со Степаномъ Ивановичемъ. Андрей Александровичъ обѣщалъ избѣгать столкновеній; но встрѣча при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могла кончиться иначе какъ дуэлью. Дуэль происходитъ, и при первомъ выстрѣлѣ Степанъ Ивановичъ получаетъ пулю въ сердце. Андрей Александровичъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. Такимъ-то образомъ онъ лишается не только всего что̀ заслужилъ въ Туркестанѣ, но еще кое-чего изъ прежнихъ отличій.

Въ Центральной Азіи, однако, гдѣ почти постоянно происходятъ стычки съ непріятелемъ, храброму офицеру не долго приходится ждать случая отличиться. Черезъ два, три года Андрею Александровичу возвращается прежній чинъ и перепадаетъ нѣсколько новыхъ орденовъ. Тѣмъ временемъ Русскіе подвинулись вглубь Туркестана, и генералъ Черняевъ осадилъ стѣны Ташкента. Здѣсь опять представилась Андрею Александровичу возможность отличиться и онъ ею воспользовался слѣдующимъ образомъ.

Въ самомъ разгарѣ осадныхъ дѣйствій, онъ затѣваетъ ссору съ однимъ изъ товарищей-офицеровъ, который обвиняетъ его въ недостаткѣ храбрости. Не вступая въ дальнѣйшія по этому предмету препиранія, Андрей Александровичъ предлагаетъ своему противнику вмѣстѣ сдѣлать приступъ на городскія стѣны. Безо всякаго на то разрѣшенія со стороны начальства, эти два офицера выстраиваютъ своихъ людей и устремляются на приступъ. Стѣны окружены широкимъ и глубокимъ рвомъ, сами онѣ вышиною футовъ въ тридцать, бреши никакой еще пробито не было, а у солдатъ даже и лѣстницъ нѣтъ. Легко можно вообразить себѣ результатъ такого приступа. Одна половина людей остается во рву, другимъ, послѣ такой безумной попытки, едва удается спастись отступленіемъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ открытымъ по нимъ со стѣнъ; Андрей Александровичъ самъ получаетъ три раны и уносится своими солдатами съ мѣста дѣйствія; противникъ же его, другой офицеръ, лежитъ въ числѣ мертвыхъ. За этотъ неудачный подвигъ его, понятное дѣло, опять разжаловали въ рядовые.

Въ слѣдующіе годы Андрею Александровичу почти не представлялось случаевъ отличиться, и онъ ведетъ безцѣльную, беззаботную, бродяжническую жизнь, которая въ Центральной Азіи имѣетъ своего рода прелесть. Цѣлые дни одинъ

за другимъ проводитъ онъ въ куреньѣ, питьѣ водки, карточной игрѣ; единственное развлеченіе среди этого разнообразія представляетъ изрѣдка охота на тигровъ.

Андрей Александровичъ былъ однимъ изъ первыхъ людей который подошелъ ко мнѣ ло пріѣздѣ моемъ въ армію генерала Кауфмана; завязавшееся при лодобныхъ обстоятельствахъ знакомство наше быстро перешло въ короткость, а затѣмъ и въ дружбу. Этимъ временемъ, послѣ двадцатилѣтней службы, онъ достигъ высокаго чина пралорщика. Такая несообразность лѣтъ съ чиномъ вовсе однако не поражаетъ васъ съ перваго раза, потому что человѣкъ этотъ точно одаренъ вѣчною молодостью. Хотя въ дѣйствительности ему уже около сорока, на видъ вы ему никакъ не дадите болѣе двадцати лѣтъ, несмотря на безобразную жизнь которую онъ велъ.

Такого славнаго малаго я еще въ жизнь свою не встрѣчалъ; щедрость въ немъ доходила до излишества. Никогда не заботясь о будущемъ, онъ въ одно утромъ лотратитъ бывало на завтракъ товарищамъ лолтораста рублей, выигранные за ночь въ карты, а на слѣдующій день идетъ занимать денегъ на локулку себѣ чая съ сахаромъ и лошади своей ячменя. Храбрый какъ левъ, онъ лойдетъ на отчаянный приступъ, выйдетъ и на трехмѣсячный переходъ пустыней и на простой парадъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ и беззаботностію, и даже чуть ли не съ одинаковыми приготовленіями. Въ сущности онъ и въ Хивинскую кампанію выступилъ всего съ трехдневнымъ запасомъ провизіи.

Андрей Александровичъ хорошо знаетъ иностранные языки—но и это не ло своей винѣ. Въ дѣтствѣ къ нему приставлена была Англичанка, Француженка и Нѣмка, и онъ такимъ образомъ научился ихъ языкамъ какъ своему собственному, безо всякаго труда и старанія. Теперь же онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Туркестанѣ, а между тѣмъ почти ни слова не понимаетъ по-татарски. Что онъ знаетъ въ военномъ дѣлѣ—а знаетъ онъ не мало—добыто имъ не изъ книгъ, а по личному опыту. Онъ обладаетъ даже не малымъ литературнымъ талантомъ; а французскіе стихи пишетъ съ замѣчательною легкостью.

Послѣ Хивинской кампаніи онъ получилъ два ордена, Св. Владиміра и Анну. Предлагалось и повышеніе въ чинѣ, но онъ отказался „Видите-ли“, сказалъ онъ мнѣ, „разница

въ жалованьѣ прапорщика и поручика такъ незначительна, что не стóитъ и говорить объ ней. А въ мои лѣта рѣшительно все равно быть тѣмъ, или другимъ. Да не всякому и удается быть прапорщикомъ въ тридцать восемь лѣтъ."

— Мнѣ кажется я бы предпочелъ повышеніе ордену, замѣтилъ я.

— И дурно бы сдѣлали. А у меня еще есть почтенная тетушка съ материной стороны, которая, какъ услышитъ что я дослужился до Владиміра—вѣдь это высшій орденъ, вы знаете, за Георгіемъ—такъ ужь навѣрное разщедрится тысячъ на двадцать.

— Ну, а на долго ли вамъ станетъ этихъ денегъ? спрашиваю я.

— Да на годъ, а можетъ-быть на два. На что̀ же и деньги если ихъ не тратить и ничего за нихъ не имѣть!

Андрей Александровичъ представляетъ собою преувеличенный типъ довольно значительнаго числа русскихъ офицеровъ. Конечно немногіе бываютъ по нѣсколько разъ въ жизнь разжалованы въ рядовые и немногіе остаются прапорщиками до сорока лѣтъ, но въ остальныхъ отношеніяхъ карьера многочисленнаго разряда схожа съ карьерой Андрея Александровича. Почти всѣ побывали въ гвардіи, промотали въ ней свое состояніе, и пошли по избитымъ слѣдамъ своихъ предшественниковъ. О будущемъ никто изъ нихъ не заботится, порѣшивъ пользоваться лишь настоящимъ; и всѣ ведутъ ту же беззаботную, бродяжническую жизнь. Бóльшую часть времени убиваютъ за карточною игрой; эта манія игры доходитъ во всѣхъ классахъ русскаго общества до невѣроятныхъ размѣровъ. Офицеровъ же я не рѣдко видалъ играющими по двое сутокъ, почти не вставая съ мѣста. Большинство ничего не изучаютъ и не болѣе своихъ солдатъ заботятся о будущихъ дѣйствіяхъ арміи и даже о приказахъ на слѣдующій день. При такой кампаніи какъ настоящая, за исключеніемъ нѣсколькихъ штабныхъ офицеровъ, ни у кого не было картъ; они даже не знали великъ ли предстоялъ переходъ до слѣдующаго колодца. Хотя всѣ они хорошо знакомы съ иностранными языками, но во всемъ русскомъ отрядѣ не нашлось бы и трехъ офицеровъ знающихъ языкъ туземный.

Изо всего этого однако никакъ не слѣдуетъ заключать что русскіе офицеры плохи. Храбры они какъ львы; едва ли вы

найдете въ средѣ ихъ хотя одного который остановился бы предъ самымъ отчаяннымъ предпріятіемъ или не пошелъ бы на вѣрную смерть съ такимъ же равнодушіемъ какъ на обѣдъ. Приказы выполняются ими съ какимъ-то слѣпымъ, неразсуждающимъ героизмомъ, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только героизмъ ихъ солдатъ. Къ тому же всѣ они щедры, добры и веселы, всегда готовы встрѣтить васъ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, и въ концѣ-концовъ вы не можете отъ души не полюбить и не уважать ихъ.

Иванъ Ивановъ состоитъ рядовымъ въ полку Андрея Александровича.

Родился Иванъ Ивановъ крѣпостнымъ Андрея Александровича и ничѣмъ не походилъ на этого молодаго барича. Но чтобы вѣрно оцѣнить нравъ Ивана Иванова необходимо имѣть нѣкоторое понятіе и объ отцѣ его, Иванѣ Михайловѣ. Иванъ Михайловъ крестьянинъ, и цѣлыя поколѣнія его предковъ были крѣпостными предковъ Андрея Александровича. Въ жизнь свою не видалъ онъ ничего кромѣ тяжелой работы и самой плохой пищи. До освобожденія крестьянъ приходилось ему работать четыре дня изъ семи на барина, на своихъ харчахъ, поставляя своихъ лошадей и орудія; на содержаніе же себя съ семействомъ предоставлялось ему работать въ остальные три дня.

Если принять во вниманіе что цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ году въ Россіи и работать невозможно, благодаря климату, то понятное дѣло что жизнь на долю Ивана выпала не красная. Проработавъ, бывало, цѣлый день на помѣщика, онъ еще половину ночи работаетъ на себя и всю жизнь свою проводитъ на пустыхъ щахъ съ похлебкой да на черномъ хлѣбѣ. Жилище его состоитъ изъ одной избы въ которой тѣснятся всѣ члены семьи — старые старики и малые ребята. Женатые сыновья его съ женами и дѣтьми живутъ съ нимъ же, въ той же избѣ, въ той же комнатѣ. Нельзя и ожидать чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ Иванъ Михайловъ могъ отличаться особенною утонченностью нравовъ, образованіемъ и просвѣщеннымъ образомъ мыслей. Онъ, напротивъ того, отличается именно отсутствіемъ всѣхъ этихъ качествъ. Неразвитъ и суевѣренъ онъ до крайности; но найдутся въ немъ и хорошія черты. По природѣ онъ не жестокъ

и не безчеловѣченъ, нѣтъ въ немъ никакихъ унизительныхъ пороковъ. Слабая сторона у Ивана Михайлова та же что и у Наполеона I. Это фатализмъ. Дѣйствуетъ онъ однако на Ивана Михайлова совершенно другимъ образомъ, не только не надѣляя его безумною отвагой и рѣшимостью на всякій рискъ, а напротивъ того, развивая въ немъ какую-то безнадежность. У Ивана Михайлова нѣтъ восторженной вѣры въ свою звѣзду. Онъ даже и не знаетъ что у него есть звѣзда, а если и знаетъ, то считаетъ ее злополучною и обманчивою звѣздой, на которую не только нельзя полагаться, а скорѣе приходится ее избѣгать и проклинать.

Изба ли его загорится—Господня на то воля, и онъ оставляетъ ее догорать до тла. Грѣхъ противиться Божьему суду. Заболѣетъ онъ—лѣчиться не станетъ по той же причинѣ. Самому ли ему придется сплоховать, присвоить себѣ чужое добро или деньги—опять-таки не его въ томъ вина, и онъ твердо стоитъ на томъ что его лукавый полуталъ, а самъ онъ въ дѣлѣ томъ неповиненъ.

По правдѣ говоря, въ Иванѣ Михайловѣ не существуетъ никакой свободной инициативы. Цѣлые вѣка нравственнаго угнетенія тяготѣвшіе надъ его предками и надъ нимъ самимъ довели его до этого фатализма. Къ чему противиться неизбѣжному? Къ чему бороться противъ неодолимаго? И потому весь образъ мыслей Ивана и всѣ его чувства подернуты какимъ-то мрачнымъ колоритомъ, проникнуты горечью и унынiемъ.

Разказы его всѣ имѣютъ трагическое окончаніе, самого его осаждаетъ и угнетаетъ сказочный міръ вампировъ, привидѣній и чертей, отъ лукавства и кровожадности которыхъ нѣтъ спасенія. Слова его пѣсень проникнуты тою же безнадежностью, всѣ напѣвы въ минорныхъ тонахъ и отзываются безысходною грустью.

Всѣ эти характерныя черты найдутся и въ Иванѣ Ивановѣ, съ прибавленіемъ еще нѣсколькихъ особенностей. Оторванный въ ранней молодости отъ семьи и друзей для того чтобы провести пятнадцать, двадцать лѣтъ на службѣ, онъ оставляетъ далеко за собой всѣ обыкновенныя людскія надежды и желанія. Цѣлыя двадцать лѣтъ приходится ему наполнить одною рутиной лагерной жизни. Нѣтъ у него въ перспективѣ ни своего очага, ни семьи, ни дѣтей.

Бо́льшую часть друзей молодости ему никогда уже не видать. Онъ хорошо знаетъ что задолго до того какъ ему вернуться на родину, его отецъ съ матерью помрутъ, желанную выдадутъ замужъ, братья съ сестрами состарятся, да и самого его всѣ услѣютъ позабыть. Судьба разомъ перевернула всю его жизнь, сдѣлала его другимъ существомъ. Быть-можетъ вначалѣ не разъ приходилось ему всплакнуть надъ своею горькою долей: бѣдная изба его, конечно, была не очень удобна и привлекательна, но все-таки тамъ онъ былъ подъ роднымъ кровомъ, и никогда, быть-можетъ, туда не возвратится. Но прошли годы, и великая государственная машина отлила и его въ общую форму, подвела подъ общій уровень. И вотъ съ тѣхъ поръ зажилъ онъ живымъ автоматомъ, покорный волѣ недосягаемой для критики его простаго разума; слѣпо покорился онъ своей участи, не пытаясь сопротивляться. Да и не въ его природѣ бороться противъ неотвратимаго. На то была Божья воля, безполезно и грѣшно на нее роптать, и махнулъ Иванъ Ивановъ на прошлое рукой, стараясь примѣниться къ настоящему.

Наконецъ вѣчное возбужденіе и оживленіе солдатской жизни заставляетъ его забывать о родныхъ покинутыхъ на дальней родинѣ. Хоть и мало у него надеждъ впереди, да за то и терять ему больше нечего, не предвидится больше горя, и вотъ онъ дѣлается самымъ веселымъ малымъ, безшабашною головой.

Главный источникъ увеселенія Ивана состоитъ въ пѣсняхъ. Поетъ онъ съ утра до ночи. На ходу не замолкаетъ онъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Въ репертуарѣ его найдутся пѣсни въ цѣлыя сотни стиховъ, и поетъ онъ ихъ съ начала до конца съ полнымъ довольствомъ этою утѣхой. Среди пустыни — въ Иркибаѣ, Хала-Атѣ, Алты-Кудукѣ, когда и воды ему выдавалось по кружкѣ въ день, и тогда бы могли его видѣть стоящимъ въ полукругѣ пятнадцати, двадцати товарищей и поющимъ что есть мочи. И надо замѣтить что въ пѣніи этомъ видитъ онъ для себя занятіе далеко не маловажное, которое можно бы выполнять слустя рукава. Потому, когда поетъ нашъ Иванъ, то всегда стоитъ на ногахъ, а товарищи собираются вокругъ него и подтягиваютъ ему хоромъ чуть ли не при концѣ каждаго стиха. Въ весельѣ его чувствуется даже какое-то преувеличеніе. Неприличіе нѣко-

торыхъ его пѣсень доходитъ до такой несообразности что утрачиваетъ самый свой характеръ неприличія, переходя въ какую-то смѣшную нелѣпость.

Вѣра Ивана Иванова въ честность и способность своихъ офицеровъ поистинѣ похвальна и назидательна. Онъ твердо убѣжденъ въ ихъ непогрѣшимости и вполнѣ увѣренъ что что бы они ни дѣлали, лучше того не придумать, удачнѣе того не исполнить. Потому онъ никогда и не бунтуетъ. Другіе солдаты стали бы роптать на то что имъ не выдается молока къ кофе или мяса хоть разъ на день. Иванъ же и не снизойдетъ до того чтобы жаловаться на такіе пустяки. Если не выдается ему мяса, то ужь конечно оттого что его нѣтъ. Если выданное мясо уже начало портиться, то понятное дѣло виновата въ томъ жара, противъ которой ничего не подѣлаешь. Сапоги ли его оказываются никуда не годными и ноги Иванъ отморозитъ—виноватъ въ томъ морозъ. Сухари его подточатъ черви — виноваты въ томъ черви. Ему и въ голову не приходитъ никого осуждать и упрекать. Если по какой оплотности или ошибкѣ попадетъ онъ подъ огонь, гдѣ товарищи его падаютъ вокругъ сотнями и полку его грозитъ вѣрное истребленіе — опять-таки Божья на то воля и нечего больше дѣлать какъ ей покориться. Ему никогда и на мысль не приходитъ бѣгствомъ исправить ошибку начальниковъ. Словомъ, Иванъ Ивановъ держится того убѣжденія что все ведетъ къ лучшему и охотно принимаетъ вещи въ томъ видѣ въ какомъ онѣ ему представляются. Онъ вполнѣ удовольствуется жизнью при одномъ черномъ хлѣбѣ и чаѣ, и никогда не подумаетъ жаловаться.

Некого Ивану Иванову любить кромѣ товарищей и офицеровъ, и вотъ онъ привязывается къ нимъ страстно, но безсознательно. Нерѣдко случается пасть на мѣстѣ восьми, десяти солдатамъ подъ непріятельскимъ огнемъ, въ то время какъ они пытаются унести раненаго товарища. Въ Иванѣ не найдете вы никакого мелодраматизма. Онъ совершитъ самый геройскій подвигъ даже и не думая о томъ что совершаетъ дѣйствіе необыкновенное, заслуживающее похвалы. Въ Иванѣ коренится какой-то безсознательный, но тѣмъ не менѣе величественный героизмъ. Эта именно его черта и заставила сказать о немъ Наполеона: „Мало убить Русскаго солдата—надо его еще съ ногъ свалить“.

Объ иностранцахъ у Ивана сложилось понятіе совершенно своеобразное. Для него всѣ они бунтовщики противъ Батюшки-Царя. Англичане, Французы, Нѣмцы, Азіяты, всѣ сподрядъ мятежники; и онъ вполнѣ увѣренъ что рано или поздно все человѣчество покорится власти законнаго православнаго Царя. Въ Иванѣ не проявляется никакой непріязни ко врагу, онъ его и не ругаетъ. Не будь они мятежниками — всѣ они распрекрасные люди. Онъ даже не ославливаетъ и храбрости ихъ. Потому вы рѣдко услышите отъ него презрительный отзывъ о врагѣ, что̀ такъ обыкновенно въ средѣ другихъ солдатъ. Въ томъ, быть-можетъ, и заключается причина что Иванъ не поддается паникѣ; никогда врагъ не можетъ удивить его какимъ-нибудь нечаяннымъ нападеніемъ, потому что того онъ только и ждетъ.

Иванъ Ивановъ, однимъ словомъ, совершенный идеалъ солдата и нельзя не сознаться что онъ лучшій солдатъ во всемъ мірѣ.

УЗБЕКЪ.

ЧАСТЬ III.

ТУРКМЕНСКІЙ ПОХОДЪ.

I. Туркмены.

Туркмены самое храброе и воинственное племя Центральной Азіи.

Это кочевой народъ, бродящій почти по всей странѣ между Оксусомъ и Каспійскимъ моремъ, на востокъ до Авганистана, на югъ до границъ Персіи. Средства существованія ихъ различны: Туркмены живущіе по берегамъ Каспія занимаются большею частію рыболовствомъ; тѣ которые кочуютъ далѣе къ востоку и сѣверу держатъ стада и табуны. Но однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ ихъ дохода до послѣдняго времени былъ захватъ Персіянъ и продажа ихъ въ рабство въ Хиву и Бухару.

Туркмены живущіе въ Хивѣ принадлежатъ къ шести племенамъ: Имралы, которыхъ считается до 2.500 кибитокъ; Кодоры 3.500 кибитокъ; Карадашлы 2.000; Кара-Егелды 1.500; Амелы-Игоклены 1.500, Іомуды 11.000; всего 22.000 кибитокъ, что составитъ, полагая среднимъ числомъ по пяти человѣкъ въ кибиткѣ, населеніе въ 110.000 душъ.

Это дикое и безпокойное населеніе никогда не подчинялось никакой правильной формѣ правленія; они отвергаютъ всякую власть, и хана и эмира и Русскаго Царя.

Каждое племя состоитъ изъ многихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій, основою которыхъ служатъ вѣроятно семейныя связи и родство, и которыя состоятъ подъ властью старшины или предводителя. Но у Туркменъ нѣтъ никакого государственнаго устройства, нѣтъ ни правящихъ классовъ, ни признанныхъ властей, ни верховной власти, ни другаго суда

кромѣ общественнаго голоса. Правда, ихъ старшины имѣютъ нѣкоторую номинальную власть разбирать ссоры; но они не имѣютъ силы заставить повиноваться своимъ рѣшеніямъ. Враждебныя стороны могутъ по собственному желанію или подчиниться этому рѣшенію или же продолжать ссору, раздѣлываяся по своему. Тѣмъ не менѣе своеобразныя понятія о правомъ и неправомъ такъ сильно развиты въ средѣ ихъ и общественное мнѣніе такъ уважаетъ эти понятія что между ними рѣдко происходятъ ссоры и несогласія.

Хивинскій ханъ никогда не былъ въ состояніи управлять Туркменами живущими въ его владѣніяхъ. На дѣлѣ это происходитъ почти наоборотъ; сами Туркмены очень рѣшительно управляютъ дѣйствіями хана. Допуская его имѣть нѣкоторую номинальную власть какъ правителя ихъ сосѣдей Узбековъ, они противятся всякой попыткѣ распространить эту власть на нихъ самихъ. Проживая на хивинской территоріи они отказываются отъ всякаго участія въ общихъ повинностяхъ, и не только не думаютъ платить какія-нибудь подати, но еще сами собираютъ поборы. Они всегда готовы сражаться за хана, исключая впрочемъ случаевъ когда сражаются противъ него; изъ нихъ-то онъ составляетъ главнѣйшимъ образомъ свои войска. Они въ значительной мѣрѣ отстали отъ кочеваго образа жизни, но ни мало не покинули своихъ хищническихъ привычекъ. Это даетъ поводъ къ постоянной борьбѣ между ними и Узбеками; почти не проходитъ года безъ того чтобъ они не воевали между собою. Главнымъ поводомъ вызвавшимъ походъ Русскихъ на Хиву было также хищничество Туркменъ.

Ханъ неоднократно пытался усмирять ихъ, но всегда безуспѣшно. Несмотря на недостатокъ артиллеріи, имъ всегда удавалось брать верхъ надъ превосходными ханскими силами и оказывать весьма сильное вліяніе на дѣла ханства.

Обыкновенный планъ дѣйствій хана слѣдующій. Онъ собираетъ войско, вступаетъ въ ихъ землю, располагается лагеремъ и укрѣпляется. Туркмены немедленно атакуютъ его или только показываютъ видъ что хотятъ атаковать, рыщутъ вокругъ лагеря, съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣляютъ изъ своихъ фитильныхъ ружей, и захватываютъ небольшія партіи ханскихъ войскъ которыя показываются изъ-за окопа. Въ отвѣтъ на нападеніе ханъ посылаетъ въ нихъ тяжеловѣсные выстрѣлы изъ своихъ пушекъ; но такъ

какъ ему приходится израсходовать нѣсколько тоннъ желѣза чтобъ убить одного человѣка, то вредъ причиняемый Туркменамъ очень незначителенъ. Самъ ханъ никогда не выступаетъ изъ своего лагеря; такимъ образомъ они мѣняются ролями, и вмѣсто того чтобы подчинить себѣ Туркменъ, хану представляется вѣроятность самому подчиниться имъ. Такое положеніе дѣлъ продолжается обыкновенно нѣсколько недѣль. Туркмены очень любятъ подобныя войны, и для нихъ это время настоящій праздникъ. Когда у хана истощаются военные снаряды и припасы — Туркмены безъ труда отрѣзываютъ путь къ подвозамъ, — онъ заключаетъ съ ними договоръ, который ни мало не измѣняетъ ихъ взаимныхъ отношеній, и съ торжествомъ возвращается въ свою столицу; Туркмены же снова принимаются за свои обычныя занятія.

Впрочемъ, говоря вообще, ханъ имѣлъ болѣе причинъ быть довольнымъ Туркменами, нежели наоборотъ. Несмотря на эти небольшія недоразумѣнія, они всегда были ему преданы. Не соглашаясь признавать его власть надъ собою, они охотно помогали ему удерживать власть надъ другими. Если они отказывались платить налоги или допускать какое-нибудь вмѣшательство въ свои дѣла, то всегда были готовы обнажить свой мечъ на его защиту, отстаивать его противъ домашнихъ претендентовъ и внѣшнихъ враговъ. Единственное серіозное сопротивленіе Русскимъ было оказано ими; они продолжали сражаться когда ханъ прекратилъ борьбу, почитая ее безнадежной, и когда, пораженный ужасомъ при бомбардировкѣ столицы войсками генерала Веревкина, онъ бѣжалъ изъ города и собственные подданные возстали противъ него и избрали на престолъ его брата, — онъ нашелъ убѣжище у Туркменъ. Забывая все это, забывая услуги которыя они оказали ему, преданность и мужество обнаруженныя ими въ войнѣ за него, онъ представилъ ихъ Русскимъ какъ разбойниковъ и нарушителей закона. Во время переговоровъ съ генераломъ Кауфманомъ касательно уплаты военныхъ издержекъ, онъ объявилъ что не можетъ принять на себя отвѣтственности за уплату части причитающейся на ихъ долю; ссылаясь на то что они никогда не платили никакихъ налоговъ, онъ утверждалъ что они не заплатятъ и теперь, онъ же не можетъ принудить ихъ къ этому. Далѣе, чтобы вернуть себѣ свои пушки, онъ увѣрялъ что безъ артиллеріи не будетъ

имѣть возможности держать ихъ въ покоѣ, ни даже ручаться за безопасность собственнаго престола.

Генералъ Кауфманъ, не имѣя надобности въ этихъ лушкахъ, возвратилъ хану восемнадцать или девятнадцать изъ числа двадцати одной доставшихся Русскимъ при взятіи города; фактъ этотъ доказываетъ увѣренность Русскихъ въ собственной силѣ. Что же касается представленій хана, то они не могли имѣть вліянія на дѣйствія генерала Кауфмана противъ Туркменъ, такъ какъ онъ уже рѣшилъ взять сборъ военной контрибуціи въ свои руки.

Онъ издалъ прокламацію въ которой предписывалось Іомудамъ уплатить въ теченіи двухъ недѣль 300.000 рублей. Въ отвѣтъ на это они прислали нѣсколько депутацій съ обѣщаніемъ уплаты, но съ просьбою назначить большій срокъ, указывая на невозможность собрать такую значительную сумму въ такое короткое время. Но генералъ Кауфманъ рѣшилъ настаивать на немедленной уплатѣ и сдѣлалъ приготовленія для вступленія въ ихъ страну.

II. Огнемъ и мечомъ.

Іомуды, противъ которыхъ рѣшенъ былъ походъ русскихъ войскъ, самое многочисленное и могущественное племя Туркменовъ. Ихъ насчитывается 11.000 кибитокъ, столько же сколько во всѣхъ остальныхъ племенахъ вмѣстѣ.

7го (19го) іюля, пять недѣль спустя послѣ паденія Хивы, отрядъ подъ командою генералъ-майора Головачова, въ составѣ восьми ротъ пѣхоты, восьми сотенъ казаковъ, при десяти орудіяхъ,—въ числѣ ихъ двѣ картечницы,—съ батареею ракетъ, двинутъ былъ изъ Хивы къ Хазавату, гдѣ начинается земля Іомудовъ.

Путь лежалъ чрезъ сады, подъ развѣсистыми вязами, темная листва которыхъ отражалась въ прозрачныхъ маленькихъ озеркахъ. Абрикосовыя деревья все еще блестятъ на солнцѣ своими золотисто-розовыми плодами; маленькія рисовыя поля, все еще зеленыя, пріятно разнообразятся желтѣющею пшеницей и ячменемъ, уже скошенными и сложенными въ стоги какъ сѣно, въ ожиданіи молотьбы, которая производится ногами лошадей.

Во время нашего похода Узбеки выходятъ толпами на

встрѣчу и предлагаютъ намъ хлѣбъ, плоды и молоко, и изумленными глазами слѣдятъ за грознымъ строемъ артиллерійскихъ орудій, блестящихъ на солнцѣ зловѣщимъ блескомъ и безшумно подвигающихся по пыльной дорогѣ.

Верстахъ въ восьми отъ Хивы путь нашъ пролегаетъ по окраинѣ пустыни, которая въ этомъ мѣстѣ глубоко врѣзывается въ оазисъ. Пески здѣсь такъ часто пересѣкаютъ обработанную землю, подобно морскимъ протокамъ, что Хивинскій оазисъ можно сравнить съ рядомъ маленькихъ острововъ, между коими и окружающею пустыней происходитъ постоянная борьба за господство. Война между пескомъ и плодоносною почвой ведется неустанная и нескончаемая. Первый, наносимый свирѣпыми вихрями пустыни, переступаетъ границу и глубоко погребаетъ подъ собой богатую почву съ ея растительностью. Но вода, получая богатые запасы изъ Оксуса, проникаетъ и смачиваетъ песокъ, такъ что самый песокъ становится плодороднымъ; снова появляется растительность, и почва остается побѣдительницей,— чтобы потомъ въ свою очередь быть побѣжденной и засыпанной пескомъ. Борьба эта происходитъ уже цѣлыя столѣтія безъ замѣтнаго успѣха съ той или другой стороны. Впрочемъ въ послѣдніе годы, если судить по тому что въ разныхъ частяхъ пустыни встрѣчаются слѣды прежняго орошенія, песокъ повидимому торжествуетъ; граница между почвой и пескомъ также ясно и рѣзко обозначена какъ между землею и водой.

Въ одиннадцать часовъ отрядъ достигъ Хазаватскаго канала, верстахъ въ двадцати отъ Хивы, и расположился лагеремъ на его берегахъ. Аріергардъ же прибылъ на мѣсто не ранѣе пяти часовъ; причиною такой медленности была узкая мучительная дорога. Каналъ у котораго мы стали лагеремъ служитъ для отвода излишней воды главнаго Хазаватскаго арыка, и оканчивается въ пустынѣ, верстахъ въ полутора ниже мѣста нашей стоянки. Онъ около тридцати футовъ ширины и десять футовъ глубины; прозрачная тихая вода протекаетъ по немъ со скоростью отъ пяти до шести миль въ часъ. Кстати замѣтить что всѣ главные каналы оазиса, получающіе гораздо болѣе воды чѣмъ нужно для орошенія земли, имѣютъ подобные отводы, чрезъ которые огромное количество воды направляется въ пустыню и тамъ теряется чрезъ испареніе. Это доказываетъ что при небольшемъ ста-

раніи оазисъ моглъ быть распространенъ гораздо далѣе къ югу; нѣтъ сомнѣнія что при господствѣ здѣсь Русскихъ это и будетъ сдѣлано.

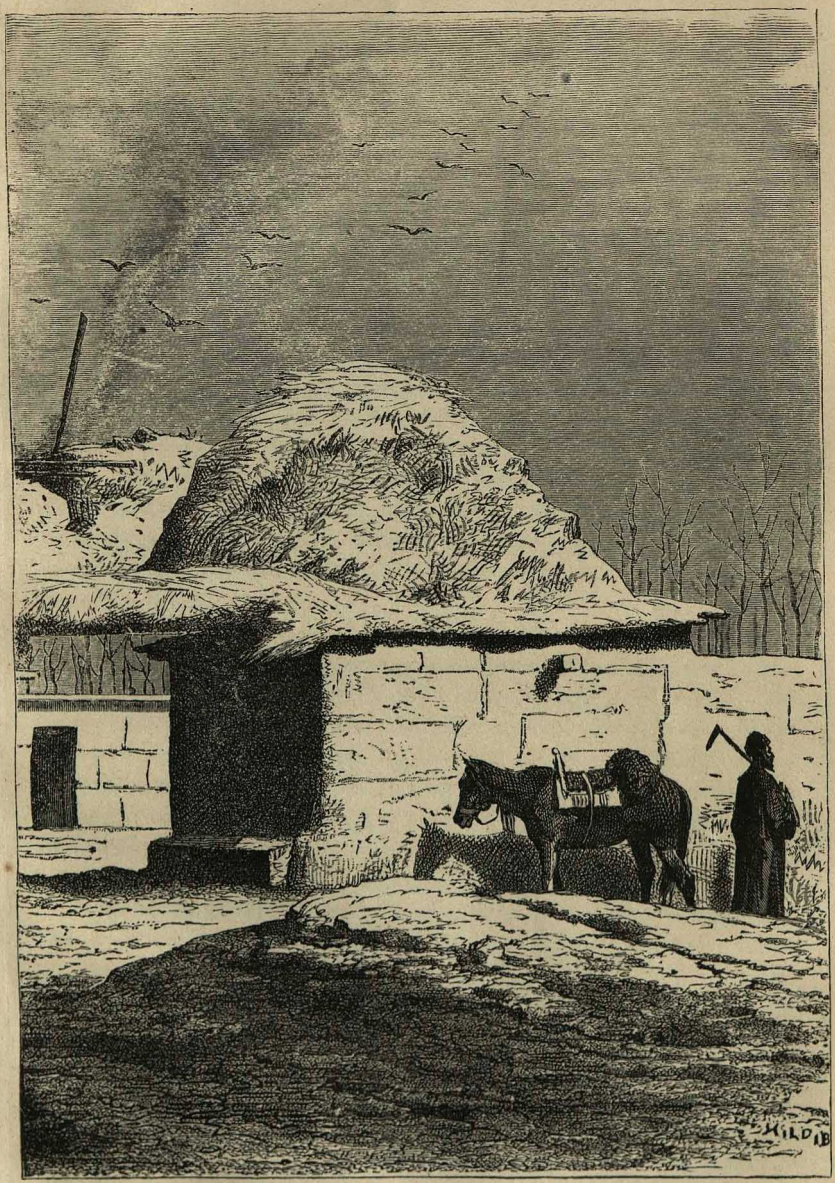
Отрядъ простоялъ здѣсь лагеремъ весь слѣдующій день, въ ожиданіи что Туркмены явятся съ уплатой. Рано утромъ 9го (21го) числа онъ двинулся дальше. Двухчасовой переходъ привелъ насъ на территорію Іомудовъ. Страна была богата и плодородна, повсюду перерѣзана глубокими каналами, берега коихъ обсажены длинными рядами тополей, небольшія луговины покрыты богатою травой, тамъ и сямъ по нимъ разбросаны чащи кустарниковъ.

Земледѣліе у этого племени повидимому не такъ развито, какъ у Узбековъ. Здѣсь меньше встрѣчается фруктовыхъ деревъ, меньше засѣянныхъ полей, и гораздо болѣе пастбищъ. Населеніе не такъ густо; жилища болѣе грубы. Нигдѣ не видать толстыхъ зубчатыхъ стѣнъ и роскошныхъ вязовъ отличающихъ жилища Узбековъ. Дома здѣсь большею частію низкіе глиняные и конюшни и зимнія помѣщенія сосредоточиваются въ нихъ подъ одною крышей; а въ сторонѣ стоитъ одна или двѣ кибитки, въ которыхъ живутъ лѣтомъ. Короче, все обличаетъ народъ въ переходномъ состояніи между кочевымъ и осѣдлымъ образомъ жизни, народъ который еще не привязался настолько къ своему дому чтобы полытаться улучшить его.

Всѣ дома были покинуты жителями. Ни одной вещи изъ мебели не было оставлено въ комнатахъ; хозяйственныя строенія также были пусты; нельзя было встрѣтить ни ребенка ни курицы. Въ нѣкоторыхъ домахъ еще тлѣлся огонь, ясное доказательство что бѣгство жителей произошло очень недавно.

Генералъ остановилъ движеніе авангарда, выжидая пока стянется вся армія. Казаки отдѣлились отъ остальнаго отряда и разсыпались во всѣ стороны, въ то время какъ пѣхота продолжала двигаться по дорогѣ. Значеніе этого движенія объяснилось для меня скоро и неожиданно.

Я стоялъ раздумывая о тишинѣ и пустынности мѣста, какъ вдругъ пораженъ былъ трескомъ раздавшимся позади. Оглянувшись вокругъ я увидѣлъ длинный языкъ пламени вырвавшійся изъ-подъ крыши дома въ который я только-что заглядывалъ, и другой изъ стога невымолоченной пшеницы рядомъ съ домомъ. Сухая соломенная крыша вспыхнула какъ

ТУРКМЕНСКІЙ СКОТНЫЙ ДВОРЪ. *(Съ рисунка Верещагина.)*

порохъ; пшеница почти также скоро была обхвачена пламенемъ. Огромные глубы густаго чернаго дыма поднимались изъ-за деревьевъ во всѣхъ направленіяхъ и свертывались надъ головами въ черныя зловѣщія облака, освѣщенныя яркимъ отблескомъ пламени снизу. Я въѣхалъ на вершину небольшой возвышенности и сталъ смотрѣть вокругъ. Странное, дикое зрѣлище представилось моимъ глазамъ. Въ невѣроятно короткое время пламя и дымъ поднялись надъ горизонтомъ съ обѣихъ сторонъ, и подвигаясь впередъ въ томъ же направленіи какъ шли мы, понемногу застилали всю окрестность. Казаки двигались въ дыму какъ привидѣнія. Съ пылающими головнями въ рукахъ, они быстро передвигались съ мѣста на мѣсто, перескакивая канавы, переносясь черезъ стѣны, какъ настоящіе демоны, и оставляя позади себя слѣдъ пламени и дыму. Они рѣдко слѣшивались, но просто подъѣзжали къ домамъ, прикладывали горѣвшія головни къ соломеннымъ крышамъ или стогамъ невымолоченной пшеницы, и неслись прочь. Пять минутъ спустя, волны клокочущаго пламени и облака чернѣющаго дыма свидѣтельствовали какъ успѣшно они дѣлали свое дѣло. Вся страна была въ огнѣ.

Черезъ полчаса скрылось солнце, небо омрачилось, и, какъ будто такое множество вспыхивающихъ огней произвело какое-то измѣненіе въ атмосферѣ, пошелъ дождь, явленіе почти неизвѣстное въ Хивѣ, и прибавилъ еще новую печальную черту къ этой и безъ того печальной картинѣ. Дождь былъ рѣдкій и мелкій, онъ не имѣлъ силы потушить огня, и только сбивалъ пепелъ и дѣлалъ горѣніе ярче, онъ не давалъ дыму подниматься вверхъ, и дымъ темными сплошными массами висѣлъ надъ деревьями, омрачая воздухъ и составляя темный фонъ картины кроваваго пламени. Это была война какой я никогда не видалъ до сихъ поръ и какую рѣдко можно видѣть въ наши дни.

Это былъ грустный видъ, ужасное зрѣлище войны въ ея разрушительной работѣ, странно сочетавшейся съ этою странною, дикою страной.

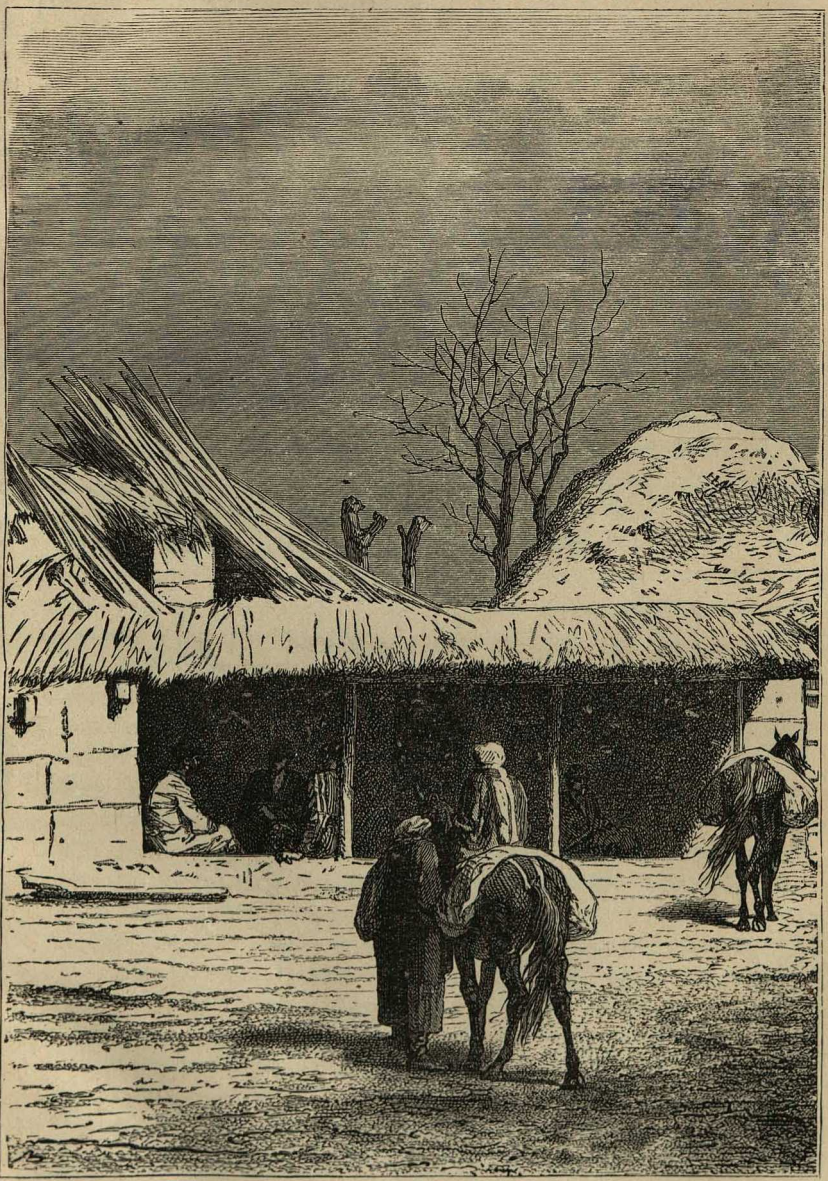
Мы медленно подвигались вдоль узкой извилистой дороги, сопровождаемые съ обѣихъ сторонъ дымомъ и пламенемъ. Такъ шли до полудня, когда авангардъ донесъ что бѣгущіе жители находятся въ виду. Отрядъ всадниковъ остановился для переговоровъ съ авангардомъ. На вопросъ чего

они желаютъ, они отвѣчали что желали бы знать зачѣмъ Русскіе вторглись въ ихъ страну. Они никогда не вели войны съ Русскими; зачѣмъ же Русскіе идутъ противъ нихъ войною?

Передовой отрядъ пригласилъ ихъ отправиться къ генералу Головачову, который выслушаетъ ихъ жалобы; но они отказались отъ этого предложенія, разразившись потокомъ угрозъ. „Насъ не одна тысяча," говорили они, „и если Русскіе вторглись въ нашу страну, жестоко будетъ ихъ наказаніе!" По словамъ ихъ они рѣшились сражаться. Такъ какъ именно этого и желали Русскіе, то нечего было больше говорить, и всадники ускакали чтобы присоединиться къ своимъ бѣгущимъ товарищамъ.

Русская кавалерія такъ и рвалась въ атаку. Нѣсколько разъ офицеръ командовавшій авангардомъ посылалъ назадъ просить разрѣшенія начать нападеніе. Генералъ Головачовъ, однако, долго колебался прежде чѣмъ далъ приказъ. Въ числѣ бѣгущихъ Туркменъ было много женщинъ и дѣтей и я думаю что онъ великодушно помышлялъ о ихъ участи.

Наконецъ получилось извѣстіе что Туркмены сворачиваютъ въ пустыню, гдѣ преслѣдованіе становилось невозможнымъ; и если имѣлось въ виду нападеніе, то оно должно было быть произведено немедленно. Казакамъ данъ былъ приказъ преслѣдовать бѣглецовъ. Какъ только я услыхалъ объ этомъ, я поскакалъ впередъ къ головѣ колонны. Войска были какъ разъ на краю пустыни, выстроенныя въ двѣ линіи, каждая сотня съ своимъ значкомъ, развѣвавшимся по вѣтру; люди и лошади одинаково рвались въ битву. Въ разстояніи около трехъ верстъ къ югу, исчезая за гребнемъ длинной, высокой песчаной возвышенности, видны были бѣгущіе Туркмены, сплошная масса мущинъ, женщинъ, дѣтей, лошадей, верблюдовъ, овецъ, козъ и рогатаго скота, въ которой ничего нельзя было различить и которая стремилась впередъ въ дикомъ ужасѣ и безпорядкѣ. Ихъ было всего тысячи двѣ или три; это были только отсталые отъ главныхъ силъ, ушедшихъ уже на нѣсколько миль впередъ. Минуты черезъ двѣ или три они скрываются за вершиною холма и исчезаютъ изъ вида.

ТУРКМЕНСКІЙ СКОТНЫЙ ДВОРЪ. *(Съ Рисунка Верещагина.)*

III. Рѣзня.

Шесть сотенъ казаковъ были назначены для преслѣдованія непріятеля. Проѣзжая по фронту, я увидѣлъ Князя Евгенія Максиміліановича, который помѣстилъ меня въ одинъ изъ своихъ эскадроновъ, какъ въ хорошій пунктъ для наблюденій.

Приказъ двинуться пробѣжалъ по линіи, и черезъ минуту мы мчимся въ галопъ по пустынѣ. Черезъ десять минутъ мы уже на вершинѣ холма за которымъ бѣжавшіе скрылись у насъ изъ виду; мы видимъ ихъ въ разстояніи версты или двухъ далѣе, переваливающихъ черезъ другое возвышеніе. Они не представляютъ болѣе сплошной массы. Овцы и козы разбѣжались безъ призора по всѣмъ направленіямъ; повсюду попадаются вещи оставленныя при слѣпости бѣгства; вьюки сброшенные съ верблюдовъ, телѣги изъ которыхъ лошади были выпряжены; наконецъ толпы отсталыхъ, отдѣлившихся отъ своихъ и попадающихъ въ руки враговъ.

При спускѣ съ возвышенности лошади наши вязнутъ по колѣна въ сыпучемъ пескѣ; потомъ мы несемся далѣе по пустынѣ подобно урагану.

Затѣмъ слышны вопли и крики, раскаты залпа изъ ружей, линія наша разорвана встрѣтивъ покинутыя телѣги, и движеніе замедляется толпами овецъ и скота которые мечутся по равнинѣ. Все это представляетъ видъ дикаго смѣшенія. Я останавливаюсь на минуту чтобъ оглядѣться кругомъ. Вотъ Туркменъ лежитъ въ пескѣ, съ головой пробитою пулей; немного дальше казакъ свалился на землю съ ужасною сабельною раной на лицѣ; тамъ двѣ женщины съ тремя или четырьмя дѣтьми, сидятъ на пескѣ, жалобно плача и рыдая и моля о пощадѣ; я кричу имъ на скаку: „*аманъ, аманъ*“, миръ, миръ, чтобы разсѣять ихъ страхъ. Еще дальше цѣлая куча арбъ и телѣгъ, ковровъ и одѣялъ, перемѣшанныхъ съ мѣшками наполненными зерномъ, огромными узлами и вьюками, кухонною посудой и всякимъ домашнимъ добромъ.

Потомъ еще нѣсколько женщинъ съ трудомъ подвигающихся впередъ таща ребятъ и горько плача; между ними одна очень толстая старуха едва передвигающая ноги тащитъ

на рукахъ ребенка, вѣроятно своего внука. Дальше верблюды, овцы, козы, ослы, коровы, телята, собаки, каждое животное по-своему дополняетъ картину общаго ужаса.

Сначала я былъ пораженъ множествомъ Туркменъ лежащихъ недвижно на землѣ. Я не могу удержаться отъ мысли что если все это убитые, то нѣтъ на свѣтѣ болѣе мѣткихъ стрѣлковъ чѣмъ казаки. Однакоже немного спустя тайна разъясняется, я замѣчаю какъ одинъ изъ убитыхъ ловидимому Туркменъ осторожно приподнимаетъ голову и тотчасъ же снова принимаетъ прежнее неподвижное положеніе. Многіе изъ нихъ только притворились мертвыми, и счастье для нихъ что казаки не открыли обмана.

Промедливъ нѣсколько наблюдая эти сцены, я замѣчаю что остался лозади и снова поспѣшаю впередъ. Перебравшись чрезъ возвышенность я вижу что моя сотня мчится по краю узкаго болота, стрѣляя по Туркменамъ, которые уже на другой сторонѣ поспѣшно взбираются на другое отлогое возвышеніе. Я спускаюсь къ болоту, встрѣтивъ по пути два или три мертвыя тѣла. Въ болотѣ двадцать или тридцать женщинъ и дѣтей, по шею въ водѣ, ищутъ укрыться въ травѣ и камышахъ, умоляютъ о пощадѣ и волятъ самымъ жалобнымъ образомъ. Казаки уже проскакали, не обративъ на нихъ вниманія. Однако одинъ, отвратительно грубый на видъ, отдѣлился отъ своихъ, поднялъ ружье, прицѣлился въ плачущую группу, и прежде чѣмъ я успѣлъ остановить его, спустилъ курокъ. Къ счастью ружье осѣклось; не успѣлъ онъ надѣть другой листонъ какъ я подскакалъ и пригрозивъ ему нагайкой велѣлъ возвратиться къ своей сотнѣ. Онъ немедленно и безропотно повиновался; закричавъ несчастнымъ сидѣвшимъ въ водѣ *аманъ!* я послѣдовалъ за нимъ.

Нѣсколько сажень далѣе четыре казака окружили Туркмена. Ударъ за ударомъ падаютъ на его голову. Онъ валится ничкомъ въ воду со страшною раной на шеѣ, и казаки скачутъ прочь. Минуту спустя встрѣчаю я женщину сидящую у воды, тихо плачущую надъ мертвымъ тѣломъ мужа. Вдругъ моя лошадь дѣлаетъ скачокъ, отъ котораго я едва не вылетѣлъ изъ сѣдла; слухъ мой пораженъ, рѣзкимъ, пронзительнымъ, порывистымъ трескомъ; оглядываюсь и вижу огненная полоса пронеслась по небу и разсыпалась среди непріятелей. Это не болѣе какъ ракета, но за ней слѣдуетъ другая, еще и еще, и смѣшиваясь съ во-

КАВАЛЕРІЙСКАЯ АТАКА. *(Съ рисунка Верещагина изъ Лондонской Иллюстраціи.)*

племъ женщинъ и дѣтей, толотомъ казацкихъ лошадей, блеяніемъ овецъ и козъ, ревомъ животныхъ которыя дико мечутся по равнинѣ, все это представляетъ цѣлый адъ ужасовъ. Такъ продолжается нѣсколько минутъ.

Туркмены постепенно исчезаютъ за другимъ возвышеніемъ, одни въ одномъ, другіе въ другомъ направленіи; у насъ труба даетъ сигналъ къ сбору. По мѣрѣ того какъ мы стягиваемся я напрасно смотрю по сторонамъ чтобъ увидать женщинъ и дѣтей которыхъ раньше видѣлъ въ водѣ. Всѣ они исчезли; и такъ какъ ихъ не видать нигдѣ поблизости, то я начинаю бояться что испуганныя ракетами онѣ побрасались въ воду и перетонули. Это тѣмъ болѣе прискорбно что, за исключеніемъ случая о которомъ я упомянулъ, наши войска не тревожили женщинъ и дѣтей. Я даже видѣлъ какъ одинъ молодой казацкій офицеръ наказалъ фухтелемъ одного изъ своихъ людей за попытку убить женщину.

Когда всѣ собрались, стали подбирать раненыхъ, и доктора оказывали немедленную помощь всѣмъ кого находили. Мальчикъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати былъ опасно раненъ сабельнымъ ударомъ въ голову. При немъ была его мать убитая горемъ; пока докторъ дѣлалъ перевязку она не спускала съ него дикихъ, жадныхъ взоровъ. Для ея первобытныхъ понятій было съ трудомъ вѣроятно что тѣ же самые люди которые прежде хотѣли убить ея сына, теперь стараются его вылѣчить. Когда рана была тщательно перевязана и докторъ увѣрилъ ее что сынъ ея будетъ жить, она схватила его руку и принялась цѣловать обливаясь благодарными слезами.

Мы дали небольшой отдыхъ лошадямъ; потомъ нѣсколько казаковъ было послано чтобъ отвести захваченный скотъ и овецъ, около двухъ тысячъ головъ, и мы потянулись къ лагерю. Много разъ мы оглядывались назадъ, гдѣ среди пространной пустыни было зрѣлище отъ котораго мы съ трудомъ могли оторвать взоры. Это была мать которая съ своею дочерью сидѣла надъ раненымъ сыномъ. Вокругъ нея лежали жалкіе остатки ея земнаго богатства; можетъ-статься невдалекѣ было мертвое тѣло ея мужа; вдали исчезали пораженныя толлы ея племени. Она стояла воплощенною картиной бѣдствія и отчаянія.

IV. Картина войны.

На слѣдующее утро мы продолжали свой путь сожигая и истребляя все на пути. Мы оставляли позади себя обнаженную полосу, около трехъ миль шириною, гдѣ были однѣ только груды тлѣющаго пепла. Желая посмотрѣть поближе какъ производилась операція сожиганія, я поѣхалъ вмѣстѣ съ отрядомъ который получилъ приказаніе жечь все на правой сторонѣ пути. Дѣло было разумѣется отталкивающее, тѣмъ не менѣе въ немъ было что-то возбуждающее и интересное, что-то льстящее духу разрушенія, который вѣроятно въ скрытомъ состояніи существуетъ во всякомъ даже самомъ мирномъ и цивилизованномъ человѣкѣ.

Мы скакали туда и сюда, перепрыгивая черезъ канавы и стѣны, пробираясь чрезъ изгороди и выламывая ворота, знаменуя наше поступательное движеніе столбами дыма и яростнымъ пламенемъ.

Тишина жилищъ которыя мы такимъ образомъ истребляли представляла рѣзкій контрастъ съ суматохой и насиліемъ нашихъ дѣйствій. Во всѣхъ домахъ царствовало полнѣйшее молчаніе. Во многихъ мы могли еще встрѣтить слѣды мирной повседневной жизни ихъ обитателей, отпечатки маленькихъ дѣтскихъ ногъ, остатки женскихъ домашнихъ работъ, простые снаряды которыми онѣ пользовались при своихъ занятіяхъ.

Они жили здѣсь въ спокойномъ довольствѣ — потому что если и принимали участіе въ войнахъ, то это было далеко, на русской и персидской границѣ,—жили въ своемъ маленькомъ оазисѣ окруженномъ обширною пустыней, настолько разобщенные со внѣшнимъ міромъ какъ какой-нибудь еще не открытый островокъ въ южной части Тихаго Океана. Но факелъ коснулся ихъ жилищъ, и они узнали, слишкомъ дорогою цѣной, объ этомъ великомъ внѣшнемъ мірѣ.

Мы рѣдко находили что-нибудь въ домахъ. Немного кухонной посуды, иногда нѣсколько цыплятъ, которыхъ тотчасъ же ловили казаки, старую лошадь или молодаго теленка, которые не въ силахъ были слѣдовать за поспѣшнымъ бѣгствомъ; часто можно было встрѣтить кошку мирно си-

дящую на стѣнѣ или на крышѣ, умывающуюся лапкой и съ любопытствомъ смотрящую на происходившее вокругъ, пока жгучее пламя не сгоняло ее прочь. По временамъ, но рѣдко, мы находили собаку, которая была оставлена, или же съ кошачьимъ инстинктомъ отказалась сама оставить домъ; при нашемъ приближеніи она бросалась прочь съ отчаяннымъ лаемъ. Разъ я былъ пораженъ страшнымъ визгомъ нѣсколькихъ щенятъ неожиданно очутившихся среди непроходимаго пламени.

Мы завтракали около десяти часовъ жареными цыплятами, во фруктовомъ саду примыкавшемъ къ дому который былъ подожженъ нами. Такъ какъ пѣхота осталась далеко позади и стало-быть намъ не зачѣмъ было торопиться, то мы растянулись на травѣ подъ деревьями, и нѣкоторые заснули, другіе наблюдали пламя, огненное дыханіе котораго поджигало и корчило деревья и иногда почти достигало до насъ горячими, сердитыми вспышками. Тяжелый черный дымъ висѣлъ густыми столбами и садился на деревья, скрывая до половины казаковъ, которые весело заваривали свой чай, и лошадей, роскошно лакомившихся богатою туркменскою пшеницей. Надо всѣмъ этимъ воздымалось русское знамя, неясно различаемое сквозь дымъ, лѣниво развѣвавшееся и казавшееся какимъ-то громаднымъ коршуномъ парящимъ надъ этою сценой разрушенія.

Мы стали лагеремъ около двухъ часовъ пополудни, отойдя около двадцати верстъ отъ послѣдняго мѣста стоянки, и провели остатокъ дня въ разстояніи шестидесяти верстъ отъ Хивы.

Движеніе слѣдующаго дня было подобно предыдущему: мы продолжаемъ истребленіе огнемъ, прилагая горящія головни ко всему что только можетъ горѣть, и оставляя за собою чернѣющую пустыню. Къ полудню мы достигли равнины Кизилъ-Текиръ. Это голая, открытая, песчаная пустыня, и на ней на протяженіи нѣсколькихъ верстъ только двѣ хозяйственныя постройки. Впрочемъ во всѣхъ направленіяхъ она перерѣзана каналами, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть еще вода, что доказываетъ что мѣсто это когда-то было прекрасно обработано. Но какая-нибудь война подобная настоящей вѣроятно превратила прежніе фруктовые сады въ эту безпріютную обнаженную пустыню. Это мѣсто гдѣ Маркозовъ долженъ

былъ впервые вступить въ оазисъ послѣ перехода Туркменскою степью. Около полудня мы стали лагеремъ на равнинѣ близь дома съ садомъ, который повидимому былъ уже давно покинутъ обитателями.

Жара въ это время стала невыносима, такъ что оказалось необходимо сдѣлать дневку, чтобы дать отдыхъ войскамъ. Я вскорѣ узналъ что въ это утро былъ взятъ въ плѣнъ одинъ туркменскій мальчикъ. Не вѣдая объ ужасахъ происходившихъ вокругъ, бѣдный малый, когда его нашли, спалъ глубокимъ сномъ въ тѣни дерева близь дома; ему было лѣтъ двѣнадцать, но черты его были удивительно грубы для ребенка, голова очень большая, съ сильно выдавшимися скулами, съ короткимъ вздернутымъ носомъ, желтою кожей, и большими черными глазами, сердитыми и блестящими. Онъ говорилъ что у него нѣтъ ни отца ни матери. Дядя его, у котораго онъ жилъ, убѣжалъ, оставивъ его спящимъ. Но ребенокъ, какъ мы узнали послѣ, былъ оставленъ безъ намѣренія, такъ какъ дядя его, узнавъ по окончаніи похода что мальчикъ находится у Русскихъ, пришелъ за нимъ и просилъ отдать его, выражая величайшую радость при свиданіи съ нимъ. Мальчикъ сопровождалъ насъ во время похода и сдѣлался любимцемъ солдатъ, которые снабдили его новою парой платья, изъ числа вещей взятыхъ у его соотечественниковъ, дали ему осла для ѣзды и учили говорить по-русски.

Я воспользовался этою остановкой чтобы посѣтить развалины крѣпости Имукчира, близь которыхъ мы стояли лагеремъ. Онѣ занимаютъ пространство около четырехъ акровъ, и стѣны, доходившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до тридцати футовъ вышины, довольно хорошо еще сохранились; построены онѣ были не изъ сыраго, но изъ превосходнаго обожженаго кирпича, блѣдно-краснаго цвѣта, шести дюймовъ въ квадратѣ и полтора дюйма толщины; все это показываетъ что крѣпость не хивинской постройки. Время построенія ея можно отнести ко временамъ китайскаго или персидскаго владычества. Пока мы стояли здѣсь, мимо насъ прослѣдовали Іомуды, бывшіе въ заключеніи въ Хивѣ по распоряженію главнокомандующаго и направлявшіеся къ мѣсту гдѣ могли встрѣтить своихъ бѣжавшихъ соплеменниковъ. Они были

освобождены съ порученіемъ убѣдить своихъ соплеменниковъ подчиниться требованіямъ Русскихъ и уплатить военныя издержки. Судя по тому что̀ произошло дальше, старанія ихъ, если только они прилагали старанія, остались безуспѣшны.

Утромъ 12го (24го) числа мы опять двинулись въ походъ. Въ этотъ день однако мы ничего не жгли, потому что находились въ пересѣкавшей оазисъ песчаной полосѣ, гдѣ нечего было жечь. За это время мы уже прошли всю землю Іомудовъ и опустошили страну на протяженіи около 150 квадратныхъ верстъ. Теперь мы приближались къ мѣстности обитаемой Узбеками, которые были намъ дружественны. На дорогѣ мы нашли Персіянина котораго Іомуды оставили умирать въ лескахъ. На немъ было не меньше пятнадцати или двадцати сабельныхъ ранъ. Раны были перевязаны нашимъ докторомъ и онъ былъ помѣщенъ въ лазаретъ, но никто не надѣялся что онъ останется въ живыхъ, хотя кажется въ послѣдствіи онъ неожиданно поправился.

Въ десять часовъ мы опять видимъ сады и зеленѣющія деревья, и къ одиннадцати располагаемся въ тѣни ихъ лагеремъ, на самомъ краю пустыни, верстахъ въ трехъ разстоянія отъ города Ильялы. Пока мы разбиваемъ свои палатки слышится радостный крикъ: „базаръ!“ Всякій оставляетъ свою работу и спѣшитъ на указанное мѣсто. Нетерпѣніе наше понятно, потому что уже много дней мы не имѣли ни свѣжаго хлѣба, ни плодовъ, ни молока, ни мяса; а на базарѣ, какъ намъ было извѣстно, мы могли раздобыться всѣми этими предметами роскоши.

Я долженъ пояснить что слово *базаръ* прилагается ко всякому мѣсту, большому или малому, богатому или бѣдному, гдѣ что-нибудь продается. Хотя бы весь товаръ состоялъ изъ одной телѣги съ дынями или изъ одного мѣшка хлѣба, тѣмъ не менѣе употребляется это звучное слово. На нашемъ базарѣ мы нашли пять или шесть телѣгъ наполненныхъ дынями, горячими пшеничными лепешками и кринками молока. Нужно ли говорить что мы разобрали весь запасъ этихъ лакомыхъ вещей? На этомъ мѣстѣ жило человѣкъ двадцать Узбековъ, которые, какъ я уже имѣлъ случай нерѣдко упоминать прежде, въ теченіи всей экспедиціи доставляли пищу и питье для утоленія голода и жажды русскихъ войскъ.

Мы разбили свои палатки въ тѣни яблонь и тополей, разстелили свои ковры на травѣ и вскорѣ наши чайники запѣли свои привѣтныя пѣсни. Пріятна тѣнь и прохлада деревьевъ послѣ жары; пріятна послѣ лоста эта усладительная пища; пріятно послѣ долгаго перехода растянуться на травѣ! Мы отдаемся настроенію минуты, переговариваемся лишь лѣнивыми полусловами, и вскорѣ „усталыя вѣки смежаютъ усталыя очи".

Вдругъ неожиданно трубятъ тревогу: получилось извѣстіе что Туркмены приближаются черезъ пустыню. Мы немедленно вскакиваемъ съ земли, поспѣшно одѣваемся, хватаемъ револьверы, и взбираемся на телѣги или другія возвышенныя мѣста чтобы видѣть приближеніе непріятеля.

V. Стычка.

Туркмены поспѣшно приближались нестройными массами по пустынѣ, всѣ верхомъ, но повидимому имѣя въ виду скорѣе рекогносцировку нежели нападеніе.

Чтобы сдѣлать понятнымъ послѣдующее я долженъ приломнить что мы стояли лагеремъ между пустынею и садами, въ сторонѣ отъ дороги по которой пришли. Здѣсь дорога входила въ сады и продолжая идти садами до города Ильялы, въ трехъ верстахъ разстоянія, была совершенно скрыта деревьями и стѣнами. Къ югу и западу тянулась пустыня, далеко разстилаясь широкою, слегка волнистою плоскостью, поростью мелкою сорною травой.

Туркмены приближались со стороны пустыни. Двѣ роты пѣхоты были уже высланы имъ на встрѣчу и кавалеріи отданъ былъ приказъ готовиться къ дѣлу. Генералъ Головачовъ съ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ лагеря на небольшое возвышеніе, съ котораго можно было слѣдить за ходомъ дѣла.

Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ передовому отряду, который подвигался въ разстояніи около версты впереди лагеря. Я догналъ ихъ когда они тянулись вдоль высохшаго канала: правымъ крыломъ командовалъ полковникъ Дрешернъ, лѣвымъ полковникъ Новомлинскій. Туркмены были въ разстояніи около версты въ значительномъ числѣ; они скакали взадъ и впе-

редъ по равнинѣ, но не обнаруживали расположенія подъѣзжать ближе. Застрѣльщики тамъ и сямъ стрѣляли по временамъ, иногда раздавался раскатъ выстрѣла картечницы, но повидимому эти выстрѣлы не причиняли большаго вреда.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, когда оглянувшись въ сторону лагеря, я увидѣлъ поднимающееся надъ деревьями и приближающееся вдоль дороги отъ Ильялы густое облако пыли, очевидно поднятое толпою всадниковъ приближавшихся въ галопъ.

Это было нападеніе на лагерь съ другой стороны, и оно угрожало опасностью, такъ какъ всѣ, офицеры и солдаты, собрались въ сторонѣ ближайшей къ равнинѣ, наблюдая дѣйствія нашей передовой линіи стрѣлковъ; кромѣ того нападающіе были скрыты деревьями и стѣнами.

Казалось никто въ лагерѣ не вѣдалъ о ихъ приближеніи, и одну минуту можно было опасаться что Русскіе будутъ захвачены врасплохъ, благодаря самой простой и немудреной военной хитрости. Теперь стала понятна причина появленія непріятелей на равнинѣ и ихъ повидимому безцѣльное скаканье взадъ и впередъ.

Я повернулъ лошадь чтобы дать знать о приближеніи непріятеля когда увидѣлъ что полковникъ Новомлинскій замѣтилъ его почти въ то же время и поворотилъ своихъ людей чтобы дать отпоръ нападенію. Черезъ минутку солдаты бѣжали бѣгомъ въ направленіи Ильялской дороги.

Тѣмъ временемъ Туркмены показались изъ-за деревьевъ и мы неясно могли различать ихъ темныя фигуры среди пыли и кустовъ, въ разстояніи около ста саженъ отъ лагеря.

Еслибы непріятель продолжалъ смѣло двигаться впередъ, онъ несомнѣнно могъ имѣть хотя минутный перевѣсъ надъ Русскими, которые, собравшись въ другой сторонѣ лагеря и наблюдая за происходившимъ въ равнинѣ, ни мало не подозрѣвали объ опасности имъ угрожавшей. Вмѣсто того однакоже, Туркмены остановились и начали угонять лошадей и верблюдовъ бродившихъ вблизи лагеря. Это дало время поднять тревогу. Русскіе бросились къ оружію, солдаты сомкнулись въ ряды и изготовились къ битвѣ почти безъ помощи офицеровъ.

Между тѣмъ полковникъ Новомлинскій приблизился на разстояніе ста саженъ отъ дороги, зайдя во флангъ Туркменамъ. Онъ скомандовалъ полуоборотъ, затѣмъ быстро послѣдовала

команда: „*Жай*“, „*клатсъ*“, „*пли!*“ Рѣзкій звукъ пронизалъ воздухъ и рой штуцерныхъ пуль полетѣлъ черезъ небольшое поле отдѣлявшее насъ отъ Туркменъ. Затѣмъ послѣдовали быстро одинъ за другимъ три новые залпа изъ американскихъ винтовокъ. Туркмены не выдержали такого сильнаго и мѣткаго огня; повернувъ лошадей они поскакали назадъ съ такою же послѣдностью съ какою приближались къ лагерю. Я видѣлъ какъ нѣкоторые изъ нихъ падали, видѣлъ какъ ихъ товарищи останавливались и подбирали ихъ, несмотря на убійственный огонь съ нашей стороны.

Еслибъ они рѣшились пробиться чрезъ лагерь — что̀ было бы вовсе не трудно — они избѣжали бы убійственнаго огня во флангъ и соединились бы со своими, которые, какъ мы вскорѣ узнали, сдѣлали диверсію къ югу.

На югѣ, не болѣе какъ во ста саженяхъ отъ лагеря, стоялъ ликетъ изъ пяти человѣкъ. Пока происходили только-что описанныя событія, между этимъ ликетомъ и толпою Туркменъ завязалось непродолжительное но отчаянное дѣло. Какъ это случилось, осталось неизвѣстнымъ. Молодой офицеръ, поручикъ Каменецкій, повѣрявшій караулы, прибылъ къ этому ликету въ то время когда началась битва на другой сторонѣ, и вѣроятно они такъ пристально смотрѣли на происходившее въ другомъ концѣ лагеря что допустили захватить себя врасплохъ. Когда битва на нашей сторонѣ кончилась, на мѣстѣ гдѣ стоялъ ликетъ найдено было шесть мертвыхъ тѣлъ, обнаженныхъ и обезглавленныхъ. То обстоятельство что это произошло въ разстояніи ста сажень отъ лагеря и не было никѣмъ замѣчено, свидѣтельствуетъ объ искусствѣ и смѣлости Туркменъ.

Между тѣмъ четыре или пять сотень казаковъ двинуты были въ равнину гдѣ въ началѣ появился непріятель, съ порученіемъ убѣдиться расположенъ ли онъ дать сраженіе. Желая по возможности ближе видѣть этотъ своеобразный способъ веденія войны, я послѣдовалъ за ними и вскорѣ опять очутился между сражающимися.

Сцена представившаяся моимъ глазамъ была нѣсколько забавна и очень живописна.

Туркмены скачутъ вокругъ въ значительномъ числѣ, съ крикомъ и гиканьемъ, но не обнаруживаютъ расположенія сходиться съ нашими войсками, а ихъ великолѣпные кони дѣлаютъ для насъ невозможнымъ подойти къ нимъ бли-

же чѣмъ они находятъ для себя удобнымъ. По временамъ мы стрѣляемъ по нимъ, нарочно доставляемъ имъ случаи для нападенія, разсыпаясь въ безпорядкѣ, и крича имъ чтобъ они приближались; но они отказываются.

Все это имѣетъ видъ забавы, которая насъ много потѣшаетъ. Наѣздническое искусство обнаруживаемое Туркменами поистинѣ удивительно; и мы замѣчаемъ что у нихъ нѣтъ недостатка въ личной храбрости. Будь у нихъ дисциплина, изъ нихъ вышла бы самая грозная кавалерія.

Они обнаруживаютъ также наклонности стараго рыцарства и вызываютъ насъ на единоборство. Подскакиваютъ къ намъ по одному, по двое, по трое, сажень на двадцать, салютуютъ намъ своими кривыми саблями, дѣлая въ то же время какія-то замѣчанія на невѣдомомъ языкѣ—можетъ-быть касающіяся лично каждаго изъ насъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ Кавказцевъ такъ и рвутся ломѣряться съ ними, и еслибъ не осторожность нашего полковника, мы могли бы имѣть цѣлый рядъ великолѣпныхъ турнировъ, которые вѣроятно окончились бы общею рукопашною схваткой. Судя по тому что я видѣлъ въ послѣдствіи, я теперь расположенъ думать что для насъ было лучше что дѣло не кончилось такимъ образомъ.

Одинъ молодецъ, на великолѣпномъ ворономъ конѣ, подъѣзжаетъ къ намъ сажень на двадцать и остановшись салютуетъ намъ граціознымъ движеніемъ своей сабли. Казаки начинаютъ стрѣлять по немъ. Ни мало не испугавшись, онъ пускаетъ свою лошадь въ легкій галопъ и проѣзжаетъ вдоль всей нашей линіи, въ то время какъ каждый изъ казаковъ разряжаетъ по немъ свое ружье. Мы видимъ какъ пули взрываютъ песокъ, иногда подъ самыми ногами его лошади; но онъ остается невредимъ, и возвращается къ своимъ, очевидно съ одинаковымъ презрѣніемъ къ нашей мѣткости въ стрѣльбѣ и къ нашей храбрости.

— Не хотите ли принять участіе въ атакѣ? слышу я обращенный ко мнѣ вопросъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Я съ сотней казаковъ хочу атаковать ту толпу которую вы видите тамъ справа. Подтяните подпругу и будьте готовы.

Мы вытянулись въ линію—сто человѣкъ, съ обнаженными саблями. Туркмены находятся въ разстояніи ста пятидесяти

саженъ, столпившись въ нестройную массу въ которой человѣкъ 300 или 400.

— Готово?—Въ атаку! раздается команда и мы несемся на нихъ подобно лавинѣ. Взвилось облако пыли, раздался топъ лошадей, звякнули шпоры, блеснули сабли, и мы уже на мѣстѣ.

Но Туркменъ тамъ нѣтъ.

Мы видимъ ихъ саженъ на полтораста дальше; они подвигаются легкимъ галопомъ, повидимому ни мало не слѣпа и очевидно не допуская мысли что мы можемъ ихъ настигнуть. Мы продолжаемъ скакать далѣе, но также безуспѣшно. Это можетъ привести въ отчаяніе. Съ такимъ же успѣхомъ мы могли бы идти въ атаку на стаю дикихъ гусей; и мы оставляемъ наше намѣреніе.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, безъ большой потери съ обѣихъ сто нъ, мы возвращаемся въ лагерь. Но Іомуды немедленно поворачиваются и слѣдуютъ за нами съ насмѣшливыми криками, давая намъ понять что считаютъ насъ величайшими изъ трусовъ.

Мы возвращаемся однако въ лагерь мало обращая на нихъ вниманія, за исключеніемъ одного залпа изъ ружей когда они подошли уже слишкомъ близко. Они продолжаютъ слѣдовать за нами и не доходя около полуверсты до лагеря удаляются. На возвратномъ пути мы находимъ два тѣла Туркменъ убитыхъ нашими застрѣльщиками; одному пуля пробила голову, другому попала въ грудь. Я думаю что эти двое Туркменъ были единственными убитыми оставленными на полѣ, хотя они должны были потерять не мало убитыхъ стрѣлками полковника Новомлинскаго.

Потеря Русскихъ состояла всего изъ шести человѣкъ.

Жара днемъ была необычайная, и мы были рады, возвратясь въ лагерь, сбросить свои доспѣхи и растянуться для отдыха на коврахъ подъ тѣнью деревъ. Скоро мы принялись весело толковать о событіяхъ дня, за хорошимъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ жареной баранины, молока, дынь и свѣжихъ, съ пылу горячихъ, пшеничныхъ лепешекъ доставленныхъ намъ Узбеками.

VI. Въ промежуткѣ.

Это нападеніе со стороны непріятелей показывало что они дѣйствительно хотѣли биться, и еслибъ они продолжали также какъ начали, то могли бы имѣть серіозный успѣхъ. Мы увидали что слишкомъ легко прежде относились къ ихъ храбрости и что это былъ непріятель котораго нельзя было презирать. Слѣдующій день мы провели въ лагерѣ ничего не предпринимая. Узбеки опять принесли намъ провизію; мнѣ казалось любопытнымъ какимъ образомъ они съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ ввѣряли намъ свою жизнь и собственность, когда мы такъ сурово поступали съ ихъ сосѣдями. Съ своей стороны я находилъ очень мало разницы между ними и Туркменами, какъ по одеждѣ такъ и по наружности; только когда они снимали свои бараньи шапки и можно было видѣть очертаніе головы, тогда разница становилась замѣтна. Но даже и тогда въ большей части случаевъ было трудно различить ихъ, ибо между обоими племенами жившими въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ естественно должно было происходить смѣшеніе, и различіе типовъ свойственныхъ каждому изъ нихъ должно было болѣе или менѣе сглаживаться. На самомъ дѣлѣ, хотя мы и были убѣждены въ противномъ, половина этихъ Узбековъ могли быть Туркменами, которые приходили въ лагерь для развѣдокъ. Однакоже, такъ какъ не было вѣрнаго способа различать ихъ, Узбеки же не были настолько преданы Русскимъ чтобы выдавать своихъ единовѣрцевъ Магометанъ, и такъ какъ Туркмены ничего бы не поняли изъ русскихъ военныхъ порядковъ еслибъ и видѣли ихъ, то противъ шпіоновъ и не принималось никакихъ мѣръ.

Въ теченіи этого дня прибыли новые уполномоченные отъ Туркменъ, повидимому для переговоровъ; но я могъ узнать касательно ихъ предложеній только то что они не были приняты.

Что они готовы были помириться и не имѣли особенной злобы противъ Русскихъ, это доказывается ихъ отношеніемъ къ Оренбургскому отряду, который проходилъ по этимъ самымъ мѣстамъ всего три недѣли тому назадъ. На всемъ пути его они выходили во множествѣ, принося дыни, фрукты,

молоко и хлѣбъ, и предлагали все это самымъ радушнымъ образомъ, не требуя платы. Одинъ офицеръ послѣ разказывалъ мнѣ что войска этого отряда, находившіяся верстъ за пятьдесятъ ниже по рѣкѣ, близь Куня-Ургенча, жили съ Туркменами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ то время какъ мы жгли и разоряли ихъ страну по всѣмъ направленіямъ. Онъ говорилъ что нѣкоторые изъ Іомудовъ даже пытались заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ противъ нашего отряда. Они говорили наивно: „Мы поклялись съ вами въ дружбѣ и считаемъ себя вашими союзниками. Но другое племя Русскихъ, изъ Туркестана, затѣяло съ нами войну, и мы полагаемъ что вы должны помогать намъ противъ нихъ, какъ и мы стали бы помогать вамъ противъ вашихъ враговъ.“

VII. Битва.

Мы пролежали цѣлый день въ бездѣйствіи. Подъ вечеръ генералъ Головачовъ, казалось, собиралъ свѣдѣнія куда укрылись массы Туркменъ, готовясь сдѣлать на нихъ нападеніе. Когда стемнѣло, у лагерныхъ огней стали перешептываться что на слѣдующее утро до разсвѣта мы выступаемъ, чтобы напасть врасплохъ на непріятеля въ его лагерѣ, верстахъ въ десяти отъ насъ. Около десяти часовъ слухъ этотъ подтвердился офиціальнымъ приказомъ отданнымъ по лагерю. Обозъ долженъ былъ остаться позади подъ прикрытіемъ, и мы должны были выступить въ часъ утра.

Туркмены, какъ говорили, находится по ту сторону города Ильялы, въ восьми или девяти верстахъ, и тамъ намѣрены сдѣлать стоянку.

Около одиннадцати часовъ, когда всѣ разошлись спать, сдѣлалась тревога; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и мы бросились къ оружію, ожидая немедленнаго нападенія. Однакоже все стихло и съ пикета донесли что тамъ видѣли темную фигуру кравшуюся въ тѣни и по ней данъ былъ выстрѣлъ. Больше ничего не случилось и мы снова ложимся чтобы воспользоваться краткимъ отдыхомъ. Снова разбужены мы, немного раньше часа, выстрѣломъ и дикимъ крикомъ, который всѣхъ насъ поднялъ на ноги подобно электрическому удару. Снова призывъ къ оружію; минутное смятеніе; всѣ становятся по мѣстамъ, и все замолкло — мы ожидаемъ

нападенія. На этотъ разъ это уже не фальшивая тревога, такъ какъ пикетъ выстрѣлилъ въ темнотѣ по чему-то очень къ нему близкому, и затѣмъ поднята была сабля. Ясное доказательство что непріятель бродитъ гдѣ-то по близости.

Это побуждаетъ генерала Головачова не выступать въ часъ, какъ было назначено прежде, но выждать до трехъ, какъ разъ предъ разсвѣтомъ.

Согласно этому, въ три часа насъ будитъ зоря; вещи наши упаковываются и помѣщаются въ четыреугольномъ пространствѣ окруженномъ арбами, числомъ около двухсотъ; при нихъ оставляется триста человѣкъ солдатъ. Когда это окончено, съ немалою сумятицей въ темнотѣ, генералъ съ своимъ штабомъ садятся на коней и становятся у выхода изъ лагеря, чтобы видѣть какъ дефилируетъ выступающая пѣхота.

Слѣдуетъ приномнить что мы находились на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ два дня тому назадъ происходило небольшое дѣло; мы выступаемъ въ открытую равнину на западъ, въ направленіи Ильялъ, такъ какъ слѣдовать по ней въ темнотѣ удобнѣе нежели по болѣе прямой дорогѣ садами. На востокѣ чуть-чуть брежжитъ слабый свѣтъ занимающейся зари, на западѣ же, въ томъ направленіи куда лежитъ нашъ путь, черная, непроницаемая темнота. Въ воздухѣ чуется что-то странное, какое-то особенное, какъ бы электрическое состояніе, которое наводитъ на мысль о готовящейся бурѣ. Бѣлая разнузданная лошадь бѣшено мчится тамъ и сямъ пересѣкая ряды и описывая какую-то причудливую ломаную линію, — я съ интересомъ приномнилъ послѣ этотъ случай.

Кавалерія выступила въ равнину, и вѣроятно отъѣхала уже болѣе полуверсты; пѣхота же только строится въ порядокъ на глазахъ генерала; двое или трое изъ насъ толкуютъ о вѣроятности захватить Туркменъ врасплохъ, какъ вдругъ внезапно дикіе, неистовые возгласы, страшное смѣшеніе испуганныхъ голосовъ, выстрѣлы тамъ и сямъ, топотъ мчащихся лошадей, поражаютъ нашъ изумленный слухъ. Повсюду—спереди, сзади, вокругъ—воздухъ полонъ дикими мстительными криками. Долина оживаетъ Туркменами. Наши ожиданія внезапнаго нападенія исполнились нѣсколько неожиданнымъ образомъ.

Затѣмъ нестройный залпъ ружей, сверкнувшій какъ молнія, потомъ длинная огненная полоса которая пронизы-

ваетъ темноту со страшнымъ, трескучимъ, потрясающимъ нервы звукомъ, и разражается смертоноснымъ взрывомъ, потомъ цѣлый букетъ голубаго, зеленаго и краснаго пламени, которое вспыхиваетъ и исчезаетъ; еще нѣсколько огненныхъ полосъ, свистъ пуль, топотъ перепуганныхъ лошадей, и случайный блескъ сабель.

Съ минуту мы остаемся какъ бы прикованные къ сѣдлу, слишкомъ изумленные чтобы предпринять что-нибудь, и только смотримъ съ нѣмымъ удивленіемъ.

Генералъ Головачовъ даетъ поспѣшный приказъ лѣхотѣ и артиллеріи двинуться впередъ; черезъ минуту мы движемся въ темнотѣ вслѣдъ за нимъ, не зная куда направляемся. Еще минута, и мы уже посреди сражающихся. Тѣмъ временемъ ракетные выстрѣлы прекратились, частію потому что, будучи попорчены, ракеты часто разрывались въ рукахъ солдатъ; отчасти потому что Туркмены слишкомъ близко, такъ что при самомъ низкомъ углѣ подъ которымъ мы можемъ метать ихъ, ракеты перелетаютъ черезъ головы непріятеля и не причиняютъ ему ни вреда ни страха. Ружейная перестрѣлка дѣлается живѣе и съ обѣихъ сторонъ раздаются нестройные заллы, при свѣтѣ которыхъ тамъ и сямъ выдѣлается изъ темноты грозная фигура, и дикое лицо, и блестящая сабля, которыя тотчасъ же припадаютъ въ темнотѣ, между тѣмъ какъ крики и вопли продолжаются съ удесятеренною адскою силой. Казаки, кажется, нѣсколько смѣшались и медленно отступаютъ. Тамъ и сямъ Туркмены прорвали линію и схватка становится рукопашной. Въ суматохѣ я отдѣленъ отъ генерала Головачова. Когда я снова подъѣзжаю къ нему, онъ спокойно отдаетъ приказанія, но покрытъ кровью. Онъ раненъ сабельнымъ ударомъ; полковникъ Фриде, начальникъ штаба, рядомъ съ нимъ, также обливается кровью, обильно истекающею изъ раны пулей въ голову. Туркмены прорѣзали или фланкировали линіи во многихъ мѣстахъ и одинъ изъ нихъ ранилъ генерала Головачова.

Вдругъ какъ волна подаются казаки назадъ и увлекаютъ меня за собою. Можетъ-быть это не бѣгство, но что-то очень похожее на него, или же это начало бѣгства; въ самомъ воздухѣ носится что-то зловѣщее, чего я никогда не испытывалъ ни прежде ни послѣ, что можно сравнить только съ угрожающею атмосферой, предвѣстницей землетрясенія; какое-то боязливое содроганіе, первый тре-

петъ ужаса, начинаетъ закрадываться въ массу солдатъ меня окружающихъ; среди криковъ, гиканья и смятенія, носится тихій, зловѣщій, испуганный шелотъ, какъ предвѣстіе крика отчаянія; мы за минуту отъ паники. Казаки потеряли своего полковника; присматриваясь ближе я могу различать ихъ испуганныя, встревоженныя лица, и я знаю что̀ это значитъ. Пораженіе—бойня: ни одинъ изъ насъ не спасется отъ Іомудовъ, съ ихъ быстроногими конями. Мало того; возстаніе разнеслось бы затѣмъ изъ Хивы въ Ханки, въ Ташкентъ—по всему Туркестану. Въ этотъ моментъ колебалось на вѣсахъ все владычество Русскихъ въ Средней Азіи. Оглядываясь по направленію лагеря изъ котораго мы вышли, я вижу длинную линію темныхъ фигуръ которыя скачутъ между нами и лагеремъ, ихъ высокія черныя формы ясно вырисовываются противъ свѣтлѣющаго восточнаго края неба; мы совершенно окружены. Вдали справа слышится трескъ картечницы, что̀ доказываетъ что битва идетъ на большомъ протяженіи.

Не зная куда могутъ увлечь меня казаки въ своемъ обратномъ движеніи, я рѣшаюсь выѣхать изъ ихъ рядовъ. Я очутился на краю фронта и между мной и непріятелемъ нѣтъ ничего. Туркмены надвигаются съ запада, гдѣ все погружено въ глубокую темноту, но я могу различить на разстояніи можетъ-быть саженъ въ двадцать темную, нестройную массу всадниковъ несущихся въ галопъ. Они визжатъ какъ бѣсы, и при свѣтѣ выстрѣловъ я могу видѣть ихъ свирѣпыя, темныя лица и блескъ обнаженныхъ сабель. Мнѣ не нужно много времени чтобы понять что я не могу здѣсь оставаться; быстро повернувъ лошадь я бросаюсь прочь, разрядивъ прежде по толпѣ свой револьверъ. Почти въ ту же минуту рота пѣхоты подходитъ съ лѣвой стороны.

Они подходятъ бѣглымъ шагомъ и движеніе ихъ нѣсколько напоминаетъ движеніе заброшеннаго аркана. Офицеръ выстраиваетъ ихъ въ боевую линію. Я послѣдно шлорю лошадь и становясь позади ихъ чувствую себя на минуту безконечно счастливымъ. Они выстраиваются, лѣвая нога впереди, ружья на готовѣ; черезъ минуту раздается команда: „пли!“ и воздухъ съ шумомъ и свистомъ пронизываетъ туча летящихъ пуль.

За первымъ залпомъ слѣдуетъ другой, третій, черезъ короткіе промежутки. Это было вовремя; Туркмены такъ близ-

ко что нѣкоторые изъ убитыхъ падаютъ почти у самыхъ ногъ нашихъ солдатъ. Вдали справа начинаетъ раздаваться громкій, яростный ревъ пушекъ, которыя явились на мѣсто дѣйствія и начинаютъ изрыгать пули и картечъ.

Появленіе разсвѣта было вѣроятно замедлено на нѣсколько минутъ пылью и дымомъ которые висѣли надъ нами, потому что теперь, когда пыль и дымъ разсѣялись легкимъ порывомъ вѣтра, какъ бы по волшебству, тьма раздвинулась и мы видимъ Туркменъ несущихся по равнинѣ на своихъ быстроногихъ коняхъ въ совершенномъ бѣгствѣ.

Я оглядѣлся вокругъ. Около пятидесяти сажень въ сторону вижу знамя генерала Головачова; нѣсколько казаковъ и офицеровъ окружили его; остальные казаки столпились тамъ и сямъ неправильными группами; пѣхота растянулась разорваннымъ кругомъ, саженъ около полутораста въ діаметрѣ, но все еще въ боевой линіи; артиллеристы стоя за дымящимися пушками слѣдятъ за бѣгущимъ непріятелемъ и колеблятся дать ли по немъ выстрѣлъ на прощанье. Сраженіе кончено.

VIII. Послѣ битвы.

Около меня лежатъ двое или трое убитыхъ русскихъ солдатъ, и трое или четверо раненыхъ. Немного дальше, полковникъ Есиповъ, которому я пожималъ руку за полчаса до выступленія, лежитъ холодный и недвижимый, съ пулею въ груди, и Георгіевскій крестъ его обрызганъ кровью. Онъ умеръ смертью храбраго.

Я направляюсь къ тому мѣсту гдѣ развѣвается значокъ генерала, безпокоясь узнать не опасно ли онъ раненъ. Рука его перевязана, бѣлый китель облитъ кровью, но онъ все еще въ сѣдлѣ. Рана его только порѣзъ саблей по рукѣ и нанесена пѣхотинцемъ.

Мы объѣзжаемъ поле чтобы сосчитать убитыхъ и раненыхъ. Тѣла Туркменъ разбросаны во множествѣ. Вотъ одинъ лежитъ на боку, обѣ руки его еще сжимаютъ длинную палку, къ которой привязана короткая кривая коса. Онъ босикомъ, съ непокрытою головой, вся одежда его состоитъ изъ легкой холщевой рубахи и шароваръ; темная тѣнь ненависти видна еще въ его жесткихъ, грубыхъ чертахъ, сохранившихъ печать дикой ярости побудившей его выступить съ такимъ неравнымъ оружіемъ противъ русскихъ стрѣлковъ.

Тамъ трое или четверо лежатъ рядомъ, какъ бы убитые одновременно, и трое, четверо или пятеро свалились въ кучу на трупъ превосходнаго коня, какъ бы убитые одинъ за другимъ, вслѣдъ за благороднымъ животнымъ, въ попыткѣ помочь другъ другу. Дальше, еще трупы лошадей, еще убитые люди, полускрытые низкою травой въ небольшой песчаной ложбинѣ. Въ одномъ мѣстѣ земля буквально усыпана тѣлами. Но раненыхъ не было; не было ни стоновъ, ни моленій о помощи. Сначала я былъ удивленъ этому: хотя Туркмены всегда стараются увозить своихъ раненыхъ, но они не имѣли возможности захватить съ собой всѣхъ которые могли быть ранены Русскими въ недавней битвѣ.

Явленіе это вскорѣ для меня объяснилось ужаснымъ и неожиданнымъ образомъ. Я увидѣлъ солдата осторожно приближавшагося къ одному изъ мертвыхъ Туркменъ. Движенія его были странны, они возбудили мое любопытство, и я отъѣхалъ на двадцать или на тридцать футовъ и сталъ слѣдить за нимъ. Онъ былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ что не замѣтилъ меня; и я могъ видѣть дикій, испуганный блескъ его глазъ, напоминавшихъ отчасти безумнаго. Внезапно, прежде нежели я могъ догадаться что̀ онъ намѣренъ дѣлать, онъ глубоко вонзилъ свой штыкъ въ бокъ Туркмена. Я испустилъ невольный крикъ ужаса; онъ взглянулъ, увидалъ меня, и поспѣшилъ прочь, не говоря ни слова. Туркменъ только притворялся мертвымъ; но даже теперь у него не вырвалось ни стона, онъ не открылъ глазъ, между тѣмъ какъ кровь струилась у него изъ бока и изо рта краснымъ потокомъ; я бы и теперь счелъ его за мертвеца, еслибы не замѣтилъ судорожнаго движенія пальцевъ и сокращенія членовъ. Я отвернулся съ болью въ сердцѣ, такъ какъ зналъ что бѣдняга уже внѣ человѣческой помощи.

Я радъ что могу заявить, къ чести русскаго войска, что по всѣмъ моимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ лучшихъ источниковъ, это былъ единственный случай такой хладнокровной жестокости. Хотя я изъѣздилъ все поле, я не видѣлъ подобнаго случая. Этотъ солдатъ былъ очевидно трусъ, смертельно перепуганный и искавшій отмстить за это.

Но отсутствіе раненыхъ объяснилось. Всѣ они притворились мертвыми изъ боязни быть убитыми. Мы насчитали всего около трехсотъ тѣлъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ или валявшихся грудами, но непріятель послѣ показалъ что

лотеря его простиралась до пятисотъ человѣкъ. Потеря Русскихъ состояла всего изъ сорока человѣкъ убитыми и ранеными, что̀ можно приписать тому что Туркмены были вооружены только саблями и косами. Это было смѣлое и блестящее нападеніе, и еслибы не стойкость обнаруженная русскою пѣхотой, оно могло имѣть для насъ печальный исходъ. Начнись только паника, ни одинъ изъ насъ не уцѣлѣлъ бы. Между тѣмъ это было первое дѣло въ которомъ участвовали эти войска. Хладнокровіе генерала Головачова во время дѣйствія было изумительно и вѣроятно много способствовало предупрежденію паники.

Генералъ сдѣлалъ быстрый осмотръ поля, отдалъ приказъ о помощи раненымъ и о погребеніи убитыхъ, и продолжалъ движеніе. Въ это время взошло солнце и бросило длинныя тѣни вдоль пустыни; кругомъ царствовало подавляющее молчаніе, смѣнившее шумъ и смятеніе битвы, и мы въ тишинѣ подвигались впередъ, переговариваясь вполголоса.

Нападеніе было такъ внезапно, такъ неожиданно, такъ яростно и отчаянно, что теперь нами овладѣлъ ужасъ при мысли объ опасности которой мы съ такимъ трудомъ избѣжали.

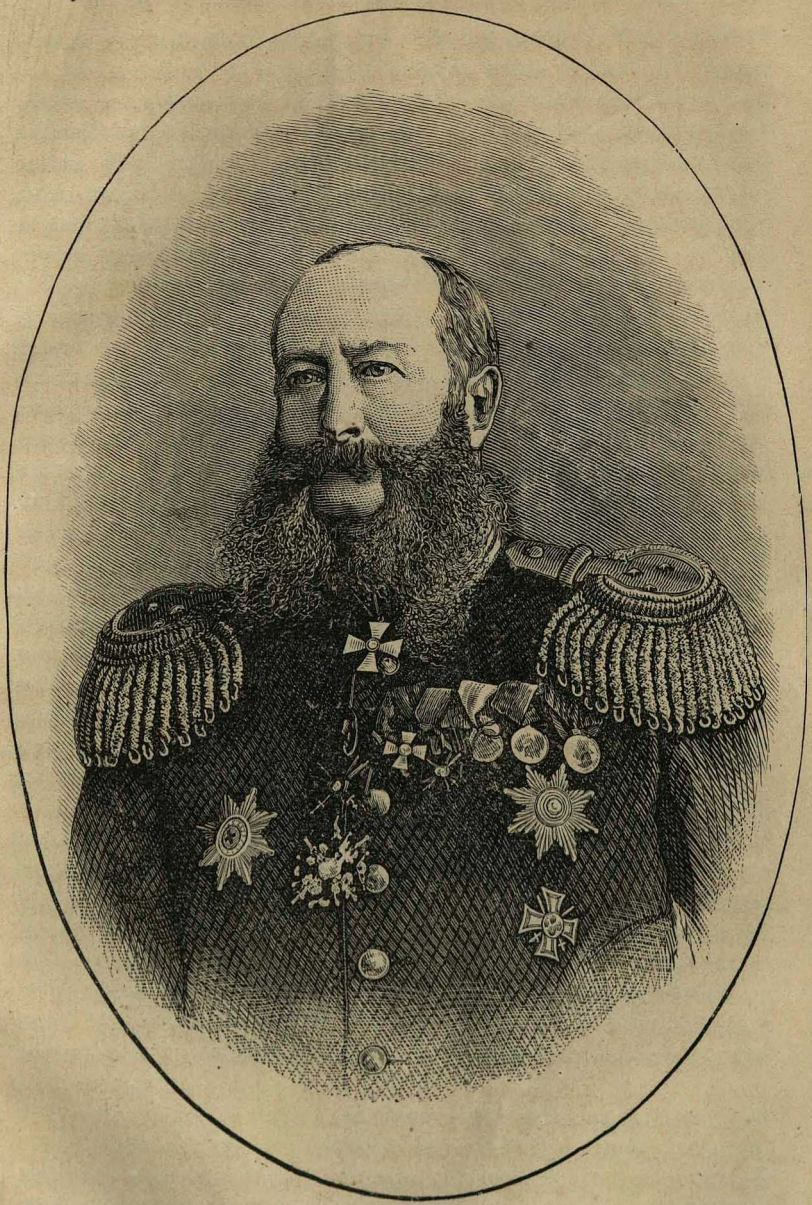
Такъ какъ теперь уже не было особенной причины идти по открытому мѣсту, то мы свернули вправо и скоро двигались по дорогѣ ведущей чрезъ сады къ Ильямъ. Черезъ полчаса мы завидѣли сквозь деревья глиняныя стѣны города, сѣрыя и хмурыя въ утреннихъ тѣняхъ. Дорога шла вокругъ города. Жители собрались большою толпой у воротъ чтобы встрѣтить насъ, поднося свѣже-испеченыя лепешки, дыни, виноградъ и персики.

IX. Преслѣдованіе.

Жители Ильялъ были Узбеки, съ которыми мы были въ мирѣ.

Но хотя они знали что мы не ведемъ противъ нихъ войны, тѣмъ не менѣе были испуганы шумомъ сраженія; они смотрѣли на насъ боязливыми глазами, когда мы проѣзжали мимо, покрытые пылью и грязью, и съ ужасомъ глядѣли на генерала Головачова, бѣлый китель котораго былъ весь въ крови и рука перевязана.

Мы не вошли въ городъ, но обошли по дорогѣ огибающей

ГЕНЕРАЛЪ ГОЛОВАЧОВЪ.

стѣны и продолжали путь къ сѣверо-западу. Черезъ часъ мы были опять въ пустынѣ. Дорога наша лежала по окраинѣ ея, неправильной и извилистой, такъ что мы постоянно пересѣкали то полосы леска, то пространства воздѣланной земли. Мы искали туркменскаго лагеря, на который собирались напасть врасплохъ выступая сегодня утромъ, и который, какъ полагали, находился въ восьми или девяти верстахъ отъ Ильялъ.

Туркмены совершенно исчезли тотчасъ же послѣ сраженія, и часа два или три мы вовсе ихъ не видали. Однакоже около девяти часовъ они показались въ послѣшномъ движеніи вдоль горизонта слѣва отъ насъ. Чрезъ полчаса равнина была покрыта ими; снова началось сраженіе, если только это можетъ быть названо сраженіемъ. Они появились въ значительныхъ массахъ справа и слѣва и впереди насъ, такъ что мы должны были ждать наладенія въ любомъ пунктѣ. Мы выслали впередъ застрѣльщиковъ, которые укрывались за берегами каналовъ, во многихъ мѣстахъ представлявшихъ превосходную защиту. Непріятель обнаруживалъ довольно смѣлости, несмотря на утреннее пораженіе; часто Туркмены подъѣзжали на ружейный выстрѣлъ и мчались мимо бѣшенымъ галопомъ.

Мы приближались къ ихъ лагерю и они имѣли въ виду по возможности замедлить наше движеніе, чтобы дать возможность не принимающимъ участія въ сраженіи удалиться.

Движеніе наше при такихъ обстоятельствахъ было очень медленно. Подвигаясь въ боевомъ порядкѣ, съ линіей застрѣльщиковъ брошенной слѣва, справа же защищенные кавалеріей, мы принуждены были поминутно останавливаться чтобы выравнивать нашу порвавшуюся линію или перемѣнять фронтъ. Чувствуя страхъ къ нашей пѣхотѣ, Іомуды ни мало не боялись кавалеріи. Нѣсколько разъ они бросались на казаковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, и были удерживаемы только заллами пѣхоты или гранатой пронизывавшей ихъ ряды.

Подобнаго рода битва на ходу продолжалась два или три часа; Іомуды скакали вокругъ насъ во всѣхъ направленіяхъ, съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣляя изъ своихъ фитильныхъ ружей. Повидимому они не имѣли какого-нибудь опредѣленнаго плана дѣйствія или наладенія, кромѣ того чтобы наска-

кивать на насъ нестройными массами, безъ всякаго порядка и системы.

Разъ человѣкъ шесть изъ нихъ собрались позади развалинъ дома, въ разстояніи около полутораста саженъ отъ дороги, и когда мы проходили, они выскочили одинъ за другимъ и промчались невредимо подъ бѣглымъ огнемъ нашей цѣпи.

Генералъ Головачовъ, видя что ихъ собрались цѣлыя массы въ пустынѣ съ лѣвой стороны, въ разстояніи около двухъ верстъ, послалъ туда дюжину гранатъ, въ видѣ сигнала Оренбургскому отряду. Отрядъ этотъ, какъ полагали, приближался съ другой стороны, въ разстояніи двѣнадцати или пятнадцати верстъ, съ цѣлью совершенно отрѣзать бѣгущихъ. Эти гранаты, брошенныя безъ особаго намѣренія нанести вредъ непріятелю, причинили ему однако же много вреда, какъ мы узнали послѣ. Онѣ упали въ лагерь который мы отыскивали и который, укрывшись въ небольшой ложбинѣ, былъ для насъ непримѣтенъ, и принудили непріятеля бѣжать съ такою поспѣшностью что онъ побросалъ все.

Это мы узнали отъ войскъ Оренбургскаго отряда, которыя пришли на слѣдующій день въ покинутый лагерь и нашли нѣсколько сотъ арбъ и телѣгъ которыя были оставлены, вмѣстѣ съ нѣсколькими убитыми тѣлами и множествомъ вещей. Бѣдняги такъ перепугались попавшихся гранатъ что вскочили на коней, побросавъ все и не успѣвъ даже захватить тѣла убитыхъ.

Въ числѣ найденныхъ тамъ любопытныхъ вещей были бумаги лейтенанта Шекспира, который прибылъ въ Хиву съ порученіемъ Англіи, во время злополучной экспедиціи Перовскаго въ 1840 году. Слѣдуетъ припомнить что лейтенантъ Шекспиръ отправленъ былъ въ Хиву съ порученіемъ способствовать мирному окончанію недоразумѣній между Русскими и Хивинцами.

Въ числѣ этихъ бумагъ была копія съ письма лорда Палмерстона, въ которомъ давалось порученіе британскому посланнику увѣдомить русское правительство что Англія сочтетъ присоединеніе Хивы за *casus belli*.

Нашъ отрядъ вовсе не нашелъ лагеря въ которомъ были открыты эти бумаги. Проводники всѣ исчезли во время утренней схватки. Никто не зналъ въ точности гдѣ именно находится этотъ лагерь, и мы прошли мимо, не видавъ его, такъ какъ онъ остался у насъ верстахъ въ трехъ слѣва.

Въ полдень мы дошли до канала Ана-Мурата, который изливалъ сильный потокъ воды въ пустыню, и перейдя ее прекращался. Здѣсь мы очутились около стараго укрѣпленнаго лагеря, устроеннаго ханомъ во время войны съ этими самыми Туркменами. Лагерь занималъ пространство около десяти акровъ, и глиняныя стѣны его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до десяти футовъ вышины и были почти невредимы. Ханъ передавалъ генералу Кауфману исторію этой войны, которая довольно любопытна.

Потерявъ всякое терпѣніе вслѣдствіе отказовъ Туркменъ платить подати или признавать его власть, онъ рѣшилъ пойти на нихъ войной и покорить ихъ. Онъ собралъ войско изъ Узбековъ, между которыми и Туркменами существуетъ, какъ я уже замѣтилъ выше, смертельная ненависть. Ханъ пошелъ съ войскомъ въ землю Туркменовъ; и придя на это мѣсто, которое представляло сильную позицію, будучи защищено съ двухъ сторонъ глубокими каналами, укрѣпился въ немъ.

Здѣсь оставался онъ нѣсколько недѣль; Туркмены ежедневно дѣлали дѣйствительныя или притворныя нападенія на его лагерь; которыя — судя по тому что̀ мы сами видѣли— доставляли имъ много удовольствія. Ханскія войска стрѣляли въ нихъ тяжелыми ядрами изъ своихъ пушекъ, не причиняя имъ большаго вреда, между тѣмъ какъ они скакали кругомъ лагеря съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣляя изъ своихъ фитильныхъ ружей, размахивая саблями и наслаждаясь этою потѣхой. Наконецъ ханъ, истощивъ свои припасы и людей, съ торжествомъ возвратился въ столицу. Туркмены же разошлись по домамъ и принялись за свои обычныя занятія.

Это былъ тотъ самый лагерь въ которомъ мы теперь находились. Позиція была хороша, и генералъ Головачовъ рѣшилъ отдохнуть здѣсь остальную часть дня.

Іомуды съ своей стороны хорошо воспользовались даннымъ имъ такимъ образомъ временемъ и продолжали свое бѣгство. Такъ какъ мы уже обошли ихъ, то они вернулись на свой слѣдъ, подобно преслѣдуемому зайцу, и двинулись почти по той же самой дорогѣ по которой пришли мы, направляя свой путь къ юго-востоку. Цѣлый день и цѣлую ночь они продолжали свое послѣшное бѣгство, и такимъ образомъ ушли отъ насъ на нѣсколько верстъ.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, мы пустились за ними въ погоню. Пройдя немного мы нашли трупъ русскаго сол-

дата, обнаженный и обезглавленный; вѣроятно онъ былъ въ пикетѣ, на который они напали врасплохъ ночью. Цѣлый день мы гнались по слѣдамъ бѣглецовъ, останавливаясь только чтобы дать время солдатамъ позавтракать. Такъ какъ вещей у насъ съ собой было не много, то движеніе наше было очень быстро. Мы опять прошли близь Ильялъ, оставляя городъ влѣво отъ себя, и пересѣкши небольшой оазисъ очутились на обширной открытой равнинѣ, которая, судя по множеству перерѣзывавшихъ ее каналовъ, въ недавнемъ прошломъ должна была быть обработана. Мы не видѣли никакого слѣда бѣжавшихъ почти вплоть до захода солнца, когда облако пыли на горизонтѣ показало намъ что мы скоро ихъ настигнемъ.

Немного спустя мы стали лагеремъ на берегу канала, который представлялъ обильный запасъ воды; черезъ нѣсколько минутъ казаки разсылались по равнинѣ, отыскивая корму для своихъ лошадей. Верстахъ въ двухъ отъ лагеря они нашли нѣсколько сѣна, которое только что было накошено и приласено Туркменами. Во время этой фуражировки случилось печальное происшествіе. Одинъ изъ туземныхъ проводниковъ, отъѣхавшій на нѣкоторое разстояніе отъ другихъ, былъ принятъ за Іомуда; казакъ выстрѣлилъ въ него, и ранилъ такъ опасно что два часа спустя онъ умеръ, несмотря на всѣ усилія нашего доктора спасти его.

X. Бѣгство.

На слѣдующій день рано утромъ мы возобновляемъ преслѣдованіе и вскорѣ замѣчаемъ слѣды бѣглецовъ. Здѣсь арба нагруженная ложитками и оставленная въ полыхахъ; тамъ корова или теленокъ которые не могли слѣдовать за бѣгущими; вотъ старуха, полумертвая отъ страха, думающая что ее сейчасъ же поведутъ на казнь; тамъ старикъ, оборванный, покрытый пылью, жалкій, который опираясь на палку смотритъ на насъ свирѣпыми глазами. Дальше начинаютъ попадаться намъ стада ягнятъ и козлятъ, потомъ стада овецъ и рогатаго скота и опять арбы.

Генералъ Головачовъ отдалъ приказъ кавалеріи, шедшей впереди, открыть и атаковать бѣглецовъ и если можно заставить ихъ принять сраженіе. Судя по тому что я видѣлъ

БѢГСТВО. *(Съ рисунка Верещагина изъ Лондонской Иллюстраціи.)*

въ первый день, нападенію неизбѣжно должны подвергнуться отсталые, потому я рѣшаюсь остаться позади при штабѣ.

Кавалерія скоро исчезаетъ въ облакѣ пыли; пѣхота продолжаетъ твердо идти впередъ. Черезъ полчаса мы подходимъ къ узкому, глубокому каналу, наполненному водой, который пересѣкаетъ равнину подъ прямымъ угломъ къ линіи нашего движенія, и здѣсь странная и страшная сцена представляется нашимъ глазамъ.

По равнинѣ разбросаны во всѣхъ направленіяхъ арбы или телѣги, нагруженныя домашнимъ скарбомъ Іомудовъ. Не имѣя возможности перейти каналъ по единственному узкому мосту, они выпрягли лошадей, оставивъ всѣ свои пожитки. Нѣкоторые однако не успѣли бѣжать; потому ли что у нихъ не было лошадей, или можетъ-быть потому что они слишкомъ много полагались на великодушіе Русскихъ. Они были настигнуты и изрублены казаками.

Повсюду между тѣсно наставленными арбами лежали тѣла убитыхъ, въ крови, съ сабельными ранами на головахъ и на лицахъ; видъ ихъ былъ страшенъ. Но еще хуже былъ видъ женщинъ, которыя прятались подъ телѣгами, подобно безсловеснымъ животнымъ, смотря на насъ съ испуганными лицами и умоляющими глазами, безъ словъ, окруженныя мертвыми тѣлами своихъ мужей, возлюбленныхъ и братьевъ. Онѣ ожидали что съ ними поступятъ также какъ ихъ мужья, возлюбленные и братья поступаютъ съ побѣжденными при подобныхъ обстоятельствахъ.

Я вижу однакоже одну женщину которая не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то что происходитъ вокругъ нея. Она держитъ на колѣняхъ голову человѣка умирающаго отъ страшнаго сабельнаго удара въ голову. Она сидитъ, глядя ему въ лицо, неподвижно какъ статуя, даже не поднимая глазъ при нашемъ приближеніи; мы могли бы счесть это за выраженіе идіотскаго равнодушія, еслибы не слезы тихо катившіяся съ ея длинныхъ рѣсницъ и капавшія на лицо умирающаго. Въ ней не было страха предъ Русскими. Горе пересилило страхъ.

Но хуже всего было видѣть множество малютокъ дѣтей, отцы которыхъ были вѣроятно убиты. Нѣкоторые съ плачемъ ползали между колесъ; другіе, все еще сидя на телѣгахъ среди поклажи, смотрѣли на насъ изумленными дѣтскими

глазами; одна маленькая дѣвочка ворковала и смѣялась, увидавъ развѣвавшееся знамя.

Я передалъ одного плачущаго ребенка женщинѣ которая сидѣла съ дикимъ взглядомъ лодъ телѣгою; но она не обратила на него вниманія, и проѣзжая послѣ я видѣлъ что малютка лежитъ на землѣ близь нея, крича изо всей мочи.

Генералъ и штабъ остановились на нѣсколько минутъ, а я поѣхалъ не слѣша впередъ. Повсюду были брошенныя арбы, набитыя коврами, подушками, кухонною посудой, мѣшками пшеницы, мотками шелка и одеждой; то тамъ то сямъ опять тѣло зарубленнаго Туркмена. Тамъ старуха, лѣтъ восьмидесяти, по виду, сидитъ согнувшись посреди дороги съ ребенкомъ на рукахъ, склоняясь надъ нимъ съ видомъ безнадежности и отчаянія. Она выжидала закрывъ глаза, какъ бы рѣшившись не видѣть сабли которая, она была убѣждена, должна убить ихъ обоихъ. Она не оставила своей внучки, которую можетъ-быть оставила мать. Дальше лодъ арбою молодая красивая женщина съ окровавленнымъ лицомъ, въ изодранной одеждѣ, съ убитымъ горемъ выраженіемъ лица, которое разказывало ея грустную повѣсть. Поддаваясь безсознательному порыву я предложилъ ей денегъ; она оттолкнула ихъ и съ рыданіемъ закрыла лицо руками.

Я долженъ сказать однако что случаи насилія противъ женщинъ были крайне рѣдки; и хотя Русскіе сражались здѣсь съ варварами которые совершали всевозможныя жестокости надъ плѣнными, что въ значительной мѣрѣ могло бы извинить жестокость со стороны солдатъ, тѣмъ не менѣе поведеніе ихъ было безконечно лучше нежели поведеніе другихъ европейскихъ войскъ въ европейскихъ войнахъ.

Немного дальше старуха лежитъ близь дороги, съ тяжелою сабельною раной на шеѣ; но ее легко было принять за мущину, потому что на головѣ у нея не было чалмы. Приказано было не щадить мущинъ, будутъ ли они сопротивляться или нѣтъ, но это была единственная раненая женщина которую я видѣлъ, и мнѣ говорили что всего было три или четыре такихъ случая.

Я проѣхалъ около трехъ верстъ по равнинѣ, которая и здѣсь покрыта оставленными телѣгами. Онѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, по пяти, по шести вмѣстѣ, нѣкоторыя на самой дорогѣ, другія въ разстояніи полверсты или болѣе вправо и влѣво, какъ будто хозяева ихъ думали укрыться

въ пустынѣ когда приближеніе казаковъ принудило ихъ бросить эту лопытку.

Пятнадцать или двадцать человѣкъ Іомудовъ верхами показались въ недалекомъ разстояніи въ пустынѣ, а такъ какъ пѣхота верстахъ въ трехъ позади, а кавалерія можетъ-быть въ пяти или шести верстахъ впереди, то я считаю безопаснѣе остановиться. Пока я стою и жду, одинъ Іомудъ, который вѣроятно прятался гдѣ-нибудь по близости, внезапно появляется, направляясь въ мою сторону. Онъ вооруженъ только дубиной, но имѣетъ такой вызывающій видъ что я схватился за револьверъ. Онъ и тогда не обнаружилъ ни малѣйшаго признака страха, перешелъ черезъ дорогу впереди меня въ разстояніи не больше десяти футовъ, сверкая своими свирѣпыми черными глазами, какъ бы собираясь броситься на меня со своею дубиной, несмотря на мою пару револьверовъ и винтовку.

Первымъ моимъ движеніемъ было заставить его бросить свою дубину и сдаться мнѣ какъ побѣдителю, но молодецъ этотъ имѣлъ такой видъ отваги и независимости что возбудилъ мое восхищеніе, кромѣ того я подумалъ что я этимъ не выкажу храбрости, имѣя столько преимуществъ на своей сторонѣ. Онъ прошелъ мимо, даже не пожелавъ мнѣ добраго утра, и исчезъ среди мелкихъ песчаныхъ холмовъ.

Скоро подошла пѣхота и движеніе продолжалось еще верстъ шесть или семь дальше. Опять попадаются овцы, скотъ, опять верблюды, старые и молодые, но нѣтъ лошадей. Не малаго замѣчанія достойно что хотя многія тысячи головъ овецъ были захвачены въ теченіе похода, но не было поймано ни одной лошади; это показываетъ какъ умно распорядились Іомуды дорожа своими великолѣпными коняму. Можетъ-быть только тѣ кто не имѣлъ лошадей и были взяты въ плѣнъ или убиты въ этотъ день.

Увидавъ въ сторонѣ отъ дороги двухъ или трехъ казаковъ расхищавшихъ группу телѣгъ, я подъѣхалъ къ нимъ чтобы взглянуть на ихъ работу. На землѣ лежали тѣла двухъ убитыхъ Іомутовъ, а возлѣ нихъ стояла дѣвочка лѣтъ трехъ, смотрѣвшая на казаковъ испуганнымъ, удивленнымъ взглядомъ и тихо, но горько плакавшая.

Малютка умерла бы отъ жажды еслибъ ее оставить тутъ, и я взялъ ее на свою лошадь, съ тѣмъ чтобъ отдать ее первой женщинѣ которую встрѣчу. Вскорѣ я увидалъ другую

дѣвочку и, передавъ первую моему спутнику Черткову, подъѣхалъ ко второй. У бѣднаго ребенка былъ большой разрѣзъ на подошвѣ; рана была полна песку, ничѣмъ не защищена отъ палящаго солнца и должна была причинять ей сильную боль. Дѣвочка не плакала, но смотрѣла на казаковъ хозяйничавшихъ около арбы, которая принадлежала можетъ-быть ея отцу, любопытнымъ, вызывающимъ взглядомъ. Когда я сказалъ ей что возьму ее съ собою, она пустилась бѣжать, и я принужденъ былъ сойти съ лошади и погнаться за ней. Она отбивалась и визжала какъ дикая кошка, и я истощилъ весь мой татарскій лексиконъ прежде чѣмъ она согласилась довѣриться мнѣ. Но убѣдившись наконецъ что мои намѣренія были миролюбивы, она обвила мою шею руками и заснула.

Я долженъ былъ представлять довольно странное зрѣлище когда ѣхалъ между войскомъ, съ дикаркой крѣпко обнявшею мою шею и положившею голову, покрытую корой грязи, на мою грудь. Но вскорѣ я встрѣтилъ одного штабнаго офицера съ такою же находкой и убѣдился что я не былъ исключеніемъ. Іомуды, очевидно, покидали дѣвочекъ охотнѣе чѣмъ мальчиковъ.

Около одиннадцати часовъ мы нагнали кавалерію остановившуюся чтобы дать отдыхъ лошадямъ.

Бѣглецы разсѣялись во всѣ стороны, но главная масса ихъ, благодаря своимъ быстрымъ лошадямъ, должна была быть за нѣсколько миль дальше, и преслѣдовать ихъ было бы безполезно. Генералъ Головачовъ разсудилъ что такъ какъ бо́льшая часть ихъ имущества захвачена, то они достаточно наказаны, и рѣшилъ вернуться въ Ильялы.

Даже здѣсь, такъ далеко отъ оазиса, было два или три канала, одинъ изъ коихъ былъ все еще полонъ воды, что̀ показываетъ что эта равнина, теперь безплодная, была нѣкогда обработана и можетъ быть снова сдѣлана плодородною. Судя по моимъ наблюденіямъ, Хивинскій оазисъ былъ нѣкогда значительно больше чѣмъ теперь, такъ какъ вездѣ на этихъ песчаныхъ равнинахъ, начиная съ самаго города, который стоитъ на границѣ между плодородною землей и пустыней, видны слѣды прежней ирригаціи.

На пути въ лагерь я встрѣтилъ пять или шесть женщинъ и предлагалъ имъ взять мою маленькую protégée, но онѣ всѣ отказались, указывая на собственныхъ дѣтей. Дѣйстви-

тельно, онѣ были не въ такомъ состояніи чтобы взять ребенка, потому что у каждой изъ нихъ было уже по пяти или шести ребятъ. Такимъ образомъ, я привезъ мою дѣвочку въ лагерь, самъ не зная что̀ сдѣлаю съ ней. Всего проще было бы бросить ее въ пустынѣ, въ жертву шакаламъ, но въ такомъ случаѣ не для чего было и брать ее оттуда гдѣ я ее нашелъ. Обдумывая этотъ вопросъ, я устроилъ ей постель подъ телѣгой, на кучѣ хлопка, наваленнаго вокругъ большими грудами, вмѣстѣ съ шерстяными одѣялами, коврами и кухонною посудой изъ разграбленныхъ кибитокъ. Потомъ, съ помощью доктора, я обмылъ и обвязалъ ея раненую ногу.

Она была мужественная дѣвочка и вынесла эту операцію такъ терпѣливо что привела насъ въ изумленіе. Несмотря на то что мы должны были причинять ей сильную боль пока очищали рану, которая опухла и была сильно воспалена, она не выронила ни одной слезы. Послѣ долгихъ стараній, мнѣ удалось отмыть и лицо ея отъ налипшей на немъ грязи, и я увидалъ что она прехорошенькая. Она съ жадностью пила воду. Увидавъ что солдатъ доитъ корову, я принесъ дѣвочкѣ столько молока сколько она могла выпить, и уложилъ ее на приготовленную постель. Словомъ, я такъ привязался къ ней и она была такая славная дѣвочка что мнѣ было жаль разстаться съ ней, когда, немного позже, отыскалась ея мать. Мать была очевидно въ восторгѣ что нашла ее, но поблагодарила меня холодно и послѣ того даже ни разу не взглянула на меня. Это показалось мнѣ нѣсколько жестокимъ, тѣмъ болѣе что я возвратилъ ей дочь съ хорошимъ гардеробомъ, который выбралъ для нея въ захваченномъ имуществѣ ея соотечественниковъ, и съ золотою монетой, которая лѣтъ десять спустя можетъ послужить ей приданымъ. Но очень можетъ быть что, вопреки наружной холодности, въ глубинѣ сердца, мать горячо поблагодарила кяфира.

Послѣ трехчасовой остановки, въ продолженіе которой были разобраны и сожжены всѣ кибитки найденныя здѣсь, мы пустились въ обратный путь въ Ильялы.

Солдатамъ приказано было отобрать и захватить съ собой все цѣнное, а остальное сжечь, и казаки охотно исполнили приказаніе. Ковры, шелковыя матеріи, носильное платье и серебряныя украшенія — вотъ все что̀ было цѣннаго; все же остальное, необработанный хлопокъ и шелкъ, старые ковры, признанные солдатами негодными, зерно, мука,

кухонная посуда, мѣхи съ молокомъ и разный другой домашній скорбъ, были разбросаны по землѣ.

Грустно было смотрѣть на разрушеніе стольких счастливыхъ хозяйствъ. Для этихъ бѣдныхъ людей каждая вещь была старымъ, знакомымъ другомъ, къ которому они привязались вслѣдствіе многолѣтняго употребленія, съ которымъ соединено было множество воспоминаній. Грустно было думать какъ женщины, возвращаясь по этой дорогѣ, будутъ стараться спасти хоть что-нибудь изъ общаго разрушенія и плакать надъ знакомыми, любимыми вещами, жалкими остатками ихъ нѣкогда счастливыхъ, теперь разрушенныхъ хозяйствъ.

Но было нѣчто еще болѣе достойное симпатіи и сожалѣнія. Вотъ тѣла трехъ Іомутовъ залитыя ихъ собственною кровью и возлѣ нихъ шесть человѣкъ дѣтей, отъ четырехъ до шести лѣтъ, одни съ своими покойниками. Старшій, здоровый мальчикъ, ухаживалъ какъ умѣлъ за младшими. Онъ устраивалъ имъ постель изъ обрывковъ хлопка, телка, старыхъ ковровъ и лохмотьевъ носильнаго платья, жалкихъ остатковъ ихъ нѣкогда зажиточной кибитки. Онъ не удостоилъ меня ни малѣйшимъ вниманіемъ когда я подъѣхалъ, не поднимая глазъ онъ дѣлалъ свое дѣло, и я увѣренъ что его дѣтское сердце горѣло яростью и негодованіемъ противъ меня. Лѣтъ двадцать спустя, кто-нибудь изъ кяфировъ можетъ-быть узнаетъ какъ сильна была ненависть посѣянная въ сердцѣ ребенка.

Я позаботился чтобы солдаты не сожгли телѣгу подъ которой пріютились дѣти, добылъ имъ мѣхъ съ молокомъ и поѣхалъ дальше, оставивъ ихъ однихъ съ ихъ покойниками въ необъятной пустынѣ. Хорото сказалъ Викторъ Гюго: „Ceux qui n'ont vu que la misère des hommes n'ont rien vu; il faut voir la misère des femmes. Ceux qui n'ont vu que la misère des femmes n'ont rien vu; il faut voir la misère des enfants".

Я видѣлъ только одного убитаго ребенка. Это былъ еще младенецъ и убитъ онъ былъ повидимому ударомъ лошадинаго копыта или какимъ-нибудь тупымъ орудіемъ, такъ какъ крови на немъ не было.

Весь нашъ обратный путь былъ отмѣченъ огнемъ и пламенемъ. Прибывъ къ каналу, о которомъ было упомянуто выше и гдѣ была оставлена первая масса кибитокъ, я нашелъ что онѣ были уже вполнѣ опустошены и что почти

всѣ женщины и дѣти исчезли. Но нѣкоторыя еще оставались, и любопытно было видѣть какъ солдаты отрывались отъ своего разрушительнаго занятія чтобы дать ребенку кусокъ хлѣба или воды изъ собственной фляжки. Они дѣлали это съ удивительною нѣжностью и потомъ снова принимались за свое дѣло.

Я нашелъ маленькую дѣвочку которая утромъ такъ радостно привѣтствовала знамя генерала Головачова все въ той же телѣгѣ. Были сумерки, а бѣдный ребенокъ провелъ тутъ весь день подъ палящимъ солнцемъ, не ѣвши и не пивши и терпѣливо дожидаясь чтобы кто-нибудь взялъ его. Я нашелъ въ грудѣ другихъ вещей мѣхъ съ молокомъ и напоилъ дѣвочку, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ не нашелъ ни одной чашки.

Тутъ было отъ пяти до шести сотъ арбъ, сдвинутыхъ такъ близко что когда одна или двѣ были подожжены, пламя быстро охватило другія и теперь уже приближалось къ той въ которой сидѣла дѣвочка. Я отнесъ ее подальше отъ опасности и посадилъ на коверъ, не зная что̀ дѣлать съ ней. Хотя тутъ оставались еще двѣ или три женщины, но одно то что онѣ оставляли ее весь день одну показывало ясно что на нихъ нельзя было разчитывать. Былъ вечеръ, возвращенія Іомудовъ нельзя было ждать раньше слѣдующаго дня, а шакаловъ было множество и вой ихъ уже слышался въ отдаленіи.

Я уже рѣшилъ было взять дѣвочку въ лагерь, когда увидалъ подходившую ко мнѣ женщину съ двумя дѣтьми, которую я до тѣхъ поръ не замѣтилъ. Я показалъ ей на дѣвочку и спросилъ: „ваша?“ „Іокъ“ (нѣтъ), отвѣчала она и указавъ на тѣло убитаго Іомуда прибавила: „его“. „Мать есть?“ спросилъ я. „Іокъ“ (нѣтъ). Тогда я объяснилъ ей знаками что хочу взять дѣвочку въ лагерь. Мое намѣреніе ей видимо не понравилось, и я спросилъ ее не возьметъ ли она ее на свое попеченіе. На это она охотно согласилась. Я далъ ей золотую монету и посовѣтовалъ не оставаться тутъ. Она взяла дѣвочку на руки и пошла вдоль канала, по обширной пустынѣ, Богъ вѣсть куда, въ сопровожденіи двухъ дѣтей, устало слѣдовавшихъ за ней.

Арріергардъ достигъ лагеря долго спустя послѣ захода солнца, такъ какъ наше возвращеніе замедлялось множествомъ

овецъ, рогатаго скота и верблюдовъ, которыхъ мы должны были зазватить съ собою. Ихъ мычаніе и блѣяніе въ темнотѣ ночи нагоняло тоску, а зарево на южной сторонѣ горизонта надъ горящими арбами, печальное свидѣтельство гибели и разрушенія, усиливало ее еще болѣе.

XV. Военная контрибуція.

Генералъ Кауфманъ съ значительнымъ войскомъ встрѣтилъ нашъ отрядъ въ Ильялы. Сообщеніе съ генераломъ Головачевымъ было нѣсколько дней прервано, и это обстоятельство, въ связи со смутными слухами о большомъ сраженіи подъ Хивой, встревожило главнокомандующаго. Собравъ, при содѣйствіи хана, столько арбъ сколько возможно было собрать въ полдня, онъ поспѣшно отправился къ намъ на помощь. Но получивъ на пути донесеніе генерала Головачева о дѣлѣ 27го іюля, онъ, конечно, успокоился.

Могущество Туркменъ-Іомудовъ было сокрушено, бо́льшая часть ихъ имущества захвачена, весь ихъ хлѣбный запасъ приготовленный на зиму и жилища ихъ сожжены.

Но ихъ гордый духъ повидимому остался непреклоннымъ. Они отказывались покориться и возвратиться въ свои жилища, какъ приглашалъ ихъ генералъ Кауфманъ. Они скитались по пустынѣ вблизи границъ оазиса въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, до тѣхъ поръ пока генералъ Кауфманъ не перешелъ Оксусъ на обратномъ пути въ Ташкентъ. Тогда, какъ я узналъ по возвращеніи въ Европу, они напали на сосѣднихъ Узбековъ и отчасти вознаградили себя за ущербъ причиненный имъ Русскими.

Но сначала ихъ положеніе должно было быть ужасно. Генералъ Кауфманъ говорилъ мнѣ что слышалъ будто бы они посылали пословъ къ Туркменамъ Теке, на Каспійскомъ морѣ и на Атрекѣ, прося у нихъ позволенія переселиться въ ихъ владѣнія. Туркмены дали имъ братскій отвѣтъ что они могутъ переселяться, но что у нихъ будетъ отнято все что̀ имъ удалось уберечь отъ Русскихъ. Если это справедливо, то я полагаю что немногіе изъ нихъ переселились въ страну Теке.

Генералъ Кауфманъ сталъ лагеремъ въ Ильялы и издалъ прокламацію къ другимъ племенамъ Туркменъ, въ которой

возвѣстилъ имъ что налагаетъ на нихъ военную контрибуцію, которую они должны представить чрезъ недѣлю, если не хотятъ подвергнуться такому же наказанію какое потерпѣли Іомуды.

На эту прокламацію Туркмены отвѣчали чрезъ депутацію старшинъ, которые обѣщали заплатить, но просили продолжить срокъ. Нѣтъ никакой возможности, говорили они, собрать столько денегъ въ такое короткое время, и генералъ Кауфманъ согласился дать имъ двухнедѣльный срокъ.

Размѣръ платежа составлялъ по пятнадцати тилль съ кибитки для всѣхъ племенъ, кромѣ Кара-Егелды, которые должны были уплатить двадцать тилль съ кибитки. Соотвѣтственно сравнительному богатству обоихъ народовъ эта контрибуція была значительно тяжелѣе той которую Германія взяла съ Франціи. Дня два спустя, Туркмены, вѣрные своему слову, уже прислали нѣсколько сотъ рублей мелкою туземною серебряною монетой и нѣсколько фунтовъ серебра въ формѣ браслетъ и другихъ женскихъ украшеній.

Любопытное зрѣлище представлялъ лагерь въ слѣдующіе дни. Въ странѣ не оказалось, вѣроятно, достаточно денегъ для уплаты требуемой суммы, громадной для Туркменъ, и они приходили въ лагерь съ лошадьми, коврами и верблюдами, и сбывали ихъ за хорошую цѣну офицерамъ. Многимъ Русскимъ хотѣлось пріобрѣсти чистокровныхъ туркменскихъ лошадей, превосходство которыхъ было ясно доказано тѣмъ что во всю кампанію не было захвачено ни одной.

Судя однако по тѣмъ которыхъ я видѣлъ, я полагаю что Туркмены или не продавали своихъ лучшихъ лошадей или что лошади ихъ хуже чѣмъ у Іомудовъ. Немногіе изъ нихъ, сколько я могу судить, отличались особенностями свидѣтельствующими о силѣ и быстротѣ. Узкая грудь, переднія ноги расположенныя какъ у кролика, большая голова и большіе уши, почти полное отсутствіе гривы, жидкій хвостъ, очень высокій ростъ— вотъ характеристическія черты туркменскихъ лошадей. Лейтенантъ Штуммъ, судя по экземплярамъ захваченнымъ во время похода къ Хивѣ, готовъ былъ заключить что порода туркменскихъ лошадей выродилась, что онѣ теперь не лучше, а можетъ-быть даже хуже киргизскихъ. Но я расположенъ думать что онъ не видалъ настоящихъ туркменскихъ коней,

такъ какъ хозяева цѣнятъ ихъ дороже своихъ дочерей и скорѣе разстанутся съ дочерью чѣмъ съ лошадью.

Во время похода противъ Іомудовъ наша кавалерія не могла подойти къ нимъ ближе чѣмъ на пятьдесятъ сажень, и Іомуды такъ полагались на превосходство своихъ коней что повидимому никогда не гнали ихъ, очевидно не удостоивая утомлять ихъ ради насъ, между тѣмъ какъ мы пускали въ ходъ нагайки и шпоры и употребляли всѣ старанія чтобы нагнать ихъ. А у казаковъ лошади тоже превосходныя.

Но каковы бы ни были лошади которыхъ Туркмены приводили продавать, они брали за нихъ хорошую цѣну, отъ ста двадцати до трехсотъ рублей.

Туркменскіе ковры также покупались охотно, несмотря на высокую цѣну и на то что множество такихъ ковровъ было захвачено во время похода противъ Іомудовъ. Коверъ въ двадцать футовъ длины и въ шесть ширины продавался за двадцать пять и за тридцать рублей. Любопытною чертой торговли было то что Іомуды, какъ ни сильно должны они были нуждаться въ это время въ деньгахъ, не уступали ни копѣйки изъ первоначально назначенной цѣны. Ковры ткутся женщинами и ничѣмъ не уступаютъ никакимъ другимъ коврамъ. У каждаго семейства особый рисунокъ, который передается изъ рода въ родъ безъ малѣйшаго измѣненія. Преобладающіе цвѣта красный и бѣлый, съ небольшою примѣсью коричневаго и зеленаго, очень красивые и прочные.

Какъ ни странно это покажется, но бо́льшая часть военной контрибуціи была уплачена женщинами. У каждой Туркменки множество серебряныхъ браслетъ, ожерельевъ, пуговицъ и головныхъ уборовъ. Эти украшенія составляютъ, кажется, послѣ лошадей главный предметъ богатства Туркменъ. Они приносили ихъ сотнями, и Русскіе принимали ихъ по двадцати пяти рублей за фунтъ серебра. Всѣ украшенія были изъ серебра высшей пробы, очень грубой работы и очень массивныя. Пара браслетъ часто вѣсила больше фунта. Они очень широки и толсты, имѣютъ форму буквы С, нѣкоторые отдѣланы золотомъ и всѣ съ сердоликовыми украшеніями.

Грустно подумать какъ тяжело было женщинамъ отдать эти незатѣйливыя драгоцѣнности чтобъ удовлетворить безграничное корыстолюбіе Уруса. Нѣкоторыя вещи были въ семействѣ нѣсколько поколѣній. Матери, бабушки и прабабушки современныхъ Туркменокъ надѣвали ихъ въ день

ТУРКМЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

24

своей свадьбы и разчитывали что ихъ дочери, внучки и правнучки будутъ носить ихъ въ свою очередь. И вдругъ пришелъ ненавистный кяфиръ и всѣ ихъ взялъ себѣ. Можно представить какія горькія слезы проливали женщины надъ этими простыми вещами, какъ онѣ раскладывали ихъ на полу своихъ кибитокъ, пересчитывали ихъ и любовались ими въ послѣдній разъ.

Для оцѣнки и взвѣшиванія серебра была назначена коммиссія изъ офицеровъ. Они были заняты съ утра до ночи, но тѣмъ не менѣе, когда прошелъ назначенный срокъ, они получили въ счетъ контрибуціи меньше половины требуемой суммы. Но такъ какъ Туркмены дали достаточныя доказательства своей готовности заплатить и такъ какъ невозможность собрать такую значительную сумму въ такое короткое время была слишкомъ очевидна, то генералъ Кауфманъ рѣшилъ отсрочить имъ уплату остальныхъ денегъ еще на годъ. Было ясно что Туркмены при всемъ желаніи не могли бы собрать эту сумму въ нѣсколько недѣль, а армія должна была перейти Оксусъ и приготовиться къ обратному походу до 1го сентября, чтобъ не быть застигнутою морозами въ пустынѣ.

Уплата контрибуціи была дѣйствительно сопряжена для Туркменъ съ величайшими затрудненіями. Главнымъ изъ нихъ, послѣ недостатка монеты, было неумѣніе распредѣлить сборъ по кибиткамъ. У нихъ нѣтъ, какъ я уже говорилъ, никакого государственнаго устройства, нѣтъ верховной власти, уполномоченной назначать и распредѣлять подати и побуждать къ уплатѣ, нѣтъ оцѣночной вѣдомости собственности подлежащей налогу и нѣтъ никого кто могъ бы это сдѣлать, такъ какъ они никогда не платили податей. Поэтому организація вѣдомства для распредѣленія и сбора контрибуціи была для нихъ очень труднымъ дѣломъ. Генералъ Кауфманъ, желая помочь имъ, пробовалъ дать ихъ старшинамъ всѣ инструкціи возможныя при подобномъ положеніи дѣлъ. Онъ старался объяснить имъ что они должны распредѣлить налогъ по кибиткамъ, соразмѣрно съ принадлежащимъ каждой кибиткѣ количествомъ овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ. На это они возражали что часто тотъ кто богатъ скотомъ, бѣденъ деньгами, и что поэтому ему труднѣе заплатить чѣмъ другому, а что тѣ у кого есть деньги, прячутъ ихъ и отказываются отдать ихъ для общаго блага. Генералъ Кауфманъ объяснялъ имъ что тѣ у кого есть деньги

могутъ дать ихъ взаймы тѣмъ у кого ихъ нѣтъ, что старшины могутъ сдѣлать заемъ во имя народа, съ тѣмъ что народъ заплатитъ его чрезъ годъ скотомъ. Словомъ, онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы дать имъ понятіе о государственномъ строѣ и о народномъ займѣ, но все это было слишкомъ сложно для нихъ и онъ наконецъ предоставилъ имъ дѣйствовать какъ знаютъ.

Все это время мы стояли лагеремъ въ большомъ саду, окруженномъ высокою стѣной, примыкающею къ городу Ильялы. Это небольшой городокъ, имѣющій около двухъ тысячъ жителей и обнесенный толстою стѣной, образующею прямоугольникъ около ста тридцати сажень длины и около восмидесяти шести ширины. Въ городѣ есть базаръ, но ни одной мечети. Половина его построекъ въ развалинахъ, вслѣдствіе землетрясенія, и весь городъ имѣетъ жалкій видъ запустѣнія, несмотря на то что окружающая его мѣстность богата и плодородна.

Для тѣхъ изъ насъ кто не былъ занятъ пересчитываніемъ и взвѣшиваніемъ туркменскаго серебра, двѣнадцать дней проведенные здѣсь были довольно скучнымъ временемъ. Однообразіе лагерной жизни казалось нестерпимымъ послѣ возбужденія краткой, но интересной кампаніи. Ѣсть, пить, угощать другъ друга—вотъ все что намъ оставалось дѣлать, и мы предались этимъ занятіямъ со рвеніемъ удивлявшимъ насъ самихъ.

Мы начали смотрѣть на Хиву какъ на центръ дѣятельности, новостей и удовольствій, также какъ люди смотрятъ на Парижъ, на Лондонъ или на Петербургъ, послѣ долгаго пребыванія въ какомъ-нибудь захолустьѣ, вдали отъ желѣзной дороги. Что же касается возможности увидать снова Лондонъ, Парижъ или Петербургъ, то мы ломышляли объ этомъ какъ о чемъ-то очень далекомъ. Хива была теперь центромъ всѣхъ нашихъ желаній, и мы мечтали объ ея базарѣ какъ нѣкоторые изъ насъ нѣкогда мечтали о парижскихъ бульварахъ.

И наконецъ настала счастливая минута когда мы сѣли опять на коней и направились къ Хивѣ, куда и прибыли послѣ пятидневнаго перехода.

XII. Трактатъ.

Вскорѣ послѣ взятія Хивы, генералъ Кауфманъ написалъ проектъ трактата который предстояло заключить съ ханомъ, и послалъ его съ нарочнымъ въ Петербургъ на усмотрѣніе Государя Императора. Трактатъ былъ вполнѣ одобренъ Государемъ и вовремя возвращенъ въ Хиву. Дня за два или за три до подписанія, хану дана была копія съ него на узбекскомъ нарѣчіи, чтобъ онъ могъ заранѣе познакомиться съ его содержаніемъ.

Трактатъ былъ подписанъ генераломъ Кауфманомъ и ханомъ 23го августа, въ присутствіи офицеровъ штаба. Я привожу его цѣликомъ:

1. Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго. Онъ отказывается отъ всякихъ непосредственныхъ и дружескихъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями и ханами, и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ, и безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи не предпринимаетъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ нихъ.

2. Границей между русскими землями и хивинскими служитъ Аму-Дарья, отъ Кукертли внизъ по рѣкѣ, до отдѣленія изъ нея самаго западнаго протока Аму-Дарьи, а отъ этого мѣста по сему протоку до владенія его въ Аральское море. Далѣе граница идетъ по берегу моря на мысъ Ургу, а отсюда вдоль подошвы чинка Усть-Урта, по такъ-называемому старому руслу Аму-Дарьи.

3. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему земли, до нынѣ считавшіяся хивинскими, отходятъ отъ хана во владѣніе Россіи, со всѣми проживающими и кочующими тамъ народами. Участки земель по правому берегу, составляющіе нынѣ собственность хана, и жалованныя имъ для пользованія сановникамъ ханства, отходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственность русскаго правительства, безъ всякихъ претензій со стороны прежнихъ владѣльцевъ. Хану предоставляется вознаградить ихъ убытки землями на лѣвомъ берегу.

4. Въ случаѣ если по Высочайшей волѣ Государя Императора, часть этого праваго берега будетъ передана во владѣніе Бухарскаго эмира, то Хивинскій ханъ признаетъ сего послѣдняго законнымъ владѣльцемъ этой части прежнихъ своихъ владѣній, и отказывается отъ всякихъ намѣреній возстановить тамъ свою власть.

5. Русскимъ пароходамъ и другимъ русскимъ судамъ, какъ

правительственнымъ, такъ и частнымъ, предоставляется свободное и исключительное плаваніе по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Этимъ правомъ могутъ пользоваться суда хивинскія и бухарскія, не иначе какъ съ особаго разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ на лѣвомъ берегу гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, Русскіе имѣютъ право устраивать свои пристани. Ханское правительство отвѣчаетъ за безопасность и сохранность этихъ пристаней. Утвержденіе выбранныхъ мѣстъ для пристаней зависитъ отъ высшей русской власти въ Средней Азіи.

7. Независимо отъ этихъ пристаней предоставляется Русскимъ право имѣть на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи свои факторіи для склада и храненія своихъ товаровъ. Подъ эти факторіи, въ тѣхъ именно мѣстахъ гдѣ будетъ указано высшею русскою властью въ Средней Азіи, ханское правительство обязуется отвести свободныя отъ населенія земли въ достаточномъ количествѣ для пристаней и для постройки магазиновъ, помѣщеній для служащихъ въ факторіи и имѣющихъ дѣла съ факторіей, для помѣщеній подъ купеческія конторы и для устройства хозяйственныхъ фермъ. Эти факторіи со всѣми живущими въ нихъ людьми и сложенными въ нихъ товарами находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ ханскаго правительства, которое отвѣчаетъ за сохранность и безопасность таковыхъ.

8. Всѣ вообще города и селенія Хивинскаго ханства отнынѣ открыты для русской торговли. Русскіе купцы и русскіе караваны могутъ свободно разъѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. За безопасность карамановъ и складовъ отвѣчаетъ ханское правительство.

9. Русскіе купцы торгующіе въ ханствѣ освобождаются отъ платежа зякета и всякаго рода торговыхъ повинностей, такъ точно какъ хивинскіе купцы не платятъ съ давнихъ поръ зякета ни по пути чрезъ Казалинскъ, ни въ Оренбургѣ, ни на пристаняхъ Каспійскаго моря.

10. Русскимъ купцамъ предоставляется право безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ чрезъ хивинскія владѣнія во всѣ сосѣднія земли (безпошлинная транзитная торговля).

11. Русскимъ купцамъ предоставляется право, если они пожелаютъ, имѣть въ городѣ Хивѣ и въ другихъ городахъ ханства своихъ агентовъ (караванъ-башей) для сношеній съ мѣстными властями и для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговыхъ дѣлъ.

12. Русскимъ подданнымъ предоставляется право имѣть въ ханствѣ недвижимое имущество. Оно облагается поземельною податью по соглашенію съ высшею русскою властью въ Средней Азіи.

13. Торговыя обязательства между Русскими и Хивинцами

должны быть исполняемы свято и ненарушимо какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

14. Жалобы и претензіи русскихъ подданныхъ на Хивинцевъ ханское правительство обязуется безотлагательно разслѣдовать, и если онѣ окажутся основательными, то немедленно удовлетворить. Въ случаѣ разбора претензій со стороны русскихъ подданныхъ и хивинскихъ, преимущество при уплатѣ долговъ отдается Русскимъ предъ Хивинцами.

15. Жалобы и претензіи Хивинцевъ на русскихъ подданныхъ, въ томъ даже случаѣ если послѣдніе находятся внутри предѣловъ ханства, передаются ближайшему русскому начальству на разсмотрѣніе и удовлетвореніе.

16. Хивинское правительство ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго на то вида отъ русской власти, къ какой бы національности они ни принадлежали. Если кто изъ преступниковъ, русскихъ подданныхъ, будетъ скрываться отъ преслѣдованія законовъ въ предѣлахъ ханства, то ханское правительство обязывается изловить таковыхъ и доставить ближайшему русскому начальству.

17. Объявленіе Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-хана, обнародованное 12го числа минувшаго іюля, объ освобожденіи всѣхъ невольниковъ въ ханствѣ и объ уничтоженіи на вѣчныя времена рабства и торга людьми, остается въ полной силѣ, и ханское правительство обязуется всѣми зависящими отъ него мѣрами слѣдить за строгимъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ этого дѣла.

18. На Хивинское ханство налагается пени въ размѣрѣ 2.200.000 рублей, для покрытія расходовъ русской казны на веденіе послѣдней войны, вызванной самимъ ханскимъ правительствомъ и ханскимъ народомъ. Такъ какъ хивинское правительство, по недостаточности денегъ въ странѣ, и въ особенности—въ рукахъ правительства, не въ состояніи уплатить эту сумму въ короткое время, то, во вниманіе къ этому затрудненію, предоставляется ему право уплачивать эту пеню съ разсрочкой и съ разчетомъ процентовъ по 5% въ годъ, съ тѣмъ чтобы въ первые два года въ русскую казну вносилось по 100.000 руб., въ слѣдующіе затѣмъ два года—по 125.000 руб., затѣмъ два года—по 175.000 руб., а въ 1881 году, т.-е. черезъ восемь лѣтъ—200.000 руб. и наконецъ до окончательной расплаты—не менѣе 200.000 руб. въ годъ. Взносы могутъ производиться какъ русскими кредитными билетами, такъ и ходячею хивинскою монетой, по желанію ханскаго правительства.

Срокъ первой уплаты назначается 1го декабря 1873 года. Въ счетъ этого взноса, предоставляется хану собрать подать съ населенія праваго берега за истекающій годъ, въ размѣрѣ установленномъ до сего времени; это взиманіе должно быть окончено къ 1му декабря, по соглашенію ханскихъ сборщиковъ съ русскимъ мѣстнымъ начальникомъ.

Слѣдующіе взносы должны быть производимы ежегодно, къ 1му ноября, до окончательной уплаты всей лени, съ процентами.

Чрезъ 19 лѣтъ, къ 1му ноября 1892 года, по уплатѣ 200.000 руб. за 1892 годъ, останется за ханскимъ правительствомъ еще 70.054 руб., а къ 1му ноября 1893 года придется уплатить послѣдніе 73.557 руб. Ханскому правительству предоставляется право уплачивать и болѣе вышеопредѣленнаго ежегоднаго взноса, ежели пожелаетъ сократить число платныхъ лѣтъ и проценты причитающіеся за остающійся еще долгъ.

Условія эти съ обѣихъ сторонъ,—съ одной стороны туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ 1мъ, а съ другой—владѣтелемъ Хивы, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханомъ, установлены и приняты къ точному исполненію и постоянному руководству, въ саду Гендеміанъ (лагерь русскихъ войскъ у города Хивы), августа въ 12й день 1873 года (мѣсяца Раджаба въ 1й день, 1290 года).

Подлинный договоръ подписали: туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *фонъ-Кауфманъ 1й*, и приложилъ свою печать, и *Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ*, съ приложеніемъ своей печати.

XIII. Россія и Англія въ Азіи.

До сихъ поръ я избѣгалъ говорить о причинахъ похода Русскихъ противъ Хивы. Причины могутъ быть перечислены въ весьма немногихъ словахъ. Главною изъ нихъ было задержаніе въ Хивѣ двадцати одного Русскихъ, обращенныхъ тамъ въ рабство, но освобожденныхъ еще до начала войны, затѣмъ частыя нападенія Хивинцевъ на русскіе кулеческіе караваны, чему ханъ Хивинскій не хотѣлъ или не могъ помѣшать.

Мирный трактатъ показываетъ что были и другіе, болѣе важные поводы къ войнѣ. Русскіе имѣли въ виду покорить единственное изъ ханствъ все еще отказывавшееся признать ихъ верховенство, подвинуть свою границу до Оксуса и овладѣть теченіемъ этой рѣки до границъ Бухары.

Результатомъ войны было то что Русскіе подвинули свою границу на 300 миль дальше на югъ, пріобрѣли 80.000 квадратныхъ миль территоріи и нижнее теченіе Оксуса.

Изслѣдованіе рѣки, произведенное еще до выхода генерала Кауфмана изъ Хивы, привело къ заключенію что по уничтоже-

ніи искусственныхъ преградъ въ каналѣ, устроенныхъ Хивинцами, рѣка можетъ быть доступна для русскихъ пароходовъ отъ устья до самаго города Хивы, а можетъ-быть и выше.

Теперь нельзя еще опредѣлить точно сколько новыхъ подданныхъ пріобрѣла Россія, но такъ какъ правый берегъ рѣки заселенъ рѣдко, то я полагаю что ихъ не больше 50.000.

Мнѣ неизвѣстенъ точный смыслъ соглашенія между графомъ Шуваловымъ и лордомъ Гранвилемъ. По общему мнѣнію, оно состояло въ томъ что Россія условилась не занимать территоріи на югъ отъ Оксуса. Трактатъ показываетъ что Русскіе не нарушили своего обѣщанія, но въ то же время они подчинили себѣ хана и присоединили значительную часть его владѣній. Онъ теперь не можетъ сдѣлать шагу безъ разрѣшенія Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежитъ вся отвѣтственность правленія. Всѣ преимущества такого соглашенія на сторонѣ Русскихъ. Они получаютъ около двухъ третей всѣхъ доходовъ ханства, безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ сопряженныхъ со сборомъ податей, страна до такой же степени въ ихъ власти какъ еслибы была присоединена къ Россіи, и русскіе торговцы могутъ проходить по ней такъ же свободно какъ по собственной странѣ.

Такое положеніе дѣлъ для Россіи гораздо выгоднѣе полнаго занятія страны, и мнѣ кажется что Русскіе не заняли бы ее немедленно еслибы даже не были связаны обѣщаніемъ даннымъ лорду Гранвилю. Теперь Хивинцы мало-по-малу привыкаютъ къ присутствію Русскихъ, предразсудки ихъ постепенно исчезаютъ, самъ ханъ служитъ орудіемъ чтобы подготовить ихъ къ русскому правленію. И я не сомнѣваюсь что гораздо раньше чѣмъ будетъ уплачена военная контрибуція, смерть хана или какое-нибудь другое событіе дастъ возможность Русскимъ взять спокойно правленіе въ свои руки, можетъ-быть даже по просьбѣ самого народа.

Отъ меня ожидаютъ можетъ-быть что я скажу что-нибудь о политическомъ положеніи Русскихъ въ Средней Азіи. Я долженъ сознаться что на этотъ счетъ я могу сказать очень немного. Я не имѣю претензіи думать что одинъ тотъ фактъ что я былъ въ Средней Азіи во время краткаго похода даетъ мнѣ право судить объ этомъ вопросѣ. Читате-

лей желающихъ получить вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи я отсылаю къ трудамъ такихъ людей какъ сэръ-Генри Роулинсонъ, мистеръ Мичель и другіе, которые изучали этотъ вопросъ нѣсколько лѣтъ. Мистеръ Скайлеръ и мистеръ Аштонъ Дилкъ также готовятъ къ печати свои труды о Средней Азіи.

Безполезно съ моей стороны было бы говорить и объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Факты относящіеся къ этому вопросу приведены во множествѣ у другихъ писателей; что же касается личныхъ мнѣній, они уже составлены людьми интересующимися дѣломъ.

Я скажу только что по моему мнѣнію покореніе Хивы и даже ея присоединеніе, если оно совершится, не могутъ имѣть важнаго значенія въ дѣлѣ приближенія Русскихъ къ Индіи. Паденіе Хивы будетъ, конечно, имѣть сильное нравственное вліяніе на все магометанское населеніе Средней Азіи. До сихъ поръ Хива считалась недоступною и непобѣдимою и послѣ паденія Бухары была послѣднею великою твердыней исламизма въ Средней Азіи. Ея покореніе подтвердитъ уже сильно распространенную вѣру въ непобѣдимость Русскихъ.

Но помимо этого нравственнаго престижа, покореніе Хивы имѣетъ мало значенія. При настоящемъ положеніи Русскихъ въ Средней Азіи, есть два пути для похода въ Индію. Одинъ отъ южнаго берега Каспійскаго моря, вдоль сѣверной границы Персіи, къ Герату и оттуда къ западной границѣ Индустана, путь въ 1.000 миль. Если даже есть возможность движенія по этому пути, то одинъ взглядъ на карту покажетъ что Хива въ этомъ случаѣ не будетъ имѣть никакого значенія съ военной точки зрѣнія. Другой и болѣе вѣроятный путь похода это путь отъ Самарканда чрезъ Бухару въ Керки и далѣе вдоль Оксуса въ Кундусъ. Хива отстоитъ отъ Керки на 375 миль къ сѣверо-востоку и слѣдовательно на столько же отъ прямаго пути въ Индію. Бо́льшая часть этого пространства представляетъ пустыню, такъ какъ даже берега Оксуса въ этой части его теченія необитаемы. Слѣдовательно и въ случаѣ похода по этому пути Хива будетъ безполезна для арміи.

Скажутъ что Россія можетъ переправить армію водянымъ путемъ по Сыру, по Аральскому морю и вверхъ по Оксусу.

Но не говоря уже о томъ что у Русскихъ на Аральскомъ морѣ только небольшое количество мелкихъ судовъ, далеко недостаточное для переправы большой арміи, весьма невѣроятно чтобъ Оксусъ былъ судоходенъ на всемъ своемъ протяженіи до Керки. Слѣдовательно и этотъ планъ похода неисполнимъ.

Я не изъ тѣхъ кто вѣритъ въ русскую традиціонную политику завоеванія относительно Средней Азіи. Я не вѣрю также чтобы Русскіе имѣли какіе-нибудь виды на Индію. Они видятъ что между ихъ владѣніями и англійскими есть свободное пространство территоріи, которое должно рано или поздно попасть въ руки той или другой державы, и они не прочь присоединить себѣ сколько удастся.

XIV. Возвращеніе.

Я разкажу здѣсь подвигъ смѣлости полковника Скобелева, имя котораго было уже не разъ упомянуто въ моемъ разказѣ. Вопросъ о томъ удалось ли бы полковнику Маркозову, командовавшему отрядомъ выступившимъ отъ устья Атрека, дойти до мѣста своего назначенія, еслибъ онъ продолжалъ идти впередъ, вмѣсто того чтобы вернуться назадъ, былъ весьма важнымъ и интереснымъ вопросомъ. Для того чтобы рѣшить его, нужно было изслѣдовать часть пустыни которую оставалось пройти полковнику Маркозову до пункта съ котораго онъ вернулся. Но такая экспедиція для большаго отряда была бы слишкомъ тяжела, а для маленькаго слишкомъ опасна, потому что озлобленные Іомуды считались въ этой сторонѣ. Къ тому же вопросъ былъ не настолько важенъ чтобы можно было подвергнуть опасности значительное число людей. Проѣхать опасный путь, набросать на карту мѣстность, изслѣдовать колодцы и рѣшить какое количество воды могли они доставить, долженъ былъ кто-нибудь одинъ или вдвоемъ и полагаясь только на свою ловкость и на быстроту своей лошади. Это дѣло было предпринято и блистательно исполнено полковникомъ Скобелевымъ. Переодѣвшись въ туркменскій костюмъ, онъ взялъ съ собой трехъ Туркменъ, которые служили у него нѣсколько лѣтъ на Каспійскомъ морѣ, и въ тотъ день когда

мы выступили изъ Ильялъ въ Хиву, углубился въ пустыню по другому направленію.

Мы не видали его десять дней и уже потеряли надежду на его возвращеніе когда онъ внезапно вошелъ къ намъ, сильно утомленный, но съ извѣстіемъ что предпріятіе его исполнено. Онъ пришелъ къ заключенію что всякая попытка со стороны полковника Маркозова идти дальше съ утомленными людьми и животными повела бы къ неминуемой гибели отряда, отъ недостатка воды въ той части пути которую ему оставалось пройти.

24го августа Русскіе покинули Хиву и направились къ Оксусу. Утромъ въ этотъ день ханъ пріѣзжалъ въ лагерь чтобы проститься съ главнокомандующимъ и съ офицерами штаба, и всѣмъ имъ пожалъ руки. Я былъ въ это время въ городѣ, но на обратномъ пути въ лагерь повстрѣчался съ ханомъ, который ѣхалъ въ сопровожденіи свиты человѣкъ въ пятнадцать или двадцать. Моего переводчика не было со мной и мы не могли вступить въ разговоръ, но ханъ пожалъ мнѣ руку съ добродушною улыбкой и сказалъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Въ его обращеніи замѣтно было то назойливое добродушіе которое люди довольные обстоятельствами распространяютъ на всякаго встрѣчнаго. Его дружеское прощаніе со мной было конечно слѣдствіемъ его радости что Русскіе уходятъ.

Полковникъ Скобелевъ, только-что возвратившійся изъ своей опасной поѣздки, не написалъ еще донесенія которое намѣревался представить генералу Кауфману и не хотѣлъ выѣхать изъ Хивы пока оно не будетъ написано. Онъ попросилъ меня остаться съ нимъ въ лѣтнемъ дворцѣ хана, гдѣ мы стояли лагеремъ, и я согласился. Войска выступили около двухъ часовъ и къ тремъ часамъ скрылись изъ виду, и полковникъ Скобелевъ, его два служителя и я, ничтожный остатокъ побѣдоносной арміи, остались одни среди многочисленнаго непріятеля.

Полковникъ тотчасъ же сѣлъ за составленіе своего донесенія и сопровождавшей его карты, а я провелъ день перечитывая старые нумера *Revue des Deux Mondes* и бродя по покинутому лагерю. Шумъ и движеніе смѣнились невозмутимою тишиной, земля была усыпана обрывками старыхъ картъ, ковровъ и палатокъ, и два Персіянина копались въ оставленномъ сору въ надеждѣ найти что-нибудь цѣнное.

Ночью мы легли спать на небольшомъ внутреннемъ дворѣ дворца. Полковникъ проспалъ всю ночь сномъ человѣка разбитаго усталостью, но его слуги и я не были такъ счастливы, насъ разбудили какіе-то громкіе взрывы, подобные пушечнымъ выстрѣламъ. Встревоженные мы взошли на одинъ изъ высокихъ портиковъ и взглянули на городъ. Мы не могли однако разглядѣть ничего особеннаго кромѣ зарева какое обыкновенно виднѣется ночью надъ городами освѣщенными газомъ. Но такъ какъ въ Хивѣ нѣтъ ни газоваго, ни какого-либо другаго освѣщенія, то мы пришли къ заключенію что взрывы и свѣтъ были не что иное какъ потѣшные огни которыми Хивинцы праздновали выходъ непріятеля.

На другой день рано утромъ мы пустились въ путь чтобы присоединиться къ войску. Было прекрасное солнечное утро и не безъ сожалѣнія бросили мы послѣдній взглядъ на мечети, минареты и стѣны Хивы. Ихъ неопрятный видъ при яркомъ свѣтѣ ранняго утра казался красивымъ, а привычка къ мѣсту въ которомъ мы провели болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ придала нашему прощанію съ нимъ оттѣнокъ не совсѣмъ непріятной грусти. Часа три или четыре мы ѣхали среди цвѣтущихъ полей и садовъ оазиса, встрѣчая на пути Узбековъ, которые кланялись намъ почтительно, но видимо радуясь что послѣдніе Русскіе уѣзжаютъ. Никто изъ нихъ не выказалъ однако ни малѣйшаго поползновенія оскорбить насъ, и нашъ маленькій отрядъ въ четыре человѣка ѣхалъ также спокойно какъ еслибы насъ была тысяча.

Мы нагнали арріергардъ въ Ханки и четверть часа спустя были на берегу Оксуса. Эту ночь армія переночевала на берегу, а на слѣдующее утро началась переправа, сопряженная съ немалыми затрудненіями. Волервыхъ, число каюковъ было далеко не достаточное, вовторыхъ, въ томъ мѣстѣ рѣки гдѣ переправлялась армія было два острова. Подъѣхавъ къ острову, войска должны были высаживаться, переходить его пѣшкомъ и на другой сторонѣ снова садиться въ лодки. То же самое и на другомъ островѣ, хотя онъ былъ отдѣленъ отъ суши только узкимъ проливомъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій переправа продолжалась около двухъ недѣль.

Между тѣмъ генералъ Кауфманъ и его штабъ осматривали правый берегъ рѣки, ища удобнаго мѣста для постройки укрѣпленія. Выборъ ихъ остановился наконецъ на большомъ

садѣ, окруженномъ высокою стѣной. Это мѣсто было уже само-по-себѣ крѣпостью и нуждалось только въ нѣкоторыхъ приспособленіяхъ чтобы сдѣлаться вполнѣ пригоднымъ для цѣлей Русскихъ. Немедленно было приступлено къ работамъ и фортъ вышелъ похожимъ на всѣ другіе форты Средней Азіи. Готовыя стѣны были усилены земляными укрѣпленіями и пристройками для постановки пушекъ. По мѣстоположенію на берегу рѣки, въ плодородной мѣстности, гдѣ зимній холодъ и лѣтній жаръ довольно умѣренны для этой части свѣта, это одинъ изъ лучшихъ фортовъ Средней Азіи. Онъ стоитъ на разстояніи двадцати пяти миль отъ столицы. Гарнизонъ его состоитъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты въ 1.000 человѣкъ, 200 казаковъ, шести пушекъ и двухъ тяжелыхъ орудій, отнятыхъ у хана, гарнизонъ не большой, но вполнѣ достаточный чтобы держать Хивинцевъ въ страхѣ и повиновеніи.

При фортѣ оставлены полковникъ Ивановъ и полковникъ Дрешернъ, первый какъ военный комендантъ округа, второй какъ начальникъ форта. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Полковникъ Ивановъ и полковникъ Дрешернъ въ высшей степени способные офицеры. Они преданы своей профессіи, любознательно и живо интересуются народомъ съ которымъ будутъ имѣть дѣло. Въ добавокъ они чрезвычайно популярны какъ между солдатами, такъ и между офицерами.

Рѣшено было что различные отряды пойдутъ назадъ по тѣмъ же путямъ по которымъ пришли. Отрядъ генерала Веревкина отправился въ Оренбургъ, отрядъ полковника Ламакина къ Киндерлійской бухтѣ. Эти два отряда выступили недѣлей раньше генерала Кауфмана, возвратившагося въ Ташкентъ. Что же касается Казалинскаго отряда, то бо́льшая часть его осталась въ новомъ фортѣ на берегу Оксуса.

Больныхъ и раненыхъ рѣшено было отправить на каюкахъ къ устью Оксуса, гдѣ стояла флотилія подъ командой лейтенанта Ситникова, а оттуда на пароходахъ въ Фортъ № 1. Желая ознакомиться съ нижнимъ теченіемъ Оксуса, я рѣшился присоединиться къ этому отряду. Такъ какъ лодки были необходимы для переправы войска, то намъ пришлось ждать пока бо́льшая часть его не была перевезена на другой берегъ. Но наконецъ намъ дали двадцать большихъ каюковъ. Отрядъ

КАЮКЪ. *(Съ рисунка* ***Верещагина.****)*

нашъ состоялъ изъ тридцати или сорока раненыхъ и больныхъ, изъ пятидесяти человѣкъ конвоя и нѣсколькихъ офицеровъ получившихъ отпускъ и отправлявшихся въ Оренбургъ, въ Петербургъ и въ другія мѣста. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ Колокольцовъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ русской арміи, баронъ Корфъ, съ которымъ я встрѣтился впервые въ Алты-Кудукѣ, и генералъ Пистолькорсъ, у котораго вѣроятно больше ранъ чѣмъ у кого-либо другаго въ русской арміи. Мы размѣстились человѣкъ по десяти и по пятнадцати въ лодкѣ, построили навѣсы изъ тростниковыхъ циновокъ; у большинства офицеровъ были постели, въ концѣ каждой лодки былъ устроенъ очагъ для варки кушанья, словомъ, наше путешествіе было обставлено всѣми удобствами какія только возможны при подобныхъ обстоятельствахъ.

Утромъ 1го сентября мы отчалили отъ хивинскаго берега, четверть часа спустя вышли изъ узкаго канала въ Оксусъ и поплыли внизъ по рѣкѣ съ умѣренною быстротой, то дѣйствуя веслами, то предоставляя себя теченію, быстрота котораго въ этомъ мѣстѣ около четырехъ миль въ часъ. Ниже теченіе замедляется и близъ устья скорость его не болѣе полумили въ часъ.

Путешествіе наше было весьма пріятное. Мы запаслись достаточнымъ количествомъ провизіи. Два раза въ день мы высаживались на берегъ, чтобы дать стянуться лодкамъ и чтобы гребцы могли отдохнуть. Въ это время мы варили себѣ кушанье, ѣли и ложились отдыхать на травѣ, въ тѣни деревъ. Первыя ночи мы ночевали на сушѣ, находя невозможнымъ плыть въ темнотѣ. Дни проходили въ пріятной праздности. Мы играли въ карты, удили рыбу, купались разъ въ день, а иногда лежали по цѣлымъ часамъ на постеляхъ, слушая пѣніе солдатъ, сопровождаемое плескомъ веселъ, что̀ составляло очень пріятную музыку.

Берега представляли мало признаковъ жизни. Рѣдко случалось намъ увидать человѣка, хотя мы видѣли множество домовъ окруженныхъ цвѣтниками и фруктовыми садами и не мало мечетей на кладбищахъ. Мечеть составляетъ такую же необходимую принадлежность въ хивинскомъ ландшафтѣ, какъ сельская церковь въ англійскомъ. Сельскія мечети имѣютъ высокій, стройный фасадъ, футовъ въ двадцать ширины и футовъ въ пятьдесятъ вышины и квадратную вершину. За

фасадомъ виднѣется кулолъ, часто локрытый зеленою черелицей. Хивинскія могилы почти вездѣ такія же какъ тѣ которыя я описалъ лодъ стѣнами города. Это небольшіе полусферическіе глиняные холмы, мѣстами украшенные черелицей и изреченіями изъ Корона, написанными голубою краской.

Въ рѣкѣ намъ попадалась прекрасная рыба, и во все время лути мы имѣли свѣжую икру. Здѣсь кстати уломянуть что рыба *Scaphyrhyncus*, встрѣчавшаяся до сихъ поръ только въ Миссисипи, водится и въ Оксусѣ. Натуралисты сопровождавшіе экспедицію назвали этотъ новый видъ *Oxianus*.

Ширина Оксуса измѣняется отъ трехъ четвертей мили до двухъ миль съ половиной. Первый привалъ мы сдѣлали на хивинскомъ берегу, но лотомъ постоянно высаживались на правый берегъ, ставшій по трактату русскимъ. Хивинскій берегъ локрытъ садами, деревьями и домами, на правомъ же рѣдко встрѣчается что-нибудь кромѣ тростника и высокой травы, и есть признаки что рѣка по временамъ затопляетъ эту сторону.

Намъ встрѣчались лодки, медленно лоднимавшіяся вверхъ по рѣкѣ. Такъ какъ противъ теченія, вслѣдствіе его быстроты, нѣтъ возможности плыть на веслахъ, то эти лодки тащились обыкновенно на веревкахъ: два человѣка идя ло берегу тянутъ веревки, а два другіе правятъ. Случалось намъ также раза два перегонять киргизскіе плоты. То были вѣроятно аулы совершавшіе свое ежегодное переселеніе.

Противъ Килчака мы высаживались на берегъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣки есть небольшой порогъ, не препятствующій впрочемъ судоходству. Ниже до того лункта гдѣ Оксусъ выдѣляетъ Улкунъ-Дарью и въ самой Улкунъ-Дарьѣ нѣтъ ни пороговъ ни утесовъ, и рѣка вполнѣ судоходна отъ самой Хивы. Немного ниже Килчака, на правомъ берегу возвышается рядъ низкихъ горъ или лучше сказать холмовъ. Они безплодны и принадлежатъ къ той же формаціи какъ и Кизилъ-Кумскія горы. Здѣсь русло рѣки сдѣлалось у́же и глубже, и насъ относило теченіемъ отъ одного берега къ другому. На слѣдующій день, когда мы были на разстояніи ста миль отъ Хивы, горы на правомъ берегу, сады и поля на лѣвомъ смѣнились болотомъ заросшимъ тростникомъ. Миль на тридцать ниже Ходжейли мы повер-

нули въ Улкунъ-Дарью, рукавъ Оксуса. Она гораздо у́же и глубже главнаго русла рѣки и вслѣдствіе этого удобнѣе для судоходства. Впрочемъ она очень извилиста, и нѣкоторыя извилины такъ круты что мы съ трудомъ поворачивали наши тяжелыя лодки. Случалось намъ также запутываться въ высокомъ тростникѣ которымъ заросли оба берега.

Когда мы приближались къ Ходжейли, комендантъ Кунграда выѣхалъ къ намъ на встрѣчу въ небольшой лодкѣ съ двумя спутниками. Его обращеніе съ Русскими было теперь совсѣмъ иное чѣмъ въ то время когда онъ просилъ генерала Веревкина дать ему три дня сроку чтобы собрать пушки. Онъ взялся быть нашимъ проводникомъ по Улкунъ-Дарьѣ и дѣйствительно съ этого пункта его можно было постоянно видѣть впереди на его узенькой лодочкѣ. Въ это время мы не высаживались на берегъ, потому что тростникъ росъ такъ густо въ водѣ по обѣ стороны рѣки что не было возможности пробраться чрезъ него. Въ продолженіе трехъ сутокъ мы даже не видали твердой земли и по ночамъ должны были привязывать лодки къ тростнику. Въ эти три ночи тѣ у кого не было сѣтокъ сильно страдали отъ москитовъ. Прежде, когда москиты одолѣвали насъ, мы высаживались на берегъ, зажигали костеръ изъ сухаго тростника и поддерживали его всю ночь. Теперь же это было невозможно.

Вечеромъ на седьмой день нашего пути узкое русло Улкунъ-Дарьи обратилось въ обширное озеро, въ которомъ вода стояла почти неподвижно. Это озеро имѣетъ миль восемь или десять въ длину и изобилуетъ небольшими плавучими островками, поросшими тростникомъ и кустарникомъ. На другой день послѣ полудня мы наконецъ разглядѣли въ отдаленіи тонкія мачты кораблей.

Предъ вечеромъ мы выѣхали изъ тростниковыхъ болотъ, окружавшихъ насъ болѣе трехъ дней. Русло рѣки сузилось опять. Оно имѣло теперь отъ 300 до 600 футовъ въ ширину. На заходѣ солнца мы подошли къ флотиліи и вскорѣ были на бортѣ, обмѣниваясь привѣтствіями съ друзьями и знакомыми.

Лейтенантъ Ситниковъ былъ нѣсколько удивленъ когда увидалъ меня, такъ какъ по отъѣздѣ моемъ изъ Казалы онъ думалъ что я намѣреваюсь ѣхать въ Ташкентъ. Я передалъ ему вкратцѣ мои приключенія; и мы отъ души посмѣя-

лись надъ шуткой которую я сыгралъ надъ моимъ другомъ капитаномъ Верещагинымъ въ Казалѣ.

Я встрѣтилъ здѣсь между прочими молодаго графа Шувалова. Этотъ храбрый молодой офицеръ, какъ извѣстно, былъ контуженъ при взятіи Хивы. Онъ былъ отправленъ домой съ Оренбурскимъ отрядомъ, но въ дорогѣ ему сдѣлалось хуже и его принуждены были отправить въ тарантасѣ на флотилію. Я съ удовольствіемъ узналъ въ послѣдствіи что его здоровье совершенно поправилось.

Флотилія состояла изъ двухъ пароходовъ, *Самаркандъ* и *Перовскій*, и трехъ баржей. На эти суда перенесли всѣхъ больныхъ, *Перовскій* взялъ на буксиръ одну баржу, *Самаркандъ* двѣ, и на слѣдующій день мы поплыли на всѣхъ парахъ внизъ по Улкунъ-Дарьѣ въ Аральское море. Въ тотъ же день вечеромъ мы достигли устья рѣки и стали на якорь, такъ какъ нельзя было пройти черезъ баръ въ темнотѣ. На другой день чѣмъ свѣтъ мы опять развели пары, четверть часа спустя прошли баръ и поплыли по синимъ волнамъ Аральскаго моря. Спустя двое сутокъ мы достигли устья Сыръ-Дарьи, а еще черезъ тридцать шесть часовъ я былъ опять въ Казалѣ. Отсюда одни изъ офицеровъ уѣхали въ Ташкентъ, другіе въ Петербургъ.

Здѣсь я встрѣтился впервые съ мистеромъ Керомъ, который былъ посланъ съ такимъ же порученіемъ какъ и я отъ газеты *Daily Telegraph*. Я узналъ съ сожалѣніемъ что судьба не была къ нему такъ милостива какъ ко мнѣ и что ему не удалось исполнить свое предпріятіе. Онъ уже издалъ въ свѣтъ разказъ о своихъ приключеніяхъ, и я могу засвидѣтельствовать что его описанія мѣстности также вѣрны какъ и живописны.

Мнѣ пришлось прождать почтовыхъ лошадей три дня. Я купилъ новый тарантасъ и 15го сентября былъ опять на почтовой дорогѣ въ Оренбургъ.

Разстояніе отъ Казалы до Саратова, которое въ первый разъ отняло у меня шесть недѣль, въ этотъ разъ я проѣхалъ въ двѣ, благодаря тому что лошади поправились на лѣтнихъ пастбищахъ. Въ дальнѣйшемъ путешествіи не было ничего особеннаго, и я оканчиваю мое повѣствованіе и прощаюсь съ читателемъ.

ТРОФЕЙ. *(Съ рисунка Верещагина.)*

23